

5/2018

ЗОЛОТОЕ

РУНО

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Издательство «Золотое руно»

УДК 821.161.1-8
ББК 84(2=411.2) 64
@ 3-81

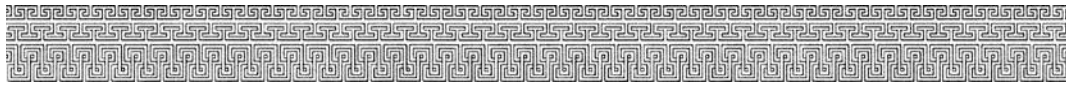
Золотое руно. Литературный альманах. № 5.
Издательство ООО «Золотое руно», 2018. 456 с.

Главный редактор
Л.Г. Подольский

Заместитель главного редактора
А.Ю. Гедымин

Редакционный совет:
Л.А. Аннинский, О.С. Ильницкая,
В.Е. Лебединский, Е.В. Сафронова, Д.В. Силкан,
А.Ю. Гедымин, Л.Г. Подольский, И.Б. Чубайс

ISBN 978-5-8420-0063-0

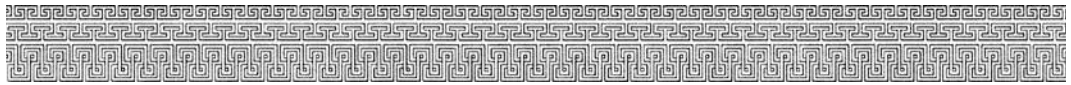


СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Анна ГЕДЫМИН	6
Наталья КРАВЧЕНКО	11
Валерий ЛЕБЕДИНСКИЙ	25
Зиновий ВАЛЬШОНОК	33
Инна БОГАЧИНСКАЯ	40
Инна РЯХОВСКАЯ	53
Людмила САНИЦКАЯ	57
Виктория ЛЕВИНА	60
Виктория КОМАРОВА	63
Инесса РОЗЕНФЕЛЬД	65
Алёна ЕМЕЛИНА	77
Валентин ЕМЕЛИН	82
Алёна МАКСАКОВА	98
Михаил ЖИНЖЕРОВ	90
Дмитрий ГАРАНИН	92
Александр ЧЕКАЛИН	97
Марина РОМАНДИНА	101
Алекс ЩЕГЛОВИТОВ	105
Зоя ЛЕЗИНА	112
Галина БОГАПЕКО	116
Юрий ЖАРКОЙ	122
Ирина АНТОНОВА	127
Екатерина КАВЕРИНА	131





ПРОЗА

Леонид ПОДОЛЬСКИЙ. Вялотекущая шизофрения	136
Четырехугольник.	150
Сергей ЛЕДОВСКИХ. Август Козьмины	182
Ольга НАЦАРЕНУС. Реквием разбитому зеркалу	308
Нателла ЛАЛАБЕКЯН. Мечта.	320
Виталий ГРИГОРОВ. Из книги «Поцелуй морфея. Сны начала века»	326
Тамара ПОТЕМКИНА. Крага	343
Михаил ЖИНЖЕРОВ. ЛЫЖА	347
Сергей ПАРШУТКИН. Перевал	350
Ольга ЧЕЛЮКАНОВА	369

КРИТИКА. ЭССЕ

Анна ФУНИКОВА	378
Наталия КРАВЧЕНКО	394
Нина КРАСНОВА	413
Эдуард СКВОРЦОВ.	426

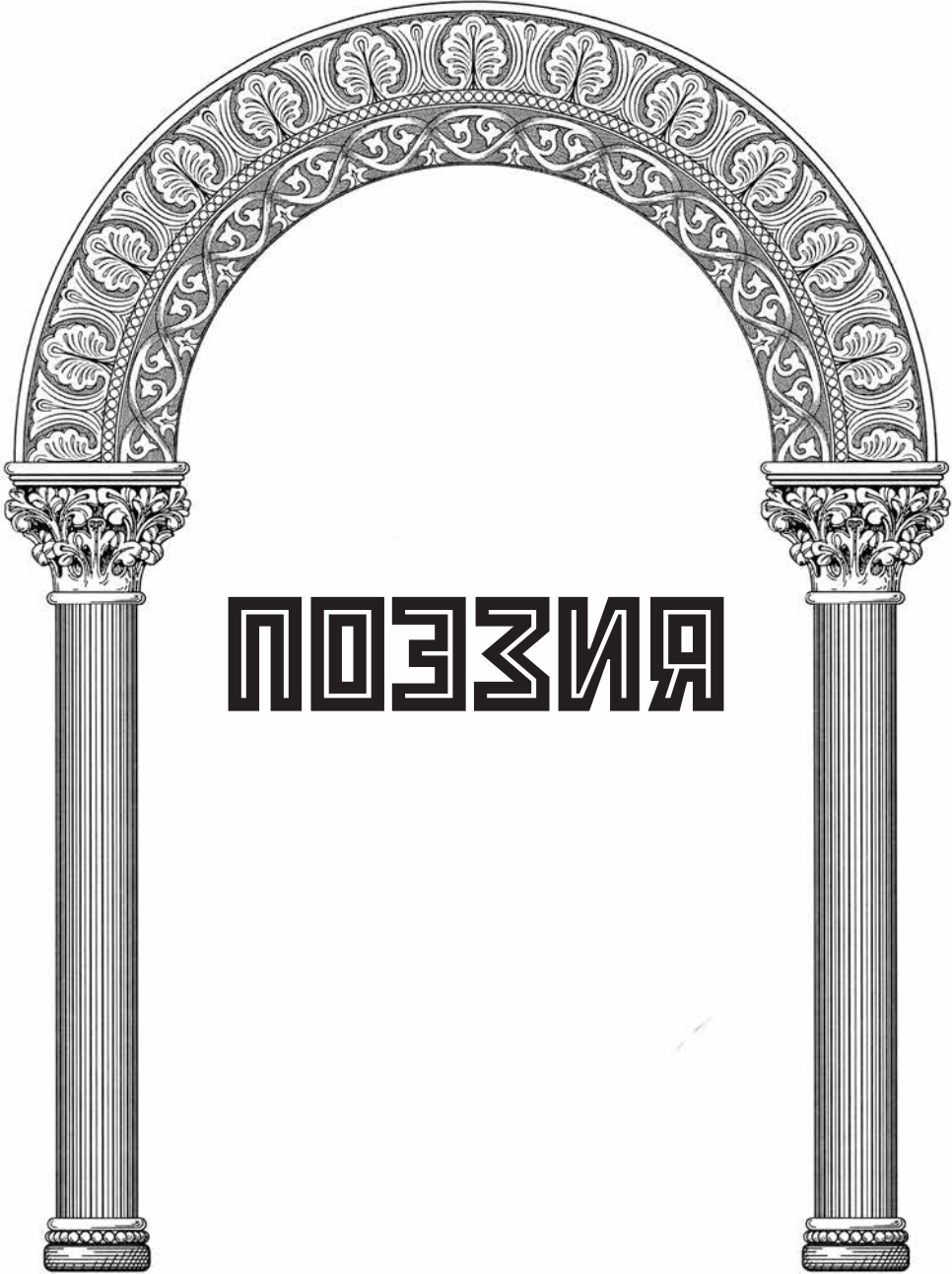
САТИРА И ЮМОР

Марина САЛЬТИНА.	432
Валентина МАЛЬЦЕВА	436

К 30-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ХОРА ВЕТЕРАНОВ ВОЙНЫ И ТРУДА ЦЕНТРА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА «МЕРИДИАН»

Инна Демина	440
-----------------------	-----





ПОЭЗИЯ



Анна ГЕДЫМИН — коренная москвичка. Автор сотен публикаций в российской и московской периодике (журналы «Новый мир», «Дружба народов», «Октябрь», «Огонек», «Континент», «Арион», «Кольцо А», «Работница», «Литературная газета»; антология «Русская поэзия. XX век» (М., 2001); альманахи «День поэзии», «Поэзия», «Истоки» и др.). Член Союза писателей СССР и СП Москвы с 1991 года, Русского ПЕН-центра — с 2016 года. Автор семи стихотворных сборников и книги детской прозы. Лауреат нескольких литературных премий, в том числе специальной премии Союза российских писателей «За сохранение традиций русской поэзии» (2013; в рамках Международной

Волошинской Премии) за книгу «Осенние праздники. Избранные стихи»; премии им. Анны Ахматовой (журнала «Юность»); журналов «Литературная учеба», «Дети Ра», радиостанции «Немецкая волна» и др. Живет в Москве.

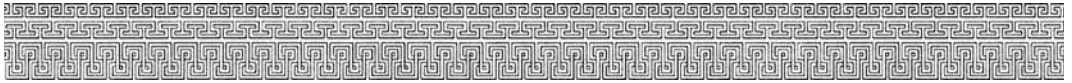
* * *

О, дни предосенние,
вереница блаженных дней!
На счастье настраиваться
с каждым годом трудней.

А после останется
в небе горстка огней,
И ни притронуться,
ни присоседиться к ней.

О дни предпоследние,
уж больно вы хороши
Для неприкаянной
и небезгрешной души...





* * *

Московского неба
все та же подслеповатая гладь,
В охрипшем радио —
все те же песни Кобзона...
А я так счастлива,
что забываю дышать,
Да и не вижу в этом действии
большого резона.

Так, выпить стараясь
хотя бы еще одну,
Забывает пьяница
про визиты к начальнику и крестины.
Так в океане,
уйдя на желанную глубину,
Забывают вынырнуть
искатели жемчуга и дельфины.

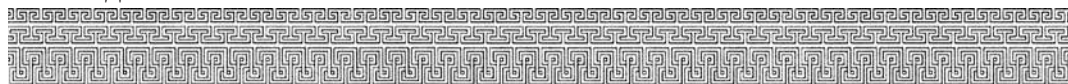
Я не оставляю тебе возможности умереть
От скуки, от одиночества, от печали!
И пусть от жизни
сохранилась лишь треть,
Тебя люблю я,
словно в самом начале.

Пойми, что это не вечность,
а только ночь миновала,
И первым утром мы очнулись,
как ни в чем не бывало.

* * *

Милый, знаю — на свете бывают цветы,
Великие праздники, дружелюбные окраины леса.





Но в последнее время все, что не ты,
Для меня не представляет ни малейшего интереса.

Впрочем, мне кажется, это ты перекинул мост,
Когда изгибается радуга на весь пейзаж обозримый.
И еще, мне кажется, о тебе распевает дрозд,
О тебе покрываются ветви спелой рябиной.

Осень. Брожу по колена в золоте, что твой Мидас,
Зачарована, недосыгаема сплетней.
Все это — ты, мое солнце, мой звездный час.
Дай бог, последний...

* * *

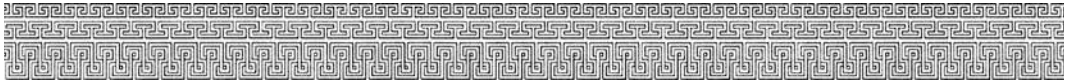
Бестолковую, несуразную
Отдаю тебе жизнь свою.
Ни над кем победу не праздную —
Вся зареванная стою.

Быть тебе мишенью для мщения
И, конечно, не смыть вины —
Бесполезно искать прощенья
У детей твоих и жены.

И с друзьями прочными нитями
Ты не связан с этого дня...
Вот какой подарок сомнительный
Принимаешь ты от меня.

Будут слухи гулками, черными,
Непривычной, бездонной тишь...
Так чему ты рад, обреченный мой?
Так за что ты благодаришь?..





* * *

В каменном, каверзном, строенном на года,
А пережившем столетие, как хвоя за половицей
(Из такого же школьницей смотрела я в никуда
Из ниоткуда, где довелось родиться), —

То есть в безвременном...

Впрочем, двадцатый век
Проступает отчетливо в невниманье к детали.
Прочее — вечно: этот мартовский снег
И которое поколение женщин, говорящих: «Как мы устали...»

В общем, в России, в городе, на этаже,
Засиженном мухами изнутри, голубями снаружи,
Я стою и думаю, что — свершилось:

уже

Ты мне нужен сильнее, чем другим не нужен.

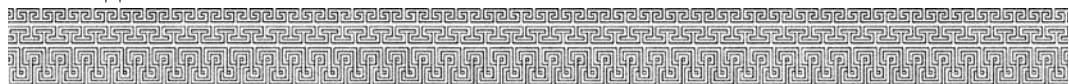
Чахнет в лампочке пламя, задушенное стеклом,
Надвигается будущее — невпопад, напролом.
Пусть настигнет в доме твоём
Нас — вдвоем...

* * *

Не звать гостей! Зачем нам гости?
Я больше не люблю гостей.
Они впиваются, как гвозди,
В мир наших радостных страстей.

И снова слушать нам — доколе? —
О сериалах и футболе,
Вникать в минувшие печали
И в то, что ныне говорят...





И ты меня не замечаешь
Уже четвертый час подряд.

* * *

Спасибо, судьба, за нежданную милость —
Что счастье ко мне так рвалось и ломилось,
Так жадно меня умоляло о встрече,
Что я наконец-то устала перечить.

Как будто очистилась жизнь от коросты,
Как будто сбылись новогодние тосты,
И бродит душа по расцветшему раю...
Я знаю теперь, что я многое знаю!

Я знаю, что прошлое было кошмаром,
Что счастье дается случайно и даром —
И лучшим, и худшим, и средней руки,
Всему, что твердили мне, вопреки.





Наталья КРАВЧЕНКО родилась и живет в Саратове. Филолог, член Союза журналистов. Работала корреспондентом ГТРК, социологом, редактором частного издательства. Читает публичные лекции о поэзии разных стран и эпох. Автор 18 книг стихов, литературных эссе и критических статей.

Публиковалась в журналах и литературных альманахах «Саратов литературный», «Эдита», «Русское литературное эхо», «Сура», «Параллели», «RELGA», «Новый свет», «Фабрика литературы», «Порт-фолио», «Артикль», «Эрфольг», «45-я параллель», «Семь искусств», «Лексикон», «Золотое руно», «Муза», «Гостиная», «Подлинник», «День и ночь», «Зарубежные Задворки», «Бумжур», «Южное сияние», «Нева».

Лауреат 13-го Международного конкурса поэзии «Пушкинская лира» (Нью-Йорк, 2 место). Финалист 5-го Международного конкурса поэзии им. Владимира Добины (Ашдод-Израиль). Лауреат международных поэтических конкурсов «Серебряный стрелец», «Цветаевская осень», «45 калибр», «Эмигрантская лира-2013/2014», конкурса имени Игоря Царева «Пятая стихия», конкурса имени Дюка де Ришелье (Серебряный Дюк), международного конкурса «Серебряный голубь России 2016» (Санкт-Петербург, 4 премия). Финалист и дипломант межобластного конкурса поэзии «Чем жива душа...» (Ярославль, 2016), международного литературного конкурса «Родной дом» (Минск, 2016). Лауреат литературной премии «Свой вариант» (Луганск, 2016).

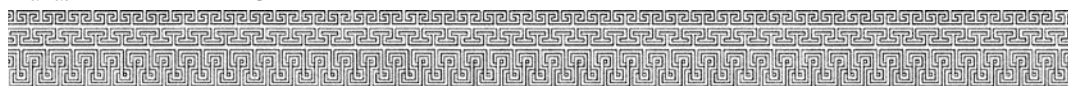
ПРОЩАНИЕ

* * *

Наступит осень — праздник разноцветья,
образчик смерти, красной на миру.
О, это третье испытанье — медью
древесных труб, поющих на ветру!

Смотреть, как красят серую безликость
цветные кисти уличных гирлянд,





и проступает в листьях, словно в лицах,
зарытый в землю дерева талант.

Огонь, вода и медь в одном флаконе —
коктейль осенних поднебесных струй.
Прощание в вагоне — взмах ладони,
летающих листьев влажный поцелуй.

* * *

На мой немотный нищенский вопрос —
твой неответ, мечту перечеркнувший.
И строки — словно руки, что вразброс
летели, — обескрылились ненужно.

Рисунок этой боли мне знаком.
Как звездный бисер — пот на теле ночи.
Застрял в гортани неба лунный ком,
глотай, давьсь рыданьем, что есть мочи.

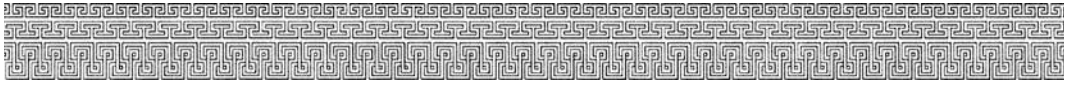
Всевидящий, ты глух и слеп, как крот!
Душа перечит разуму устало.
Надежда врет, кривя улыбкой рот.
И мир-игрок, не веря, что банкрот,
прощается со мною у вокзала.

* * *

Между нами ничто, никогда и нигде.
Было Нечто, мечта или чудо,
трепыхавшийся птенчик в сердечном гнезде,
теплоту вдруг почуявший чью-то.

Где мы были на краткий приснившийся миг,
и кому это было так нужно?
Было-не было прячет в сугробах свой лик,
как в развалинах замков воздушных.





Что же делать с разверстою черной дырой,
с окровавленной бывшей душой?
Где-то в черных перчатках шагает герой,
наступивший на горло чужое.

Было Нечто меж нами, а стало ничто,
где сияло и теплилось чувство.
Остановка пуста, опустело гнездо.
Свято место по-прежнему пусто.

* * *

Уж почти ничего не осталось
от того, что в тебе любила.
Ну, какая-то, может, малость,
и ее я, считай, убила.

Я старательно забывала,
повторяя с утра как гамму,
и сама себе ставила баллы
за исполненную программу.

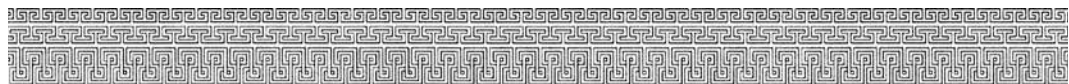
Вот почти что готовый трупик,
мне осталось крупинку, с просо:
покосившийся слева зубик,
пальцы, красные от мороза.

* * *

По узкой тропинке знакомым леском,
рискуя в сугробы свалиться,
мы шли друг за другом, в затылок, гуськом,
не сблизив на миг даже лица.

Так вел Эвридику Орфей, как во сне,
не видя дороги в Аиде.
Но ты обернулся — и вот меня нет,
разорваны прежние нити.





Ну как тебе там, в прошлогоднем снегу,
отшельник домашний, затворник,
где стынет снегурка в хрустальном гробу
и принц заколдованный — дворник?

Уже не оттаять и не отдышаться
навек замерзшие стекла,
летать разучившаяся душа
словами подземными стерта.

Когда-то шумевший осенним дождем,
листвы расточающий дар свой,
наш лес Берендеев теперь превращен
в Аидово мертвое царство.

* * *

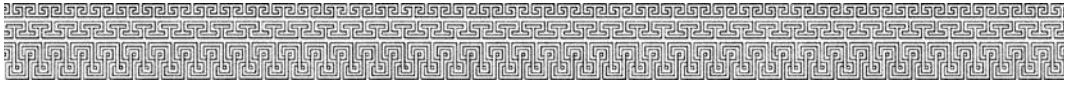
Мне нелегко между людьми
с душой, как небо, обнаженной.
Ищу защиты от любви,
от груза нежности тяжелой.

Все в ожидании конца.
О мир, безлюдный и безлюбый!
Заря не подожжет сердца
и не затеплит чьи-то губы.

Немая музыка любви,
лесная летопись печали...
И тонкий голосок травы,
и звезды мне о ней молчали.

Ноябрь с заплаканным лицом
погасит тлеющее пламя.
Снежинок невесомый сонм
летит несбывшимися снами.





Чернеет на излете синь.
Реки заломлены излуки.
И месяц на ущербе сил,
как желтый парусник разлуки.

Скрипят и стонут деревья.
Ночные сумерки ложатся.
О жажда горькая родства —
душой к чужой душе прижаться!

Опять растопят лед в крови
рассвета алые улыбки.
Опять всплывут со дна любви
надежды золотые рыбки.

О небо сердца! В блеске гроз
ты ослепляешь семицветно,
чтоб мир, невидимый от слез,
дарить любовью безответной.

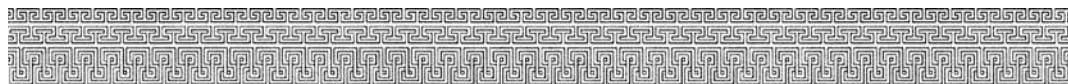
* * *

Невнятный дождик моросил,
каштан дрожал, в окошко пляясь,
а листья из последних сил
за ветви отчие цеплялись.

Ноябрь, не помнящий родство,
живое отделял пилою.
Холодный день и голый ствол —
как плата за тепло былое.

О встреча осени с зимой —
дуэль, дуэт, и ветер пел им...
А как красиво, боже мой —
желто-зеленое на белом!





* * *

С неба спускается вечер.
Скоро его не будет.
В сердце впускаю ветер —
пусть он его остудит.

Черная ночь закроет
наглухо душный ворот.
От взглядов чужих укроет
мир, где был ты мне дорог.

* * *

наш город которого в сущности больше нет
который остался на контурной карте лет
кукушка в часах разевает голодный клюв
мне нечем кормить тебя птица уйди молю

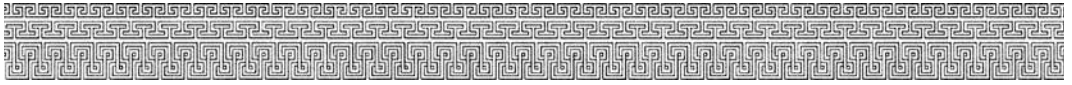
все пожрала кукушка лет больше нет
любимые души взирают с иных планет
рассвет в окне заливается краской стыда
за то что не вытянет в небо наш день уже никогда

* * *

Жизнь стоит над душой — отвяжись!
Полегчало, Вертер?
Дважды два четыре — не жизнь,
а начало смерти.

Быть да сплыть. Была-не была.
Не дойдя до ринга,
я смахну ее со стола,
как стиха соринку.





* * *

Рано пташечка запела
незадолго до конца.
Белый свет, какой ты белый —
как лицо у мертвеца.

Жил и помер. Был и нету.
Мне сходить через одну.
Я кондуктору монету
как Харону протяну.

Поминай меня как звали
в веренице долгих дней.
Кто такая? Мы не знали
и не слышали о ней.

Как в больнице полотенце,
путь стерилен впереди.
Сердце выкинет коленце,
заколотится в груди.

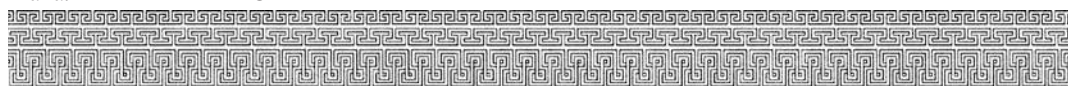
Вдруг однажды постучится
кто-то в сердце словно в дверь...
Как от этого лечиться?
Как сказать себе: не верь?

Мама в детстве раму мыла.
Дважды два и аш два о.
Было — сплыло. И уплыло.
Больше нету ничего.

* * *

Пора уж помудреть и примириться
с тем, что судьба обносит на пиру.
Ловлю в ладони листья, словно лица,
с которыми в обнимку я умру.





Уж не до жиру — рыцаря и принца,
пускай им спится на страницах книг,
но — до вечерней розовой зарницы,
с которой слиться в свой последний миг...

* * *

Ночь приставит ко мне стетоскоп,
к моим снам, обернувшимся явью,
и заметит, что стало узко
мне земной скорлупы одеянье.

Ночь и осень, а пуще зима —
это все репетиция смерти.
Разучи этот танец сама
под канцоны Вивальди и Верди.

Развевается белый хитон,
легкокрылые руки трепещут.
Рукоплещут партер и балкон,
совершается промысел вещей.

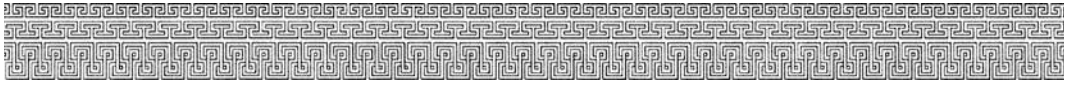
Просто танец, чарующий бред...
В боль и хрипы не верьте, не верьте.
Наша жизнь — это лишь пируэт,
умирающий лебедь бессмертья.

* * *

Ночь настанет, и лягут в постель все, кто жизнью измучены.
Кто в свою, кто в чужую, а кто-то уже и ни в чью.
И никто не предскажет, кто в этом единственном случае
победит, проиграет, а может, сыграет вничью.

И ответить не смогут ни Бог, ни гадалка, ни медиум,
для чего нам сияла с небес недоступных звезда.
Сериал моей жизни закончен. Финита комедия.
Пусть богатые плачут, а я улыбнусь навсегда.





* * *

Учусь у воздушного шарика чувству полета,
свободе расстаться легко, отпуская ладонь.
А в небе просветы, как лестничные пролеты –
нам всем оказаться там, как о земном ни долдонь.

Нам всем раствориться в потоках космической пыли,
как в музыке мы растворяем обиду и злость.
А счастье прошло по касательной, пулей навывлет,
но кость не задета, и, стало быть, все обошлось.

Ах, жизнь так полна, что от смерти ее не убудет.
И нежности тяжесть не раз нас заставит тонуть.
Но все еще будет — сдастся мне — все еще будет!
Порою достаточно за угол лишь завернуть.

* * *

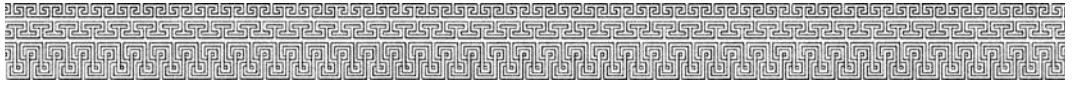
А эта боль дается напоследок,
чтоб было легче нам оставить мир
и в нем судьбы своей застывший слепок,
огнем искристым вспыхнувшей на миг.

Чтоб смерть была не горем отлученья,
не клоком, выдираемым из жил,
а облаком нездешнего свеченья
и облегченья, что уже не жив.

* * *

Тень Офелии храня,
по волнам плывет веночек,
за собою вдаль маня...
На часах — двенадцать дня.
На душе — двенадцать ночи.





Лунный скальпель взрежет ночь,
Млечный путь звездами брызнет.
Но уже нельзя помочь —
как ни мучь и ни морочь —
этой обреченной жизни.

Неподвижен лунный зрак.
Небо вызвездилось колко.
За окном густеет мрак.
До свиданья, друг и враг.
Расстаемся ненадолго.

* * *

И нависло звездною улыбкой,
дымчатой, игольчатой и зыбкой,
надо мною прошлое мое.
Птичьим кликом оглашая дали,
нажимая враз на все педали,
бытие ушло в небытие.

Время листопада, звездопада.
Ропщет роща посреди распада,
но ветра берут ее в кольцо.
Я стою одна как на ладони,
больше не спасаясь от погони,
подставляя холоду лицо.

* * *

Когда душа и жизнь в разоре —
позволь мне, Высший Судия,
остаться где-нибудь в зазоре
небытия и бытия.

Чтоб не с самой собою в споре
уйти, рассеиваясь в дым,



позволь остаться мне в зазоре
между небесным и земным.

Чтоб не во мгле и не в позоре,
не в пекле боли, не в петле, —
травинкой в стихотворном соре,
в Тобою вышитом узоре
на замерзающем стекле.

* * *

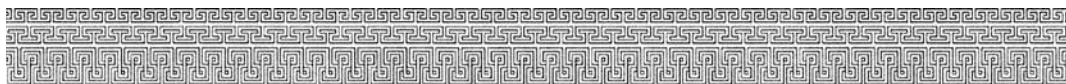
Не жизнь — не смерть, ни недруга — ни друга.
Качается над пропастью канат.
Как вырваться из замкнутого круга,
сломать систему тех координат?

Как жить, чтоб жизнь не обернулась в небыль,
не потеряться в омуте потерь?
Сойти бы с рельсов, выжечь дырку в небе,
уйти бы в нарисованную дверь.

По кругу, по заезженной орбите
плетется жизнь у радости в хвосте.
Я на нее, однако, не в обиде,
ведь дышит дух повсюду и везде.

Я еду вдаль по волчьему билету
и складываю счастье из цифр.
Но и такого на поверку нету —
пароль, наверно, нужен или шифр.

Гляжу в окно на уличные клипы.
Ответ в уме готовлю на семь бед.
«Билетов нет», — шумят в аллее липы,
и вся земля закрыта на обед.



Мне небо льет серебряные пули,
я бисер слов бессмысленно мечу.
Мы, кажется, друг друга обманули —
мой спор с судьбой закончился вничью.

Придумать жизнь и разыграть по нотам.
Пичугам — петь, деревьям — шелестеть,
такая уж у них с весной работа,
и дождик рассыпает щедро медь.

Всем по трудам, по вере — без обмана.
Холодный день согреется в груди.
А жизнь темнит или глядит туманно,
и вновь неясно, что там впереди.

* * *

Трогательность весенняя и осенняя строгость, —
все это разноголосья и полюса любви.
На краю воскресения и падения в пропасть —
только лишь ты зови меня, ты лишь останови.

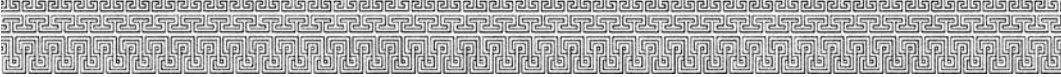
Сколько грабель целовано — только не впрок уроки.
Пусть не дано изведать нам дважды одной реки,
пусть уже все отлюблено — сладостны даже крохи.
Я соскребу любенышей с каждой своей строки.

Пусть парусами алыми машет нам каравелла.
Ну а когда простишься ты, в прошлое уходя, —
буду любить последнее — как это у Новеллы —
плащ твой, и гвоздь под кепкою, и даже след гвоздя.

* * *

Цепь фонарей похожа на бессмертье,
мне Божья милость желтая мила.
Бреду куда-то в снежной круговерти,
что поглощает медленная мгла.





Рассыпана небесная солонка.
Твой пир, зима, чаруй же и балуй!
Растаял день. Я шлю ему вдогонку
по воздуху летящий поцелуй.

Прощаю все потери и напасти.
Прощаю этот сумрак голубой.
И, кажется, я сотворю счастье
из тьмы всего, что составляет боль.

* * *

*И от недружественного взора
счастливого домика охраняй!*

Пушкин, «Домовой»

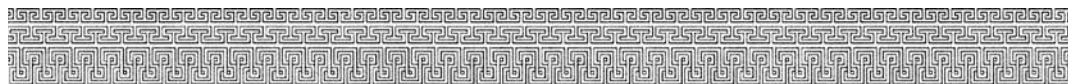
Чур-чур я в домике! И домик был счастливый...
А вот теперь над бездною завис.
О берег бьется океан бурливый.
Как страшно мне смотреть отсюда вниз!

Здесь все, что я без памяти любила,
что мне сберечь уже не по плечу.
Прощай, наш домик! Рушатся стропила.
Я падаю. Но я еще лечу.

Потоком волн земные стены слижет,
но я с собой свой праздник унесу.
Мы падаем, а небо к нам все ближе.
Не знаю как, но я тебя спасу.

* * *

Строчка в книге, набранная слепо,
мне подскажет будущую даль
и покажет, как она нелепа,
как невечны — радость ли, беда ль...



Время, нам отмеренное скупю,
тень ладьи на дальнем берегу.
Тишины обугленные губы
мне прошепчут: «Дальше — ни гу-гу...»

Но строка, не знающая фальши,
выведет меня из немоты.
Я прорвусь туда, за это «дальше»,
где мы будем вечно — я и ты...

* * *

Запомнить это небо
и тени тополей,
чтоб там, где мгла и небыль,
мне стало бы теплей.

По темным волнам крови,
по лабиринтам снов,
туда, где кров без кровель
и чернота без слов,

неси меня, кораблик,
в нездешние края,
туда, где все украли,
чем жизнь была моя.

Держитесь мертвой хваткой
за то, что у черты,
за милую повадку
и близкие черты,

чтобы хоть эхом в бездне,
травинкой в волосах,
когда оно исчезнет,
оставив нас в слезах.





Валерий ЛЕБЕДИНСКИЙ родился в 1940 году в Кременчуге Полтавской области. Окончил два факультета Одесского государственного университета имени И. Мечникова: юридический (1965) и исторический (1971). Поэт, прозаик, драматург, член Союза писателей Москвы и Союза журналистов России. Автор девяти книг, лауреат литературных премий. Главный редактор международного литературного альманаха «Муза».

ТАКИЕ РАЗНЫЕ СЮЖЕТЫ

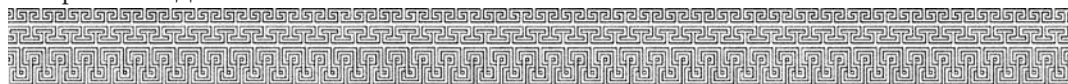
ШАЛЬНАЯ ВСТРЕЧА

Кто знает Вакулу? Давно пожилой,
Осевший на старости в Рузе.
Чуть впавшие скулы. С улыбкой живой.
Всегда в новомодном картузе.

Когда-то, не то, уж не помню, в Твери,
Не то в довоенной Самаре,
Он буйствовал — дьявол его поберит! —
В шальном молодецком угаре.

В глазах его, право, ну что-то от льва,
Блатные тирады поганы.
— Однажды, — смеется, — близ Волги, у рва,
Погнались за мной хулиганы.
Меня они, сволочи, ставят на кон,
Я пройгран в игре-неудаче.
Так я отклонился, чтоб сделать разгон,
Чтоб ров пролететь, не иначе.





А он в ширину метра, знаете, три,
А я уж, конечно, не Брумель.
Ну, сгину, как падло, и черт побери, —
Одной предавался я думе.
И — прыгнул, как если бы это не ров,
Что значит опасность лихая! —
Тут стал на минуту Вакула суров,
Горит его взгляд, полыхая...

— Ну, нет, я коней по-над Волгой не крал,
Я не был вовек конокрадом...
Ну, дал, значит, я им потом карнавал,
Влепил, как положено, гадам.

Нельзя, понимаешь ты, мил человек,
Не можно за нацию только,
Хоть если папаня — кургузый чучмек,
А мать, предположится, полька.

А что, говорю, тут и каждый не рад,
Не надо деления наций:
Ведь если цыган, то уже — конокрад!
Хоть кто их украл — не дознаться...

А что? Ну, цыган. Понимаешь: цы-ган!
Ты слыхивал песни Сличенка? —
Он нервен, Вакула. Не взгляд, а наган.
Загар огневого оттенка...

* * *

Дагестанка Гури
Не сроднилась с Москвой.
Непрестанен внутри
Зов души
Болевой.



Тянет в дальний аул,
Гордый край синевы,
Тошно слышать ей гул
Окаянной Москвы.

Закатила бы пир,
Воротивший назад.
Брат бы встретил — Замир
И сестра — Сагибат.

Ах ты, сердце, гори,
Не сродняйся с Москвой!
Дагестан для Гури
Вечно близок. Он свой.

Чист и светел, смотри,
Из воды ключевой
Мир мечтаний Гури,
Лик аула живой...

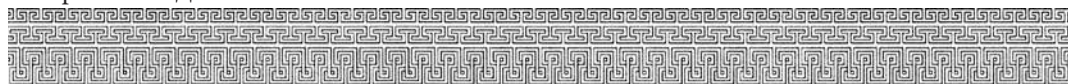
НЕ СУДЬБА

Карлик пискливый, бранный
Спился в кафе «Волна».
Чаша глубинной раны
Вся ведь и так полна.

Ростом не вышел, значит,
Доля — не дай вам бог!
Вот бы прожить иначе,
Если бы с детства мог!

Вот он и спился, карлик,
С чуткой своей душой,
Там, где в завесах марли
Вход, как нельзя, большой.





Тягостна дверь резная.
Смех и досада глаз:
Карлика здесь и знают,
И не приемлют враз.

— Веточка древа цирка,
Вы, что ни вечер, — тут!

— В ткани житухи — дырка,
Где уж искать уют...
Дайте мне чашу пива, —
Карлик залез на стул.

Взгляды — сама крапива.
Чуткость — как ветер сдул.

— Хватит! Не пива жалко —
Ваших преклонных лет.
— Сгиньте, мадам Мешалка, —
Карлик сопит в ответ.

Светятся блики крана.
В блестках игривых лед.
Только барменша странно
Пива ему не льет.

Тени на стенах бойки,
Четки обоев швы.
— Кто вас поставил к стойке?
— Ну, уж никак не вы!

Клонится в темень вечер,
Стылость стучит клюкой...



— Я-то видал буфетчиц,
Но никогда — такой!
Чтоб уж такие нравы,
Чтоб уж такая прыть...

— Ну, отойдите, право,
Дайте людям попить!

С блеском круглится ролик,
Пеной превышен кран.
Карлик бредет за столик,
Там уже кто-то пьян.

— Вон у них целый ящик!
Просто, однако, срам...
Слышьте, сосед, — уважьте, —
Голос его упрям. —

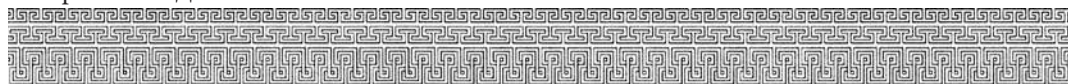
Вы мне купите пива,
Я тут запил слегка...
Вот уж не видел дива:
Тяжко добыть пивка.

...Вот и кафе закрылось,
Карлик плетется в ночь:
— В людях живет немилость —
Нет, чтоб другим помочь.

БЛЕДНЫЙ СЛУЧАЙ

В забыты лета тонких нравов,
Былой культуры языка
Пристойных слов благая слава
Была горда и высока.





О, та манерность, что забыта,
О, дивны лица, что тихи,
О, славный негой
Лик пиита,
Гостям дарившего стихи!

...В кругу салона,
Частью женском,
Как на десерт, он мог подать:

— Все члены чувствуют блаженство,
И нежну телу благодать.

Услада слов! Телесным членам
Несла ты праведный покой.
И кровь милей текла по венам
От дивной благодати такой.

И без смущения пииту
Внимала ночь
В тени гардин...

...Из членов,
Тех, что не забыты,
В чести остался
Лишь один.

Увы, он не был так воспитан,
Хотя при женщинах вставал.
Ах, где ты,
Век того пиита,
Где твой высокий идеал?

Ну, право, было с ним блаженно,
Но канул век,



И только член,
Держась бесстыдно и надменно,
Смог обойти словесный тлен.

И наша бледная культура,
Ну, та, что пала, и зело,
Отъяв от прежней, ликом хмура,
Из всех оставила его.

* * *

...И мои поцелуи в Крыму,
И попытки сойтись в Ленинграде
Все равно никогда ни к чему
Не вели в неумной осаде.

Словно стойкий горячечный пыл
Всякий раз заслоняла преграда...
Но сгодился мне опыт, что был
И в Крыму, и в ночи Ленинграда.

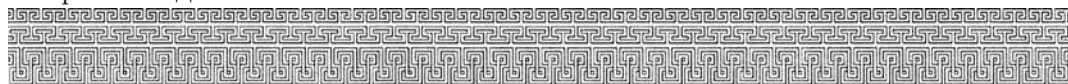
* * *

В Москве скончалась Бетя Глан,
Куда как нервная особа.
Однажды был я ею зван,
А в Рузу мы стремились оба.

Криклива. Вспыльчива. Строга,
Хотя при том не одиозна.
У нас различны берега,
Но деловая связь серьезна.

И вот... вдоль спусков тополя —
Приют актера в зимней Рузе.
Все ссоры наши — за поля,
Весь блеск идей — в единый узел!





А что едино? Мир игры.
Удел богини Мельпомены.
И мы дружили до поры,
К одной стезе прикосновенны.

А что и было — не всерьез.
(А может быть — иная тема?)
О, этот горестный невроз,
О, эта яркая богема...

* * *

...Вот старый замысел о муже,
Как я, ушедшем от жены.
Но воплощен он будет уже,
Без тени собственной вины.

Глядишь, стущуются пороки,
Развод предстанет как игра.
Всегда ли искренние строки
Звучат у нас из-под пера?

Живешь в обойме здоровых правил,
Где ни к чему твоя вина.
А ты ведь сам ее оставил,
Повинна в этом не она.

Увы, летит крутое время,
Развод — в туманной дали лет...
Писать, как было — тяжело бремя,
Твой образ светел: ты поэт.

Давно души усохли раны,
А не усохли, так пригладь, —
И тени лягут, чуть обманны,
Творя очищенную гладь...





НАВСТРЕЧУ 85-ЛЕТИЮ ПОЭТА

Зиновий ВАЛЬШОНОК — знаменитый советский, российский и украинский поэт. Родился в 1934 году в Харькове. Автор более 50 книг стихов и поэм. Публиковался в большинстве ведущих советских и российских журналов (первая публикация — «Новый мир», 1962). Член Союза писателей с 1968 г. Трижды становился победителем Всероссийских конкурсов поэзии, лауреат литературных премий имени Бориса Пастернака (2008) и имени Марины Цветаевой (2012), обладатель почетной именной медали «Золотой теленок» (2003).

Борис Чичибабин так озаглавил статью, предваряющую семитомник Зиновия Вальшонка: «Поэзия — это разговор с Богом». Статья о жизни и творчестве Зиновия Вальшонка опубликована в четвертом томе «Энциклопедии современной Украины». Его творчеству посвящено обширное литературоведческое исследование-монография «Поэт Зиновий Вальшонок. Личность. Творчество. Судьба». Большая подборка его стихов вошла в Антологию мировой поэзии «Закон случайных чисел. 150 поэтов мира».

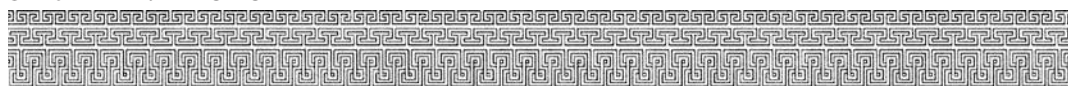
Редколлегия альманаха «Золотое руно» выражает Зиновию Михайловичу Вальшонку благодарность за предоставленную для публикации большую подборку стихов.

ПУШКИН И ПУСТОТА

От всех печалей Пушкин — панацея.
Но мне вердикт припомнился крутой.
Директор Царскосельского лицея
сказал в сердцах: «Он — баловень пустой!»

О, пустота певца-тираноборца,
хранителя духовности земной!
Коль гений пуст, то в сердце стихотворца,
наверно, брезжит вакуум сплошной.
Нам чужда победительная косность
недвижимости, тряпок и монет.



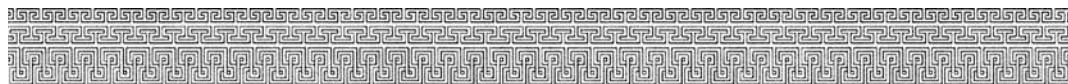


Ведь пустота поэта — вещей Космос,
где трепет звезд и сполохи планет.
В нас нет чумной наполненности бытом,
но в вихрях запредельных скоростей
мерцают дум мятежные орбиты,
туманности возвышенных страстей.
Мы — дети необжитого пространства,
душой то легковесны, то мудры.
И зернами любви и окаянства
засеяны безбрежные миры.
Любой из нас судьбой не безупречен,
но реет, полня смыслом дух и плоть,
над светом муз и мраком Черных речек
среди вселенской пустоши Господь.

ЧИТАЯ БУЛГАКОВА

Художник на судьбу не ропщет
в безвестье, бедности, борьбе,
причины бед своих и общих
ища не в ком-то, а в себе.
На вековом кресте глагола
распят эпохой навсегда,
он сам — и совести Голгофа,
и голос Страшного суда.
Солоновато и багрово,
среди безветрия и гроз
восходит над душою Слово
в следах от крови и от слез.
Чтоб обнажать нелепость быта
от колыбелей до могил,
покуда Мастер Маргариту
не разлюбил и не сгубил.
Покуда есть на правду голод,
и есть на состраданье спрос.
Покуда задает нам Воланд





свой демонический вопрос.
 Нам кажется, вся нечисть ада —
 писательских фантазий плод.
 Но образы дьяволиады
 он из реальности берет.
 Среди бесчестия и блуда
 он ищет истины росток.
 А век, ущербный, будто Хлудов,
 так исподлобен и жесток.
 Жестокость эта — как расплата
 за поиск доброты во зле.
 И вечный спор Христа с Пилатом
 еще не кончен на земле.

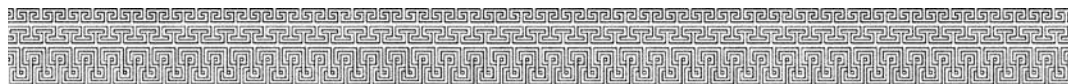
* * *

Чужая вдруг привяжется строка
 в классическом и несравненном блеске,
 и вот уже слетает с языка:
 «Прогнило что-то в нашем королевстве».

Ну где отыщешь формулу точней,
 когда дела невыразимо плохи,
 чтоб описать печали наших дней
 словами из шекспировской эпохи?
 Когда наш Эльсинор — на волоске,
 но о больших надеждах что-то мямлит,
 моя душа в сомненьях и тоске
 безумствует и мечется, как Гамлет.
 Под звон велеречивых эскапад,
 среди разброда, глупости и лести
 нас пожирает нравственный распад.
 «Прогнило что-то в нашем королевстве».

Дух в тупике, искусство в столбняке.
 О, как смягчить времен жестокий норв





тревогой о мальце и старике
среди братоубийственных раздоров?
Куда же мы несемся: вверх ли, вниз —
под гул крикливых сборищ и молебствий?
И гложет совесть горький афоризм:
«Прогнило что-то в нашем королевстве».

САМОСУД

Не поверил бы род Ганнибалов,
что Парнас воспитал злую рать
самозванных писак, каннибалов,
что готовы друг друга сожрать.

Как плевки, ярлыки на заборах...
От безумцев, утративших честь,
стонет век в хриплых воплях разборок,
так похожих на кровную месть.
В черной гари родные пенаты:
сотрясают спокойствие стен
то жестоких наветов гранаты,
то разносов крутой гексоген.

Жизнь поэта в России — как триллер.
Недруг ждет со стволом роковым...
Но сегодня лирический киллер
угрожает не только живым.
Террористы, любезные с виду,
яд злопамятства в душах таят.
Не прощают бывлые обиды,
мертвецам за минувшее мстят.
Уязвил честолюбца Арсений,
Ярослав дурака обругал...
И с тех пор каждый день потрясений
ждет писательский мемориал.
На пророческом вещем погосте

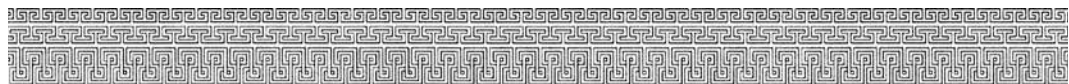


графоманы вершат самосуд.
Топчут мэтров священные кости
и кресты корифеев трясут.

ИЗГОИ

Как призраки из Гойи —
под бременем оков
бредут земли изгои
и пасынки веков.
Скитальцы, диссиденты,
чей взор блажен и лют,
лишенцы, декаденты
и прочий вздорный люд.
Идут лихой тропею,
отвержены судьбой, —
безмолвною толпою,
как будто на убой.
Раздеты и разуты,
в ночь выгнаны взашей,
творцы державной смуты,
провидцы мятежей.
Им чужда атмосфера
предательства и лжи.
Потомки Агасфера,
духовные бомжи.
За непокорство глоток,
за то, что — супротив,
их ждет веселье плеток
и хохот гильотин.
Но в хмуром отщепенстве,
в бунтарстве против зол
есть высшее степенство
и гордый ореол.
Без их святой опалы,
без их крамольных фраз



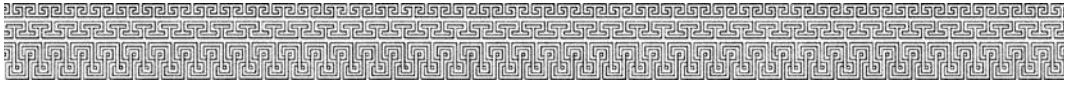


земля давно бы впала
в дремоту и маразм.

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА

Теней и бликов смутных битва
багрит закатный материк.
Моя вечерняя молитва
похожа на беззвучный крик.
В слезах, без позы и без грима,
стою, отверженная голь.
Жестока и неуголима
в груди клокочущая боль.
Перед эпохой, злой и жгучей,
с ее срамной неправотой,
как Достоевский, бьюсь в падучей,
бунтую гневно, как Толстой.
Когда сердца гнетет разруха,
спит царство Божие внутри.
О, где вы, трубадуры духа,
провидцы и поводыри?
С восходом, душу не гнетущим,
я верил радужной судьбе.
Огни надежд на день грядущий
мерцали в утренней мольбе.
Но перед призраками ночи,
где тьма беззвездная окрест,
слова тревожней и короче,
и все надсадней жизни крест.
Мятежный шепот, в храме рея,
едва колеблет тишину.
Я не виню чумное время,
но сам за все себя кляню.
В миру, корыстном и убогом,
где ум и совесть не в чести,
я прикипаю к лику Бога,





чтоб душу грешную спасти.
Меня трясет, как малярия,
разгул бесстыдства наяву.
Скоропослушницу Марию
губами терпкими зову.
Прошу у выси светлоокой
не славы и не серебра —
лишь участи неодинокой
да мудрой дерзости пера.
Но, бесам ночи окаянной
ища святой противовес,
смогу ли болью покаянной
я докричатся до небес?..



Инна БОГАЧИНСКАЯ — известный поэт, журналист, переводчик — родилась в Москве. Вскоре родители переехали в Одессу. Окончила Одесское музыкальное училище и факультет романо-германской филологии Одесского университета. Журналистская деятельность Богачинской началась в газете «Вечерняя Одесса». Ее статьи, очерки и стихи регулярно появлялись в республиканской и всесоюзной прессе. Первая поэтическая публикация — журнал «Огонек», 1977 г.

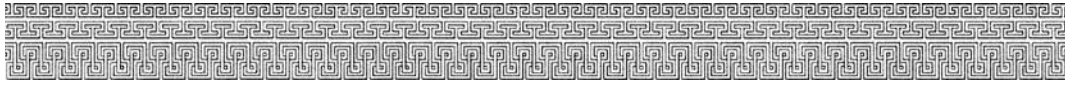
Одним из первых признал Инну как поэта Андрей Вознесенский, дружба с которым длилась до последних дней его жизни. Вознесенский высоко ценил поэзию Богачинской и ставил ее в один ряд «со значимыми поэтическими фигурами зарубежья».

С 1979 г. Богачинская живет в Нью-Йорке. Работает судебным переводчиком. В 1991 г. Энциклопедия «Британника» назвала ее одним из наиболее состоявшихся поэтов Русского Зарубежья. В том же году она стала лауреатом Международного фестиваля Русского искусства в Чикаго, а также была удостоена звания «Поэт года» в Нью-Йорке.

Творчество Инны Богачинской включено в программу курса современной литературы в Одесском Национальном университете им. И.И. Мечникова и в Северо-Кавказском университете им. К.Л. Хетагурова (Владикавказ). По ее творчеству написано четыре дипломные работы. Литературовед Виктор Финкель посвятил творчеству Богачинской одну из глав своей книги «Поэты рубежа» (Филадельфия, 1999). Статья о Богачинской включена в «Словарь поэтов русского зарубежья» (Санкт-Петербург, 1999). Ее творчество отмечено в изданном в США на английском языке «Словаре русских писателей-женщин».

Инна Богачинская — автор пяти книг стихов и прозы: «СТИХИЯ», «Подтексты», «В четвертом измерении», «Перевод с космического», «Репортаж из параллельного мира».

В 2014 г. в Москве Богачинская была награждена медалью «За достижения в области культуры и искусства» от Кирилло-Мефодиевской Академии. Также получила звание Академика и Действительного Члена Российской Академии Народного Искусства и была принята в члены Союза художников Народного Искусства за поэтическое отображение образа Художника.



СТИХИ, НАВЕЯННЫЕ «ИСПОВЕДЬЮ» ТОЛСТОГО

*Бесмыслица жизни есть
единственное несомненное знание.*

Лев Толстой «Исповедь»

Хоть кути, хоть копти, хоть сгорай.
Облачайся в буддизм и в безбрачье.
Сладок только игрушечный рай.
А вернее, который утрачен.

В королевстве двуличных зеркал,
Где представится Зевсом Емеля,
Не находишь того, что искал.
Посему — полюби, что имеешь.

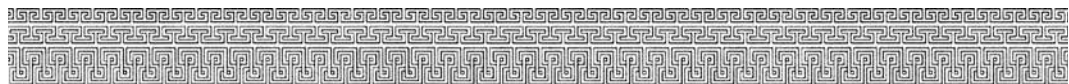
Если пир здесь, — то в лоне чумы.
А измена — любви составная.
Каждый слезным потопом омыт.
Не блаженна обитель земная.

Убеги хоть за сотни земель,
Но и там ты в колонии лишних.
Если б только случилось суметь
Смысл озвучивать в личном жилище!

Мы — сцепление ломких частиц,
Подлежащих грызне и распаду,
Неспособных себя укротить
В жерновах ежедневного ада.

Раздаем уставные кивки.
Для своих жаль словесных компрессов.
Только те, кто от нас далеки,
Нам пугающе интересны.





Что выносим из этой возни,
Безмаршрутной, заправленной догмой? —
То, что мы безупречно одни
В этом сне неподобно-подобных.

Осознай: жизнь — не сказка. Не бал.
А брожение больных и усталых.
Главное, когда Дух твой упал,
Чтобы сил подниматься хватало!

Так где же мистер Смысл?
Оправдан ли сей поиск?
Ведь даже граф Толстой
не свелся с ним слегка.
Но я его ищу.
Будто маньяк, запоем.
А разве смысл не в том, чтобы его искать?!

ВНЕ...

Протянулась, как стон,
меж морской и мирскою пустыней.
Здесь сейчас моросит.
Нет, скорее, сигналист с Небес.
Мой удел — высота.
Мне неведомы помпы пустые.
Мне бы только суметь разобраться
в стихийной себе.

Так же улица лечит меня
своей магией мимик.
Так же липнет ко мне
легион ненасытных юнцов.
А козырные шансы козырно
проносятся мимо.



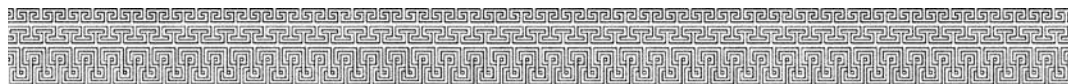
И мозолит уста, как всегда,
проходное лицо.

Оккупируюсь им
одномерно и второстепенно,
Будто держит меня, как заложницу,
облачный принц.
Будто главная встреча
еще зацепить не успела.
Будто кто-то меня проиграл
в подставное пари.

Проношусь над ньюйоркщиной
чайкою Ричарда Баха¹.
Без багута. Вне стаи.
И без родового гнезда.
Мой сюжет — суицид проводов
и триумф акробата.
И отвесный маршрут
на Голгофу.
В себя.
В никуда.

Отыграю спектакль,
меняя модель декораций.
Свергну путы привязок.
Но кожу сменить не смогу.
Лишь на звездные заповеди
мне по нутру опираться.
И пред ними пожизненно быть
в неоплатном долгу.

¹ Произведение Ричарда Баха «Чайка по имени Джонатан Ливингстон».



САМА СЕБЕ...

*Сама себе закон, летишь ты мимо
К созвездиям иным, не ведая орбит.
И этот мир тебе — лишь облак красный дыма,
Где что-то жжет, тревожит и горит.*

Блок, «Звезда, ушедшая от мира».

Сама себе закон, лечу я мимо
Бестронных королей,
запятнанных белил,
Зеркал с гримасами,
без масок и без грима,
Как будто сам Дали
им лица удалил.

Лоскут остроугольный звездной ткани,
Необщая деталь,
дразнящая толпу,
Предпочитаю ад разброда и исканий
Неколебимости всех самых райских пут.

Сама себе судья, целитель, гуру,
Как будто сброшена с какой-то из планет,
Я исполняю жизни процедуру,
Не приобщаясь ни на йоту к ней.

Мне все здесь чуждо,
как в античном замке:
Разбитые горшки династии Ку-ку,
Служаки рабские, начальники и замы,
И все в таком ключе,
не влезшее в строку.

Здесь не поймешь, кто пациент, кто психиатр.
И в дурдомах скорее встретится святой.



Здесь легче выявить на Марсе новый кратер.
Но что в душе, увы, не ведает никто.

Здесь гулливеров травят лилипуты.
Брат узурпирует у брата власть.
Любовь здесь — на крови.
В цвету — распутство.
Как будто мгла с орбиты сорвалась.

Здесь все друг друга пожирают с аппетитом.
На милосердие устанешь уповать.
Добро казнят. А смертный грех простится.
Такие вот здесь правят существа.

А посему я — вне их власти, вне закона.
Мой курс исконный — ПЯТАЯ КОЛОННА.

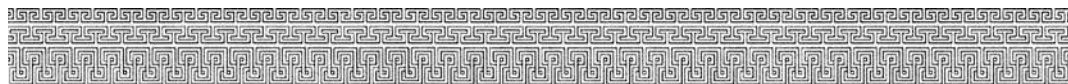
СТИХИ О ПРОХОЖДЕНИИ СКВОЗЬ...

Я пройду сквозь Вас,
как через переход аэропорта,
Что приводит в расставаний зал.
Чемпионы так выходят
из большого спорта.
Так пульсируют слова,
что не сказал.

Я пройду сквозь Вас,
споткнувшись о знакомый контур
Спаянных одной волной фигур.
Задержусь на миг,
поствкусием влекома.
И, похоже, что на выход не смогу.

Вы — мой проходной вагон,
летучий мой голландец,





Озаривший протоколы дней.
Неземная знаковость свела нас.
Мы, как ноты, зазвучали в ней.

Сложится ль из них
 симфония сплетенных веток?
Или сольно вверх уйдет сосна?
Жребий брошен.
 Но сюжетный код неведом.
Звездный зонд нацелился на нас.

Номер сыгран.
 В невод ночи рухнул вечер рваный.
Обнаженной стал души моей наряд.
Это значит — я пока болею Вами.
И костры гвоздик в глазах горят.

Нас сцепило
 будто бы коротким замыканьем
В сотни тысяч человеко-вольт.
Видно, в сердце новое созвездье возникает.
Как впервые.
 Будто не было доселе никого.

Я иду сквозь Вас.
 Нет-нет. Я от себя сбегая,
От дерущихся во мне стихий.
Для меня модель придумана тугая.
В ней низы берут за горло и верхи.

Но, направив луч свой
 в планетарный корень
И из общей выпорхнув сети,
Я иду. Вольна и непокорна.
С Вами ли, без Вас...
 Мне главное — ИДТИ.



СТИХОИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЭТЮД

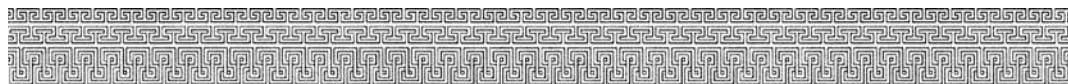
Стихи — это молитвы
Космической палитры,
Текущие по венам,
Взрывно, но вдохновенно.

Стихи — это шифровки,
Закрученные ловко,
Крестины и кроссворды,
Оборванность аорты.

Стихи — это кристаллы
Всего, с чем мы расстались.
Свидетельства протестов
О мигах улетевших.

Стихи — это приколы,
Кипящие в подкорке
И с нервом, с нервом голым
Венчающие Голос.

То — кличут колокольно.
А то — тромбозом в горле.
Но как венец боренья:
— Привет, стихотворенье!



О ЦЕЛИТЕЛЬНЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ ВЗГЛЯДА С ВЫСОТЫ

Наталье Огренич

*Тот, кто летает в самолете,
Не может быть сбит машиной.
Вернон Хавард*

(Эзотерическая мудрость)

В сердце першит, как при зимнем катаре.
Не отогреться. Не встать. Не уснуть.
Гнешься в плену несвершенностей старых,
Бесперебойно в каком-то плену.

Можно, конечно, напиток микстуры
И положить на бывшее компресс.
Можно схватиться за кольца Сатурна
И с высоты оглядеться окрест.

Сверху все видится кляксой мышинной.
Тот, кто летает, не станет ужом.
И не бывать ему сбитым машиной,
И не сгореть, если дом подожжен.

Сверху нет грани меж знатным и бедным.
Между трагедией и торжеством.
Меж поражением и победой.
Есть лишь сплетение вся и всего.

И показались смешными удары.
В сердце тотчас перестало першить.
И поезда несвершенностей старых
Скрылись поспешно в туннелях души.

Универсальнейшее лекарство —
Взгляд с высоты на земную возню.



Сразу проявятся Мудрость и карма,
И чудеса неземного меню.

Далось бы смириться зрело,
Когда труханет, как в аду, —
Чем больше страдает тело,
Тем выше восходит Дух.

СКАЗАНИЕ О НАЗВАНИЯХ, УПОВАНИЯХ И НЕГОДОВАНИЯХ

Ларисе Бурчак

В ночлежке ль, во дворце ли, в резервации —
Здесь местонахожденье ни при чем —
Нам главное не БЫТЬ, а называться
Женой, домовладельцем и врачом.

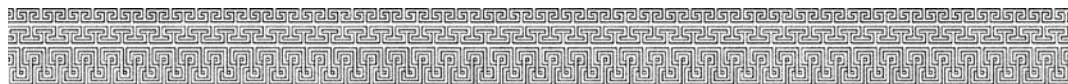
Нам важно заключить себя в сомнительность
Каких-то рук, пристрастий и забав.
К ним прилепиться путами магнитными,
Чтобы не была пустота в набат.

Чтоб спальню грело чье-нибудь дыхание.
Пускай оно ни сердцу, ни уму!
Чтоб было с кем молчать. Кого охаивать.
И ублажать тигриный нрав кому.

Мы острого и приторного пленники.
Для каждого предписан свой процент.
Пережитых пробоин оглавление
Читается в душе и на лице.

Мы обществу даем себя зомбировать,
Послушностью признание снискав.
Дизайнерскими козыряем бирками,
Свой личный стиль не проявив никак.





Перед «крутыми» норовим заискивать
И пировать средь мора и чумы.
Мы даже думать разучились искренне,
Не то, чтоб разбираться, кто есть мы.

В чужом глазу соринку культивируем,
Не видя груды мусора в своем.
С коллегами воюем и с ОВИРами.
И за гроши друг друга предаем.

Не выслушаны. Желчны. Недолюблены.
Под грузом лет, убожеств, лжи, счетов.
Мы стали все сносящими верблюдами,
Горбатыми, но сильными зато.

Друг друга осуждаем, но копируем,
Хоть этой круговертью каждый сыт.
Брешь в душах штопаем желудка пиршеством.
Потом встаем с повинной на весы.

Мы волчьими страдаем аппетитами.
И сами тонем в жадности своей.
Свой статус заземляем непростительно,
Сближаясь с популяцией червей.

Но мир для наших нужд не программирован.
Свой клад в душе у каждого сокрыт.
Поэтому не лучше ль в рифму с миром нам,
Чтоб у разбитых не скулить корыт?

И не винить родных, чужих, удачливых
За то, что нас везенье обошло?
Увы — пока не водится задачника
С ответами, кем стать, чтоб повезло.



Чтоб не дрожать на льдине одиночества.
Не примыкать к дешевому теплу.
Чтоб не униженно и не заносчиво
Себя нести в аду и на балу.

Давайте срежем рабства пуповину —
Вещей, монет, названий, должностей!
Чтоб только душу сохранить невинной
И остальное — соразмерно ей...

КОЕ-ЧТО ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕЦЕПТОВ МУДРЕЦОВ

Знание себя — начало мудрости и конец скорби.

Джидду Кришнамурти

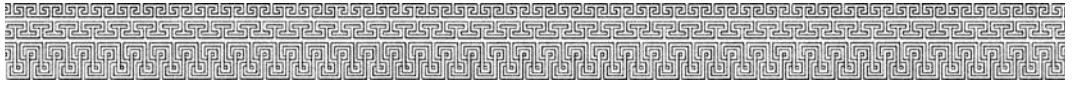
Прикрываю отверстие в сердце цитатой Сократа.
На Руси пятаками смыкали глаза мертвеца.
Разрушительна память. Рубцы ее бредят возвратом
В ту главу, что без анестезии нельзя созерцать.

На вселенских весах «далеко» соревнуется с «близко».
Залпы глаз атакуют. Который из них — наповал?
Это бойня полов. Нет, скорее, турнир обелисков
Между тем, чего жаждало тело, а разум скрывал.

Мой удел — иллюстрация схемы «чем хуже — тем лучше».
Раз терниста тропа — значит, мной Наверху дорожат.
И всегда посылают мне Знания знаковый лучик,
Что хранит и в петле, и в темнице, и в зубьях ножа.

Нет, не то чтобы тянет в молочно-медовые русла.
Пусть бы хоть отпустило. Чтоб душу не грызло сверло.
Чтоб — былой антураж. Чтоб подсолнухи пели по-русски.
И чтоб дуло беды от Разумных Существ отвело.





Но все та же пластинка заладила тот же мотивчик.
Будто кончились ноты. Или в них утонул звукоряд.
Получается так, что теперь от него не уйти мне.
Все свое, говорят, месум porto¹. И это не зря.

Вот и я век ношу в себе взрывоопасные слитки.
Век учу: в лик Победы прописан пробел и провал.
Пью пилюли из Будды, Спинозы и Гераклита.
Посмотрите. Возможно, что эти рецепты помогут и Вам...

¹ Omnia mea mesum porto (*лат.*). Все свое ношу с собой. — Высказывание, которое Цицерон приписывал легендарному мудрецу Бианту.





Инна РЯХОВСКАЯ окончила филологический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, филолог. Первая публикация — в 1967 г. В 1960–70-е годы входила в неформальное литературное объединение «Спектр». Печаталась в литературных журналах «Историк и художник», «Поляна», в альманахах «Вектор творчества: в поисках времени», «Словесность», в международных альманахах «Муза», «Литературные знакомства», в газете «Литературные известия», в сборнике «Поэты “Спектра” (1963–1971–2010), “Спектр” в документах и воспоминаниях» (М.,

2010), в других изданиях. Автор поэтических книг «Свет осенний: избранные стихи (1966–2006)» (2006), «Золотое сечение» (2014), «Песочные часы».

Лауреат Пятого международного литературного фестиваля «Русские мифы» им. Юрия Дружникова в Черногории, XIII Артиады народов России в категории «Литература. Взрослая лига. Гильдия профессионалов», победитель Межзонального фестиваля авторской песни и поэзии «Серебряный журавль» в Талдоме. Вошла в шорт-лист Международного литературного форума «Славянская лира-2014» (Полоцк, Белоруссия) в двух номинациях.

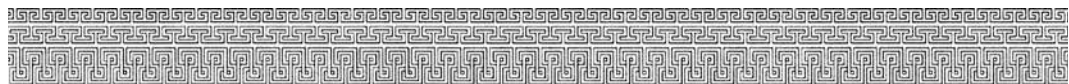
Работала научным редактором энциклопедической и исторической литературы в издательствах «Советская энциклопедия», «Российская политическая энциклопедия», «Московская энциклопедия» и др. В настоящее время — научный редактор энциклопедии «Литературные музеи России» в Государственном Литературном музее (Москва). Автор статей о писателях, поэтах, литературе во многих энциклопедиях.

СТАРЫЕ ПИСЬМА

Мы разучились разговаривать
и письма длинные писать,
жемчужины в словесном вареве
и в соре быта различать.

Где вы, пространные эпистолы,
словес искуснейшая вязь,
витиеватый слог изысканный
и теплая, живая связь?





Там музыка родного почерка,
как будто мамина рука,
обнимет в бездне одиночества,
поддержит в мраке тупика.

Где то общение крылатое,
где мыслей и идей пласты?
Конверты, временем измятые,
и пожелтевшие листы...

Той речи вольное роскошество,
и остроумие, и блеск,
как битой черепицы крошечком,
засыпал мусор sms.

* * *

В гомоне птичьих атак,
в сполохах вешних рассветов
и не заметишь ты, как
грянет короткое лето.

Вот налетает гроза,
все освежая озоном.
Как изумрудны глаза
острых стрекоз изумленных!

Так, когда моешь окно,
все проступает объемней.
Каждое ярче звено
в мира картине огромной.

Господи, что за напасть —
август промчался в горячке.
Осень. И вечная страсть —
долгая зимняя спячка.



Приз утешительной лжи
в сладкой облатке на случай.
Все лишь готовимся жить,
пестуя мудрость паучью.

Но накрывает волной
сердце тупая усталость.
Путь позади, за спиной,
больше того, что осталось.

Промельк и вспышка звезды,
жизнь — вдох и выдох мгновенный,
отсвет земной борозды
в гулких просторах Вселенной.

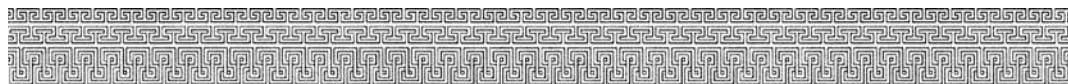
* * *

Мне надо знать, что ты живешь на свете,
что город есть, и улица, и дом,
где лампа вечерами мягко светит,
экран компьютера мерцает над столом,
и что, перекрывая расстоянья,
с душой соприкасается душа.
Через границы, жар и холод мирозданья
Попробуем друг к другу сделать шаг.
Мы обостренной чувствуем в разлуке.
И оглянувшись, словно с высоты,
Увидим нашу жизнь очищенной от скуки,
Ее неведомые прежде нам черты.

ШИПОВНИК

Не чванливая роза —
милее мне скромный шиповник,
беспороден, в углу у забора ютится в саду,
будто просит и ждет: «Приласкай же,
прилежный садовник», —





и дурманит мне голову
сладостный, чувственный дух.

Так дурнушка колючая
вдруг полыхнет красотой
лишь навстречу тому,
кто сумеет ее разглядеть.
Залюбуюсь однажды
бесцветной былинкой простою,
что под солнцем горит на закате,
как жаркая, плавкая медь.

* * *

Окутан душною сиренью,
Май наплывает, как дурман.
Губами сонными к свирели
Своей припал ленивый Пан.

Земли, податливой и теплой,
В предчувствии плодоносить,
Рожденья многотрудный опыт
Готово лоно повторить.

Извечным таинством любовным
В весенний вихорь погружен,
Песчинкой каждой мир огромный
В творенье Жизни вовлечен.

Любовь одна одушевляет
Сухую сущность Бытия.
Трава на камне прорастает
И в чреве матери — дитя.





Людмила САНИЦКАЯ — кандидат медицинских наук, врач высшей категории. Занимается литературой в течение многих лет, пишет лирические стихи, очерки, биографические эссе. Автор шести поэтических сборников и книги мемуарной прозы «Вверх по ручью». Публиковалась в журналах «Юность», «Простор», международных альманахах «Муза», «Связующее слово», «Золотое руно», «Зарубежные задворки» (Германия), альманахах «Московский год поэзии» («Литературная газета», 2013 г.), «Синева на крылах», «Небеса любви», «Краски жизни», «Стихотворный светоч», «Мы рождены для вдохновенья», «То пятое время года», «Судьба России», «Витражи». Публикуется в периодической печати, постоянный автор литературной страницы «Медицинской газеты».

Член Союза писателей России и Международного сообщества писателей России, литературного клуба «Московитянка» Центрального Дома литераторов, литературного объединения Центрального Дома ученых «ЛИТО на Пречистенке», регионального общественного Фонда содействия развитию современной поэзии «Светоч», Союза писателей XIX века.

Награждена Золотым дипломом VI международного славянского литературного Форума «Золотой витязь» в номинации «Поэзия» за сборник избранной лирики «Час Водолея» (2016 г.), дипломом I степени V международного творческого конкурса «Патриот Отечества» в номинации «Поэзия» (2016 г.), лауреат премий им. А.С. Грибоедова, М.Ю. Лермонтова, С.А. Есенина и М.А. Булгакова, номинант премии «Писатель XIX века».

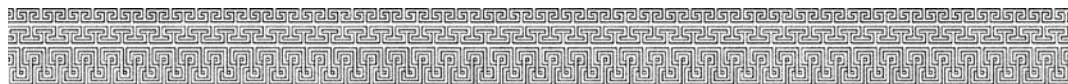
* * *

В сороковых — тех самых, роковых! —
неразличимое,

как дискант в детском хоре,
частицей малой во вселенском горе
осталось детство, как солдат, в живых.

А юности так не терпелось — стать!
Так плакалось взхлеб,
так чисто пелось!





Так медлила рассудочная зрелость,
что до сих пор пути не наверстать.

И до сих пор — все настезь и навзрыд!
У злобы ничему не научаясь,
Все та же юность стынет и горит,
Седея с нами. С нами не прощаясь.

ДЕЖА ВЮ

За то, что так долго и верно живу
В горниле грохочущем стольного града,
Бывает, и мне выпадает награда —
Миражная, зыбкая явь дежа вю.

Беседка в заросшем жасмином саду.
Аллея с медовым дыханием липы.
Кузен-подпоручик, еще не убитый.
Гнедой жеребец у него в поводу.

Ржавеющий вензель над аркой ворот.
Из окон — аккорды, светло и негромко...
А то, что все это — киношная съемка,
Не так уж и важно. Не так уж и в счет.

* * *

От осенней листвы горяча,
Одинокой березы свеча
Догорала.
Осень бисером серых дождей
Силуэты домов и людей
Вышивала.

На ее золотую парчу
Ветры свили тугую камчу.
Холодало.



Низких туч улеглась кутерьма.
А в затылок дышала зима.
И молчала.
Словно вечность смотрела в лицо...
Только рук твоих теплых кольцо
Охраняло.

РАССВЕТ

У предрассветной тишины
Глаза, как листья, зелены,
Свежо дыхание.
Душе не больше двадцати.
Бегом по Млечному пути —
И в Мирозданье!..
А там пролитая слеза —
Всего лишь светлая роса,
И день повсюду.

У предрассветной тишины
В стихи перетекают сны,
Подобно чуду...

ПЕРЕДЕЛКИНО

А этим соснам жить и жить,
и оставаться в высях горних,
а мы — мы будем уходить
негромко, медленно, покорно
и, как падение листвы,
безгневно и неотвратимо...
Кем будете воспеты Вы?
Кем так болезненно любимы?

А небо плакало дождем
в канун начертанного часа
и утешало старый Дом
красою Яблочного Спаса.





Виктория ЛЕВИНА родилась в Читинской области. Окончила МГТУ им. Баумана. Автор двух романов и пяти поэтических сборников. Публиковалась в журналах Израиля, России, Германии, Болгарии и др. Кавалер медали «Российской литературной премии». С 1997 года живет в Израиле, работает инженером в авиапромышленности.

Победитель (1-е место) международного литературного конкурса «Сентябрь багряный» (МСП имени св. Кирилла и Мефодия, Варна, Болгария), дипломант международного литературного конкурса «Созвездие духовности» (Украина), лауреат фестиваля литературных изданий «Редкая птица — 2017» (Украина), дипломант VIII Московского Открытого конкурса создателей современного романа «Авторская Романсиада — 2017» в номинации «Автор поэтического текста» (Москва), победитель питчинга (кастинга) для писателей Международного фестиваля искусств «Барабан Страдивари» издательства «Stella», Германия (МГП, Израиль, 2017), дипломант конкурсов им. М. Цветаевой и им. О. Генри «За вклад в отечественную поэтическую речь» международной конференции «РОСКОН 2017». Лауреат поэтического конкурса на приз журнала «Союз писателей» и программы «Новые имена современной литературы» (Россия), победитель Международного Ганноверского Чемпионата по русской словесности (Германия).

ТЕЛЬ-АВИВСКАЯ СОНАТА

Я — в Тель-Авив! Прости мне эту блажь!
Обожжены жарою выше меры,
Сидеть в берлоге с кондиционером
И пить послеобеденный купаж —
Не лучше ли, чем ехать в Тель-Авив
В свой выходной, под солнцем плавя шины
В разгар невыносимого хамсина,
Рюкзак с водой в дорогу прихватив?
Но Тель-Авив, особенно дневной,
С домами тесными, «периода мандата»,
И с Яффским портом, встроеным когда-то

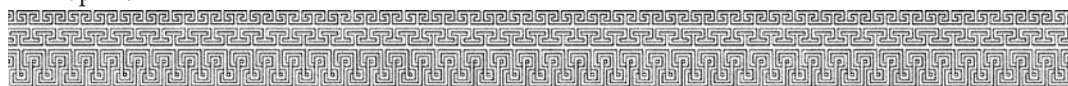


В легенду Андромеды, — якорь мой!
К театрам первым, в тень библиотек,
К домам, где родилась литература, —
Сюда не туристического тура
Стремилась поселенцы. Новый век
Влетал в окно, топорщил парус штор,
Рождал иврита перепев гортанный
Под плеск и говор моря неустанный,
И — розой полз на каменный забор!
В твоих аптеках, барах, кабачках
Жила душа хмельного Тель-Авива,
Что похотью «марсельскою» кружила
Во взглядах проституток и в стихах...
Там, вдалеке, живет высотный центр —
Гламур, богатство, биржи и алмазы,
А здесь — на эмигрантскую заразу
Заплачен шекель и отпущен цент...
Давай закажем ледяной абсент
К обеду с припортовой барбуньей,
Оставим tip бармену и певунье
За ягодиц вихляющий акцент.
А темнокожий шумный эмигрант
Уже собой заполнил переулки
И продает фалафели и булки,
И кажет на там-тате свой талант.
Прощай, мой Тель-Авив! Закончен день.
Звучит во мне рыбацкая соната.
И пахнет розой, что цвела когда-то,
К часовой башне прислонивши тень.

ПОЛУПУСТЫНЯ

Не каждому по нраву эта стынь,
Дневному жару в пару — холод ночи.
И марсианским таинством морочит
Меня полупокрой полупустынь,





Которые то холод, то теплынь,
То яркий свет, то темное пятно
На склонах гор, что с ночью заодно.

Я примеряла жизнь, на перевал
Взбираясь бодро, по судьбе катила
По серпантину, красные картины
Полуденный мираж мне рисовал.
Окружность солнца плющило в овал.
Вдали сверкало море, но порой
Мешали горы разглядеть прибой.

Так, полумерой, в профиль и анфас,
Моя полупустыня ворожила.
А плазмы солнца золотая жила
Жгла куст последний — тот, что про запас
Зверью и птице в самый жаркий час.
Его полузавядших листьев сок
Пьет тот, кто от безводья изнемог.

Я видела, как яростно цветет
Апрельский склон, как пьяно пляшут змеи,
На теплый камень возложив камеи
Чешуек изумрудных. В месяц тот
Живет ручей — часы наперечет.
Затем — жара, и кажется — навек!
Растресканы до крови русла рек.





Евгения КОМАРОВА родилась 2 октября 1987 года. Публиковалась в журналах «Ковчег», «Тарские ворота», в альманахе « Писатель Года» (прозаический дебют, 2016). Номинант премий «Писатель года 2016», «Наследие 2017». Автор книг прозы «Горький дым сигар» (2012) и «Хрупкая реальность» (2014). Финалист всероссийского конкурса «Поэзия в лицах» (2017). Живет в Омске.

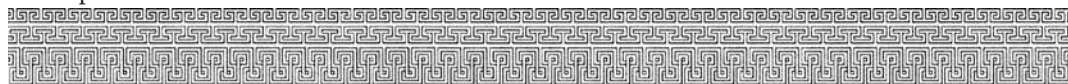
НАВАЖДЕНИЕ

О, как вскружили буйно голову мою
Огнем глубинным, затаенной страстью
Твои глаза! Тону, до дна не достаю,
Готова уж и к горести, и к счастью.

О, сколько сладостных невысказанных слов
Таится в междустрочье недомолвок!
О, сколько муки в ожидании того,
Что, может быть, и блажь, и сон, и морок.

Изящен, тонок, точно контуры чернил,
Ты поступью кошачьей грациозно
Вокруг дверей моих незапертых бродил,
Да так и не вошел. Теперь уж поздно.

Еще ночами услаждаю взгляд тобой,
И ревности подчас горят укусы.
А на пороге рьяно топчется другой,
С кем недомолвок нет, но нет и вкуса.



НЕТ РАДОСТИ ДОРОЖЕ, ЧЕМ ПО ТЕБЕ СКУЧАТЬ

На полотне безмолвной темноты
Замысловатым выплету узором
Твои прямые, смелые черты,
Что предстают незыблемо пред взором.

Я их украшу капелькой мечты
И обрамлю каймой воспоминаний,
Добавлю свет и нежность теплоты,
Приправлю томной сладостью признаний.

И тихих слов бесхитростный мотив
Меня согреет длинными ночами.
Из ласк перину шелковую сбив,
Я потону под карими очами.

В разлуке — плен, во встречах — благодать.
Нет мне ни в чем той радости дороже,
Чем по тебе мечтательно скучать,
От поцелуев след чертя на коже.





Инесса РОЗЕНФЕЛЬД — художница, поэтесса, философ. Родилась в Одессе, с 2003 г. живет в Берлине и Потсдаме, но свое творчество посвящает Израилю. Читает лекции по истории искусств, публикуется в «Еврейской панораме», участвует в художественных выставках, иллюстрирует книги, ставит детские спектакли.

Призер (3-е место) Литературного Фестиваля в Ганновере 2018. Финалистка интернет-конкурса «Эмигрантская лира-2016/2017», конкурсов поэтов-переводчиков «Свеча толмача» и конкурсов поэтов-эмигрантов «Эмигрантская лира-2015» и «Эмигрантская лира-2016». Лауреат Конкурса художников, финалистка поэтического турнира «Арфа Давида-2017» в Назарете. Победительница БЛК на stih.ru в сентябре 2016, в октябре 2016 номинирована на премию «Народный поэт».

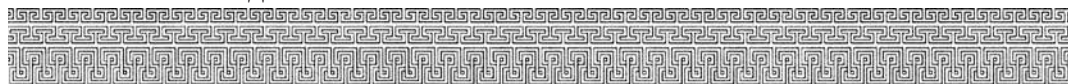
Вместе с отцом, Давидом Розенфельдом, бывшим узником гетто, издала серию книг о Холокосте на русском, немецком и английском языках.

ИМЯ

В честь погибшего деда,
которого звали Исаак,
меня назвали Инесса.
После войны не осталось
ни фотографий, ни документов.

Имя — ваза.
Цветок помещают внутри.
Имя — гамма.
На слух повтори.
Имя — тень.
Незаметно крадется хвостом.
Alter ego — мне твой абрис
До боли знаком.
И когда для опоры
Место ищет душа,
Очищая от сора



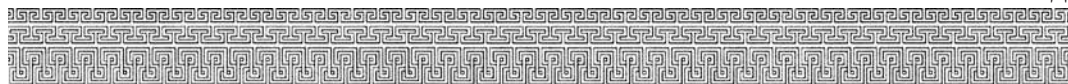


Свой родник не спеша,
И я чувствую телом,
Что колокол мой безъязык...
...Пишут черным на белом
Нехитрые жизни азы...
И во мне все яснее
Проступают ушедших черты,
И с течением дней
Смысл истин простых
Проступает... и ноша сия тяжела.
Утешением слабым
Моя жизнь
Стать, наверно, смогла
Для погибшего деда.
Мир тебе, Исаак.
Его облик неведом.
А источник иссяк.
Только имя и вера.
Задаток, а может — залог.
Неизвестному мера,
А может — домыслить предлог.
Я — как отзвук, как эхо,
И блеклая эта печать,
Как пустая помеха...
А может, напрасна печаль?
Или имя — как путы,
А может — поводья судьбы.
До последней минуты
Неминуемо бы...

ДЕТИ ДЕТЕЙ ВОЙНЫ

Эхо от эха
Осколки от осколка
Вина от чужой вины
Память памяти





Обделенные обделенными
Со скорбью чужого сиротства

Со стены черно-белые
Как со вневременной плоскости
Смотрятся в нас словно в зеркало
Предки погибшие засветло

Невидимой но колючей
Проволокой отделены мы
Стигматами душевных ран
Неверием в то что выжили

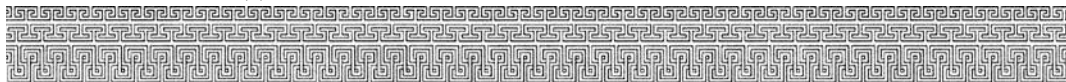
Неведением о прежнем
Облике предков канувших
Тоску взаимы у тоскующих
Зрение у виды видевших

Тыкаемся сослепу
В спины идущих спереди
А там — провал оступившихся
Позапрошлого поколения

Если есть дети войны
То война — мать родна
Пожирает своих детей
Пожирает детей детей

Не война ли плодит войнушки
С потешными войсками
Со свадебными генералами
Не война ли рождает смерть





АЛЕФ-БЕТ

Что знаки безлики
и цифры бесстрастны,
то всякому ясно,
но в буквах иврита,
из злата отлитых,
есть древние ритмы
огня и молитвы.
И в буквах иврита
на каменных плитах —
и срипки, и вскрики,
и выдох, и всхлипы,
испуганной птицы
гортанные хрипы,
и клинопись в лицах,
и стрекот, и клекот..
Изогнуты брови, как гибкие ветви.
В еврейских глазах нарисована вечность.
И профиль семитский — все линии те же,
все в буквах иврита. А что было прежде —
уста или слово? Письмо для него?
А строки иврита поются, как ноты,
звенят, как минуты,
летят, как монеты.
Страницы иврита — как шифр потаенный,
как вихрь исступленный,
как куст опаленный,
как шум отдаленный,
как шепот влюбленный.
И пальмы, и клены, и звездные кроны,
и пена, и волны, и своды законов,
и вся книга жизни
в небесной отчизне
(а может, молчизне),
где в литере каждой



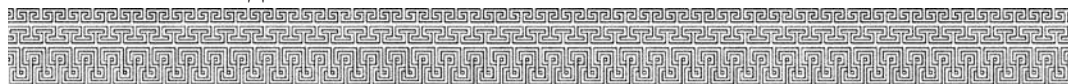
послание важное,
где скрытые смыслы
меж строчек повисли,
объемлет сознание
все мироздание.
И воду от пламени,
и Бога без имени,
и тени от сновидения,
и иудейского гения.

ЛУННЫЕ ОЧКИ

(очки погибших в концлагере)

Словно сомнамбула-лунатик,
Бреду зимою в саду лунарий.
Ко мне так пристально приникли,
Что плакать нотами привыкли —
Полупрозрачных лун монокли,
Как будто бы от слез промокли.
Мне чудится — по парам стекла,
Очки там сложены — без счета.
Для близоруких, дальнозорких,
В оправках новых и потертых.
В их гладких стеклах отразиться
Могли когда-то любимых лица.
И свозь которые все четче
Читались строки. И междустрочье.
Лежат, как будто бы кем забыты...
Все в целости они, нет разбитых.
Разбиты жизни, а в стеклах целых
Луч больше не находит цели.
В них и луна взглянуть страшится.
Глаза закрою — и вижу лица...
Не канет память, не отпускает.
Ледышки стекол в руке не тают.





Лунарий тоненьких, невесомых, —
Как лун бессонных.
И если скроюсь за лунным за склоном,
Его покроют лунарий сонмы.
Там, может, и для моих очков
Найдется ветка невысоко...

МЕНОРА

В Берлине каждую субботу
на площадях — палаток ряд,
и по любви, и по расчету
там пышной рухляди парад.
Музей бесчисленных безделиц,
что потрошится за бесценок,
чтобы освободить простенок
между оконцами эпох.
И рюмочки, и статуэтки,
и рамочки, и табуретки —
все, что копили и дарили,
что берегли и что ценили...
И на любой пошиб и вкус,
и степень тления...
Плати, бери любой, не трусь,
оставь сомнения.
Фигурки Будды и кресты —
такой паноптикум святынь...
И из такого сора
растет менора.
И в антикварных зеркалах,
на пыльных полках,
в подвалах и на чердаках,
на барахолках...
Теперь — добыча торгашей,
их скарб убогий.
Чей дом вы озаряли, где



теперь те синагоги?
Какие прежде двери и пороги
переступил светильник семирогий?
Кто утирал им слезы восковые,
к кому тянулись ветви круговые?
Они пылают пламенем незримым,
с упорством вековым необоримым.
Безмолвно вопиют, о сколько их —
и бронзовых витых, и золотых!
Под ними — пластик и бетон, мосты из стали.
Над ними погребальный звон стоит хрустальный...

ВЗРЫВНАЯ ВОЛНА ЭМИГРАЦИИ

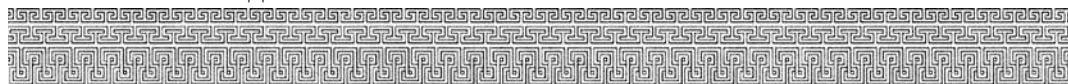
Говорят, что два снаряда
не попадают в одну и ту же воронку,
Но нас обоих отбросило
Взрывной волной
В одну и ту же страну
С точностью до квартиры.

Нас прибило друг к другу
Приливом чувств,
Прибоем третьей волны,
Вышедшей из берегов,
С точностью до общей культуры.

Нас подогнало друг к другу
Подобно портному время
С точностью до секунды.

Нас привили друг к другу,
Как саженцы прививают,
В саду из странных гибридов,
Причудливых парадоксов,
С точностью до общих судеб.





Наши предки погибли попоже,
В Бухенвальдах или Гулагах,
С точностью до одной и той же войны.

Две наши записки,
Вложенные в стену плача,
Среди множества писем,
Полных разных желаний,
Притерты друг к другу так близко,
Что буквы слились
В одну и ту же молитву,
Чтобы в цель попадали снаряды
С точностью до наоборот.

БЕН ХЕХТ

**ЕВРОПЕЙСКИЙ ЕВРЕЙ — БАЛЛАДА ОБ ОБРЕЧЕННОМ
(перевод с английского)**

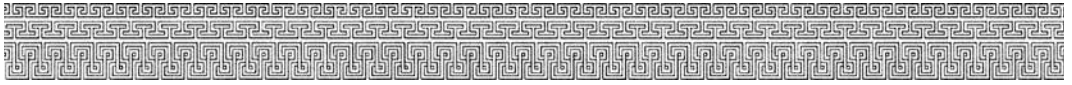
Четырем миллионам погибель грозит —
Но потише, евреи! — хоть сгиньте, сгорите, —
Но не будьте назойливы — этого мир не узрит,
В нем ведь *столько случается важных событий.*

Четырем миллионам — попоже на ложь.
Даже наш Департамент не одобряет
Этой массовой бойни — но этим его не проймешь,
Он **другими делами** сейчас заправляет.

Вы падете, как будто под корень подрубленный лес,
Вы истлеете тысячами в нацистской печи, —
И пошли нам прощение, Боже, с небес,
Что мы, **занятые новостями другими**, молчим.

Расскажите Ему, люди грешной земли,
Что у нас было время евреев спасти,





И что мы возмущались, но мы ничего не смогли,
У нас были **другие важные новости**.

Погоди же, имей терпение, не торопись,
Ты вздохнешь с облегчением: мир, торжествуй, —
От евреев очистят бригады убийц
нашу землю — наверно, уже к Рождеству.

(написано в 1943-м году)

РОАЛД ХОФМАН

ЧЕРНОЕ НА ЧЕРНОМ
(перевод с английского)

Краков — старинный еврейский город,
наманикюренный ради приезжих.

Кафе с вывесками на идиш,
фото из «Списка Шиндлера» на афишах.

Все же туристов немного,
но в выбеленной синагоге

крутится бесконечная лента —
черно-белые кадры немецких хроник:

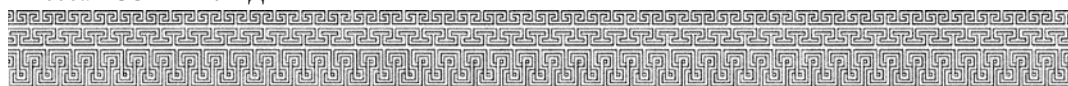
Казимеж, лето 42-го, гетто.
Люди, одетые бедно, везущие тачки.

Лошадь с повозкой, в ней
добротю одетый возница.

Телега, завалена хламом,
почти островерхая хата.

Водитель с притворной улыбкой
ломает, позируя для кинокамеры, шляпу





перед лицом офицеров,
смеющихся так же притворно.

Сутолока, суматоха, далее — дети,
праздно глазающие на нескончаемую вереницу

всяческой рухляди, вытесненной, чтобы втиснуться
снова в проемы жилищ. Виноградник в предместье
Боннье

представился мне: на террасе,
вытесанной недавно,

стена из камня, под нею ракушки,
белые, вдавлены в землю,

иные сложились холмами —
мавзолеи самим себе. Мнится, улитка

к капле спасительной влаги
тянется так же, как тянется время —

медлительно, неумолимо. Вижу следы
жизни, застывшие или бегущие
то ли по белому белым,
то ли по белому — черным.

ЭРЕЦ ИСРАЭЛЬ (к 70-летию)

Да будет свет, да будет свят, —
сказал Создатель, тьмой объят.
Явился свет, и светлый взор
спустился по отрогам гор,
земную твердь облюбовал,
дивился он и ликовав



и рекам, и долинам...
А свет сошелся клином.

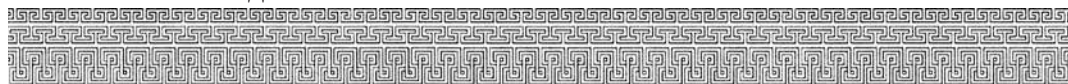
И этот тонкий светлый клин
вонзился посреди земли,
где средиземный тот пролив,
три континента разделил.

Народы веру обрели,
обетованной нарекли,
и золотой Ерусалим,
что в вере был неодолим,
вознесся из святой земли,
что молоком и медом
течет под небосводом.

Шесть дней творенья, шесть лучей
звезды Давида, свет очей, —
на шесть тысячелетий
во тьме — на белом свете...
Шесть миллионов павших,
шесть дней военной пашни...
И по прошествии веков
мы ждем пришествия. Таков
наш знак шестиконечный
от шестерни извечной.

Там, где Геенна и пески,
теперь Эдема островки.
Страна, в которую взойти,
чтоб мудрость древнюю взрастить,
где оживают письмена
со дна, от векового сна,
и плод запретный — в галуте,
запрятанное в памяти.





Талантов здесь поболее,
чем в Мертвом море — соли.
А тайных знаний в Торе,
как соли в Мертвом море.
Перенасыщенный раствор
учености с давнишних пор.
Чтоб этот плотно сжатый клин
и свет, и святость нес и лил,
свет разума да сохрани
и преумножь земные дни.

Закваска для брожения
ума — как притяжение,
как предопределение —
надежда, вожделение.
Страна, чье возрождение —
к истокам восхождение.
Страна не празднует побед,
лишь скорби горестный обет.
Но жизнь, как эйфория —
Дари ее, гори ей!
За острый клин, за светлый луч,
что плодовит, богат, живуч,
что греет, озаряя мглу,
пой песню — Господу хвалу!





Алена ЕМЕЛИНА родилась в Ленинграде, живёт в Норвегии. Психолог-консультант.

Бронзовый призёр 5-го Всемирного фестиваля «Эмигрантская Ли́ра» (2013), финалист Международного фестиваля русской поэзии и культуры в Израиле. Напечатаны книга стихов и прозы «Психея» (2003), рассказы для детей «Лестории» («Детгиз», 2008; переиздание АСТ, 2015). Стихи публиковались в сборнике 5-го Всемирного фестиваля «Эмигрантская Ли́ра» (Бельгия), в журналах «Соотечественник» (Норвегия) и «Эмигрантская Ли́ра» (Бельгия).

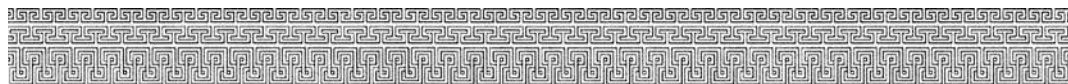
ПОВЕЛИТЕЛЬ СМЫСЛОВ

Время, в приход которого
никто не верил,
вдруг наступило, и все умолкли,
как будто стих ветер
в небесных пределах
земного города

Поверите ли, нет — явился
ни кто иной как Повелитель Смыслов
и молча двинулся по кругу.
Он раздавал несправедливо,
по одному — по два влагая в руку,
кого-то пропускал...
Так очередь моя не наступила

Устал и вытряхнул остатки —
раскатились.
А сам ушел, не оглянувшись, прочь.
Я стала собирать невидимые смыслы
во сне и наяву —
и день, и ночь





МОЙ ДРУГ АНГЕЛ

Подправлять подкручивать
Небесную механику
Не безделица
Без лица и сердца
Но с крыльями гулками
Справедлив кроток
В трудах без устали
Мой друг ангел
С характером трудным

ВЕСЬ БЕЛЫЙ ДЕНЬ...

Весь белый день
как длинный вечер
Гоняет ветер снежный прах
Несуществующие свечи
играют с тенями в углах
Я разниму ресницы влажно
забуду руку на щеке
скажу тебе о самом важном
на самом тихом языке

КОНЕЦ ДРУЖБЫ

Историю, стирая, не стереть
Она заполнена их детством
и подвигами прошлых лет
Друзья — им вместе не стареть

Как запах выстрела —
предчувствие конца
В предельном реализме
расставаний
неузнавание знакомого лица
на расстоянии



Рукопожатия
последняя печать

Безмерная звериная печаль
не позволяет различать,
что разлучает

И оба вздрогнули — один не понимал,
другой все понял
Неспособный
увидеть смыслов больше одного
остановился у порога

Другой вошел
И опустился полог

НУЛЕВАЯ ЗОНА

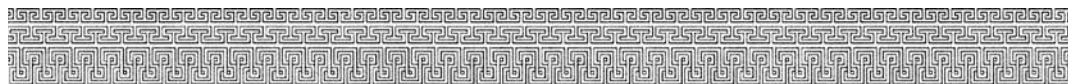
Атаки страха, тревоги
по причинам резонным
непрерывно штурмуют
ума и сердца
уязвимые бастионы

События надвигаются
с лицами
приветливых мумий
и направляют агнцев
к нулевой зоне
безволия и безумия

УПЛЫВШИМ

Когда долго смотришь на волны —
жернова голубые, водные,
перемалывающие прошлое —
поневоле уплывших вспомнишь
в длинных ладьях к горизонту





Их провожали надолго,
прикрывая глаза ладонью,
чтобы небо их не слепило,
чтобы море не видело скорби,
по щеке слеза не катилась
об ушедших на запад солнца

На холмах — поминальные камни,
перевиты кресты и змеи
лентой рун со словами прощанья.
Белокурое летнее небо
серебрится за их плечами,
в его свете летают чайки
и кричат призывно-печально

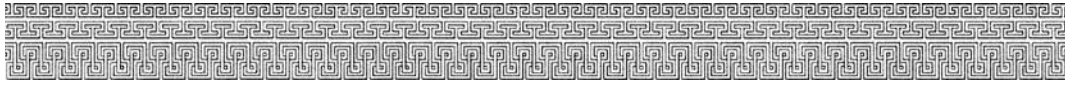
Ночь превращает время,
сплетая вчера и завтра,
соединяя руки —
теплые с невозвратными...

Бытие каменеет в память,
то, чем душу нашу спасаем,
превращается в ясные звезды
и взлетает к хрустальным сферам,
прилагая свой голос к их пенью

Прошлое — бесполезно,
оно становится тленом,
когда мы покидаем землю
Те, кто помнят нас,
помнят неверно

Уплывай,
ни о чем не печалься
Там, вдали,





ты узнаешь правду
Каждый день
твоей жизни — взвешен,
свиток черных дыр
и созвездий
запечатан
Святой Печатью

ИТОГИ

Холодные пальцы тумана
соскользнули с холмов
Городок безымянный,
мокрые лица домов
Рассуждение бездорожное
Жесткие подбородки
негостеприимных порогов
Ничего нет более сложного,
чем подводить итоги
неопределенного



Валентин ЕМЕЛИН живет в Арендале (Норвегия). Работает в Центре сотрудничества с Программой ООН по окружающей среде ГРИД-Арендал, старший советник, директор программы. Переводы с английского, немецкого, шведского, датского и норвежского языков публиковались в журналах «Эмигрантская Ли́ра» (Бельгия), «Интерпоэзия» (США), «Вышгород» (Эстония), «Белый Ворон» (Россия); поэмы и стихи — в журнале «Белый Ворон» и сетевых изданиях «Белый Мамонт», «Буквица» и «Золотое Руно». Автор перевода семейной саги Денниса Нурксе «Голоса над Водой», автор и редактор (совместно с Галиной Ицкович) сборника переводов «Женская поэзия Америки» и сборника стихов девяти авторов «Истории. Нарративная поэзия XXI». Лауреат IV Международного Фестиваля русской поэзии и культуры «Арфа Давида» (1-е место); серебряный призер Пятого Всемирного фестиваля «Эмигрантская Ли́ра»; финалист 13-го Международного Фестиваля русской поэзии «Пушкин в Британии» и «Кубка Балтии-2015»; серебряный призер Международного литературного конкурса «Серебряный голубь России-2017» в номинации «Поэзия».

КОЛЛИЗИЯ поэма-дереконструкция

*...Мировой пожар в крови —
Господи благослови!*

А. Блок

1.

Эх, дороги...
Холодно в Таганроге.
Похрустывают ледком —
Будет идти легко.

Странник со светлым ликом —
Армяк с чужого плеча.



Не поминайте лихом
Федора Кузьмича.

Скрыто
ангельское лицо —
Прытко
Красное Колесо.
Настежь остроги:
Революция на пороге!

2.

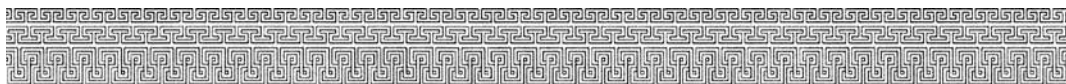
В тюрьме проекции Меркатора
На карте корчится Россия...
Пошли ей доброго диктатора!
Пошли ей мудрого мессию!

И вот — пришел. Воззвал к народу:
— Взойдем на баррикады вместе ль?
За Конституцию, свободу!
— Да-здравствует-полковник-Пестель!

3.

Ой, мороз, мороз,
В небе — купорос.
Скинули царя
Четырнадцатого декабря!
Картечь да шпицрутены,
Вороны над трупами,
Хоцца человечинки...
Хто там в белом венчике?
Кацавейка куцая,
Жена те Конституция!
Мы пьяны с утра.
С нами бог! Ура!





4.

Скачет тяжелой поступью,
Супостатов круша,
Конница Муравьева-Апостола —
Эх, встрепенись, душа!
Эх, раззудись, рука,
Веселым звоном клинка!
Очи — чайными блюдцами:
Чай у нас ре-во-люция!

5.

Што, барин мордатенький?
Воля нам, не слышал?
А если — рогатинкой?
А — красного петуха?
Вот ужо заалет вам,
Выметет чисто стужею...

Боже, храни Рылеева,
Боже, храни Бестужева!

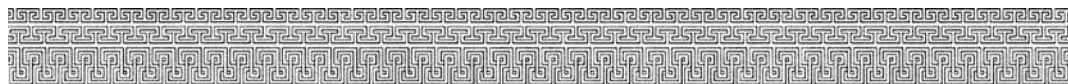
6.

Эй, драные зипуны,
Вы — опора страны!
Были — перекатная голь,
Стали — земельная соль!
Надо ль барина на шее вам?
Все — в коммуны Аракчеева!

7.

Патруль проявляет бдительность:
— Стой! Кто таковский?
Беспощаден к вредителям
Ситуайен Каховский.





В сердце — жар, холод — в голову,
Глаза тусклые, словно олово.
Крепостников ликвидирует как класс.
Боже, помилуй нас!

Хоть и кроткие сердцем мы,
Но не будите Герцена!
Не поднимайте веки ему,
Пока не время реквиему...

8.

— Вчера ты был холоп и раб —
Нынче — награбленное грабь!

— А не любит нас милая —
Так возьмем ее силою!

— Я за мосластую мадам
И «бенкендорфинки» не дам!

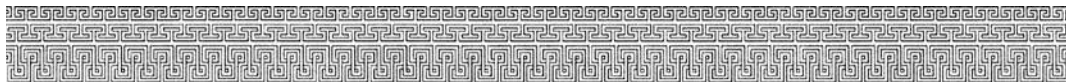
— Гей, не любо вам, лабазнички,
Да на нашенском на праздничке?

— Ух, дорвусь же до вина —
Пойду бить жидовина!..

Кистенями поигрывает в карманах
Торжествующее хамье.

«Вчера
гражданин
Николай
Романов
Расстрелян со всей семьей».





9.

В воздухе пахнет серою.
Крестят святую Русь
Робеспьеровой верою
И террором «марусь».

Жизнь не дороже полушки нам —
Будет вечным клеймом
Пуля в затылок Пушкина
В кровавом тридцать седьмом.

10.

Ох, начальнички строги
Да в трудовом остроге!
Ровно кладет кирпич
Старец Федор Кузьмич.

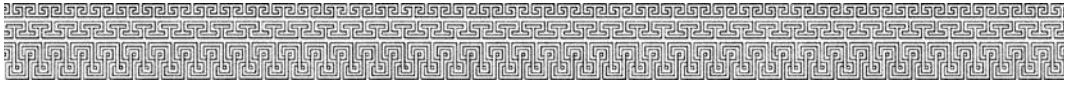
Верить, просить, бояться —
За это не впишут в святцы.
На нарах погасла свеча.
Один день Федора Кузьмича.

11.

Дымят уральские заводы,
И вороненая броня
Со стапелей сойдет на воды,
Врагов надежды хороня.

Европе бросим вызов смелый,
Закончим стародавний спор.
Поберегитесь, Дарданеллы:
Российский флот прошел Босфор.





Дрожи, султан! Тебе на горе
Оставим россыпи могил.
Веди нас в бой, святой Егорий!
Веди, архангел Михаил!

12.

Што, нехристи, оробели?
Будет вам «казус белли»...
Аве, Генералиссимус!

13.

Вот такая коллизия-с.





Алена МАКСАКОВА родилась в Харькове, окончила университет (литературоведение). Участник литературных семинаров и поэтических сборников. Победитель фестивалей «Эсхар», «Майдан», «Славутич», лауреат Открытого Чемпионата по русской словесности и международного конкурса имени Дюка де Ришелье. Издала сборник стихов «Маленький дневник».

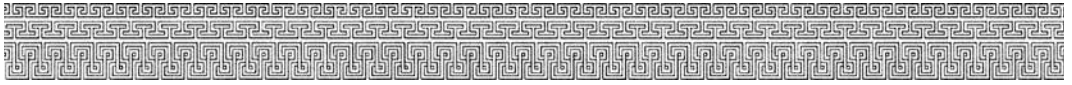
* * *

Гейшей с тонкими руками.
Чио-Сан. Тебе темно?
Призрак пудрится у рамы,
Поправляя кимоно.

Подойди, не объясняя,
Сдуй пыльцу с лица и крыл —
Тотчас бабочка нагая
На пол упадет без сил...

**ПОХВАЛА ДИАЛЕКТИКЕ
(КАРТИНА РЕНЕ МАГРИТТА)**

Только ты понимаешь
что я никогда не умру...
Просто стану смотреть этот мир
сквозь замочную скважину
тихо.
Как послушная девочка
дочь очень тихого психа.
Никому не мешая
И не заслоня дыру...



* * *

Они читают друг друга в Фэйсбуке.
Они расстались лет десять назад.
Он помнит ее холодные руки.
Она... но это другой расклад.
Они о многом даже не помнят.
И редко вместе выходят в чат.
Он ей звонит. Отвечает томно.
О чем? но это другой расклад.
Они не увидятся — оба знают.
Времени нет, да и смысла нет.
И на мониторе Бог замечает
Из букв и точек неровный след....
.....а...ю....и.....

А знаешь, лучше не будет:
Лучшее не повторяется.
Притча или предтеча?
Поверь мне, я буду жить вечно.
Пока — получается.

Я буду любить тебя вечно...
Пока — получается...

Нет, не из чувства такта
И не от мазохистской природы,
Но ты для меня — де-факто,
А я для тебя — де-юре.
Камера на айпэде
Смотрит черно, в упор.
— Вы опоздали, lady,
Never more...





Михаил ЖИНЖЕРОВ родился в 1947 году на Украине, в Чернигове. После окончания Киевского института народного хозяйства руководил подразделениями на предприятиях ВПК, читал лекции по экономике. Мастер спорта по шашкам. С 1994 года живет в США. Работал экономистом, для медицинской страховки дежурил по ночам в доме для психически неполноценных.

Публиковать свои произведения в литературных журналах и поэтических альманахах начал недавно. Некоторые стихи переведены (или переводятся) на иностранные языки: польский, болгарский, греческий, английский. Участвует в международных конкурсах. Автор книги «Рифмой по затылку», аудиокниги «Пегас в бане». В печати новая книга: «И смех, и слезы, и любовь». Член Российского союза писателей, Пушкинского общества Америки, Литературного клуба Нью-Йорка.

Основные литературные награды: медаль им. Мацуо Басе, грамота Пушкинского общества Америки, почетный сертификат литературного клуба Нью-Йорка, третье место в международном конкурсе им. Гофмана. Представлен к награждению орденом им. Кирилла и Мефодия.

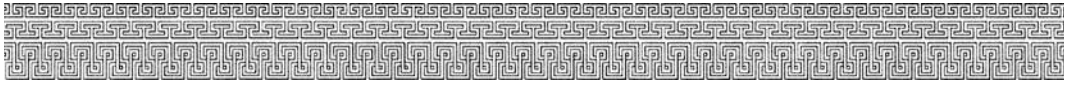
МОЯ ЛЮБИМАЯ

Сердце заляпано грязною лужею зависти, сплетен, потерь.
Прежде — талантливый, ныне — ненужный, старый загнанный зверь.
Ближе и ближе свиданье с могилою, воспоминания рву,
Только со мной моя славная, милая, значит, еще я живу.

Светит улыбкою доброе личико, сердце открыто для всех,
Только все реже и реже он слышится, твой серебристый смех.
Горе, болезни, нужда, унижения — всюду ты рядом со мной,
Милая, чистая, добрая Женя, мой человек родной.

Трудно работать, бессонницы муки, был я унижен не раз.
Только со мной твои теплые руки, светлых сияние глаз.

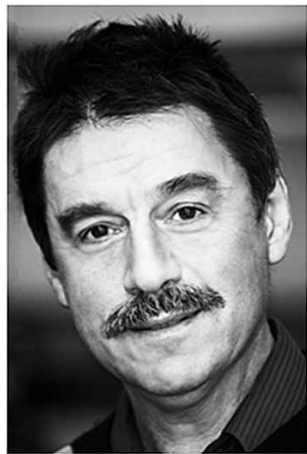




Где бы я ни был, о встрече мечтаю, снимок родной достаю.
Только здоровье все тает и тает. Как я тебя люблю!

Близкие мечтают в мире кипучем, и нелегко им понять:
Рядом прекрасная, самая лучшая бабушка, дочка и мать.
После работы меня ты встречаешь, взгляд милых глаз ловлю.
Снова в заботах, трудах и печалях. Как я тебя люблю!

Слишком восторженный я, наверное, но для меня ты одна.
Самая нежная, самая верная, лучшая в мире жена.



Дмитрий ГАРАНИН родился и вырос в Москве. Окончил МФТИ, защитил диссертацию по теоретической физике. Работал в Физическом институте им. Лебедева АН СССР. В 1992 г. эмигрировал в Германию, работал по специальности. С 2005 г. — профессор на физическом факультете Leliman College CUNY в Нью-Йорке. Автор около 130 научных статей.

Писал стихи в 1978-88 и в 1988-89 гг., но не публиковал. После многолетнего перерыва в 2012 г. вновь активно увлекся поэзией. В настоящее время автор шестнадцати книг стихов, изданных под собственной маркой Arcus NY. Публикации в журналах «Крещатик», «Слово/Word», «45 параллель», «Зарубежные

задворки», Asian Signature (Индия, на английском). Постоянно живет в США (Нью-Йорк) и Германии (Баден-Баден).

КАРДИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦИКЛ

СЕРДЕЧНЫЙ КЛАПАН — ЛИШЬ ЦВЕТОЧКИ

Сердечный клапан — лишь цветочки,
лишь знак, что ты еще живой,
пока не отказали почки
и складно в нише мозговой.

Бронхит загаживает трубы,
но легкие не тяжелы,
куски еды зубам не грубы,
и разнополые полы.

Пусть глаз боится глаукомы,
презреет кьюбитал¹ рука.
Впадение в кому незнакомо,
и на безрачье жизнь — река.

6.11.2013

¹ Кьюбитал — cubital tunnel syndrome.



ДОКТОР ШАХНОВИЧ КУЛЬТУРНО ПОКА НЕ МАТОМ

Доктор Шахнович культурно пока не матом
Объяснил ситуацию с сердцем уже чреватую
При промедленье концом неприятной натуры
Следующим ходом с доски мою снимут фигуру
При непринятии мер не уйти от прорухи
Мною займется вплотную прозектор Матюхин
Так что с моей стороны при отсутствии рвенья
Выдаст мне доктор Шахнович к нему направленье
Если же мне поплясать еще надо зачем-то
Он отошлет на леченье меня к Резниченко

27.05.2016

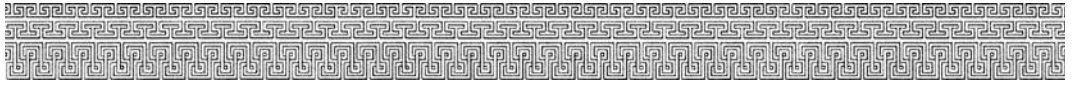
ПО СЕРДЕЧНЫМ КЛАПАНАМ

По сердечным клапанам
Пробежит рука хирурга
Резать свет зеленый дам
Чтоб не пали друг за другом
Средостенья моего
Изветшавшего насоса
Распрямился жизни ствол
Выровнялась крови поступь

Ведь прогресс уже достиг
Небывалых результатов
На кладбище старых книг
Груды методов чреватых
Надо выбрать резника
Пусть на вид он будет хмурый
Но умелая рука
С четкою аппликатурой

27.05.2016





ТРАГИЗМ СУЩЕСТВОВАНИЯ ДАМОКЛОВ

Трагизм существования дамоклов
Конца отсроченного ожиданье
Куда бежать снаряды рвутся около
В круговорот зовут отдаться данью

Но почему заткнуть воронку рванью
Такой как я внезапно стало важно
Я не достиг еще солнцестоянья
И не издал широкий звук протяжный

В открытый мир из сокровенных скважин
Глубин ветвистых хромосом и генов
Где смысл и образ по закону сложен
Что всем услышать нужно непременно
30.06.2017

НА ОПЕРАЦИОННЫЙ СТОЛ

На операционный стол
герой лирический возляжет.
Весь путь он мысленно прошел
и знает, что возможна лажа,
когда попробует иссечь
хирург митральный клапан хилый,
что в жаром дышащую печь
его бы сердце обратило.

Тогда бы о любви стихи
лились оттуда как из домны,
для понимания легки,
чтоб вызвать резонанс огромный
в умах, да и в сердцах людей,
что потянулись бы на скалах
гравировать поток идей
и рифм созвездья небывалых.



Но если вдруг, но если вдруг
бессильна будет медицина,
и кардиолог, семирук,
фортуны вдруг увидит спину,
тогда, незаменимых нет,
другой герой на сцену выйдет
для новых чувств, и всем привет
от моего, что не в обиде!

27.07.2017

ЧЕМ ТОМИТЬСЯ, КАК РЫБА НА БЕРЕГУ

Чем томиться, как рыба на берегу,
из последних слабеющих сил раздувая жабры,
сигануть ли в завывающую пургу
шансов для волевых, что до жизни жадны?

При низкой температуре госпитальной зимы
на бесстрастных чашечках медицины
выживают те, кто для будущего годны,
чьи вихрастей в пространство вкручиваются седины.

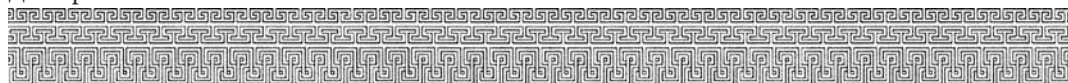
Из тумана наркоза выплыть, кому повезет
в соответствии с или же против правил,
пересекая реку не в лодке, а вплавь иль вброд,
не волнуясь — кто след на земле уже свой оставил.

25.08.2016

ХИРУРГИЧЕСКАЯ ПЕСНЬ

В отличие от пива здесь кровь не доливают
И дренажи повсюду торчат из трубочей
Они бредут в халатах по жизненному краю
За два шага от бездны по полосе ничьей





Наложены заплаты на органы дырявые
Что надо удалили недрогнувшей рукой
Кому болезнь прописано дотравливать отравой
Кому рекомендуют нетрудный спорт какой

Пускай пройдет по жердочке над морем осложнений
В сопровожденье капельниц паломников отряд
Вперед с усилием двигая ослабшие колени
И сестры трубки выдернув победу протрубят

02.08.2017

ВОЗРОДИВШИСЬ, СТАЛ ПОЭТ ЗАВОДНОЙ

Dr. Greg Ribakove

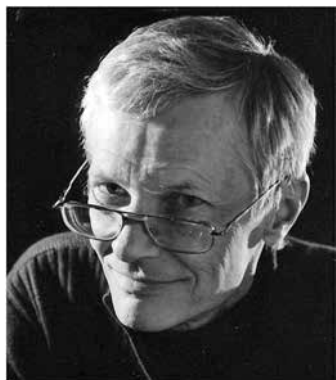
Возродившись, стал поэт заводной.
В моем сердце бьется клапан свиной!
И теперь в груди ток словесных роз
не застопорится наперекос.

Стал длинней строки вдохновенной вдох.
В легких парусность и объем неплох.
Предоперационный надоел покой —
пусть ветра мачту гнут дугой!

Мой страдавший мозг кислород омыл.
Чую в нем идей шелестенье крыл.
Понесу закон в мир, неумолим...
Буду твой гонец, доктор серафим!

24.08.2017

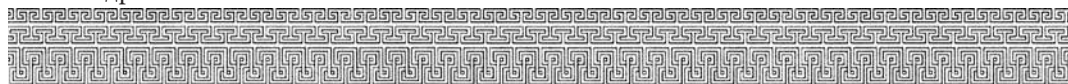




Александр ЧЕКАЛИН родился в 1950 году, образование — высшее техническое, окончил кафедру Кибернетики ХТП МХТИ им. Д.И. Менделеева. Работал на кафедре, впоследствии в НИИ, с 1991 года — в коммерческих структурах, занимался переводами с/на иностранные языки. В настоящее время — неработающий пенсионер. Печатается впервые.

ПРО ЛЮБОВЬ

А за окном — такая красота:
раскисшая дорога, лес и поле,
и в сером небе — детская мечта,
чуть розовея, холодила что ли...
А в чистом поле — дальние огни,
осенние страдания да ветер,
да ситцевый платок из глубины
зрачка, соринкою под веком.
И все прошло. И та чужая боль
моей не стала. А когда запели,
почудилось ли вдруг: — Забудь, не спорь.
Проходит жизнь — опять прошла неделя.
Уходит лето. Зрелые года
давно уж перезрели. Только детство
и отрочество: нет же, никуда
от них не деться — главное наследство.
Тех чудных книг, что прочитал тогда,
картин загадочных в туманных галереях —
и сон, и смысл. И, право, навсегда —
любовь, которую ничем нельзя измерить.



ОКТАБРЬ

Экой красотой октябрьской —
снег, лежащий облаками
на листве, как пряник царский
в сказке странствий меж ветвями,
где павлины в шелке вышли:
вышитые, иль живые —
все равно. На ветках вишни
расцвели в грозе и ливне —
вот и ждешь, на небо глядя,
снова мая, как в апреле.
Даже птицы, улетаая,
вроде, снова прилетели.
Помнишь, в детстве — эта книга,
что потом ночами снилась,
и другая, где коврига
горизонтом округлилась?
Все ушло, а ты остался.
С листьев шмякается оземь
талый снег. Ну вот, взорвался
черный грач гранатой. Осень.

ОСЕНЬ

Слабый запах духов с ветерком залетает снаружи,
хоть сейчас не весна на дворе и не лето уже...
Осень... Неба лазурь отражается в меркнущих лужах,
и деревья дрожат в золотом — напоказ — неглиже.
Осень... Долгий закат заскользил по упругой наклонной,
медлит, медлит, бессильно и тщетно пытаюсь согреть;
засыпающий вечер в какой-то весенней истоме
мягкой тенью по сцене подводит дворовую клеть.

Слабый отблеск все дальше и дальше на запад, на запад,
или память о нем, словно вспыхнула спичка — и нет,
только кажется, что остывающий в сумерках запах

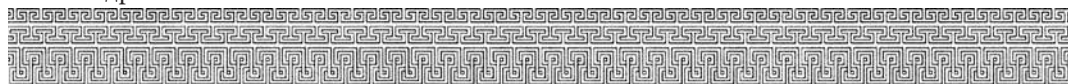


запутал и отстал, и запутался в кружеве лет —
лет и зим, зим и весен, и множества дней неучтенных,
и неважно, неважно — когда и зачем, и о чем...
Выключается свет, словно так будет вечно, и сонный
кто-то мирно бормочет под моим невысоким окном.
Вот уже он утих — мой ночной аноним-собеседник —
он совсем не мешал, вереща деревенским сверчком,
обещая покой и приют, как надежный посредник
между вечным и суетным, но не приходящий потом.
Он ушел навсегда под накрывшими землю крылами
той прозрачно-дырявой городской — не ночной — темноты,
как совсем невесомый платок, что остался от мамы.
Только осень шаталась, захмелев от земной духоты.

* * *

Я не заночую в чистом поле,
и меня не занесет снегами —
на постое выдадут простое
одеяло, думку с лебедями,
и, окно завесив от прохожих,
вдруг совсем усну на полуслове,
и меня никто не потревожит,
разговоры начиная снова.
Все уйдут смотреть волшебный ящик —
нет ли там ответов на вопросы,
приберут нежирную заначку
от греха в зеленый шкафчик с розой,
где граненые стаканы, запылившись,
словно у колодца лед, чернеют.
Пусть никто не станет знаменитым,
в жизни ничего не займет
на пути — извилистом, корявом,
пусть вздыхают ходики на стенке,
пусть никто не будет виноватым,
и споет по ящику Шульженко.





ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ

Корабли на Арале легли на мели, погас
мутный глаз заката, а мне сказали: «Живи».
Я стараюсь, но это, конечно, — только для вас,
чтоб успеть рассказать о своей безмерной любви.
«О любви» — бесконечный фильм: ледяные дожди,
и страна проплывала, как белые ночи. Сны
в этом фильме — как жизнь посреди блестящей воды,
и с часами вместе плыли ночные огни.
И, конечно, дети все знали уже тогда:
целина, и Сибирь, и далекие стройки, и смех
на экранах, а в жизни — Караганда.
Только пряников, жаль, еще не хватало на всех.
И тогда я смертельно влюбился в родную речь,
и не смог бы и дня прожить без родных людей
и без этой нищей страны, где русская печь —
как богатство среди ледяных ночных пустырей.
Космодромы — в небо: в разбомбленной стране, в пыли.
Лишь видны кое-где дымящие руки труб,
голосующих только «за». Что могли — смогли.
Так и жили в любви, улыбаясь сухостью губ.
Мы выросли, и с нами выросла наша любовь.
Мы ходили смотреть французские фильмы, но
почему же опять: закатов жаркая кровь
запеклась, и двор, и все время горит окно?





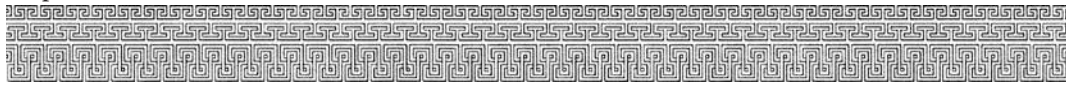
Марина РОМАНДИНА по образованию юрист. Публикуется с 2011 года. Участник около 30 поэтических сборников. Финалист конкурсов МГО СПР «Лучшие поэты и писатели России» (2014), «Литературное достояние России» (2015). Окончила литературные курсы Союза писателей. Награждена почетными дипломами МГО СПР. Член Российского союза писателей.

БЛАЖЕННАЯ МАТЬ ТЕРЕЗА

Любовь не нуждается в причине!

Св. Тереза Калькуттская

Во имя раздетых, калек и бездомных,
Во имя голодных и прокаженных
Я счастлива Премию мира принять,
Но скоро уеду в Калькутту опять.
Калькутта — и дом мой, и место служенья,
Куда прибыла я, когда Провиденья
Всевышний божественный план возвестил.
И зов тот повторный судьбу изменил.
А первый в далеком услышала храме,
И, чтобы не думать о вражьем обмане,
Направилась сразу к святому отцу,
О том, что случилось, сказала ему.
«Была в черногорском Соборе впервые,
Хвалы там Творцу возносила живые,
Как вдруг ощутила призывы к служенью:
В монашестве Богу, к Его прославленью!» —
«Послушайся гласа души: если счастье
Ты чувствуешь, а не унынья ненастье,



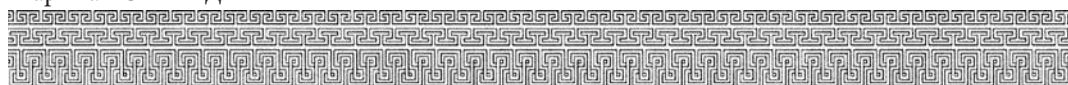
То это, конечно, от Бога был зов,
Благословить на путь добрый готов».
И он дал святое благословенье,
Чтоб явленным замысел стал Провиденья,
И Промысел Божий исполнила вскоре,
С Отцом пребывая — и в счастье, и в горе.
И снова услышала голос из сердца:
«Ты вынесла радости Божьи из детства
И можешь любовь бедным Индии дать
И имя свое в Книгу Жизни вписать».
Меня привели в Орден Божьи пути,
Чтоб в нем двадцать лет послушанье нести:
Учителем в школе калькуттской была¹.
Но нищим служить наступила пора.
Однажды, вернувшись с говенья в Калькутту,
Я сильно болела, и на минуту
Мне было виденье святого Петра:
«На Небе нет бедных! Неси крест добра!»
Дано было Господом благословенье,
Чтоб нищим дарила свое утешенье.
Накоплен был в школе ведущий ресурс,
Но также прошла медсестер полный курс.
Я так начала выполнять волю Бога:
В бараках запущенных, нищим, убогим,
Служила трудом и молитвой своей,
Больным помогала и мыла детей.
Потом основала обитель для бедных:
Учила писать их, кормила обедом.
Молилась усердно помощниц мне дать,
Чтоб множилась сестринства Божия рать!
Решила я этих послушниц сплотить,
Хотела узнать Провиденья пути.
Когда же из Рима ответ мне пришел,

¹ Учителем, а потом директором в школе при монастыре для девочек из обеспеченных семей.



В том Ордене было двенадцать сестер.
А чтобы исполнить Господень завет,
Прибавила к трем и четвертый обет:
«Любовь и все лучшее — бедным отдать,
Взамен ничего не желать никогда!»
Создал первый хоспис наш Орден затем,
Чтоб нищий в час смертный опору имел.
А как-то увидела: смерти слабей,
Бродяга, лежащий с болезнью в борьбе,
И крысы живого еще стали есть,
А нищий скорее хотел умереть.
В больницу быстрее его отвезла,
Дорогой увидела мертвых тела:
К ним каждый прохожий Калькутты привык,
Никто ничего и не делал для них.
Открыт «Город мира» был нами потом:
Больные проказой нуждались в таком.
Недуг же не может сердца исказить!
Они там могли и работать, и жить.
Рожденных детей их сдавали в приюты,
Чтоб защитить от инфекции лютой.
В то время съезжалось к нам много сестер,
Но лишь к милосердным был путь распростерт.
Снимать с NBC как-то прибыли к нам,
Но им показала не Ордена храм,
А мусорник — место особенных встреч:
Оттуда младенца сумела извлечь.
Для Индии это не редкий был случай:
Сотни детей мы нашли в этих кучах!
В своем большинстве это девочки были
Из тех, кого мамы свои не убили!
Мы позже создали приют для детей,
Которых привозят из Индии всей.
Мы новых родителей многим нашли,
Они в этих семьях любовь обрели.





Всегда, как Иисус, я хотела любить!
В любви отказать — все равно что убить!
Лечить все болезни умеют теперь,
Но как исцелить нелюбимых людей?
Терзаются люди ведь целого света
Без ласки, приятия, слова приветя.
Кто чувствовал часто ненужным себя,
Тот жизни не знает — он жил, не любя.
Все то, что мы сделали, — капля лишь в море:
Так много больных и кричащих от боли!
А я — карандаш, что у Бога в руках,
И Он мной владеет, лишь Сам хочет как!



Алекс ЩЕГЛОВИТОВ родился и вырос в Харькове. По образованию инженер-электронщик. С 1992 года живет в США.

Пишет стихи давно. До недавнего времени был представлен в основном в Интернете. Автор сборников стихов «В созвездии Рака» (2008), «Целая жизнь» (2016) и «Пролог» (2017). Участник коллективных сборников «Облако в стихах» (2002) и «Стихия 1» (2004). Дважды лауреат международного литературного конкурса «Пушкинская лира» (Нью-Йорк, 2016 и 2017 гг.). Член Литературного клуба и Клуба русских писателей

Нью-Йорка. Публиковался в русскоязычной прессе Нью-Йорка, Белгородском многопрофильном журнале «Звонница», интернет-журнале «Зарубежные задворки», англоязычном журнале Poems of the World.

...И БЕЖИТ КАРАНДАШ ПО БЕЗМОЛВИЮ СНЕЖНЫХ СТРАНИЦ

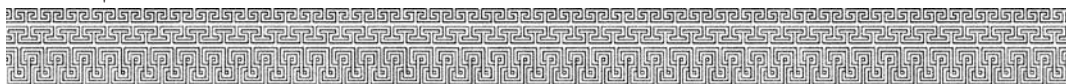
Я открою окно, прикоснусь к полумраку рассвета,
Пропущу его в дом и разбавлю мерцаньем свечи.
Камертон тишины чутко слушает позднее лето,
И рубцы моих ран не желает упрямо лечить.

На коленях блокнот, пляшут вязью неровные строчки.
В сигаретном дыму растворяется контур окна.
Ты опять далека, и опять не поставишь мне точку,
И опять эта ночь не оставит мне места для сна.

Силуэты гардин удлиняют пространство мгновений,
Вижу в трещинах стен очертанья утерянных лиц;
Ты, как кошка, любила запрыгивать мне на колени...
И бежит карандаш по безмолвию снежных страниц.

Оплывает свеча, догорает последнее лето,
То ли сплю, то ли нет, и желанье глотает крючок.
Слышу шум за окном — может, тыква, а может, карета,
Значит, завтра найду на ступенях я твой башмачок.





Все пороки мои застывают в расплавленном воске,
Но свеча, догорая, меня очищает от них...
Заалела заря очень робкою первой полоской...
Из пороков моих — непорочный рождается стих.

ГОВОРЯТ, МОЖНО ЖИТЬ БЕЗ СТИХОВ

*Красота спасет мир.
Ф.М.Достоевский*

Хочешь, верь мне, не верь... Не всегда моя выдумка — ложь,
это просто песок, утекающий молча куда-то,
словно летний нью-йоркский горячий обманчивый дождь;
но фантазии — это, по-твоему, мой недостаток.

Я бы умер давно, если б жил по часам, как и все,
по обилию мест, упомянутых в сводках погоды —
это скучная правда, не нужная людям совсем,
и не в радость она, а одни лишь сплошные расходы.

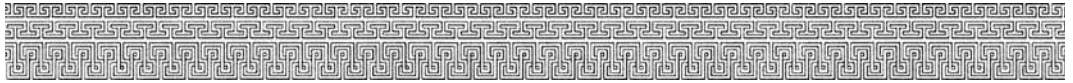
Мне бы сказочный лес, буду я непомерно богат,
мне бы все не как всем... А что именно, точно не знаю.
Ни часов, ни звонков. Ни привязанных к памяти дат,
по которым кого-то и где-то я там поздравляю.

Что поделатъ... Ты скажешь: болезнь! Вот и все.
Да, наверно, я болен в предчувствии новых гонений.
Но мы с доктором как-нибудь это потом утрясем,
на сей счет не имею совсем никаких я сомнений.

Можно жить без воды, без еды, как монах,
можно жить и не жить, подвергая себя наказаньям.
Можно чувствовать боль, унижение, обиду и страх,
можно даже питаться, как кошкины гости, геранью.

Можно много чего. Говорят, можно жить без стихов.
Я, конечно, могу день иль два разговаривать прозой.





Стало много поэтов, но мало звучит Голосов.
Мир спасет красота, но, по-моему, мир под угрозой.

МОНОЛОГ АКТЕРА

Звук оваций льется за кулисы,
Занавес стремительно упал,
Грим смываю... Вспоминаю лица,
Чувствами заполнившие зал.

Где слова, озвученные ролью,
Отразившись сотнею сердец,
Становились радостью и болью,
И во мне оставив свой рубец,

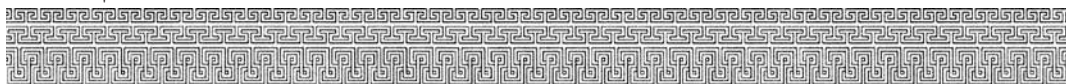
Все отдав... Оттенком интонаций
Вызвав бурю чувств, обвал страстей,
Напросился все же на овации
Зала, стадионов, площадей.

Но без грима — кто меня узнает?
Я — прохожий... Я — один из вас...
И слова в моих репризах тают.
К зрителю и в профиль, и анфас

Пробуют. На сцене тесно, сложно:
Там порядок predetermined,
Там известно, КАК и ЧТО им можно,
Вложенным в уста чужих имен.

Звук оваций — наслажденья звуки...
Свет софитов — темноты желток,
Я в поклоне...
Замечаю руки,
Мне передающие цветок...





И ВАШИ РУКИ НА МОИХ ПЛЕЧАХ

Безумие не терпит пустоты.
И, наполняясь во спасенье бредом,
Не веря в преднамеренность победы,
Я наводил из прошлого мосты.

Давным-давно немытое окно,
Пыль памяти скрывает чьи-то тени,
Вот скрипнули знакомые ступени
Издалека... вчера... давным-давно.

Обрывки фраз... Оплывшая свеча...
Забывтый вкус надпитого бокала...
Здесь даже время двигаться устало,
Никто не хлопнет дверью сгоряча.

Размеренно... степенно... без потерь...
И только бред спасает от безумья.
Три точки... три тире... три точки — зуммер.
Обрывки прошлого... Услужливый портье

Мне помогает выйти за порог.
Бросаю в ночь безропотное тело,
Которое внезапно опустело...
Забыл, куда... Забыл, зачем... Порой

Бывает, что и не о чем молчать...
Я вновь бегу в надежде на спасенье...
Охапки листьев кружит вальс осенний
И Ваши руки на моих плечах.

НО КАК ЛЮБИЛ Я ВАС

За гранью обнаженного стекла
Отчетливей видны чужие лица.
Дней череда случайной вереницей
Опять куда-то память унесла.



На улице свирепствует январь,
Камин дымит... Паук, немой сожигатель...
А время то стремительно кружится,
То тащится в хвосте едва-едва.

Мелькает силуэт знакомых рук
И исчезает невесомой тенью.
И, как всегда, скрипят вослед ступени,
А время начинает новый круг
За гранью обнаженного стекла...

Не надо притворяться и лукавить...
Плеча коснуться нежными руками...
И пыль смахнуть с кухонного стола...
Кукушка отхрипит двенадцать раз...
Рябит стекло — все в нитях паутины...
Как любим мы отыскивать причины...
Как любим мы... Но как любил я Вас...

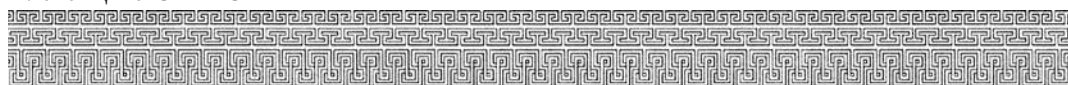
ПРОСТИ, ЕСЛИ МОЖЕШЬ...

Прости, если можешь, и, если не можешь, — прости.
Зима наступила, завьюжила белой разлукой,
И реки замерзли, деревьев заломлены руки...
Уйду, не прощаясь, сжигая надежды мосты.

Поземка очертит шагов неуверенных цепь,
Свеча задрожит на ветру мотыльковой тенью,
Еще я надеюсь твое получить всепрощенье,
И, может быть, где-то на гранях судьбы уцелеть.

Прости, если можешь, и, если не можешь, — прости.
Скитаться по свету — издревле мужская забава,
Так часто меняются женские слезы на славу,
Но так тяжело эту славу по жизни нести.





И кто-то опять наполняет мечтой паруса,
И кровь закипает опять в набухающих жилах,
А я измениться никак, очевидно, не в силах...
Но снова и снова мои произносят уста:

Прости, если можешь, и, если не можешь, — прости...

РАСТВОРИМАЯ НОЧЬ И ДВЕ ЛОЖЕЧКИ САХАРА

Расставания, встречи, минор ожидания,
Белокрылые ночи, луной опаленные,
Под окном в хороводе березки жеманятся,
И дубы на опушке немного влюбленные.

Растворимая ночь и две ложечки сахара,
Твой любимый пирог зачерствел полумесяцем,
И кудряшки с умелой руки парикмахера
На подушке лежат, но никак не уместятся.

Мне не спится давно — то ли кофе причиною,
То ли мысли шарами бильярдными мечутся.
Лик Марии, очерченный тонкой лучиною,
Мне все время на белой подушке мерещится.

Не кощунствую. Нет. Видно, просто старею я.
Ночь разбавлена сливками утренней свежести.
Все пытаюсь создать я свою Галатею,
Подчиняясь любви и ее неизбежности.

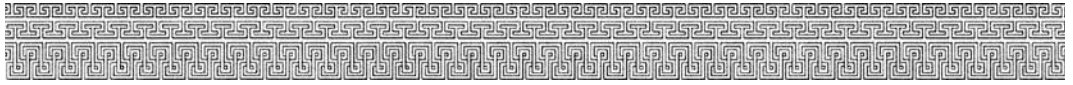
СТИХИ, КОТОРЫЕ НЕКСТАТИ

В стихах все должно быть некстати.

Анна Ахматова

Не добежал я, не дорос, не доуспел...
Не знаю сам, куда я так стремился.
А может быть, некстати постарел,
А может быть, некстати я родился.





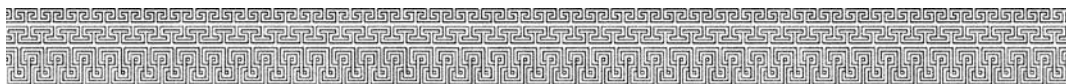
В какие дали рифма заведет,
Не подчиняясь простоте решений.
Бывает, что фатально не везет,
Ни кредо нет, ни строгих убеждений.

Бывает же — сплетенная канва
Воздушных рифм ложится на бумагу
И наполняется. Пером коснусь едва
Послушных слов, принесших мне присягу.

Ах, как некстати, — кто-то скажет мне.
Ну, значит так, — я в тон ему отвечу.
Лишь строчек шепот в полной тишине
Наполнит так некстати этот вечер.



Зоя ЛЕЗИНА



Зоя ЛЕЗИНА — член Союза писателей, лауреат международных конкурсов: в Италии (Рим) — «Бриллиантовый Дюк» и в Одессе — «Алмазный Дюк». Основные публикации: книга «Свет далекой звезды» (2017), аудиокнига стихотворений «Светопись» (2007).

* * *

На дальнем рубеже окраины,
Что у обочины пути,
Цветочек с голубой опалиной
Раскрылся — речку перейти.

Как легкий мотылек в миг огненный
Пушинкой невесомой я
К нему спешила в гости скромные,
Даря ему миг бытия.

Несла ему души сияние,
С ним вместе шла я миг земной,
И легкое его дыхание
Навек останется со мной...

Я верю в силу притяжения,
Что поднимает в мир иной,
Но счастье мига воплощения
Нам дарит шарик голубой.

* * *

Колористично, томно, пряно
Колоратурное сопрано.



И тихо партию из тени
Ведет, покачиваясь, тенор.

Там баритона бархат нежный
Встречает в дымке луч мятежный,
И солнечных лучей стаккато
Всей гаммой отзвуков объято.

Густое меццо низко льется,
Но тьма ночная не сдается.
Чтоб луч рассвета не погас,
Уже рокочет мощный бас.

И, наконец, в огромном хоре,
В безбрежном золотом просторе,
Сплетаясь в гимнах песнопений,
Все звуки новых поколений,

Как издревле, как в первый раз
Встречают солнца трубный глас!

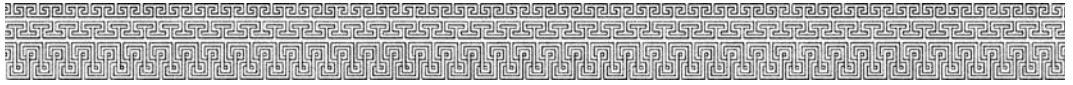
* * *

А на березе соловей
Поет и трель свою роняет,
И звуками за трелью трель
Наш сад весною наполняет.

Живой росой напоена,
Горит под солнышком поляна,
Сирени нежная волна
Нам аромат роняет пряный.

И все спешит, и все живет,
И все успеть созреть стремится
Лишь потому, что в хоровод
Великой жизни надо влиться.





Да, краток этой жизни миг.
Остынет солнце, стихнет лето,
И соловья последний вскрик
Придет из сини предрассветной.

А жизнь творит, а жизнь не ждет,
И крыльям бы успеть раскрыться,
Поднять нас в сладостный полет,
Чтоб с вечностью соединиться.

* * *

Борису Пастернаку

Поэта слышу голос я негромкий,
Страданий полон он и глубины.
Строкой прекрасной, мудрой и бездонной
Он шлет привет из вечной тишины.

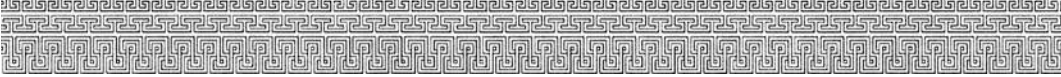
Он говорил, когда замолкли речи,
Он свет нам нес и глубину стиха,
И долго по ночам горели свечи,
Хоть к гению судьба была глуха.

Его строка, как дождь в сухой саванне,
И слышу четко после долгой немоты:
«Ко мне на суд, как баржи каравана,
Столетия плывут из темноты».

* * *

Я воин больше, чем поэт,
Но меньше, чем поэт, я странник.
На протяжении долгих лет
Я твой, Вселенная, избранник.





Струился легкий фимиам,
Дарило солнце жизнь планете,
И тонкий терпкий тот дурман
Огнем величия был светел.

Несет меня Твоя рука,
Мне дарит радость и сияние,
И щедро времени река
Приносит свет и сострадание.

Я твой отныне талисман
И твой навеки верный данник.
Сквозь ветер, солнце и туман
Я твой, Вселенная, избранник.

* * *

Я каждой планеты песчинка
И каждой звезды ураган,
И в каждом дожде я — дождинка,
Как в капле живет океан.

Так в каждой вешней травинке
Все судьбы земные слились,
Все росы, ветра и песчинки
В ней жизнью отозвались.

И нет ни в чем постоянства,
Мы влиты в поток временной.
Гармонию вечного танца
Мы проживаем собой.

И в этом великом единстве,
В безбрежности вечной Любви
Мир дышит, живет и мыслит,
И верит в наши мечты.





Галина БОГАПЕКО (Колосенко) — коренная москвичка, поэт, член МГО Союза писателей России, член Союза писателей XXI века, давно и профессионально работает на ниве русской поэзии. Автор 16 сборников стихов. Ее книги неоднократно выставлялись на международных книжных ярмарках. Публиковалась в газетах «Новый Меридиан» (Нью-Йорк), «Новые известия», «Поэтоград», «Московский литератор», «Литературные известия» и др., в журналах «Молодая гвардия», «Смена», «Юность», «Дети Ра», «Журнал ПОэтов», «Новая Немига», «Зинзивер», «Кольцо А», «Великороссъ», «Камертон», в альманахах «Муза», «Золотое руно», «Российский колокол», «Эолова арфа», «Новый енисейский литератор», «Подольский альманах». Стихи Галины Богапекко переведены на болгарский язык.

ПАРОДИИ ТРЕХЗНАЧЬЕ

*Неоправимые слова
И в сердце воткнутое шило,
В ведре — пустая голова,
Которую я так любила.
А вы — идите стороной,
Не зная боли и печали.
Тягаться нечего со мной,
Я и сегодня крепче стали.*

Лидия Купцова (Бабка Лидка)

А мы, идущие сторонкой,
Из кадки головы достали.
Мы так от бед своих устали,
Что наши души в твердых корках.

Бывает, солнце закрывает
Платочек облака несчастья,



Но ветер облако срывает
И гонит прочь, и в одночасье

Лучи растопят наши души,
И день ненастный будет лучшим,
Острее станут ум и зрение,
И наше с вами единение
Не за горой, оно в грядущем.

Мы так от бед своих устали,
А вы же стали крепче стали.
И дни летят уже в трехзначье —
В миг — равнодушья, смеха, плача...

ЭБОЛА И ОБАМА

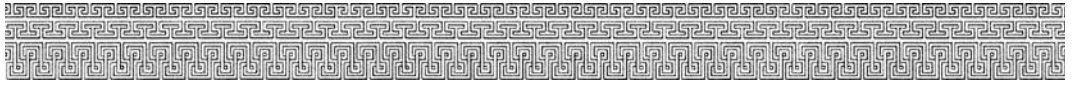
*Прелесть правды — в поэтике голой,
В сочетанье Обамы с Эболой...*

Юнна Мориц

Оба, ма! — Эбола и Обама!
Слова созвучны право...
И правда, в Мире — драма!
Одна — инфекция,
Друг — ой — зараза,
Ну а коктейль у них — проказы...
И нет на них решений в медицине —
Еще не создали из мертвецов вакцины.

Но постаралась Юнна Мориц...
За что большое ей спасибо!
От порчи, сглаза — нет вакцины!
Тут с медициной не поспоришь,
Но горец плюнет на больного —
И нет инфекции! Готова
Поверить в этот способ я!





Вот плюньте в глаз —
не будет ячменя!

И не надо вакцины, и не надо уколов,
Просто плюньте! —
И больше не будет Эболы!
Так поверьте простому глаголу —
Надо плюнуть на эту Эболу!

А Обама — хитрее зайца —
Драмы сеет по миру, старается.
Он от сглаза в стоворе с порчей,
А себя миротворцем корчит.
Пусть он правде посмотрит в глаза
И зараз порча с глаз — зараза
Улетучится вместе с газом...
И обмана не станет вокруг,
И Обама, «добрейший наш друг»,
Повернется к России сразу?
И начнется о дружбе глава?

ВСЮ ЖИЗНЬ ПО КРУГУ

*Лошадь, не надо.
Лошадь, слушайте, что вы всех плоше?
Деточка,
Все мы немножечко лошади,
Каждый из нас по-своему лошадь.*

Владимир Маяковский

По кругу грива с хвостом уныло
Копытным шагом брели лениво.
По кругу топот — удары сердца...
Где прошлый опыт, знакомый с детства?



Вдруг хлыст ударил по кляче старой
И след кровавый зарею алой
На небе и хребте оставил...

В загоне кляча метнулась вправо,
Вцепился сзади за хвост легавый.
В ней нет желаний за жизнь бороться,
Темно в сознание, как в болотце.
Всю жизнь по кругу с рожденья к смерти,
И шарик круглый в круговерти.

А за загоном, в чистом поле,
Неслась кобылка, с ветром споря,
Неслышно было ее копыт.
Весь мир огромный пред ней открыт...

МИР — ТЕСЕН...

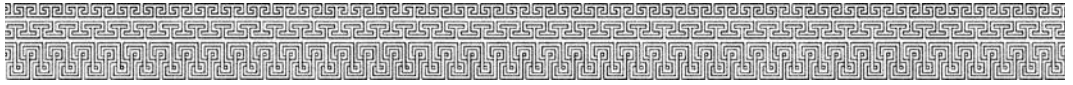
*(Написано после прочтения
стихотворения Евгения Лесина
«Через триста лет земляне...»)*

Жизнь — пресна? Ощущаем прессинг?
И нет амброзии* для юности, бессмертия?
Мир — тесен, и Венера станет тесной
Для нас — инопланетных, безответных и протест-
ных...

Мы не построим там прозрачные дома
Ни из стекла, ни из других материалов,
Не отчеканим империалов
И задарма
Не сыщем рала...

Там есть Бабы-Яги каньон,
Снегурочки равнина
И кратеры Ахматовой, Барто —
Названий список длинный...





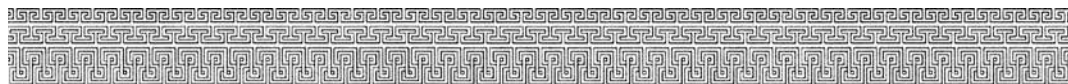
Но на Венере нет воды,
А в атмосфере — углекислый газ,
Там нет для обитания среды
Для россиян — для нас!
Да и на Марсе нас никто не ждет
Ни через сто лет, ни, тем более, сейчас —
Такой непредсказуемый народ,
Который видит через васисдас —
Триас.

ВСЕМИРНЫЙ ДЕНЬ ТУАЛЕТА

Вот весомый поэт Кабанов написал о Всемирном дне туалета —
Странно!
Но значение туалета пространно —
смотрю на свой гардероб с надеждой:
Модный туалет с красивой одеждой.
Утренний туалет — это не только унитаза, аппарат калоссальный, это еще
«Туалетное мыло душистое и полотенце пушистое» — по старым меркам,
Мытьё головы шампунем от перхоти,
одевание, причёсывание щеткой перед зеркалом,
Молодец Александр — «облостозевно¹» Третьяковского превзошел.
Да, в парках бывает и сор, и тир, и туалет — сортир (давно не воняет), пахнет туалетной водой,
И роли мягкие — бизнес (может быть и теневой), туалеты платные — само собой.
А Всемирный день туалета
хорошо бы назначить летом...

¹ Фраза, описывающая Церберу, выглядела так: «Чудище обло, озорно, огромно с трезвонной и лаей», то есть пастью (Третьяковский иногда вводил в стих дополнительную гласную («и») для благозвучия, чтобы возместить недостающий для метра слог).





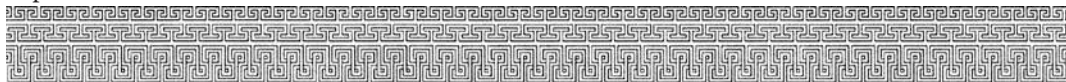
О, НРАВЫ

*Опять взбесившие бабы
Актрисы и миллиардерши
О домогательствах завыли
Ну до чего же мерзкий хор!*

Евгений Лесин

О, нравы! — Что, кому?
Миллиардершам — власть,
А бедняку — суму,
Скорее переметную.
Но мерзкий хор подогревает
Подельников трусливых.
А зритель жаждет крови,
Пусть козлиной,
И равенство полов, и равноправие
Не держит в голове.
Мужик во все века над бабой,
Пусть даже он не воин храбрый —
Не баобаб...
А феминистки нынче в брюках,
Как экзотические фрукты.
Но любопытно, интересно,
Когда меняют привкус теста.
Долой сексизма торжество —
Считает в мире большинство.
Но чтоб сказал философ Герберт —
«Вперед к победе славный гендер»?
Но коль сексист — боец джихада,
Тут осторожнее быть надо...
«Но все должно быть в меру» —
Изрек Джавахарлал Неру.





Юрий ЖАРКОЙ — поэт, регулярно публикуется в детских журналах. Один из победителей Межрегионального поэтического конкурса, посвященного 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова. Регулярный автор «Золотого руна»

ДЕРЕВНЯ

Деревня русская, ну в чем ты виновата,
И почему всегда была ты не в чести?

Страну кормила ты, твои солдаты
На войны шли, Россию чтоб спасти.

Всегда была послушной, терпеливой.
Тобой командовали все, кому не лень.
Считала ты себя почти счастливой,
Коль не голодным выдавался день.

Всегда была убогою и нищей.
Не приведи господь, голодный год,
Шел жертвам мора счет тогда на тыщи.
Губерниями вымирал народ.

Хоть ты была надежей и опорой,
С тобой не церемонились цари.
А после на родных твоих просторах
Тебя сгнобили генсекретари.

* * *

Неожиданный снег завалил городские кварталы.
Заелозили дворники, бельма с похмелья продрав.
А над полем метель заплясала девчонкою шалой.
И как эта девчонка в загул от утра до утра.

Наплясавшись, напевшись, без сил после ночи бессонной,
Просвистав напоследок, метель упадет на лужок.
А поутру дорогой заснеженной, занесенной
Закрахтит и закашляет старый, разбитый «зиллок».

Завывая и рыская, будто собака по следу,
Поперхнется снежком и заглохнет, уткнувшись в сугроб.
И над снежным, пушистым, лужок покрывающим пледом
Разнесется до боли привычное: «Мать твою ...»

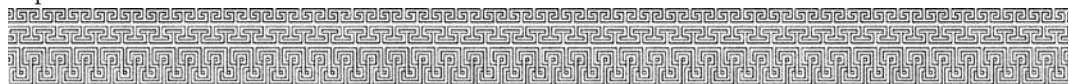
Всех помянет шофер — и метель, и «зиллок», и дорогу,
Брата-дворника в городе, власть твою мать-перемать.
И, взхлеб закурив, колесо пнув ногой, на подмогу,
Беломорину сплюнув, пойдет тракториста искать.

Ехал к брату он в город, не виделись с прошлого года —
Посидели б до ночи да вволю попили вина —
За обувкой жене, за рассадой для огорода,
Да детишек порадовать чем-то, и вот тебе на.

И пойдет он к деревне, по пояс в снегу утопая.
Порассыпались тучи и солнце, что твой самовар.
И увидит вдруг поле родное от края до края,
И разглядывать будет его за гектаром гектар.

И наполнит он душу свою до краев благодатью.
Не увидать ее, лишь почувствовать можно нутром.
Да, конечно, обидно, что нынче не встретились братья.
Ну, так все впереди, не последний же день ведь живем.





Ну, а в городе брат, за полдня намахавшись лопатой,
Взяв портвейну, в каморку свою побредет делово.
И увидит он тополь, раскидистый, будто крылатый.
И разглядывать будет за веткою ветка его.

И наполнит он душу свою до краев благодатью.
Не пощупать ее, лишь почувствовать можно нутром.
Да, конечно, обидно, что нынче не встретились братья.
Ну, так все впереди, не последний же день ведь живем.

* * *

НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ

«Казнить нельзя помиловать» — поставил визу хан,
Не расставляя знаков препинанья.
А препинаний не терпел тиран.
Тиранам всем пример для подражанья.

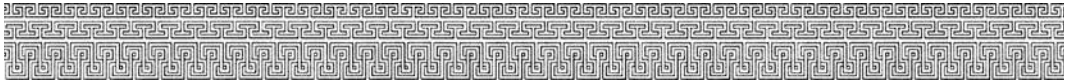
Потом спустили визу визирям.
Те напролет над ней гадали ночь.
И мудрецов допытывали зря.
Тут сам Аллах не смог бы им помочь.

Но вот один, порвав сомнений нить,
Сказал: «Иссяк кувшин бесплодных споров.
На всякий случай надо бы казнить», —
Он мастер был по части приговоров.

Но тут другой, хоть молод он, но тверд,
Сказал спокойно, веско и солидно:
«На всякий случай пусть себе живет,
Помиловать, а дальше будет видно».

Башку отрубишь, после не пришьешь,
Не зацветут обломанные сучья,
Чем правда смерти, лучше жизни ложь.
Решили не казнить на всякий случай.



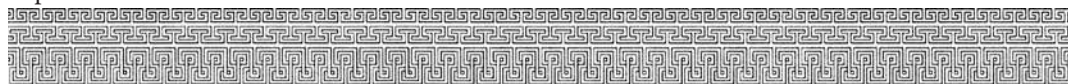


Но мудрый хан, великий и могучий,
Что половину мира разорил,
Недолго думал и на всякий случай
И визирей, и узника казнил.

КАРНАВАЛ

Король попал на карнавал,
Там веселился и плясал,
Забыв о всех делах.
А должен был вести войну,
Чтоб сопредельную страну
Повергнуть в пух и прах.
Так не случилась та война,
И факту этому вина —
Веселый карнавал.
Довольны жители страны,
Ведь столько жизней спасены,
Ворчал лишь генерал.
Тогда король ему сказал:
«Мой храбрый, верный генерал,
Забудь печаль и грусть.
И знаешь что, мой генерал,
Устрой-ка лучше карнавал.
Солдаты пляшут пусть».
Солдаты рады, в землю штык
И в сапоги с постелей прыг,
Бегом на карнавал.
Штыки остались не у дел,
А дольше всех плясал и пел
Воинственный капрал.
Он пел почище соловья,
Одно лишь жаль, мои друзья,
Все это выдумка моя,
Все напридумал я.





БАНЯ

*Баня да без жара,
Как без струн гитара*

Что-то мало стало пара.
Ну-ка парочку подбрось.
Ты чего согнулся парень,
Не под пулями небось.
Разгибай-ка поясницу,
Забирайся на полок.
Даже веничек дымится —
До чего хорош парок.
Заходи-ка, веничек, запляши, березовый,
Прошурши над кожей, исхлещи сильнее,
Чтобы стал я беленький, а потом и розовый,
Чтобы стал моложе я и чуть-чуть умней.
Ледяной водой с себя смою все печали,
Все заботы веником я стряхну с себя.
Над дорогою рассвет, я в ее начале,
Над дорогой ангелы светлые трубят.
После бани верится, что возможно счастье.
После бани кажется — обновилась кровь.
И иду из бани я, словно от причастья,
Чистый и безгрешный, как родился вновь.



Ирина АНТОНОВА — коренная москвичка, выпускница филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (отделение русского языка и литературы). С 1975 г. печаталась в журналах «Новый мир», «Юность», «Студенческий меридиан», альманахах «Поэзия», «День Поэзии», «Муза», «Истоки», «Золотое руно», во многих коллективных сборниках. Автор четырех поэтических книг: «Ветер риска», «Братец-клен», «Розовые тени» — книга в альманахе «Истоки», «Древесная книга» (2013, Российский писатель). В настоящее время — ответственный секретарь альманаха «Истоки».

ВЕК ДВАДЦАТЫЙ

Я — наследница Победы,
На ветру сгорают дни.
Никуда я не уеду,
Хоть метлой меня гони.

Все пути приводят к Риму,
И в Москву они ведут.
Здесь бывали мы любимы,
Здесь мне кажется, что ждут...

На горах на Воробьевых,
Где запутаны следы,
Кружат бабочками снова
Наши тени у воды.

Век двадцатый, непредвзятый,
Мы на ты с тобой давно.
Промелькнувшее когда-то
Прокрути мне как в кино.



Дай почувствовать истому,
Где трамвайные пути,
Где ни дерева, ни дома,
Ни дороги не найти.

Лишь в густой траве забвенья —
Одуванчиковый пух,
И мои стихотворенья
Месяц май читает вслух.

СКОРЫЙ ПОЕЗД

Душа едва ли представляла,
Переступив с трудом апрель,
Как близок мая полдень алый
И в форточке жужжащий шмель.

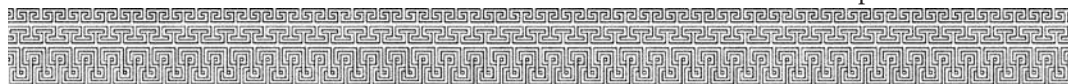
Ах, поезд дивный, поезд скорый,
Примчись ко мне из прошлых лет.
От бед своих в вагоне скроюсь —
Ищи-свищи, растаял след...

Лучи скользят по занавескам,
И снова радостно до слез
Встречать поля, и перелески,
И лики светлые берез!

И люд, бегущий к полустанку,
Чтоб за мгновение успеть,
Вручить тебе солений банку
Или в кульках иную снедь.

Любимый поезд, поезд скорый,
Умчи меня куда-нибудь.
Среди холмов зеленых скроюсь,
Среди берез продолжу путь.





ИЮНЬ

В июньский хоровод зовут растенья.
Перед тобой пространство луговое,
Где мотылек трепещущей тенью
Сливается с цветами и травой.

Мы станем в мире солнечных гармоний
Невидимую мелкою частицей.
Лесных растений нежные ладони
Зеленой лентой лягут на ресницы.

Пусть таволга склонится к изголовью
И семена рассеются по лугу.
Мне сладко знать, что правит мир любовью,
И все живое движется по кругу.

ГОЛОС

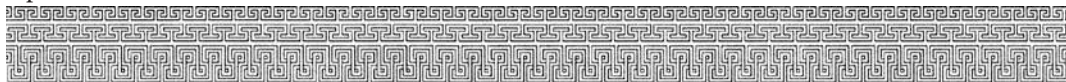
Памяти Поэта

В пасьянс сложились фотографии
И всех воспоминаний крохи.
Рождалась снова биография
И человека, и эпохи.

Над стадионами взмывающий,
Был голос — времени примета.
Прощайте, старшие товарищи,
Шестидесятники-поэты!

Над разговорами и сплетнями,
Вернувшись в красоте и силе,
Он вновь шумит дождями летними
Многоголосицей России!





ЭТОЙ НОЧЬЮ

Тени лунные легли на потолок —
Кружит воздуха невидимый поток.
За стеной горланят песни до утра,
Тополя бормочут сонно: спать пора!

Этой ночью мчит апрель на парусах,
Распускаются деревья на глазах.
Прорезается из луковиц нарцисс,
Исполняется земли любой каприз.

* * *

*Университетской студии «Луч»
О, я любила эти сборища ночные...*

А. Ахматова

О где же вы, сборища наши,
Веселых личин карнавал?
Я вспомню Сопровского Сашу,
Что сердце сразил наповал!

Вздымаются волны амбиций,
Сдувается пена имен.
Здесь каждый мечтает прибиться,
И всяк безнадежно влюблен.

Почти легендарного мэтра
Звучит на века приговор.
И дуют весенние ветры
С тогда еще Ленинских гор.

Сплетаем слова безыскусно,
Лишь рифмы стучат костыли,
Но юная вера в искусство
Сильней притяженья земли!





Екатерина КАВЕРИНА родилась в 1963 году в Москве, закончила биофак МГУ. Кандидат биологических наук. Небольшие подборки стихотворений под псевдонимом Екатерина Катенина публиковались в журналах «Звезда» и «Вестник». В настоящее время проживает в городе Джонсон Сити, штат Теннесси. Замужем, четверо детей.

* * *

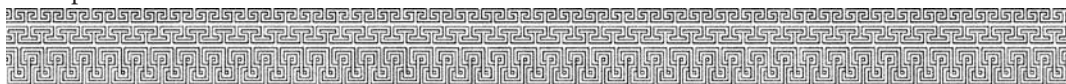
Я — житель сонного угла,
Не соблюдающий режима,
Не познающий ремесла.
Дискретны единицы дыма.

Не отражаясь в тротуаре,
Не рассыпаясь на лету,
Напоминают темноту
И облака на Хатипаре.

На темном кажутся белесы
Волокна, и наоборот,
Наматываясь на колеса
И прячась, если пешеход.

Засохла на окне лилея.
Мой голос делается груб.
А клочья дыма скрыть лелеют
Происхождение из труб.

27.1.1984



* * *

Непрестанно поющим не слышен сверчок.
Прямо к солнцу идущим не виден восток.
И признать наступление ночи
Ослепленное зренье не хочет.

Это вакуум, это молчанья печать,
И по знаку нам двигаться надо начать
Или быть неподвижными, чтобы
Жили вакуума амебы.

Мне случалось встречать удары стихий,
Получалось в метро сочинять стихи.
У меня сверчит холодильник
И, звоня, телефонит будильник.

Отделяется с неба монета луны,
Где две корочки хлеба изображены —
Диск амебного телефона,
В коем визг — заменю звона.

6.4.1988

* * *

Из листов построим море,
К нам оно всегда бежит:
Клен понятен, тополь горек,
На сосне звезда лежит.
Эти иглы из лучей,
Этот голосок ничей.
Плачет на сосне совенок,
Если лучик слишком тонок.
Моль летит со слабым писком.
Водосбор поет, изыскан.



Сосны маются, трубя,
Если дома нет тебя.

29.4.1989

* * *

Москва шуршит по летним рельсам,
Дорогам ворожит и весям,
Пророча общую беду.
Она — суставчатая спичка,
Голицынская электричка,
Меняет облик на ходу.
Не то чтобы он очень страшен,
Хотя зачем ей столько башен?
Они — конечности ее.
И выполняют роли обе,
Как у морской звезды подобья —
Передвиженье и жранье.
Мое беспомощное тело
От них укрыться не успело,
Я управляю им едва.
Я с башнями соизмерима
И не могу пробраться мимо —
Меня использует Москва.

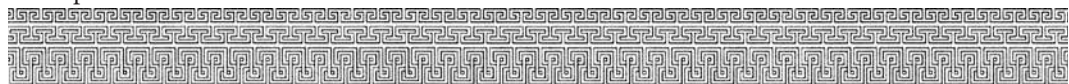
2.7.1991

* * *

Сумрачное пристанище,
Столик есть и кровать.
Спички вон там достань еще —
Можно заночевать.

Треск поленьев в безмолвии,
Два ведерка с водой.
Как неслышная молния,
Трепетал козодой.





Ковшик эмалированный
На сосновом бревне.
Обретение крова мне
Появлялось во сне.

8.8.2011

* * *

В высокой башне, в маленькой таверне
Для нас послушно медлит день вечерний.
Мы эту песню пели в Барселоне,
С поляками на площади в притоне.
Да-да! Там был еще красавец Тихон,
Что на Памир ходил с каким-то психом.
Ну почему же сразу ненормальным?
Тогда он от развода был печальным.
Ну — через год в Израиле! За нас!
Увы, не повторится этот час.
И ты цени его, пока он длится,
Пока летит альпийская синица.

2016





ПРОЗА



Леонид ПОДОЛЬСКИЙ родился в 1947 году. Окончил Ставропольский медицинский институт. Кандидат медицинских наук. Автор книг: «Потоп» (1991), «Эксперимент» (2012), «Идентичность» (2017), «Судьба» (2017). Готовит к изданию эпические романы «Инвестком» и «Распад» (частично публиковались в виде отрывков). Публиковался в журналах «Огонек», «Москва», «Юность», «Дети Ра», «Зинзивер», «Российский колокол», «Кольцо А», «Зарубежные записки», «Южное сияние» (Одесса), «Новый ренессанс» (Германия), «Семь искусств» (Германия), в «Литературной» и «Независимой газете», в газете «Единение» (Австралия), в альманахах «Московский парнас», «Золотое руно», «Муза», «Созвучье муз» (Германия), «Витражи» (Австралия) и в ряде других изданий. Лауреат и дипломант премий «Лучшая книга года» и «Герой нашего времени». Главный редактор альманаха «Золотое руно» и одноименного интернет-портала.

ВЯЛОТЕКУЩАЯ ШИЗОФРЕНИЯ

Произошло это в другой жизни, в самом начале семидесятых. Главных действующих лиц давно нет на этом свете. А другие, немногие, молчаливые свидетели и косвенные участники — весь город в свое время наполнился слухами — помнят ли они? Пройдет еще несколько лет и все забудется окончательно, канет в Лету. Вот почему я решил написать этот рассказ. Напомнить. Я никого уже не обижу, никого не задену, не выдам ничью тайну. Между тем есть вещи, которые нельзя забывать. Ведь это о нас, какими мы были совсем недавно.

Татьяна Васильевна Кречетова слыла женщиной исключительно деловой. Доцент, секретарь парткома курса, член партбюро института, вечно выступала на разных собраниях, работала над докторской диссертацией, поговаривали, что у нее любовник в горкоме, хотя, понятно, это были только предположения, не больше.

На пятом курсе я у нее учился. Преподаватель как преподаватель, и лекции читала: лектор не выдающийся, но вполне сносный, не хуже других,

большинства, не оригинальный — промелькнула и ничего по себе не оставила в памяти. Муж ее тоже был врач, невропатолог, как и она, работал в психиатрической больнице. В отличие от энергичной и пробивной супруги, активистки, человек он был исключительно интеллигентный, и говорили, несколько странный. Целыми днями сидел у себя в кабинете и, так как работы у него было немного, читал, писал, слушал радио в полное свое удовольствие. Врагов у него не было, и оттого, что он читает и что пишет, никого не интересовало. Дмитрий Васильевич, как говорили потом, отличался полной незаметностью: тишайший человек, вежливейший, с вечной тихой улыбкой на лице, он был весь в себе, кланялся направо и налево, проскользнет, бывало, по коридору и закроется в кабинете. Ни с кем не спорил никогда, да и разговаривал чрезвычайно редко. В другом измерении жил. Когда-то давно под натиском супруги начал работать над диссертацией, но вскоре потерял к науке интерес, хотя и опубликовал несколько статей в больничных и кафедральных сборниках.

Словом, супруги были полной противоположностью друг другу: она — огонь, вулканическая энергия, прожженный прагматик, напориста и, как бы это точнее объяснить, совершенно советский тип: всегда знала, чего от нее ждут, что требуется сказать, и говорила исключительно правильные, положенные, разрешенные вещи, в свое время была политинформатором и старостой курса, все считали ее карьеристкой, да она и не скрывала, напротив, из кожи вон лезла. Ей прочили заведование кафедрой в самом ближайшем будущем, благо заведующим был профессор преклонных лет, которого чуть ли не под руки поднимали на кафедру. Дмитрий Васильевич, супруг, — нерешителен и мягок, делал всю домашнюю работу, пока супруга писала бесконечные партийные протоколы, говорили, что он и в партию вступил исключительно под напором жены, и что это она пробила ему тихое место в больнице. И что в свое время он вовсе не собирался жениться, но энергичная Танечка Анисимова, староста курса, чуть ли не силой затащила его в ЗАГС. И что единственный их сын вовсе не на Дмитрия Васильевича похож, а на секретаря горкома, того самого, что возглавлял в прошлом институтский комсомол. Впрочем, все это позже говорили, после известных событий, а до поры про Дмитрия Васильевича вообще мало кто знал. Знали только, что у Кречетовой есть муж и что работает он в психбольнице. Персона Дмитрия Васильевича ни у кого интереса не вызывала.

И вдруг...



Должен сказать, что к тому времени я закончил институт и был оставлен в аспирантуре, когда услышал от сестры, а сестра моя, как и Дмитрий Васильевич Кречетов, работала в психбольнице, только в центре города в диспансере, что Кречетов написал, мол, интересную книгу, ну, не совсем книгу, но две толстые тетради, будто бы антисоветские, и что — эрудит, он всегда был большой эрудит, умница — и тетради эти ходят по рукам. На кречетовские тетради очередь, и немаленькая, все врачи, и сестра тоже заняла очередь.

— Вообще-то он странный, — говорила сестра, — написал, ну дал бы почитать умным людям, образованным, а он — сестрам, кто посмазливей. Те от него как черт от ладана, у них мужья, перепугались, думали, это он ухаживает так. У одной муж хотел прийти бить морду. Хорошо, что доктор Пересветова узнала. Говорит, выдающийся человек. Странноватенький, но умный. Не в бровь, а в глаз пишет.

Доктор Пересветова была известная в кругах психиатров активистка и при этом восторженная дама. Тем не менее, ее уважали и даже любили: она была замечательный врач, скрупулезнейший, к тому же потомственный психиатр. Дед ее еще до революции стажировался за границей и оттого был расстрелян в тридцать восьмом году как фрейдист. Прославилась Анна Дмитриевна тем, что подолгу беседовала с больными и, говорили, сама была не без странностей, к тому же старая дева, однако несколько раз по ее настоянию снимали психиатрические диагнозы и выпускали людей на свободу, так что ее одновременно обожали и боялись. Тут нужно уточнить, что нередко душевнобольной человек бывает совершенно адекватен за пределами болезненной темы, в других же случаях далеко не всегда удается объективно различить правдивые утверждения и бред, и что в психиатрии широко распространены так называемые пограничные состояния. Кроме того, доктор Пересветова во всем была очень активна: дни рождения, новогодние елки, праздники, юбилеи — все это был ее конек. К тому же поклонница искусств. Стихи писала, театралка, нередко ездила в Москву и в Питер, где у нее жили родственники, ради громких театральных постановок.

Вот к ней-то, к Анне Дмитриевне, а была она приятельницей Кречетова, зато Татьяна Васильевна терпеть ее не могла, и попали заветные тетрадки. Она прочла чуть ли не за одну ночь и провозгласила, естественно, конфиденциально: гениально.

— Я и сама так думаю, но где уж мне. А он ай да Дмитрий Васильевич! Кто бы ожидал, умный человек, образованный, недаром столько лет сидел, книж-



ки читал, радио слушал, а радио, — шепотом сообщала Анна Дмитриевна, — не простое, все сплошь голоса, Би-Би-Си всякие. Ну вот, высидел, умничка. Я так за одну ночь проглотила. Только вы никому, — она прикладывала палец к губам. — Никому, никому, сами понимаете, нельзя! — Все понимали и с этой присказкой «нельзя!» передавали друг другу.

Бог весть, что вычитывали в этих тетрадях тайно взбунтовавшиеся доктора, почерк-то был ужасный, неразборчивый, но — читали. Кем-то вроде местного Синявского казался им Кречетов, вроде альманаха «Метрополь». Держись, Москва, смотри на наше захолустье, завидууй!

Кто-то восторгался, кто-то оставался равнодушным, кто-то, испугавшись, спешил побыстрее передать тетрадки, но летел слух, будоражил провинциальные умы. Удивительно, но в Большом доме, где призваны были бороться с крамолой, реакции не было никакой. Будто и не происходило ничего. То ли обленились, то ли действительно никто не донес. А может, глупостью показалось, на которую не стоит тратить силы? Посерьезней были дела. Хотя какие дела? Дом-то огромный. Нет, странно даже, чем они были заняты в не слишком промышленной провинции, где ящиков¹ почти не было. Разве что противочумный институт. Однако молчали.

В скором времени дошла очередь и до моей сестры. Не только сама читала, но и мне предложила — почитай, мол, интересные вещи, только быстро. Вот тогда и услышал я от сестры про Татьяну Васильевну Кречетову. Свеженькое. То есть и раньше слышал нередко, но раньше — не до того, раньше неинтересно было, а тут...

Как раз недавно состоялось закрытое партийное собрание. Только что такое закрытое партийное собрание в провинциальном городе, где все всех знают? Вышли с собрания, зашли в кафе и... По секрету. Так что через день-два знали уже все. Свой круг. Исключали из партии доцента Маренсиса. То есть бывшего доцента. Уволился и подал документы на выезд. Но вот ведь уволился, а в партии остался, из партии уволиться нельзя. Будто бы по-прежнему верен идеалам. И отвергает сионизм. Хотел тихо, но не вышло. Татьяна Васильевна в первых рядах: «Вы родину Пушкина и Льва Толстого, страну Гагарина решили променять на чечевичную похлебку наших врагов. И не стыдно вам? Не стыдно? Долго же вы скрывались под личиной».

¹ Ящиками назывались закрытые учреждения, принадлежавшие к ВПК.



— Дрянная женщина, — говорила сестра. — Про нее многие говорят. Выслуживается. С любовником в открытую крутит. И как только муж терпит? Вот он и пишет.

Любопытно было, что же написал Кречетов. Сказать правду, я относился скептически. В самом деле, что мог он написать? Что у нас нет свободы и демократии? Что мы живем плохо, намного хуже, чем на Западе? Что сталинская система не преодолена? Что в репрессиях виноват не только Сталин, но — система. Партия. Однопартийность. Что репрессии продолжаются, пусть и не в прежнем масштабе? Про психушки? Про Пражскую весну? Я все это знал. И многие знали. А вот как от этого избавиться, что делать, вот этого не знал никто. Ничего не могли сделать диссиденты. И все же...

...Да, и все же. Сестра мне выдала кречетовские тетради на один день.

— Если понравится, задержу еще на день, — пообещала она.

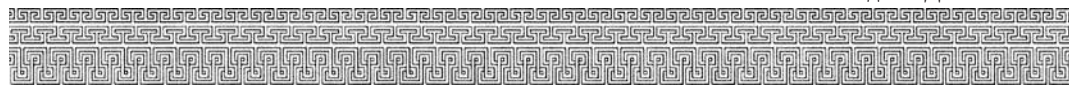
Читать от корки до корки я, конечно, не стал. Времени не хватало, и не умею я быстро читать. Но просмотрел. Хотя бы узнать, о чем. Подозреваю, что не все он писал от себя. Провинция. Окружение. Однако голоса слушал. Компилировал. Про Пражскую весну, про Млынаржа¹ и Отто Шика² с подробностями писал, про Синявского с Даниэлем. Тут явно не мог он сам знать, своим умом до всего дойти. Либо слушал, либо читал. Но откуда? Прошла-пила Татьяна Васильевна? Не уследила за мужем? А может, наоборот, она? На людях одно, а дома другое? Недаром же связи в горкоме. Из первых рук. Им-то полагается знать?

Хотя едва ли Дмитрий Васильевич мог узнать от жены. Кондовая баба. Не мог я представить, чтобы эта партийка вела двойную жизнь. Секс — другое. Не то чтобы преданная, или убежденная — в иное время я мог наблюдать, как эти партийные и преданные поворачивали хвосты и складывали партбилеты или, того чище, спешили на Запад, забыв про прежние якобы свои убеждения. Да какие там убеждения? Не было у них, и у нее тоже, никаких убеждений. Но вот что не интересовалась, что не о том думала, это да. Как

¹ Млынарж Зденек (1930–1997) — чехословацкий и чешский политический деятель, секретарь ЦК коммунистической партии Чехословакии в 1968–1970 годах, идеолог «социализма с человеческим лицом».

² Шик Отто (1919–2004) — видный чехословацкий экономист и политик, член ЦК Чехословацкой коммунистической партии, один из ведущих деятелей Пражской весны, сторонник «третьего пути».





мебельный гарнитур достать. Или, когда все повернулось и разрешили кооперативы, она же, Кречетова, первая открыла частный прием. Так что едва ли узнал что-то Дмитрий Васильевич от жены. Да и какие у них были отношения дома? О чем говорили? Тайна.

Однако не только компиляции, хотя и за компиляции судили. Было в писаниях Дмитрия Васильевича кое-что новенькое, с изюминкой, чего я не знал раньше. И не задумывался даже. Про Ленина и Сталина. Что-то вроде подробной медицинской карты. Что Ленин болел сифилисом, подхватил якобы от парижской проститутки. Пользовался сальварсаном, не вступал в половые отношения с Крупской — для того и выбрал ее — и умер как сифилитик, от сифилитических инсультов. В конце жизни в слабоумие впал. Однако не только: всю жизнь страдал от сверхценной идеи. Жажда мести и жажда власти, вот что им владело на протяжении многих лет. А Сталин — маньяк. Будто бы великий русский невролог Бехтерев поставил диагноз, за что и поплатился. Бехтерева отравили. Скорее всего, Берия по поручению Сталина. Передал вкуснейший грузинский виноград.

«Тридцать седьмой год отсюда, — писал Кречетов, — что больной человек, однако не только: садистские наклонности Сталина, его болезнь и репрессивный характер системы, изуверская мораль, отсутствие сдержек и противовесов, все совпало».

«Настоящий восточный деспот, — отмечал Дмитрий Васильевич. — Маньяк — это особый психотип, который формируется, когда все можно».

Впрочем, не только советские вожди интересовали Кречетова. И Гитлер тоже: истероидный психопат.

«И вот эти люди определяли судьбы человечества», — храбро написал Дмитрий Васильевич. Честно сказать, я испугался: за чтение такого можно было загреметь. Что думают все эти врачи? Неужели сошли с ума?

Однако я продолжал читать.

Медицина, судя по всему, интересовала Кречетова особо. Немало страниц посвятил он делу врачей и сделал нетривиальные выводы: Лидия Тимашук написала правду, она не была провокатором или доносчиком, просто несчастная, запуганная женщина, жертва обстоятельств. Жданова же в самом деле убили, вернее, способствовали его смерти. Очевидно, врачи действовали по наущению, а может, и по прямому приказу свыше и не смели ослушаться. Во всем этом деле просматривался почерк то ли самого, то ли Берии: в Кремле всюду шла суетливая борьба за сталинское наследство. Сюжет этот Кречетов,

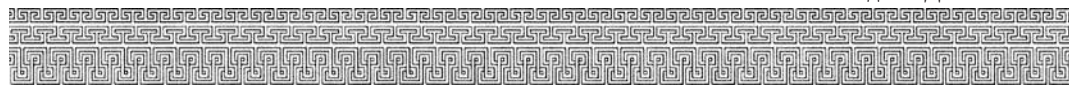
однако, так и не разгадал: зачем было Сталину выдавать дочку за ждановского сынка и убивать самого, да еще тяжело больного? Выходило, что не он, но кто-то же заказал ленинградское дело¹. Хотя Ленинград Сталин ненавидел — еще со времен Зиновьева. Разбираться, однако, в ленинградском деле Кречетов не стал, так и написал, что не историк, чтобы разгадать все тайны мадридского двора, зато перескочил к Плетневу и Левину², а там и к убийству Фрунзе. И еще к Пильняку с его «Непогашенной луной». Однако и на этом Дмитрий Васильевич не остановился, даже статью отдельную написал с очень красноречивым названием «Маркс ошибался. Диктатура номенклатуры». Что, дескать, нет диктатуры пролетариата, да ее и не может быть, иллюзия, фата моргана, ошибка классиков, нонсенс, существует же власть бюрократии или партбюрократии в чистом виде. Это, мол, особый класс, вместо буржуазии, только советский. Похоже, что Милована Джиласа³ читал или, по крайней мере, про него слышал, хотя не факт, но это я потом, много лет спустя сообразил, тогда же не мог я знать про Джиласа. Однако не у одного Джиласа такие мысли, я уже тоже догадывался. Да не я один. Многие. Но молчали. А Кречетов написал. Он и вправду был странный. Неизвестный диссидент.

Словом, немало интересного извлек я тогда из отрывочного чтения. Из отрывочного, потому что времени было мало, и еще почерк: острые готические

¹ Ленинградское дело — серия судебных процессов, практически уничтожение партийных и государственных деятелей в Ленинграде и выдвиненцев из Ленинграда, обвиняемых в русском национализме и попытках создать Русскую коммунистическую партию в конце 40-х начале 50-х годов. При этом репрессированы были деятели как первого, так и второго порядка.

² Инспирированное дело: профессоров Плетнева, Левина и Казакова, которых ложно обвинили во вредительстве во время процесса 1938 года. Утверждалось, что профессора Плетнев и Левин были виновны в смерти М. Горького, а заодно Куйбышева и Менжинского. Действительной причиной обвинения врачей могло быть желание доказать наличие троцкистско-зиновьевского заговора, направленного против руководства партии, а также мести Сталина, так как профессора Плетнев и Левин отказались подписать ложный бюллетень о том, что жена Сталина Надежда Аллилуева умерла от аппендицита.

³ Милован Джилас (1911-1995) — югославский политический деятель, литератор и диссидент черногорского происхождения, автор и популяризатор концепции «нового класса» — партийной номенклатуры, правящей в социалистических странах.



буквы выдавали нервную, торопливую руку. И больную совесть тоже: этот странный человек много раз каялся, что ни в пятьдесят шестом¹, ни в шестьдесят восьмом в августе² не вышел на Лобное место. Да хоть бы к местному крайкому. Хотел, собирался, но не пустила жена. Про жену, Татьяну Васильевну, он ничего не писал, это было единственное упоминание.

Я просмотрел, прочитал отрывками, надо признать, слог у него был хороший, образный, не хуже, чем у известных писателей из тех, кого мы знали тогда, а если вспомнить, знали мы Белова, Проскурина, Анатолия Иванова, Кожевникова; Федора Абрамова и Юрия Трифонова я узнал позже, через несколько лет, уже в Москве, словно глоток свежего воздуха для затхлых семидесятых. Страна, честно сказать, задыхалась от бездуховности, от лжи. Это в Москве появились диссиденты. В провинции их не знали.

Ну вот, я прочел через пень-колоду, потом жалел, каялся в высокомерии, но жаленьем делу не поможешь, и отдал сестре. Тетрадки продолжили свой путь. Путь этот оказался недолог, немного было врачей, которым можно было доверить. Да не все и хотели читать. Та же Анна Дмитриевна Пересветова, ей потом тоже досталось, вышвырнули на пенсию, хотя врач была с большой буквы, вернула тетради хозяину, Кречетову то есть. И вот тут — он, кажется, в самом деле сошел с ума, а может, славы захотел — ох уж эта слава, сколько нормальных, честных людей сложили из-за нее головы — Дмитрий Васильевич занес свои тетради профессору, заведующему кафедрой психиатрии. Неизвестно, прочитал ли тот, но перепугался и тотчас настроил заявление. И отнес тетради в крайком. Поговаривали потом, что это могла быть такая интрига, будто Дождев терпеть не мог Кречетову, но едва ли. Как пить дать испугался, не захотел соучаствовать, он был отнюдь не храброго десятка, помнил еще тридцать седьмой год. Человек был осторожный и правильный — по-советски правильный — дело врачей пересидел в психбольнице, до психиатров не дошло, но испуг остался. Вот Адольф Маркович и отнес эти тетрадки. Из Крайкома их переправили в Большой дом, так называли мест-

¹ В 1956 году советские войска подавили антисоциалистическое восстание в Венгрии, при этом среди венгров имелись многочисленные жертвы.

² В августе 1968 года советские войска при соучастии Болгарии, Польши, Венгрии и ГДР подавили Пражскую весну — попытку мирного реформирования социализма, придания ему человеческого лица. Ввод 400-тысячной военной группировки в Чехословакию оправдывался обращением нескольких чехословацких партийных консерваторов, противников реформ.

ный КГБ. Похоже, там тоже перепугались, ничего подобного в тихой провинции не видели с самой войны. Ничего, ничего. Ни шпионов, ни диверсантов с самой высылки карачаевцев. Разве что, я еще учился в школе, судили немецких пособников.

Машина была уже не та, не сталинская, возможно, хотели даже замолчать, не портить отчетность, согласовывали с Москвой, но постепенно ситуация вышла из-под контроля. Состоялось партсобрание, и те самые врачи, что еще недавно с ажиотажем передавали тетрадки, все дружно стали осуждать.

Страх, вот он — двигатель, страх. Кто читал, выступали первыми. Со всем как с Пастернаком: «Я этот пасквиль не читал, но осуждаю», — хотя читали! И нравилось! Чем больше рыльце в пушку, тем громче теперь осуждали, били себя в грудь. Чуть не до проклятий дошло. Пересветовой Анне Дмитриевне досталось, а уж о Дмитрие Васильевиче и говорить нечего. Припомнили, что мало работал, не общался, говорили, что не наш, что Родину предал, кто-то заговорил даже, что из кулаков, хотя о происхождении его не знали ничего, что враг по рождению и ущемленная личность¹, — Кречетова единогласно исключили из партии, и сам ведь тоже он голосовал вместе со всеми, а еще через несколько дней уволили и завели уголовное дело. Как раз в эти дни Татьяна Васильевна Кречетова должна была защищать докторскую. Ей настоятельно рекомендовали отменить защиту. Она послушалась.

В один день вектор повернулся на сто восемьдесят градусов. Если раньше читали и в основном одобряли, вплоть до восторгов, то теперь — так же единодушно осуждали и возмущались. Злобствовали. Вся психиатрическая общественность ходила ходуном.

Сестре моей повезло. Она не была партийной, не ходила на собрания, сидела тихо, и о ней забыли.

В те дни пришлось мне слышать любопытнейший разговор. Люди в основном были посторонние, к Кречетову отношения не имели, никто их за язык не тянул и, однако...

На кафедре патофизиологии в ассистентской кроме меня собрались трое. Старшая лаборантка Пепрония Саркисовна, она же просто Пепа, донельзя

¹ Ущемленная личность — психиатрический термин, объясняющий в ряде случаев психически неправильное, болезненное развитие человека.

разговорчивая, однако себе на уме, Дзачковский, бывший аспирант с кафедры физиологии по немалому благу, потому что отец его заведовал военной кафедрой в институте, пересевший в кресло ассистента по психиатрии — был он совсем неглуп, но какой из него без всякого опыта психиатр? — и ассистент Лиля Ефимовна Сокольская. Про Дзачковского я не знал, мы не были с ним близко знакомы, но Пепа и Лиля обе были вполне прогрессивных взглядов и наверняка втайне сочувствовали бедняге Кречетову. Не знаю, насколько они разделяли его взгляды, насколько верили в ленинский сифилис и интересовались партийной бюрократией, но власть недолюбливали точно. Мало того, пронырливая Пепа не так давно читала заветные тетрадки и тайно делилась со мной: «Здорово написал. Какой сюрприз будет Татьяне Васильевне. Вот партийная мырма. Меня в свое время чуть не завалила. Не знаю, был ли сифилис, но — здорово!» И она же, Пепа, предупреждала меня насчет доцента Шатихина, чтобы держал при нем ухо остро и ни-ни, доносчик, — у нее, у Пепы, был знакомый лейтенант в органах, вроде бы бойфренд, как сейчас говорят. Вот он-то, этот лейтенант, и предупредил ее насчет Шатихина. «Сучья работа у него, — делилась Пепа, — его тошнит там, но платят хорошо, и — куда с его дипломом? А тут надбавки, квартира, звездочки. Вот он и сидит».

...Вроде бы никто не тянул за язык. Дзачковский зашел в гости, сопровождал на лекцию профессора Дождева. Пили чай, разговаривали. И вот тут первой выступила Пепа.

— Что у вас там? Говорят, он не один? Собирались, обсуждали. Целая группа. Это же надо такое написать. И как земля после этого носит? С ума, что ли, сошел? В нашей стране такое мог написать только сумасшедший.

— Ищут, с кем он еще, — охотно подтвердил Дзачковский. — Больные люди. Это, я не исключаю, индукция. Среди больных встречаются всякие: и с антисоветским бредом. И с сверхценными идеями. Сейчас разбираются. А может, яблоко от яблоньки, как говорится. Маскировался, а родители, бабушки-бабушки были кулаки. Вот и вышла ущемленная личность.

— Да он вообще какой-то странный. Ни то ни се. Я его видела как-то, — вступила Лиля Ефимовна. — Все в сторону смотрит. Как говорится, в тихом омуте черти водятся. Жену его, Татьяну Васильевну, жалко. Парторг столько лет.

— Какой там парторг, — возмутилась Пепа. — Под носом не увидела. Как теперь будут жить? Ведь враг он. Я даже представить себе не могу. Настоящий пасквиль написал. Хотя не читала, — поспешно добавила Пепа.



«Ну точно как с Пастернаком, — подумал я. — Не читала, но осуждаю».

— Неприятная история, — снова заговорил Дзачковский. — Там несколько человек с ним шушукались. Теперь с ними беседуют. Из таких и выходили полицаи. Хотя по мне, так не совсем нормальный, может, даже больной человек. Как минимум ущемленная личность. А может, хуже. Вялотекущая шизофрения. В свое время многие сидели. И вот дети, внуки. Даром не прошло. Начало шизофрении.

— Чего уж ему не хватало? — вздохнула Лиля Ефимовна. — Как сыр в масле катался.

— Я бы таких расстреливала, — энергично сказала Пепа. — Казалось бы, все ему, а он... ну чем он мог быть недоволен?

Я сидел молча, спиной к ним. Мне было любопытно, но еще больше стыдно слушать, как вроде бы неплохие люди, не доносчики, — разве что Дзачковский, про него я ничего не знал, — притворяются друг перед другом. Зачем? Ради чего? Особая форма эксгибиционизма? Мне хотелось возразить им, сказать, что в целом он верно написал и что вовсе не Кречетов болен, но я промолчал. Не решился. Я знал, что нельзя.

* * *

Знали ли мы, я в то время о советской карательной психиатрии? О больницах-тюрьмах, куда запирали инакомыслящих — на годы, на жизнь? Да только ли инакомыслящих? Про сульфозин¹, вызывавший страшное, болезненное возбуждение и температуру, про инсулинокоматозную терапию², про карцеры и побои, про пытки водой, про закручивание в мокрые простыни³, про садистов в белых халатах и санитаров-уголовников, про исключение Всесоюзного научного общества невропатологов и психиатров?⁴ Мне труд-

¹ Сульфозин — препарат, получавшийся от возгонки серы в персиковом, оливковом, прованском и других маслах. При подкожных и внутримышечных инъекциях вызывал очень сильную пирогенную реакцию и психомоторное возбуждение. Использовался в качестве «лечения» инакомыслящих и других неугодных лиц, подвергавшихся принудительному психиатрическому лечению.

² Посредством введения инсулина вызывался гипогликемический шок.

³ По мере высыхания простыни или полотенца стягивали тело все сильнее, вызывая очень сильные болевые ощущения.

⁴ В 1977 году Всемирная психиатрическая ассоциация на конгрессе в Гонолулу

но вспомнить, когда я обо всем этом услышал впервые, наверное, позже, но кое-что доходило. Про академика Андрея Снежневского¹ и Институт имени Сербского², про абсурдно-расширительное толкование шизофрении, когда диагноз этот использовали в борьбе с инакомыслием, про генерала Петра Григоренко и Жореса Медведева, про Наталью Горбаневскую. Нет, что-то я все же знал. Слушал по голосам, знал от сестры.

Саша Дзачковский не зря заговорил про шизофрению. Едва ли он мог сам выдумать столь серьезный диагноз. Психиатром он был без году неделю, так что скорее повторял слухи. А слухи рождались не просто так: новая мода — считать инакомыслие формой шизофрении рождалась в Москве, в Институте психиатрии, обосновывалась научно и, как всякая столичная мода, распространялась по всему Союзу.

Но вот парадокс, на сей раз не обошлось без Татьяны Васильевны Кречетовой, супруги. Деловая женщина, решительная, умная, со связями, она могла бросить своего непрактичного, странного супруга. Многие и ждали этого от нее. Но — нет, не бросила, стала бороться. Но очень уж по-иезуитски стала бороться. Помню, как поначалу осуждала ее сестра. Не одна сестра, многие. Думали, что хочет запереть Дмитрия Васильевича в психбольницу. Потому что, что ни говори, а не верили в эту самую вялотекущую шизофрению. Смеялись, анекдоты рассказывали. Только анекдотом систему не перешибешь.

(США) выступила с громким осуждением практики репрессивной психиатрии в СССР. В 1983 году накануне очередного конгресса ВПА с критикой СССР выступил ряд национальных обществ, в связи с чем, опасаясь осуждения, Всесоюзное научное общество неврологов и психиатров добровольно покинуло ВПА. В период перестройки практика репрессивной психиатрии была прекращена и Всесоюзное научное общество невропатологов и психиатров восстановлено в ВПА.

¹ Академик Андрей Владимирович Снежневский (1904–1987), ведущий советский психиатр, развивал концепции о так называемой вялотекущей шизофрении и о сутяжно-параноидальном развитии личности, позволявшие применять психиатрические «маски» ко всем несогласным. Эти концепции были отвергнуты во всех странах мира, кроме СССР и некоторых восточноевропейских стран-сателлитов.

² Институт им. Сербского — Институт судебной психиатрии, где осуществлялись психиатрические экспертизы, посредством которых очень многим диссидентам и другим людям были «пришиты» психиатрические диагнозы.

Между тем Татьяна Васильевна сориентировалась. Уж кто-кто, а она-то понимала что к чему. Вот она и добилась, чтобы Дмитрия Васильевича отправили в Институт имени Сербского, и сама поехала вместе с ним. Только он — этапом, а она на самолете и, рассказывали, установила в институте все нужные связи. В самом деле, свой человек, медик, без пяти минут доктор наук, невролог, к тому же обзавелась множеством рекомендательных писем. Говорили, из горкома звонили директору института. Да и просила-то она не как все. Все сопротивлялись, доказывали, что здоровы, протестовали, обвиняли в пособничестве врачей, кто позначительней или пораскрученной — встречались при первой возможности с иностранными корреспондентами, о них писали за границей и вещали голоса, а тут, наоборот, раскаивались и просили поставить диагноз. Дмитрий Васильевич, судя по поведению, уже выздоравливал, не упорствовал, признавал: и что у Ленина инсульт от атеросклероза, редчайшая форма, и что Сталин не маньяк — перегибы, да, имели место быть, культ личности, так об этом все было сказано на XX съезде; да, лес рубят — щепки летят, но никакого такого диагноза. И диктатура бюрократии — бред. Из Маркса и Ленина слова не выкинешь: диктатура пролетариата. Как утверждали классики, так и есть. Под диктовку Татьяны Васильевны все написал Дмитрий Васильевич.

Да, только перо заскрипит, только пачка купюр из рук в руки — только не бред ли насчет купюр? Не очернительство ли? — И готов диагноз. Вялотекущая шизофрения. Наша, советская. В стадии наступающей ремиссии. Всего-то и симптомов, что слишком умный, что выше других себя мнит, комплекс Наполеона в некотором роде, а ведь обыкновенный человеческий винтик в стране Советов. Бред высокомерия, вот что. Заносит наших непрактичных интеллигентов.

Полгода примерно пролежал Дмитрий Васильевич в больнице. Да и то никакого сульфозина, никаких простыней и побоев, в санаторном отделении пролежал, для блатных. И вот вышел. Ремиссия. Полная. Посвежел, пополнил, физический труд пошел на пользу. Не голодал. Посылки с колбасой возила Татьяна Васильевна. Персонал был доволен настолько, что не хотели отпускать. Да и была ли шизофрения? Или шизофрения как ОРВИ?

Вернулся Кречетов незаметно, вступил на прежнюю должность. Больше не пишет. Тут бы и конец нашей истории, но... Не для того столько сил положила умнейшая Татьяна Васильевна.

Через месяц примерно спросил я у сестры:



— Ну как там ваш Кречетов, не пишет больше? Очень неплохой писатель, между прочим. Жалко, что так.

— Ты разве не слышал? — удивилась сестра. — На днях состоялось партийное собрание.

— Ну? — заинтересовался я.

— Восстановили Кречетова в партии, — с хитрой улыбкой сообщила сестра. — Он ведь не просто так, в болезненном состоянии писал. Есть, оказывается, такой бред, антисоветский. Теперь его излечили. Ремиссия. Он же не может отвечать за то, что писал в бреду.

— А американцы? — изумился я. — Они тоже в бреду? Вся зарубежная философия, история — бред?

— Выходит, что да, — засмеялась сестра.

— Знаешь, кто больше всех пострадал? — спросила она через минуту.

— Кто?

— Дождев. Врачи вставали и спрашивали: «Как же так, Адольф Маркович, вы не заметили, что Дмитрий Васильевич болен? Что у него эта самая, вялотекущая? Может быть, вы не согласны с диагнозом? Не верите в вялотекущую шизофрению, в новейшие достижения советской психиатрической науки?»

— А он?

— Он стал объяснять, что в начальной стадии распознать вялотекущую шизофрению очень трудно. Иногда даже невозможно. Что в таких случаях от доктора требуется особая интуиция.

— Но ему, конечно, не поверили? Люди же понимают, что к чему. Все же врачи, а не ветеринары. И как в итоге проголосовали?

— Единодушно, — засмеялась сестра.

«А ведь здорово, — подумал я. — Прямо анекдот. Неужели об этом когда-нибудь можно будет написать?» И вот через сорок пять лет...

Дмитрий Васильевич Кречетов больше никогда и ничего не писал и, сколько я знаю, совсем не интересовался политикой, разве что совершенно тайно, так что даже в девяносто первом году сдал свой партбилет одним из последних.

Татьяна Васильевна вскоре успешно защитила докторскую диссертацию. Говорили, что диссертация была слабая, едва ли тянула больше чем на кандидатскую, но диссернета еще не существовало. Зато короткое время спустя, как и ожидалось, она стала заведующей кафедрой. И только Дождеву не повезло. Буквально пару лет спустя его отправили на пенсию. Но вовсе не из-за того,

что просмотрел вялотекущую шизофрению, — история эта на удивление быстро забылась, — а потому, что его собственный племянник уехал в Америку.

ЧЕТЫРЕХУГОЛЬНИК

Юрий Матвеевич Новиков, главный редактор московского литературного журнала, много лет не читал стихи: устал, надоело, давно разочаровался в поэзии, а от того все передоверил безотказной, вечной Эльмире Антоновне, старой деве, у которой ничего за душой, кроме стихов и доброго сердца не было. В прошлой жизни она поклонялась Пастернаку, ездила к нему в Переделкино, чтобы увидеть издалека, тайно обожала Самойлова, безответно любила Коржавина и помогала по хозяйству безытной Ахматовой. Вообще в ее натуре было обожать и влюбляться, но по величайшему секрету, так что можно было только догадываться. Она и стихи писала совсем недурно, но почти не печатала. Словом, шестидесятница, но тайная, романтическая натура, и имя — романтическое: Электрификация мира — на нее можно было положиться, чем и пользовался Юрий Матвеевич. Сам Новиков, хоть лет на десять ее младше, много лет мечтал уйти, сбросить ляжку, но никак не мог решиться. В литературе он считался тяжеловесом и оттого боялся, что его не поймут: ни знакомые и вроде бы приятели, которых он безотказно печатал — не просто так, конечно, а на паритетных началах, — ни в Союзе, ни жена.

Ольга Николаевна, пожалуй, первая. С ней Юрий Матвеевич никогда не был душевно близок. Брак их был до некоторой степени случайный, не из тех, что заключают на небесах, как шутил Новиков, — литературный, без настоящей любви и без детей. Четверть века жили они под одной крышей, но каждый своей, особенной жизнью, настолько, что так и остались и со временем все больше становились чужими, будто где-то между ними пролегла невидимая черта. С годами Новиков от этого стал уставать: ему больше не хотелось ни молоденьких поклонниц, ни самовлюбленных, не слишком умных писательниц среднего возраста, и все меньше хотелось быть похожим на Панаева, но и муторный опыт Некрасова его не привлекал, — напротив, он все больше жаждал душевного тепла и уюта. Прижаться, склонить голову на плечо, закрыть глаза — он пытался рыться в памяти, но не находил... Почти не находил... Все было не то, или безнадежно испорчено. Им самим испорчено. Он вообще начинал впадать в хандру: все, чему он посвятил жизнь, что казалось исключительно важным, незыблемым, что он написал, ради чего



кривил душой или лгал в другой жизни, а ведь его считали прогрессивным, талантливым, подающим большие надежды, сравнивали то с Федором Абрамовым, то с Юрием Трифионовым — все со временем обесцветилось, обесценилось. Оказалось не то. Что многое он не додумывал раньше, недопонимал, боялся признаться даже самому себе. Что ему не хватало смелости, прити, что он слишком любил себя, был чрезмерно осторожным.

А потом все сломалось в одночасье. Казалось бы, свобода, ан нет, писатели растерялись, замолчали. Цензуру отменили, и писать стало не о чем. Захлестнуло мелкотемье. Парадокс. Литературу перекрыла журналистика. Вместо выдуманного — настоящее...

Литература выживала, но как? Все кругом делали вид, притворялись, будто ничего не происходит. Между тем, Новикову казалось, будто он на похоронах. Журнал умирал. Читателей становилось все меньше, в разы. И сил что-то изменить не было. И таланта. И начатый им роман, написанный до середины, много лет как пылился на столе.

Что-то происходило и с ним самим. Устал, сломался. Юрий Матвеевич был грамотный человек. Он сам себе поставил диагноз: депрессия. Хоть в петлю лезь.

Случайно взгляд Новикова остановился на подшивке стихов, которые положила перед ним вечная энтузиастка Эльмира. Электрификация мира. Зачем? Он все равно их не читал. Скучно. Он устал от рифм. Как часто рифмы заменяют мысли. Но она с упорством старой девы все равно клала их на самое видное место.

Вы не такой, как мечталось — не лучше¹,
не хуже —
 просто иной.
 Мне показалось, что стало чуть-чуть расстояние
уже
 между Вами и мной.

Кажется, скоро оно и совсем растает
 и до руки
 чтоб дотянуться, лишь шага всего не хватает,
 или строки.

¹ В рассказе использованы стихи поэтессы Наталии Кравченко.



В первый момент Новиков растерялся. Вздрыгнул. Будто сквозь него прямо к сердцу прошел ток. Сквозь его тоску. Словно незнакомка из Сызрани, золотоволосая, красивая, молодая, с дивным одухотворенным лицом, с тонкими изящными руками, словно не стихи она прислала, а тайное послание ему! Ему! Будто многие пустые годы ждал он этого письма. Будто душа его, истосковавшаяся, замерзшая, ждала именно этих слов! Именно от нее! Именно этого письма!

А ведь были у него женщины, и немало. Жена — не в счет. Черствая эгоистка, эготистка. Настоящего дарования у нее не было, хотя — умна, хитра, пронырлива. Заурядная, в общем-то женщина, средненькая, талант так себе, наделена, однако, необыкновенной пробивной силой. Хотя, тут не столько сила. Деньги, женские прелести. Да, Ольга Николаевна не в счет... А ведь промелькнуло же множество поклонниц... Как же, главный редактор. Даже больше до того: писатель, имя, лауреат. Это сейчас писатель — чуда, неудачник, а еще недавно почти небожитель. И все эти девочки, мечтательницы, графоманки, хотя встречались иногда и талантливые — все с экзальтированным восторгом смотрели на него. Только что видели? Человека? Мужчину? Хотя бывало... Или одно имя? Да что им далось имя? Писатель... «Что в имени тебе моем?» Да, что? А ведь пусто, ничего не осталось. Как мираж... Чаще всего Татьяны... Разве что на память пальцы загибать...

А эта милашка из Сызрани, золотоволосая. Сколько ей лет? О ком это она? Слова, какие слова, особенные — Юрий Матвеевич давно разучился верить словам, но тут... Тут не могло быть фальши!

Зову тебя. Ау! — кричу — Але!
Невыносима тяжесть опозданий,
нависших между небом и землей,
невыполненных ангельских заданий.

Пути Господни, происки планет,
все говорило: не бывает чуда.
Огромное и каменное «Нет»
Тысячекратно множилось повсюду.

Ты слышишь, слышишь? Я тебя люблю! —
шепчу на неизведанном наречьи,



косноязычно, словно во хмелю,
и Господу, и Дьяволу переча.

Луна звучит высокой нотой си,
но ничего под ней уже не светит.
О, кто-нибудь, помилуй и спаси!
Как нет тебя! Как я одна на свете.

— «Неужели это о муже?»

Только теперь Юрий Матвеевич начинал догадываться, что мучило его все последние дни, недели, годы. Одиночество. Смолоду, как вырвался от родителей и учился в Литинституте. Среди людей, среди друзей, только друзей настоящих не нашлось. Карьера... вот о карьере думал...

Сколько их было там, девчонок, в Литинституте. Неглупых вроде бы девчонок. И настоящих, кто хорошие стихи писал, и графоманок. И ребят тоже. И ведь никто не пробился, никто. Печатались. Ну и что, что печатались? Положить на это жизнь? За несколько строчек — жизнь? А ведь неплохие, хорошие, замечательные даже девчонки, ребята.

А он сам? Посмотреть со стороны, преуспел. А на самом деле? Жил этим, до сумасшествия жил...

Когда-то Новиков начинал совсем неплохо. Издал несколько книг и вроде бы даже неплохих книг — так, по крайней мере, казалось тогда — получил премию, стал лауреатом. Но ведь и книги под нож...

Да, было. Сам себе цензор. В Литинституте еще. Нельзя сказать, что колыбель свободы — того нельзя, и этого нельзя, и то опасно, — но трепыхались. Говорили, говорили ночи напролет. Вот тогда впервые и решил написать. Так и назвал свою повесть: «Три поэта». Название рабочее, условное. Борис Корнилов, Павел Васильев, Смеляков. Но так и не докопался, за что двух первых расстреляли: антисоветского ничего в них не открыл. За то, что пили? Богема... Стихи писали и водку пили... Только кто не пил? Шолохов, и тот: «С такой жизни запьешь!»¹.

¹ Якобы эти слова сказал М.Шолохов Сталину в ответ на упрек в злоупотреблении спиртным.



Однако протянул нитку — в Крым, «Жидовка»¹ привела. И дальше, дальше. Десятки тысяч казненных. Мертвые в море, как неубитая армия. «Фурия красного террора»². Все-таки гуманитарии, кое-что читали, как ни шмонали на границе... Мельгунова³... Шмелева⁴... Толе Блинникову читал — добрый был парень, так и застрял в провинции рядовым от литературы — не все читал, отрывки. Но сам же и испугался. Не дай бог разболтает, а то и хуже. Спрятать негде было — общежитие, все под негласным контролем. Уж что контроль — знал, все знали, дежурная как-то проболталась, дураки, и те догадывались. Идеологическая сфера. Словом, сам — ножницами на мелкие кусочки. Нельзя было.

И потом не раз чесались руки. Серебряный век, эмиграция, революция, Париж — все не так, как в учебниках. Дон Аминадо⁵, граф Толстой, Бунин, Цветаева, Мережковские⁶... Так и не написал ни строчки. Все в себе носил.

¹ «Жидовка» — стихотворение Я.Смеякова о большевичке Розалии Землячке (Р.С.Залкинд; другой псевдоним «Демон»).

² Фурией красного террора назвал А.Солженицын Р.Землячку, организовавшую и возглавившую красный террор против оставшихся в Крыму военнослужащих белой армии Врангеля. Но не только они, фактически террору жесточайшим образом было подвергнуто все население Крыма.

³ Мельгунов Сергей Петрович (1880–1956) — русский историк и политический деятель. Находясь в эмиграции, занимался историческими исследованиями о русской революции и Гражданской войне. Наибольшую известность С.П.Мельгунову принесла книга «Красный террор в России», впервые изданная в 1923 году в Германии. Книга переведена на многие иностранные языки, в России впервые издана в 1990 году.

⁴ Шмелев Иван Сергеевич (1873–1950) — русский писатель, публицист, православный мыслитель. О красном терроре в Крыму пишет с потрясающей силой в своем произведении «Солнце мертвых». Жертвой красного террора в Крыму стал 25-летний сын Ивана Шмелева, офицер царской армии Сергей Шмелев.

⁵ Дон Аминадо (Д.Аминадо, настоящее имя Аминад Петрович Шполянский; имя при рождении Аминодав Пейсахлович Шполянский; 1888–1957) — поэт-сатирик, мемуарист, по профессии адвокат, один из заметных представителей Серебряного века, в 1920 году эмигрировал из Советской России, жил во Франции, печатался в эмигрантской прессе, больше всего в газете Павла Милюкова «Последние новости».

⁶ Супруги Дмитрий Мережковский (1865–1941) и Зинаида Гиппиус (1869–1945). Дмитрий Мережковский — выдающийся русский писатель и мыслитель, поэт,

Ждал. А ведь какие образы. Те же Кутепов¹, Миллер². Так ведь и Пастернак, сколько лет до доктора своего, Живаго, все в себе держал. Все в себе.

«Мы обречены на немоту.

Все с собой уносим в темноту».

Так и жили, пока в девяносто первом все не рухнуло, вся прежняя жизнь. Думали: свобода, а оказались не нужны. И он сам, и книги его, Новикова. Вместе с совком. Войнович вернулся, Рыбаков — вот бестия — вылез из подполья. А он, Новиков, где был, там и остался. Верноподданный... Не скандалист... Вот она, плата. Расплата...

Так ведь и в самом деле совковые книги. Лицемерил. Нельзя было без этого.

Он давно перерос свои книги. Сознавал это и в то же время боялся со-
знаться себе. Это как ребенок, когда вырастает из старых одежд. Хотел напи-

переводчик, литературный критик, историк, религиозный философ, общественный деятель, борец против коммунизма, один из главных представителей русского Серебряного века, в частности, один из зачинателей русского символизма, основоположник русского историософского романа, пионер религиозно-философского анализа литературы, выдающийся эссеист. Многократно был номинирован на Нобелевскую премию по литературе.

Зинаида Гиппиус — русская поэтесса и писательница, драматург и литературный критик, идеолог русского символизма, одна из наиболее ярких фигур Серебряного века. С 1919 года супруги находились в эмиграции, преимущественно во Франции, являясь одними из самых значительных фигур русской эмиграции.

¹ Генерал от инфантерии (1920) Александр Павлович Кутепов (1882-1930) — русский военный деятель, участник Первой мировой войны, один из лидеров Белого движения, эмигрант. В 1928--1930 гг. — председатель Русского общевойскового союза (РОВС), активный борец против большевизма, был похищен в Париже агентами ОГПУ в рамках операции «Трест». Место гибели генерала неизвестно. По одним данным, генерал Кутепов оказал сопротивление и скончался от сердечного приступа, вероятно, вследствие введения ему большой дозы морфия в процессе борьбы, и похоронен во дворе частного дома. По другим данным, скончался на пароходе, следовавшем из Марсея в Новороссийск.

² Генерал-лейтенант (1915) Евгений-Людвиг Карлович Миллер (1869-1939) — русский военачальник, руководитель Белого движения на севере России (1919-1920), с 1930 года, после похищения генерала А.Кутепова, возглавлял Русский общевоинский союз (РОВС), непримиримый борец против большевизма, похищен агентами НКВД в 1937 году, вывезен в СССР и заключен во внутренней тюрьме на Лубянке. Приговорен к смертной казни и расстрелян в 1939 году.



сать новое, все еще было впереди, собирался, и все никак. Закрутился. Рассказы еще туда-сюда, но роман, большой, энциклопедический... Не только люди. Эпоха. Собственный взгляд... Что-то застопорилось. Устал... Слишком рано устал... Тело — в порядке, а вот душа... Заряд закончился... В Советском Союзе — год за два.

Хотел на необитаемый остров, но где он, тот остров? Разруха в голове. Но, главное, вдруг сказать оказалось нечего. Пусто...

Юрию Матвеевичу стукнуло сорок пять, когда ему предложили стать главным редактором. Нет, он, конечно, лукавит, будто предложили. Пути искал. Ходил и просил. К самому. И не просто так ходил. Не с пустыми руками... Написал пьесу, предложил соавторство. Унижался. Посмотрите, мол, сделайте исправления...

Хотя, тут больше всего случай. Время такое подвернулось. Перестройка...

Претендентов трое было: Васильев, Савельев и он, Новиков. Другие разбежались. В самом деле, не советское хлебное время: безденежье. Все сразу рухнуло, вся система. Сразу стали никому не нужны. Хотя, с другой стороны, — сам Новиков не застал, но рассказывали, — вызывали на ковер, как школьников, придирались к каждому слову. Чихвостили, доводили до инфарктов, чуть ли не ставили в угол. Умели. Был там особенно один такой, дядя Митя... Хам... Как же-с, идеологический фронт...

И тут тоже: Васильев, вроде как тайный диссидент. Когда-то чуть ли не черной сотне служил, вернее, прислуживал, но потом резко забрал влево. Крикливый был тип, безудержный. Так вот, никем не доказано, ни до ни после, в «Апрель»³ не входил, в «Метрополе» не участвовал, но где-то там выступил. Рубашку на себе рвал. Думал, оценят, а вышло наоборот. Подозревали, хотя, вероятно, зря, будто либерал. А в Союзе терпеть не могли либералов.

Потом он заходил иногда, этот Васильев, стрелял червонцы и плакался на жизнь. С женой развелся и пил, и давно ничего не писал. Да и зачем? В молодости написал несколько вещей и считался перспективным, но потом все пошло кувырком. И погиб бессмысленно и страшно: попал под электричку. Писали — перья-то не перевелись, — что будто не его одного, что будто всю российскую литературу переехала та электричка. А мол он, Васильев, только частный случай.

³ «Апрель» — объединение писателей, выступавших за демократические перемены.



Савельев тоже не подошел. Патентованный консерватор. Охранитель. Ругал Солженицына и Сахарова. Опять же, профессиональная болезнь, пил. Только умные люди — в меру, а этот — без меры. Учитель. Назидательный такой. К тому же слишком на слуху: только проиграл выборы. Народ, особенно гуманитарный, против него скрипел: ретроград. И в самом деле: прославился охотой на ведьм. Словом, момент для него не подходящий. Он чуть позже всплыл, дождался-таки своего часа...

А он, Новиков, как раз посередине. И тем, и этим. Не то, чтобы близкий друг, но и не враг. Проходная фигура...

...Человек сам выбирает свою судьбу. Сам? Или обстоятельства? Теперь-то он точно знает: один раз. Это как экзамен без права пересдачи. И он выбрал. Или судьба сделала выбор за него?

Лиля. Он до сих пор ее помнит. Вспоминает по ночам. Ее родинки, ямочки на щеках, глаза, губы, ее аккуратные груди, соски. Хочет.словно она жива. Кощунственно хочет. Разве можно хотеть мертвую? Лиля...

...Недолгий был роман в Литинституте. Концерты. Театры. Стихи писала... Любовь... Да, любовь...

Все могло быть совсем иначе. Но... Был ли он виноват? С этой их идеологией, классовостью, со всем этим фарисейством... Только весь как оплеченный — на всю жизнь. Хотел наложить на себя руки... Но пережил... Со временем забылось. Только в интернете появляется иногда... Редко.

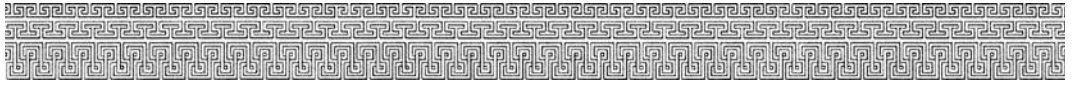
...Век волкодав. Бандитский век...

Это, кажется, Брехт сказал: «несчастливая страна, которая нуждается в героях». А он, Новиков, не герой. Совсем не герой. Он и не мечтал быть героем. Он — человек рациональный.

...Стихи писала. Вот и дописалась. Зато какие стихи! Только время нехорошее было еще, брежневское. Новиков уговаривал ее — не о том писать. О чем-нибудь безопасном. Хоть о любви, о комсомоле, хоть про Братскую ГЭС. И не такие люди писали. Или как он, Юра, о деревне. Про русских писателей, про советских. Да хоть о чем. Уже много чего было можно. Хотя, как чуть чего копнешь, так табу. Он ведь тоже мучился, тоже не все писал. Нельзя! Какое слово могучее было: нельзя! Да, нельзя было, как собственного деда высылали. И как соседей расстреляли в двадцатом — прямо за околицей. Он, Юра, не мог видеть, это бабушка — крестилась и цветы полевые клала на том месте...

Он не писал, боялся, а она писала, Лиля! Хоть бы прославилась сначала, а потом... Так нет же. Стихи ее в списках ходили. Про Свободу, про это самое





«нельзя», про Бутовский полигон¹. Дед у нее был там расстрелян. Так ведь большевик дед. Раскулачивал-рассказывал, расстреливал, вот и до него докатилось красное колесо.

Прямо из постели — хороша была Лилечка, во всем она была хороша — вытащили к оперу, студентом еще последнего курса, и вот, эти самые стихи положили перед Новиковым.

— Узнаешь? Читал? — Отпираться было глупо. На всю жизнь Новиков запомнил дрожь в ногах и пот под мышками. Резкий такой запах. Страх. Вот только тогда он понял, что у страха есть запах. Еще успел подумать: Павлик Морозов. Догадался, что и ему придется стать Павликом Морозовым. Только тот сам, по глупости, а он...

— Узнаю, — не герой. Но и выхода не было. Не мог сказать, что не читал.

— Пиши все, что знаешь. Или — из института. Ей ты ничем не поможешь. Доигрались... — Новиков писал, все писал. И ходил на очную ставку. Своего сексота, настоящего, они выгораживали, мог еще пригодиться. Хотя Новиков догадывался. Впрочем, сексот наверняка существовал не один. Однако так выходило, что сексот — это он, Новиков. Лиля так и решила, и не стала разговаривать. Гордая. Да что такое гордость против системы...

После этого им ничего не стоило Новикова доломать. Уж что-что, а ломать они умели. Выбора у него не было. Если хочешь стать писателем, сделать карьеру, сотрудничай. А нет, значит пропадай, или уезжай, только никто тебя не отпустит.

Лилю Новиков с тех пор видел всего два раза. На очной ставке и когда уезжала. Высылали из страны. Но и там — недолго. Руки у них были длинные. Дотягивались и туда. Уж что они умели в совершенстве: ненавидеть. Мстить. Всех, кто не с ними, считали отщепенцами. А Лиля продолжала писать. Не боялась. Не верила, что ее могут убить.

Опять же, никем не доказано, но почему-то именно у Лили в горах отказали тормоза. Как у Амальрика. А Гинзбурга-Галича убило током. И Литвиненко. А Рохлина непонятно почему убила жена.

Когда она уезжала, Новиков работал в журнале. Должность была небольшая и все же — провожать Лилю казалось опасно, даже поговорить минутой — могли уволить с работы, как-никак идеологический фронт. Новиков до-

¹ Бутовский полигон — место массовых казней в годы большого террора, в Подмосковье (сейчас Москва).



гадывался, что ничего хорошего не выйдет, пятно было несмываемое, хотя, видит бог, ему не в чем себя упрекнуть, мало кому удавалось не измазаться, лишь отдельным чудакам, но он пересилил себя и пошел. Хотелось оправдаться.

Но все получилось именно так, как он и боялся. Провожали Лилию только два человека. Два отвязных поэта, которые сами... провоцировали... Тоже хотели на Запад. Остальные, а друзей у нее было много, и сочувствующих тоже — никто не пришел. Боялись. Прощались заранее. Но все равно разговора не вышло.

— Ты, Новиков, слабый человек. Они потому и процветают, что кругом слабые, что боятся говорить правду. Я не держу на тебя зла: это не вина твоя, беда. Я тебе даже сочувствую. Хотя, ты ведь далеко пойдешь, Новиков.

— Это, Лиля, не я. Все у них было готово. Не отвертеться. Я предупреждал. Тут у них чуть ли не каждый второй, — но она и слушать не стала. Все такая же гордая, в мыслях Лиля уже находилась там. На свободе. И Новиков стал ей совсем неинтересен.

После этой встречи, последней, Новиков долго ходил как побитый. Репутация его оказалась сильно испорчена. Он подумывал, а не податься ли на Запад? За Лилей. Чем вся эта шушера, все эти Савенко-Лимоновы, мистики Мамлеевы и откровенные придурки Дугины¹ лучше его? Там, на Западе, всякой твари по паре.

Но — не решился. Быть может, из-за женщин и не решился. Что американки? Пахнущие спортзалом феминистки — кому он нужен там, бедный русский писатель? Со своими кошелками ехали наши ниспровергатели. А тут — замужние, незамужние, всякие. Писатели были в цене. Кто-то догадывался, конечно, что сотрудничал, ходили слухи, но... молчали. Не принято было об этом говорить. Знали, от них не отбиться.

И вот на склоне лет нечего вспомнить — все промелькнули. Ни любви, ни привязанности особой. Имена и те не всегда удавалось припомнить. Богема...

Женился Юрий Матвеевич далеко за сорок на известной писательнице Варвариной, однако, как жил до того бобылем, так бобылем и остался. Ольга Николаевна была на несколько лет старше Новикова и хозяйка никакая,

¹ В отличие от Э.Лимонова и Ю.Мамлеева, Александр Дугин, считающийся философом, социологом и политологом, бывший член фашистского «Черного ордена», Национально-патриотического фронта «Память» Дмитрия Васильева, один из основателей Национал-большевистской партии, в эмиграции не был.

кастрюли она не переносила, зато вся в себе, в астрале, как говорила сама. Обожала себя в литературе. Новикова она почти не замечала и уже много лет только по понедельникам и пятницам подпускала его к себе.

Считалась Ольга Николаевна природной рифейкой, и по рождению, и по образу мыслей, хотя давно прижилась в Москве, — от этого в ее прозе, несколько мелковатой и эклектической, присутствовали и Хозяйка медной горы, и Великий полоз, и Бабка Синюшка, и Огневушка-поскакушка, и недавние бандиты, уралмашевские и центровые, и новые русские форбсы; писала она и о загадочных волшебных камнях, и о необыкновенных корундах, и о горных духах и чудо-мастерах. Вообще помешана она была на потустороннем и сказочном, чего никак не могло быть. Многие, и Новиков в их числе, писания ее считали странными и даже болезненными, но это не мешало ни ее непонятной известности, ни необыкновенной практичности. В том, что касалось премий, грантов, поддержки меценатов, дружбы с телеведущими, поездок за границу, равных ей не существовало. Варварину всюду печатали, даже за границей, и рецензенты как один находились от нее без ума, хотя, видит бог, имелось множество авторов лучше ее, но их отчего-то не замечали. Вообще ее проза казалась Новикову искусственной и надуманной, но, главное, ни о чем. Не то, чтобы Юрий Матвеевич ей завидовал, все же супруга, но... Таинственные свои связи Варварина пуще ока берегла от посторонних глаз, так что Новиков только лет через пять докопался, что главный ее спонсор — бывший гражданский муж и по совместительству олигарх Катин, с которым Варварина по-прежнему поддерживала очень тесные отношения. Настолько тесные, что Юрию Матвеевичу казалось впору подавать на развод. Хотя, с другой стороны, у Катина к тому времени имелась прелестная юная супруга, которую он, не жалея денег, раскручивал в качестве телеведущей.

Он, этот бывший, Катин, имел самые близкие отношения с литературой: состоял в учредителях и в спонсорах всех главных премий, которыми награждалась Варварина. Он же, как оказалось, оплачивал рекламу и издание ее книг: статьи в газетах, многочисленные рецензии и выступления на телевидении, в гордом одиночестве и в окружении таких же, как она сама, придуманных звезд.

— А мне ты не хочешь помочь? — Как-то, слегка подшофе, спросил Новиков. — Я, чай, тоже не последний человек в литературе. Тоже лауреат, еще советского времени. Прощелыга твой банкир, не обеднеет. Ведь графоман, ну, чистый графоман. Предлагал мне хорошие деньги за публикацию в журнале.



И я бы грешным делом взял, не святой, но есть же для всякой бездарности предел.

— С тех пор он про тебя и слышать не хочет, — пожалала плечами Ольга Николаевна.

— Ревнует, — засмеялся Новиков. — Все-таки родственник. Как говорили римляне, через это самое место. Сакральное.

— Ты не смейся, — обиделась Варварина. — Он не бездарный. Он любой текст может купить, ему не нужно писать. У него другой дар, — Новиков осознал, что любовь любовью, хотя, какая тут любовь, а денежки врозь. И слава тоже. Слава, наверное, особенно. И при этом смотрит на него свысока, с ощущением превосходства, а с чего бы? И плевать ей, что Новиков замыслил гениальный роман про Серебряный век, грандиознейший, не чета ее доморощенным «Корундам» и потешным через сто лет «Красным и белым».

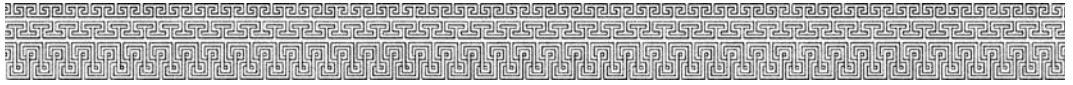
Печатать, однако, Ольгу Николаевну приходилось регулярно. Выбрасывал других и ставил Варварину. Не читал — давно не читал, не интересно, но ставил. Не мог отказать. Не только жена, но и имя.

Ольга Николаевна, правда, не оставалась в долгу. Сама она редко что-то редактировала, не любила черновую работу, но всюду у нее находились приятели — от агентов до издателей, — а рецензенты так просто готовы были расшибиться.

С Ольгой Николаевной встретились они на книжной ярмарке в Нижнем. То есть и раньше были знакомы, но — шапочно, пересекались изредка в ЦДЛ¹, бывало, говорили несколько слов и Юрий Матвеевич тайно — хотя, разве можно скрыть такое от женщины — пялил глаза на ее красивые, стройные ноги. И еще писатель Кротов хвастался, будто у него с Варвариной был недолгий, но бурный роман. Хотя, скорее, не роман, а трехактовая интрижка. Мол, тот еще темперамент. А тут — торжественный банкет, вино, стихи, проза, и Новиков, слегка пьяный, первым из писателей решился подсесть к знаменитости.

В тот вечер он был красноречив, как Цицерон, стихи — от Лорки до Гамзатова и от Фета до Юрия Кузнецова, как из дырявой кошелки сыпались из него, сказывалось литинститутское прошлое. Затем он перешел на трагический Серебряный век — в самом деле, трагический: кто расстрелян, кто с сумой, кого уморили, кто сам наложил на себя руки, только самые удачливые тихо умерли на чужбине. Ольга Николаевна, раскрасневшаяся, растаявшая,

¹ ЦДЛ — Центральный дом литераторов в Москве.



поощрительно улыбалась, так что к концу вечера Новиков, не стесняясь, все больше, все сильнее обнимал знаменитую. Так, в обнимку, хмельные, они едва добрались до гостиницы.

Новиков вошел к ней, торопливо стал расстегивать платье, груди у нее оказались стоячие, красивые, с большими сосками. Новиков припал к ней, к своей Афродите, стал целовать, он изнемогал от желания, будто безусый юнец. И она — Ольга Николаевна оказалась женщиной опытной, бывалой.

Позже Новиков ревновал ее — и к бывшему мужу, олигарху, и к другим, и всякий раз переживал, когда она ездила без него на разные фестивали и конференции. Воображал, да что воображал, знал буйный литературный народ. Сначала неумеренно пьют, говорят высокие слова, читают стихи, а потом... Любовь, вот что потом. Кто как, конечно. Но Ольга Николаевна не из смиренных. Одно слово, богема...

В тот раз было совершенно замечательно. Невообразимо, невозможно. «Сучка, сучка», — вспоминал он потом и сердце начинало колотиться. — «Сучка». Но это — четверть века назад.

Она была умелая, жадная, баба что надо, так что к утру Новиков выдохся. Проснулся он поздно, с трудом разлепил глаза, опоздал к завтраку и едва не пропустил встречу с читателями. Да уж, какая там встреча: Новиков был явно не в себе и нес, что называется, пургу. В гостиницу он вернулся в обед и, как сумасшедший, с воскресшими силами кинулся в номер к Варваринной. Но, увы, Ольга Николаевна оказалась не одна. Рядом с ней сидел на кровати писатель Сергиенко, совершенно бездарный, к тому же имевший нехорошую репутацию тусовщика и волокиты. Новиков хотел с ним подраться, но тут увидел еще двоих. Вся компания сидела с сигаретами и распивала коньяк.

— А, Юрочка, — приветствовала Ольга Николаевна так, будто это не Новиков проснулся сегодня утром в ее постели, и поощрительно улыбнулась. — Вы знакомы?

— Слегка, — сквозь зубы процедил Новиков. — Александр Васильевич, автор знаменитого «Государева преступника»?

Книгу эту Сергиенко написал много лет назад. В свое время он учинил громкий скандал из-за того, что его роман, по отзывам весьма слабый, остался без премии и с тех пор ничего не писал и не публиковал, но регулярно мелькал в разных литературных тусовках и всюду рассказывал, что вот-вот закончит нечто совершенно великое. Что, мол, раньше было нельзя, но он все равно секретно собирал материал.



Но что мог делать этот пьяница, балабол и бабник в обществе Ольги Николаевны? С какой стати она терпела его? До конца фестиваля раздосадованный Юрий Матвеевич не отходил от Варвариной ни на шаг. Сергиенко тоже крутился где-то рядом, но, слава богу, обошлось без драки, и предпочтение было оказано ему, Новикову, так что и вторая ночь была его, и третья тоже, и в Москву Новиков вернулся вымотанный до дна и отсыпался целые сутки.

С тех пор они периодически встречались в течение нескольких месяцев. Нельзя сказать, что их отношения сложились безоблачно, напротив, чем больше Новиков узнавал свою Венеру, тем больше колебался. Ольга Николаевна то приближала его, то, напротив, намеренно отдаляла, у нее была другая жизнь, закрытая от Новикова, она, вероятно, тоже испытывала немалые сомнения — с ней вовсе не было так комфортно, как с какой-нибудь молоденькой поэтессочкой, которая таяла от одной мысли, что перед ней главный редактор известного журнала и лауреат, и что он может напечатать ее стихи. Но, с другой стороны, Варварина была известная писательница, при деньгах и могла быть Новикову полезна, и — все эти девочки не стоили этой изощренной блудницы в постели. Новиков догадывался уже: вовсе не золотым своим пером всплыла Варварина на самый верх. И все ее фарисейство, все манерничанье, всю многозначительность — ну, нужно же было что-то выложить на стол. От этих мыслей Новиков испытывал нехорошую ревность, однако, странно, ревность не отталкивала, а совсем наоборот. Он рвался стать победителем, взнудать эту дикую, хитрую, себялюбивую, так до конца и не объезженную двуногую кобылицу.

У Юрия Матвеевича, правда, бывали опасения, что он не справится с ней, что при случае, а случай всегда подвернется, эта женщина наставит ему рога, но, удивительно, это еще сильнее притягивало к ней, в этом заключался спортивный азарт, а может и что-то болезненное, гипосексуальное, мазохистское. Он утешал себя: все мы имеем право на свои извращения.

Юрий Матвеевич сильно колебался, а решилось все в один миг.

— Юра, — он почувствовал, что она волнуется, но взгляд ее был испытующим, холодным, они оба едва отдышались после очередной близости, в изнеможении упав на подушки, — Юра, меня приглашают во Францию. Премия, очень даже престижная. Приглашают... с супругом. Я, конечно, могу одна, но... Тебе очень подойдет фрак.

Дело было не во фраке и не во Франции. Новиков бывал у пожирателей лягушек, и не раз. Видел и Версаль, и Лувр, и замки Луары, и гулял по Елисей-



ским полям, в первый раз возили еще в советское время и он, Новиков, писал потом подробный отчет про себя и про других, — предложение было сделано и нужно было отвечать. А он, Новиков, вовсе не хотел Варварину обидеть. И тем более потерять.

Да, так, хотя странно, были любовниками, и он печатал ее в своем журнале, и все равно: Варварина. Оля, Олечка, Оленька — в минуты тепла, — а про себя все равно Ольга Николаевна, что-то заиклилось в нем, какой-то рудиментарный механизм, уж очень давила авторитетом. Ей требовалось поклоняться, дарить цветы, требовалось восхищаться ее писульками, признавать ее гениальность. Рифейская Жорж Санд. Хотя он, Юрий Матвеевич, был на голову выше. В одну минуту мог расчеркать любой ее текст.

Характер у Варвариной был трудный. Нарцисс в юбке. Всю молодость терпела, ждала, плакала. Тихий ангел. Как кошечка, прятала до времени коготки. И вовсе не пером, не талантом... Но сучка была манящая и в свои пятьдесят. Знала, что еще недолго. Умна. Недаром вокруг нее всегда вились мужчины. И олигарх Катин, бывший ее — кто? Муж, любовник, содержатель, партнер? Е-рь? Разошлись, а все еще облизывался. Гарем развел, а с Варвариной в дружбе. Новиков никогда их не ловил, да и не мог бы, но что-то по-прежнему было. Новиков видел его вблизи: мужчина, как мужчина, длинношей, как жираф, только взгляд холодный, жестокий. Так богатые смотрят на бедных, успешные — на неудачников. И этот, Сергиенко, тоже крутился вокруг нее. И другие. Как мухи на мед.

В Париже все было замечательно. Белые сорочки, фраки, речи, застолья, на книжной выставке очередь к Варвариной. Да что ж она такое, Новиков никак не мог взять в толк. Пишет бездарно, а ... Ну точно, все точно про голого короля. Читателю можно всучить. Читатель купит и поставит на полку.

Главное, он, Новиков, стоял и улыбался.

В Париже первая кошка пробежала. Хотя, нет, наверное, раньше.

— Я вижу, Юра, ты не рад за меня?

— Рад, — сказал он через силу и попытался улыбнуться. — Скромный муж великой жены.

— Нет, не рад. — Варварина серьезно обиделась. А между тем никогда не прочла ни один его рассказ, ни роман, тот самый, что Новиков много раз начинал и бросал — про Серебряный век, — собирал буквально по крупичкам. Правда, и он никогда не читал ей отрывки. Разве лишь однажды, в самом начале. И увидел: ей не интересно.



— Ты пишешь про Гумилева, а думаешь про себя, — вот язва так язва. Больше он не пытался.

Сам Новиков Варварину читал редко и с двойственным чувством: не глупа, продвинута, но о чем? Для чего? Ее бабья проза казалась Новикову искусственной и холодной. Ненастоящей. Придуманной. Литературный фианит по цене изумруда. Неужели критика не видит? Хотя, уж кто-кто, а он-то знал: критики не существует больше, существует обслуга. Коррупция не только в правительстве.

Они съехались — это был настоящий марафон, многолетний, многотрудный. До того у Варвариной имелась двухкомнатка-малогабаритка, на большее олигарх не расщедрился. Съехались, сделали ремонт, расставили новую-старую мебель, книжные тома и — поняли, что чужие, но что больше уже никуда. Не оставалось ни сил, ни денег, и жалко было трудов. Да и куда, зачем? С тех пор Новиков обитал в роскошном своем кабинете, а Ольга Николаевна облюбовала спальню с антикварным столом, за которым, по утверждению продавца, еще Евгений Боратынский писал свои знаменитые поэмы. Развесили на стенах мрачноватые картины передвижников. И только по понедельникам и пятницам...

В остальные дни они встречались только на кухне и в огромной, с мебелью в стиле Людовика, гостиной-столовой, захламленной шкафами, книгами и старыми вещами, выбросить которые было некогда и жалко; книгами, которые они никогда не прочтут, а хранить больше негде. В молодости Новиков — в другой еще жизни, — как и множество других людей, коллекционировал книги, благо стоили они копейки. У Новикова, как у члена Союза, имелся доступ к писательской лавке на Кузнецком мосту и он без особого разбора покупал все подряд. Юрий Матвеевич, в некотором роде, немалую часть жизни прожил при коммунизме: писательская книжная лавка, писательская поликлиника, дома отдыха, писательские наборы с колбасой и икрой — отдельно по будням и к праздникам. Как-то на исходе той жизни Юрий Матвеевич получил даже пропуск в ателье ЦК. И, если бы не рухнуло все, Новикову положено было в конце пути место на Новодевичьем кладбище. В крайнем случае — на Ваганьковском.

Но то — раньше. Сейчас же они с Ольгой Николаевной жили, можно сказать, в коммунальной квартире, где волей-неволей наблюдали друг за другом, как в стеклянном Доме-2.

Новиков в этой жизни так и не обзавелся детьми, суетливые годы пролетели мимо. У Варвариной же имелась дочь, появившаяся на свет в городе



цареубийства в очень далекие дни, которые для Новикова навсегда остались тайной — он сумел только выпытать, что в это гиблое время Варварина тихо прозябала в нищем издательстве, безнадежно пыталась печататься, и думать не думала о Москве. Как полагал Новиков, была одной из тех девочек, которым несть числа в искусстве — от литературы до балета — которые, словно бабочки, порхают из рук в руки профессиональных ловцов. Что Ольга Николаевна тоже, он не сомневался — ее соблазнил махровый критик, известный непримиримостью к противникам соцреализма. Она, правда, отрицала — утверждала, что будто бы это любовь. Но скоро все закончилось трагическим разрывом.

Что происходило потом, Ольга Николаевна не делилась с Новиковым никогда, десять лет ее рифейско-московской жизни словно поглотила черная дыра, длинное многоточие, где неотчетливо грезилась литературные романы с литературными же генералами, и лишь в самом конце многоточия чудесным образом материализовались олигарх Катин и финансово близкая к нему издательница Маша Шуткина, молодящаяся и очень влиятельная дама в черных очках и в черных же перчатках без пальцев.

Новиков знал только, что дочку Ольги Николаевны Настеньку вырастила бабушка вдали от тогда еще не знаменитой мамы. И что, закончив институт, очень далекий от литературы — о родительской стезе обиженная Настенька и слышать не хотела, — Настенька, не попросившись с матерью, сбежала в Америку и вышла замуж за миллионера.

— Как Екатерина Первая, — мнилось иногда Новикову, когда он размышлял о супруге. — Так же из рук в руки... И стала императрицей... А тут после олигарха Катина настоящая литературная богиня. А ведь и Крым и рым, через все прошла.

В самом деле, Катин все умел превращать в золото, как ослухий Мидас¹. А ведь сам когда-то неудачливый режиссеришка, бомбила², катала³, авторитет, как писали про него в интернете, но опять же, богема. Новорусский Мамонтов⁴. Любил и покровительствовал артистам. В новое время он перебесился

¹ Согласно греческой мифологии, фригийский царь Мидас прославился тем, что все мог превращать в золото, а также ослиными ушами.

² Бомбила — частный таксист, который не платит налоги.

³ Катала — карточный шулер (уголовный жаргон).

⁴ Савва Мамонтов (1841–1918) — известный русский предприниматель, желез-

и вырос на обмене и обналичке, а в приватизацию задешево скупил активы.

И насчет махрового критика Новиков навел справки. К тому времени бывший сердцеед лет десять как умер. Рассказывали, что порядочная сволочь, выслуживался, на том и сделал карьеру. И насчет Синявского с Даниэлем, и насчет Солженицына, и даже Любимова и Нуреева — про всех писал и ничего, в перестройку перестроился и стал очень даже прогрессивным.

...К семидесяти он устал, Новиков, устал. Усталость накапливалась долго, давно, но вот как-то сразу... Тело еще оставалось крепким, но душа... Жизнь, можно сказать, прожита зря — пустая жизнь — ничего после него не останется. И Ольга Николаевна не та, чужая, всегда была чужая. И сил нет разойтись, да и незачем...

Вчера только уехала в Германию выступать. Не попрощались, как чужие...

Но, если подумать, сказать-то ей нечего. Эгоцентрична, только о себе и говорит. Но и ему, Новикову, нечего. Все оказалось не то. Все, что происходило после литинститута. И писал — не то, так ведь и не дали бы написать то. Но и не знал, не умел. Вот Лиля, она знала. Тут ведь не *к а к* писать главное, это многие умеют: излагать свои маленькие мысли, тут ведь *ч т о* писать. Вот что важно, о чем, что ты есть сам.

Все промелькнуло, очень быстро промелькнуло. А роман не дописан. И сил нет. И вдохновения нет. И читателей нет. Люди перестали читать. А зачем? Кто такие писатели, чтобы поучать? Литература — жалкое подобие жизни...

Из пены сирени рождается лето,
из первого слова — строка...

Юрий Матвеевич оторопело посмотрел на бумагу. Это Эльмира Антоновна постаралась. Подсунула. Старая дева терпеливо читала все. И иногда находила бриллианты — из сора, из почты, самотека.

Новые, молодые ее не заменят. Им скучно. У них нет этого адского терпения. Этой любви...

А стихи хороши. Кто она, эта незнакомка из Сызрани? Молода? Красива? Печаталась? Что она слышала о нем, Новикове, в своей тихой провинции? Быть может, он для нее Бог? Может, она думает, что в Москве живут боги? Гении? Что в Москве нет ни интриг, ни сплетен, что там особенные люди? И он,

нодорожный магнат и одновременно крупный меценат, организатор и владелец частного театра.



Новиков, особенный, что к нему ничего не пристало? Не слышала здешних шепотков?

Новикову хотелось, чтобы она была красива. Чтобы не замужем. Чтобы...

Он знал, что все это глупо, что все — поздно, что ничего из этого не выйдет, что он не избавится от Варвариной, но... Он не мог запретить себе мечтать.

...Начать все с начала. Пусть он недостоин, пусть стар, пусть совсем не хороший человек. Грешен. Хотя, другие разве лучше?..

Все заново. Все с чистого листа. Новикову непременно захотелось ее увидеть...

Больше ничего. Увидеть. Такие стихи...

Следовательно, душа у нее нежная, тонкая, поэтическая. Это вам не камни, фарцовщики, битники, хипстеры... Не брутальная проза Ольги Николаевны.

Возвышенная натура. Быть может, одинокая. Как он, Новиков.

— Будем печатать, — распорядился Юрий Матвеевич и, чего никогда не делал, сам написал незнакомке:

«Ваши стихи произвели огромное впечатление. Должен сознаться, я давно не испытывал ничего подобного. Планируем напечатать их в ближайшем номере. Просьба срочно прислать Вашу фотографию и Вашу краткую литературную биографию. И, если можете, пришлите еще стихи».

Юрию Матвеевичу хотелось узнать о ней как можно больше, прежде всего, замужем ли она и сколько ей лет, он долго сидел над письмом, но спрашивать казалось неприлично, и он не решился. И само письмо получилось слишком деловое, сдержанное, он хотел бы написать совсем иначе, но не знал как.

Ответ пришел на следующий день. Удивительно, но все это время Юрий Матвеевич, чего никогда с ним не случалось, испытывал сильное волнение, он, словно мальчишка, ждал ее ответ, мечтал о ней, и сам же смеялся над собой. И опять-таки, сам же и поставил себе диагноз. Влюблен. Но вовсе не так, как влюбляются мальчишки, бескорыстно и бездумно. Он влюблен был от одиночества, от неустроенности собственной жизни, от того, что до сих пор жил не так, как бы ему теперь хотелось. От того, что Ольга Николаевна не любит его, да и не любила, она вообще не умеет любить, и он тоже не любит ее. Когда-то был секс, но давно кончился.

Вот прожил жизнь, а — никого. Многие из окружающих завясят от него, он окружен уважением и почетом, казалось бы, все у него в порядке, известный литератор, а... Если посмотреть правде в глаза, не нужен никому. Умрет и на следующий день забудут.



Юлия Савченко — так звали поэтессу из Сызрани — прислала, как просил Новиков, фото и биографию. И еще письмо. Очень вежливо благодарила и обещала еще прислать стихи. И не только стихи, но еще и эссе о ныне здравствующих и ушедших поэтах. Одно эссе — про Фета — она вложила отдельным файлом. Новиков прочел и был потрясен: Фет и Мария Лазич, смерть девушки, страдание и несчастная, безвыходная, трагическая любовь — он, конечно, все это знал, но как она написала!..

Чуть успокоившись, Новиков почувствовал легкую досаду за ее романтический взгляд. Фет — вне критики, святой? Сентиментальный, рассудочный немец. Немецкая кровь. Довел девушку до самоубийства и пишет. Страдает. — «А сам, сам?» — Новиков почувствовал отвращение к себе. — Тоже немец?»

Одно было очевидно, что Юлия не простая провинциалка, не просто стихи пишет, как другие. Однако ее не слишком печатают. И что в провинции она страдает от невостребованности. — «Проблема небольших городов — там нет места большому таланту. Оттуда бежать нужно», — Новиков не знал, должен ли он радоваться или печалиться.

Но, главное, фото. Юлия оказалась красива. С золотыми кудрями, с голубыми глазами, с чуть вздернутым носиком. Тонкие наманикюренные пальцы держали микрофон. Так хороша, что Новиков почувствовал стеснение в сердце. Услышал голос: чистое серебро. Представил, как она читает. На фото ей лет тридцать пять-сорок. А может меньше. Но... Это могло быть старое фото.

Из биографии Новиков выяснил, что она журналистка и автор четырнадцати книг. Наверное, не очень молодая.

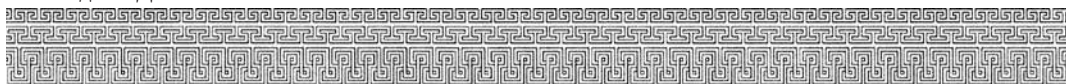
— «Чего ты хочешь, Юра? — Спросил он себя. — Чтобы ей было двадцать лет? Или двадцать пять?»

Нет, двадцать лет было бы слишком. Он не мог представить, что делать с двадцатилетней. Тем более, сейчас они совсем другие. Прагматичные. А он не олигарх...

Лет сорок-пятьдесят, или чуть больше было бы идеально для него. В бальзаковском возрасте женщины в самом соку. Уже без предрассудков...

Про мужа она не написала. Да и с чего бы ей писать? Юрий Матвеевич залез в интернет и долго искал — с интернетом он был на «вы». Наконец, нашел Юлию Савченко. Среди Савченко с именем Юлия имелось аж три поэтессы, но свою Новиков узнал сразу.





Любовь — не когда прожигает огонь,
когда проживают подолгу вдвоем,
когда унимается то, что трясло,
когда понимаешь все с полусло...

Любовь — когда тапочки, чай и очки,
когда близко-близко родные зрачки.
Когда не срывают одежд, не крадут —
Во сне укрывают теплей от простуд.

Когда замечаешь: белеет висок,
когда оставляешь получше кусок,
когда не стенанья, не розы к ногам,
а ловишь дыханье в ночи по губам.

Любовь — когда нету ни дня, чтобы врозь,
когда прорастаешь друг в друга насквозь,
когда словно слиты в один монолит,
и больно, когда у другого болит.

Сомнений у Новикова почти не оставалось. Едва ли такое можно придумать. Он почувствовал зависть, потому что у него никогда ничего подобного не было. Были женщины, много, а — не было...

Но ведь такая не изменит, не уйдет от мужа, не кинется на шею другому оттого, что он главный редактор. Тем более бездумно. Ни за какие коврижки. Она, может, и в своей Сызрани сидит из-за мужа. Она не уедет в Москву, будет охранять свое гнездышко. Своего...

Но кто же он, этот счастливчик?

Счастливчик? Однако:

Твой бедный разум, неподвластный фразам,
напоминает жаркий и бессвязный
тот бред, что ты шептал мне по ночам,
когда мы были молоды, безумны
и страсти огнедышащий Везувий
объятыя наши грешные венчал.



Во мне ты видишь маму или дочку
и каждый день — подарок и отсрочка,
но мы теперь — на веки визави,
я не уйду, я буду близко, тесно,
я дочь твоя, и мать, сестра, невеста,
зови, как хочешь, лишь зови, зови.

О ком это она, о муже? Новиков не стал спрашивать. Он знал: все со временем разъяснится.

В конце года, то есть всего через пару месяцев, лучшие авторы журнала выступали на радио и Юрий Матвеевич пригласил Юлию в Москву. Сам. Лично. Он жаждал ее увидеть. Услышать. Новикову плохо было одному.

В это самое время у Ольги Николаевны вышла новая книга, на книжной выставке ее торжественно презентовали. Во главе стола сидела сама Шуткина, в неизменных черных очках и в черных, без пальцев, перчатках. Новиков обязан был присутствовать, но — один, один, верно говорят, что одиночество особенно тяжело на людях. Между тем, Юрий Матвеевич тихо начинал ненавидеть Шуткину: от нее зависело напечатать новиковские рассказы и тем самым пропустить Новикова в классики.

Ольга Николаевна радовалась, как девочка. Новиков читал по ее глазам. На сей раз это был исторический роман из рифейской старины, в котором правды содержалось не больше, чем золота в медных монетах: Варварина терпеть не могла рыться в архивах. Но — какое это имело значение? Кому нужна правда? Намного важнее казалось то, что Варварина снова замахивалась на Премию, тем более, что Маша Шуткина выступала одним из главных учредителей этой самой премии.

С Машей у Новикова были свои счеты: когда-то — тогда он не был еще главным редактором — Новиков помог ей напечататься в журнале. Но Маша Шуткина оказалась на редкость неблагодарной. Вот и на сей раз слукавила старая карга: сама подошла к Новикову — неудобно было не подойти — и протянула руку в перчатке с голыми костлявыми пальцами.

— Значит, Юрий Матвеевич, печатаетесь у конкурентов?

Новикову неудобно показалось ее уличить. Много лет, пока всерьез не обиделся, искал он подступы к этой шапокляк. С отчаянья, было дело, даже письмо написал, но она не ответила. Вдвойне обидно: Ольга Николаевна то ли не смогла, то ли не захотела ничего сделать. Ларчик, между тем, открывал-



ся просто: стихи Шуткиной, которые Новиков протолкнул, были бесцветные и сухие, словно осенняя трава и как она сама, настолько, что неподкупная Эльмира Антоновна после этого не здоровалась с Юрием Матвеевичем целый год. Так вот, как-то в легком подпитии Новиков ляпнул об этом с юморком и доброхоты тотчас же донесли. С тех пор Шуткина много лет демонстративно держала дистанцию. Она и сейчас наверняка только делала вид. Маша Шуткина никогда ничего не забывала.

На выставке Новиков особенно почувствовал свое одиночество. К нему подходили, жали руки, с ним заговаривали, даже заискивали, особенно молодые, малознакомые, но он чувствовал фальшь...

А в этой, из Сызрани, Юлии, в ней издали ощущалась чистота. Редкая в наше время искренность, неиспорченность. Она вдалеке от всяких столичных дрязг. От сплетен. Она — другая, из другого теста. Такая не обманет, не станет лгать. В ее стихах не ощущается притворства. Новиков уверен был, что не ошибся, к своим семидесяти он считал себя душеведом.

Увы, Юлия не смогла приехать в Москву. Написала, что давно не выезжает из-за мужа. Муж ее, Дмитрий, в прошлом журналист и писатель, написал несколько очень неплохих книг, но он давно страдал гипертонией и из-за скандала в областной организации — все из-за денег, как всегда, в этот раз у писателей украли гранты, — у него случился инсульт. С тех пор Дмитрий лежит дома, у него повышенное внутричерепное давление, нарушения психики, он ничего не помнит и едва, только с ее помощью, передвигается по квартире. Юлии одной приходится смотреть за мужем, лишь изредка помогает сестра Дмитрия, но она работает и у нее семья, дети и внуки, а оставить Диму одного надолго нельзя. Он всякий раз падает, он такой тяжелый, что она не может его поднять. Приходится вызывать то МЧС, то скорую помощь. Врачи вначале назначали инъекции, но Диме лучше не становилось, наоборот, все хуже и хуже, и она уже шесть лет никуда не ездит.

За последние годы ей присудили несколько премий, сообщала Юлия, и она ведет блог — читателей не очень много, большую часть времени приходится посвящать мужу, пишет она больше по ночам. И даже получить премии не может, хотя ее везде зовут. И денег совсем нет, хорошо хоть, что она стала получать пенсию, и очень благодарна, что публикацию в журнале ей оплатили, но все равно, все уходит на лекарства. Какие-то лекарства мужу дают бесплатно, но это не совсем те, которые нужны. Так что, увы, приехать она не сможет, хотя очень бы хотелось выступить на радио, про-

сит ее простить. Ей очень неудобно, что он, известный столичный писатель и главный редактор, ее приглашает, а она никак не может приехать и, наверное, долго еще не сможет. И что она, Юлия, прочла последнюю книгу рассказов Новикова, и книга ей очень понравилась, и что она с нетерпением ждет его роман про Серебряный век, о котором он говорил в своем недавнем интервью.

Письмо было длинное, Юлии требовалось выговориться, очень может быть, что у нее никого не было близких, кому можно было уткнуться в грудь и порыдаться и вот он, Новиков. Две одиноких души. Она ведь со своей сверхъестественной пронизательностью уловила его одиночество — в его рассказах. Ни один критик не заметил, все писали о другом, а она...

Но Юлия, судя по всему, очень любила своего мужа. Или — раньше любила? Пишет в стихах, что штопала ему носки. Кто штопает сейчас носки? Это ведь какая бедность, это только в Советском Союзе штопали... Что моет его и ухаживает за ним, может быть, кормит с ложечки. Но любить? Да можно ли любить такого глубокого инвалида? Или только жалеет? Ностальгия по прошлому?

В сущности, это все не так важно. Не о нем, Новикове, думает сейчас Юлия. Он угадывал это по отдельным деталям, словам и очень огорчался. Между ними было несколько очень хороших писем — о поэзии, о литературе, о людях. Юлия постепенно открывалась — всего лишь несколько теплых писем, не больше...

Юрий Матвеевич попытался представить, что произойдет, если, не дай бог, такое случится с ним. Что станет делать Ольга Николаевна? Наймет сиделку? Отправит в больницу или в дом престарелых? Слава богу, в последнее время появились очень приличные дома престарелых для богатых. Но разве они с Ольгой Николаевной богатые? Даже Ольга Николаевна — при всей своей знаменитости. Новиков не знал, сколько у нее денег. По его расчетам выходило, что не так уже много. Разве что ей подкидывал олигарх Катин. Зато знал, что Ольга Николаевна тарелку лишний раз не помоеет. А уж он, главный редактор, почти нищий. Оттого в литературе чудовищная коррупция. Все продается и все продаются — за очень небольшие деньги. Книги писать, это вам не в банке работать. Это раньше, в советское время, писатели жили как при коммунизме. Продавали душу и жили припеваючи. И вот — итог...

Нет, лучше обо всем этом было не думать.

Новиков написал ответное письмо Юлии:



«Дорогая, милая Юлия, я потрясен тем, что Вы мне сообщили. Увы, наша жизнь очень плохо устроена, бездумно, будто ничего с нами не может произойти, все мы похожи на страусов, прячущих головы в песок, и, если все же происходит, мы оказываемся беззащитными перед судьбой. Наша медицина не приспособлена к тяжелым болезням, к уходу. Все ложится на рядовых граждан.

Я восторгаюсь Вами, Вашим мужеством и Вашей преданностью. Может быть, я чем-то смогу Вам помочь? Прислать денег? Помочь с врачами, хотя не знаю как. Сызрань небольшой город и медицина у вас наверняка не самая лучшая. Вы всегда можете рассчитывать на меня.

Все же, несмотря ни на что, мне очень хочется Вас увидеть. Говорить с Вами. Слушать Ваши стихи. Они такие теплые, добрые. И талантливые. Возможно, Вы все-таки смогли бы на день-другой вырваться? Я мог бы устроить Вам встречу с читателями или выступление на радио.

И еще: можно мне звать Вас просто Юля? Не Юлия, хотя звучит это очень красиво, а — Юля? И — на «ты»?

Ваш (до разрешения) Юрий.

Ответное письмо пришло в тот же день. Юлия разрешала обращаться на «ты» и сама впервые написала Новикову «ты». Благодарила его за теплое письмо, но от денег и от помощи отказывалась. У нее все есть. Они с Дмитрием всегда жили скромно и в прошлой жизни отложили немного денег. Муж заведовал большим клубом, где выступали многие известные артисты. Правда, в девяностые годы они, как и большинство, все свои сбережения потеряли, но потом дела пошли лучше.

Но, самое главное, Юлия написала, что тоже хотела бы его, Новикова, видеть, только не сейчас, сейчас она никак не может, но когда-нибудь потом. И еще: желала ему побыстрее закончить замечательный роман про Серебряный век. Она, Юля, когда-то очень увлекалась поэтами Серебряного века, да и сейчас их очень любит. «Когда мне грустно и плохо, они приходят ко мне на помощь» — написала она. И сообщила, что в разное время написала о гениях Серебряного века несколько эссе: о Мережковском и Гиппиус, о Николае Гумилеве, о Мандельштаме и Блоке, и что давно собирается писать о Ходасевиче.

— Серебряный век, в действительности несколько десятилетий, последних, трагических, накануне и во время катастрофы, когда прежний мир



рухнул, а новый, жестокий, плебейский, родился в крови и во зле. Поэты, как самые чувствительные, ощутили приближение катастрофы раньше всех и все, почти все, погибли, как погибают бабочки и стрекозы с наступлением холодов. Гумилев, Мандельштам, Блок, Есенин, Цветаева, даже Маяковский — ни один из них не умер собственной, естественной смертью, не дожил до преклонных лет. Но и судьбы тех, кто не наложил на себя руки, не сошел с ума, не спился и не был убит — Ахматовой, Мережковского, Гиппиус, Пастернака, Мариенгофа, Ходасевича — оказались почти столь же трагическими: до конца жизни им предстояла эмиграция, внутренняя или внешняя. Новый мир не принял поэтов Серебряного века и они, за малым исключением, не приняли этот новый мир, построенный на обмане и крови, мир иллюзорных надежд, — написала Юля. А Новиков поразила совпадению их мыслей и чувств. Именно так, почти теми же словами, собирался он закончить свою незаконченную книгу.

Одно эссе, о Гумилеве, Юля вложила в электронный файл — и снова Новиков был восхищен. И тем, как Юля рассказывала о жизни поэта, будто прожила ее где-то рядом: об африканских путешествиях Гумилева, о любви и расставании с Ахматовой, о несуществующем, выдуманном заговоре Таганцева, и тем, как глубоко и точно цитировала его стихи. Как ни странно, для Новикова это стало открытием: он очень неплохо знал биографию Гумилева, в свое время в Литинституте он написал работу по имажинизму, но вот стихи поэта он знал мало, да и то, что знал когда-то, помнил уже плохо. Но, пожалуй, не меньше, чем стихи Гумилева, поразило Новикова Юлино знание эпохи: умерший век оживал во множестве ярких, противоречивых деталей, обретал плоть, агонизировал, жизнь словно подходила к обрыву... «Безумству храбрых поем мы песню»¹ — «безумство храбрых» оборачивалось кровью, насилием, ужасом, махновскими тачанками и буденовскими погромами...

Будь Юля решительней и амбициозней, она могла бы стать замечательной романисткой, намного талантливей Варвариной. Но куда бы она понесла свои сочинения в маленькой Сызрани? А если бы понесла, кто бы стал их читать? В его собственном журнале в советское время работали двенадцать ридеров и еще очень грамотные люди на непостоянной основе, совместители, а сейчас на прозе оставался один верный старый Руслан и непонятно было кем его заменить, когда он уйдет.

¹ Цит. М.Горького.



Новиков сразу же опубликовал Юлино эссе в своем журнале. Ему очень хотелось сделать ей приятное. И снова написал ей — и что он в полном восторге, что было сущей правдой, и что по-прежнему мечтает встретиться с ней.

Ждать ответа на сей раз пришлось несколько дней, и Новиков совершенно извелся. Стал бояться, что Юлия не ответит. Ведь могла же она что-то почувствовать. Он, пожалуй, написал слишком смело, нетерпение сердца его подвело.

Юрий Матвеевич сам поставил себе диагноз: влюбился, как школьник. Давно и безнадежно, глупо. Влюбился не в живую женщину — он никогда не видел Юлию, — влюбился в фотографию бог знает какого года, в женщину неизвестного возраста. Сколько ей — пятьдесят пять? Шестьдесят? Больше? Он знал только, что она была красива. А сейчас? Сохранилась красота, или, как осенние листья, облетела? Одно только он знал твердо: что она образованна и талантлива и что у нее очень тонкая душа. И еще, главное, Юрию Матвеевичу интересно было с ней.

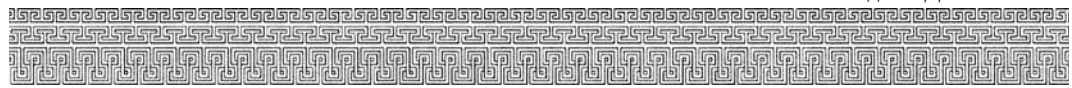
«А может, она все поняла, догадалась и теперь вьет из меня веревки?» — Юрий Матвеевич был от природы недоверчив, да и жизненный опыт не усиливал его доверие к людям. «Нет, нет, не может быть, в этот раз я не мог ошибиться. Юля — чистая душа», — стал он успокаивать себя.

«Ну и пусть, — решил он через минуту. — На все божья воля». В самом деле, от него ничего не зависело. Он решил покориться.

В новом письме, которое пришло через несколько дней, Юля снова прислала эссе, в этот раз о Мандельштаме, и трогательно написала, что «поэты умирают, поэтов убивают, но поэзия бессмертна». И коротко приписала, что очень хочет с ним встретиться, но что это невозможно.

«Пока невозможно», — добавила она и объяснила, почему целых несколько дней не отвечала. Оказалось, что муж ее упал на пол, и у него не было сил подняться, и она не могла его поднять, он очень тяжелый. Пришлось вызывать МЧС. И все последующие дни Юля сидела возле него, боялась, что он простудился и заболеет, или снова упадет с кровати.

Новиков окончательно потерял голову. С одной стороны, он понимал, что все в их отношениях безнадежно и что нет никакого выхода, но с другой — странное нетерпение овладело им и заставляло несбыточно надеяться. Ее муж, Дмитрий, которому Юля отдавала силы, мог умереть, но, с другой стороны, мог умереть и он, Новиков. Их обоих, мнилось ему, в недалекой перспективе



дождался Харон. Только Юля обязана была жить, без нее не сможет жить Дмитрий. Как ни странно, в этих своих расчетах Новиков совершенно игнорировал Ольгу Николаевну, хотя именно от нее зависело немало.

Новиков, конечно, этими мыслями не делился, хотя каждый день писал Юле письма, и она отвечала ему. Но в письмах они не касались быта и не обсуждали свои отношения. Писали о литературе, об искусстве, про Серебряный век, о путешествиях — очень скоро Новиков выяснил, что на самом деле Юля мало где бывала. В советское время не выпускали за границу, а потом, в девяностые, шла борьба за существование и не до того было, тысячи интеллигентных людей, образованных, тех самых, что выступали за перемены и поддерживали демократов, оказались на мели. Увы, и Юля с мужем стали одними из этих людей. По интеллекту, по знаниям, по таланту они заслуживали много большего, Юлин муж Дмитрий написал целых две диссертации, но, увы, не для себя. Для новых русских. Настоящие интеллигенты редко бывают практичными...

Под влиянием Юли Новиков только сейчас задумался сколь скучна и несправедлива российская жизнь, особенно в небольших городах. Среди Юлиных друзей присутствовало несколько писателей и поэтов. Это были странные люди, не от мира сего, Новиков постепенно с ними познакомился и, с Юлиной руки, начал печатать, однако они буквально прозябали в провинции, существовали в полной нищете. Один из них, особенно талантливый, работал, как Платонов, дворником, другой по старой диссидентской привычке служил истопником.

«Да стоит ли таких жертв литература? — возмущался Новиков. И ведь кто их гнобит? Люди бездарные, серые...» Он сам, Новиков, на их месте давно бы бросил писать, сбежал бы хоть на край света, как сбежал в свое время Довлатов.

Уж Новиков-то знал, что и здесь, в Москве, литература — полоса почти непреодолимых препятствий. Зона особенного неблагоприятствования. Что и здесь — круговая порука. И что вовсе не талант, совсем не талант, что-то совсем другое определяет писательскую судьбу.

Новиков давно удивлялся, отчего тысячи людей продолжают писать? Зачем, кому это нужно? Просто выразить себя? Или, как мулы, мечтают о славе? Но эти люди элементарно не понимают механику, не представляют, как устроена литература. Увы, беда заключалась в том, что и он, Новиков, все меньше представлял.



В действительности Новиков не знал, что делать дальше. Конечно, Юля красива и талантлива — Бог всем наградил ее, кроме детей, — Юрию Матвеевичу очень интересно было с ней, много лет уже не было у него настоящего собеседника, а тут в каждом письме открывалось новое, теплое, близкое, он словно заряжался от Юли и сам становился лучше, она разгоняла его хандру. Это был настоящий роман, пусть заочный, платонический, но — роман; сердца их бились в унисон, в каждом слове — душевная близость и — страсть? Страсть они тщательно скрывали, не позволяли себе ни единого слова, но — страсть все равно прорывалась: в невинном «целую», «обнимаю», «с теплом». Слова приобретали тайный смысл, все было совсем не то, что с Варвариной. С Ольгой Николаевной все давно выгорело до тла и много лет им было пусто и неинтересно друг с другом. Они и закрывались по своим комнатам, и разъезжали давно отдельно, и только по понедельникам и пятницам... И то все реже. В последнее время Юрий Матвеевич старался уклоняться от ночных встреч, и Ольга Николаевна отвечала Новикову тем же. Даже в Америку к дочке, когда, наконец, дождалась приглашения, Варварина ездила одна.

Новиков упорно мечтал о встрече. Его неотвязно влекло к Юле. И в то же время он боялся разочароваться — все фотографии, которые Юрий Матвеевич нашел в интернете, наверняка были старые, скорее всего двадцатилетней давности, а может и больше. Новые фото Юля тщательно скрывала. Она, словно великая актриса, жила в своем волшебном замке из грез, в прошлом, в поэзии, в литературе, так что Новиков не мог разобраться, какую Юлю он любит: прежнюю, или нынешнюю? Реальную, или сотканную из мечты?

Новиков знал только, что Юля вышла на пенсию. Но когда? Он не мог у нее спросить.

Вообще все было непонятно. Что делать с ее мужем? К чести Новикова, он тотчас одергивал себя: Юля мужа никогда не оставит, да и думать об этом грешно. «Не думать», — велел он себе. Но, если бы вдруг им удалось соединиться, где бы они стали жить? Уехать в Сызрань? Бросить журнал? Но в Сызрани, наверное, и врачей приличных нет, а он, Новиков, разменял восьмой десяток. Здоровье начинало шалить, необходимо было думать о будущем. И знакомых в Сызрани у него нет. Переехать в Сызрань — это все равно, что поселиться на необитаемом острове.

Перевезти Юлю в Москву? Но куда? Поселиться с Ольгой Николаевной? Но Юля никогда не согласится. А про Ольгу Николаевну не стоило и мечтать. Делить квартиру? Но это на годы, быстрее и легче умереть. Это в совет-



ское время главному редактору дали бы квартиру: номенклатура. Правда, без скандала бы не обошлось, выговор по партийной линии был обеспечен. Ну да бог с ним, с выговором, все равно разводились и женились на молодых, на секретаршах. Но то — в советское время, а сейчас он никому не нужен.

Новиков не знал, что делать, но все равно, он хотел ее увидеть!

Да, старость — несчастливая вещь. Горькая. Сам Лев Толстой был вынужден бежать из дома — из-за завещания. А уж король Лир... А что король Лир? Старый, взбалмошный старик, полусумасшедший...

Но он хотел видеть Юлю. Что толкало его? Любовь? Одиночество? Новиков не знал...

Он придумал поездку в Самару. Там Новиков должен был выступить на конференции. А уж из Самары рукой подать...

В Сызрань Новиков приехал поздно вечером. Остановился в гостинице. «Еще не поздно», — подумал он. Еще можно было бежать. В самом деле, чего он ждет, чего он хочет? Разве не знает, что это невозможно? Что — авантюра. Так с ним случалось иногда. Как-то в молодости он собирался прыгнуть с парашютом, но в последний момент силы оставили его...

Новикову не спалось. Завтра... Нет, уже сегодня... Задремал он только перед рассветом. Проснулся поздно, усталый от сновидений, разбитый, с трудом пришел в себя, долго не мог решиться, руки предательски дрожали, но, наконец, сделав над собой усилие, позвонил. И тотчас почувствовал глухие, неровные удары сердца, оно чуть не выскакивало из груди, голос предательски дрожал. Но Юля будто ждала его. Она сразу засуетилась, всплеснула руками — Новиков очень явственно это представил.

— Ты? Здесь? Я будто чувствовала. Не могла спать. Я вообще сплю очень мало. Но я не могу пригласить домой. У меня не убрано. И я не в порядке. И — Дима, он не привык к чужим, — голос у нее был растерянный, прерывистый, она будто задыхалась. Совсем не тот голос, что в Ютубе.

— Нет, нет, не надо к тебе, — испугался Новиков. — Давай лучше посидим в кафе.

— Только мне нужно привести в порядок мужа, — сказала она. — И себя тоже. Я ужасно выгляжу сегодня. Почему ты, — она, наверное, хотела сказать «не предупредил», но передумала. — Зачем ты? Где ты остановился?

— В гостинице.

— Ах, да, ты, кажется, говорил. Я никак не смогу раньше двух. Я должна вызвать Димину сестру.



— Я подожду. — Новиков почувствовал облегчение, но тотчас вслед за этим что-то больно кольнуло его. Что дальше, если она на несколько часов не может оставить мужа? Совершеннейшая авантюра. А чего он, собственно, ждал? Да, чего? — Я подожду, — повторил Новиков.

В два часа, как и договорились, они встретились у дома купца Стерлядкина, одной из главных достопримечательностей города. Юля по-прежнему была красива, совсем как на фотографиях. Милые, мягкие, интеллигентные черты. Морщинки, но что такое морщинки? Прическа, маникюр — Новиков догадался, что ради него Юля только что сходила в парикмахерскую. Одета, правда, небогато. Платье то самое, в котором снялась на концерте много лет назад. Но, значит, с тех пор не поправилась.

— Давай прогуляемся по городу, — предложил Новиков. — А потом зайдём в ресторан, пообедаем.

— Хорошо, — покорно согласилась Юля. — Я очень много лет не была в ресторане.

Они гуляли по городу и говорили о разных мелочах, не о главном. Юля читала Новикову стихи. Свои и Есенина, Мандельштама, Цветаевой. Как ни странно, многие Новиков не знал. Когда он учился, Мандельштам оставался под запретом. И Цветаева с Пастернаком до некоторой степени. Еще не утих тогда скандал с «Доктором Живаго». А потом Новикову стало не до стихов.

Юлин голос, до чего же красивый, мелодичный был у нее голос. Необыкновенно выразительный, волнующий голос, который он столько раз слушал в Ютубе, который возбуждал его, сводил с ума, рождал желание. Он взял Юлю за руку, прижал к себе. Она не отстранялась. Они вошли в ресторан.

— Юля, — начал Новиков, когда они чокнулись, — Юлечка, ты самая близкая мне. Единственная. Данная Богом. Я смотрю на тебя и думаю, что ты — ангел. О, как я хотел бы быть с тобой. Отчего мы не встретились раньше? Разве это справедливо?

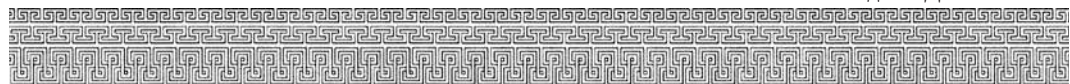
Новиков заметил, как она съежилась, словно стала меньше. Ее щеки стали пунцовыми. «Давление», — подумал он.

— Не нужно, — простионала она. — Не нужно говорить об этом. Я тоже... люблю тебя... как друга, — поспешно добавила она. — Хотела бы любить. У меня никого нет... кроме тебя и мужа, Димы. Мы с ним очень были близки, очень. — Новикову показалось, что в глазах у нее стоят слезы.

— Что же делать? — спросил он.

— Ты ведь тоже женат, — сказала она. — И жена у тебя знаменитая.





— Это странный брак. Не настоящий, — отвечал Новиков. — А настоящая — ты.

— Да, — согласилась Юля. — Но что же делать? Я другому отдана и буду век ему верна. Дима не виноват, что так случилось. Это может быть с каждым. Может быть, когда-нибудь.

— «Нет, — подумал Новиков. — Я не дождусь. Мне уже семьдесят. Слишком поздно».

— Мы не могли встретиться с тобой раньше? — спросил он.

— Шансов было очень мало, — подтвердила она.

— И теперь... Разве что на небесах, в другой жизни. Или в стихах. Но я не умею писать стихи, — вздохнул он.

Юрий Матвеевич взял Юлю за руки. Руки у нее оказались очень нежные, несмотря на домашнюю работу. Он наклонился к ней и поцеловал — нежным, ласковым, долгим поцелуем, в котором столько было и любви, и отчаянья.

— Да, в стихах, — прошептал Новиков. — В стихах...

Новиков почувствовал, что из глаз у него текут слезы.



Сергей ЛЕДОВСКИХ родился в Молдавии. Живет в Мельбурне, Австралия. Работает программистом. В свободное время пишет прозу. Рассказы и повести Сергея Ледовских печатались в журналах «Золотое руно» и «Австралийская мозаика».

АВГУСТ КОЗЬМИНЫ

ОТКРЫТИЕ КОЗЬМИНЫ

Странички календаря испуганно вздрагивали от сквозняка и, торопливо подталкивая друг друга, перелистывались. Козьмине показалось, что все дни месяца тоже перемешались, и Август — это пугающе длинный, почти бесконечный, сумрачно-блескучий виток Земли вокруг какой-то неразгаданной оси, один конец которой спрятан где-нибудь в безднах Атлантики, другой выглядывает наружу с противоположной стороны, мешая судоходству. Спешащие вспыхнуть и исчезнуть над этим странным местом метеоры, замороженные видением, невольно меняют свои траектории, приговаривая к несбытию так и не загаданные мечты. Козьмине захотелось найти эту ось и прикоснуться к ее шероховатой, обязательно грубой до наждачности поверхности; если ухватить ось обеими руками, сжать крепко-крепко и затормозить ее вращение, то Август никогда не пройдет и останется единственным месяцем в единственном году единственного века единственного тысячелетия. И тогда не будет именин и дат, и в графе «время рождения» будет лишь необходимо указать: родились вы Августе или вне его — «да» или «нет». Внеавгустовское поколение будет признано ворчливым и невыносимым. Августовские будут щеголять в ореоле избранных.

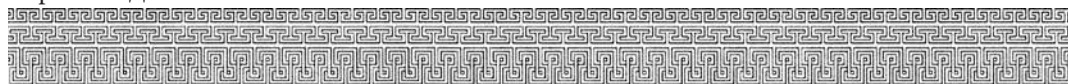
Воздушные токи вдруг стихли, и видение неотвратимости Сентября промелькнуло в Козьминином мозгу. «Зачем же? — спросила она себя. — Мне и здесь неплохо: в густоте Августа. Бред! Я лучше лягу спать, а завтра снова

проснется ветер. Он будет шелестеть Августом, перечитывать его, заглядывая в будущее, и мне станет покойно и воздушно».

СОН КОЗЬМИНЫ

Во сне Козьмина окончательно запуталась в причинно-следственных связях. Думалось: если место причинное, то это обязательно должны быть глаза. Ведь именно глаза есть мерцание души, которое привлекает внимание прежде всего. Ведь от того, что узнается, замечается в самом начале, зависит цепочка последующих событий: свиданий, вздохов, шумных как августовский горячий ветер, прикосновений, выразительных заглядываний в причинные места — в глаза. В последнюю же очередь следует то самое следственное место, которое почему-то называют причинным. Бред! Не пора ли проснуться? Еще и потому, что кто-то мужского пола уже тянется руками к следственному месту Козьмины и пытается приложить к нему маску. У маски высунут язык и рот искривлен в гримасе, она холодна и неприятно щекочет кожу. Лицо у лица мужского пола сурово и сосредоточенно, и язык тоже высунут, словно тот не маску прикладывает к месту, а строит башню из кубиков. Старательный, *масковик*-затейник. Козьмина до боли зажмуривает причинные места, и они раскрываются в темноту. Ночь еще не ушла, но засыпать не хочется. Не постукивает на ветру форточка, не слышно шелеста листвы, и даже ходики молчат. Явь настойчиво убаюкивает, словно ей, яви, интересно, чтобы этот путаный сон как-нибудь закончился. «Нет, — твердо решает Козьмина. — Генитальный маскарад пусть транслирует кто-нибудь другой». Она отбрасывает одеяло, поднимается и на цыпочках подходит к окну. Луна на небе отсутствует, звезд не видно. Босая и угрюмая ночь, застигнутая врасплох, потерянно молчит — она не знает, о чем в этот поздне-ранний час можно говорить с Козьминой. Но вот издали становится слышен шум надвигающегося ветра. Ветер приближается лениво и тяжело, набегает нехотя, принося запах душного и дымного утра. Окончательно разогнав назойливые, беспорядочные образы, навеянные недавним сновидением, Козьмина опять ложится и медленно успокаивается, засыпает с мыслями о скором пробуждении. Теперь ей снится дымящийся суп в большой тарелке. Ложки почему-то нигде нет, и она лишь долго созерцает этот скучный суп, пока от тоски, от бесперспективности такого занятия не просыпается.





ИМЕНА КОЗЬМИНЫ

Ее хотели назвать Людмилой. Ее мать, обмякшая, измученная родами, нацарапала маленькую записульку тем, кто терпеливо ждал снаружи под больничными окнами: «У нашей Людмилы очень серьезные глаза». На улице прочли как: «У нашей Козьмины...». Имя почему-то сразу понравилось. Всем, особенно строгой бабушке, которая искренне мечтала о Ядвиге или Эсмеральде. И наблюдая через окно посеревшие материны глаза, все окончательно полюбили свою Козьминушку.

Девочка уже в одиннадцать месяцев пыталась что-то объяснить окружающим. Наверное, кричала на своем замысловатом языке: «Забыли Людмилу! Проворонили! А-а-а-а! Вульгарные ономасты всех мастей!» Взрослые выражали восторг и полное понимание, но при этом почему-то никак конкретно на возгласы ребенка не реагировали и в ЗАГС за новой метрикой не бежали. Так она Козьминушкой и осталась...

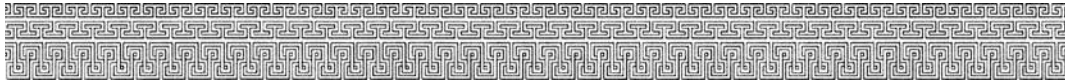
Ну все! Пришел детский сад. Вернее, это она пришла в детский сад. Ее привели в понедельник. Во вторник она уже была Козой, в дни похуже — Козой Неминучей. «Вот, — говорили, — бредет Коза Неминучая, непосед всех сейчас забодает, а мямлей и тюфяков сжует как вчерашнюю газету». И мямли, и непоседы после этих слов одинаково энергично разбежались от Козы в игрушечном страхе.

Во втором классе у нее появился первый поклонник, который размышлял над ее именем неделю или две и решил называть ее Касей, Касюшей, хотя злые девчоночьи завистливые языки за глаза называли ее Козьей Миной. Называли за отсутствующее выражение ее лица, когда к ней обращались по жгучим вопросам. Казалось, в школе все ее мысли были обращены в себя, девичьи вздохи и шушуканья она, всем думалось, оставляла для каких-то внешкольных особенных подруг.

Другая бабушка, что жила в Пеледуе, звала ее Миночкой. Всегда привозила Минусе конфеты, которые сама и ела, а еще без конца водила внучку в цирк, который, кажется, без памяти любила сама; Миночка же шла с ней просто так, за компанию.

Как-то Козьмина поехала наведать своего двоюродного братишку. Малыш похлопал на нее глазами, познакомил со своими одушевленными игрушками, похохотал над ее манерой складывать кубики пирамидкой и после всего спросил Зимочку, когда же она в следующий раз скоро придет? Даже обещал





одолжить ей своего самого главного друга — грустного желтого кролика с бархатными ушами и оторванным глазом; чтоб кролик пожил и повеселился в гостях у Зимы.

Козьмина никогда не отдавала предпочтения ни одному из имен. Принимала все покорно и бесстрастно. «У нашей Людмилы очень серьезные глаза», — любила повторять мама.

СУПРУЖЕСКИЙ ФАЙЛ КОЗЬМИНЫ

«Каська, дура ты такая, опять оставила дверь незапертой!» — устало кричал ей вечерами бывший мальчик-второклассник, который окончательно полюбил ее в четвертом классе, однако до восьмого открыться не решался; в девятом только решился, уже успел сказать «что», кое-как добрал до второго предложения, чтобы поведать «почему»; когда попытался объяснить «как», заметил, что Кася совсем его не слушает и чему-то про себя улыбается. Ну и ладно: почесал затылок, с обидой в глазах отошел в сторонку и разлюбил. Назло.

Потом он назло ей закончил десятый класс. Назло поступил в негуманитарный вуз, хотя до этого непрерывно писал стихи про какую-то не то Кассию, не то Кассандру. Каждое стихотворение обычно значилось как неоконченное, так было солидней. Перед самой защитой диплома, кажется, злость у него окончательно иссякла. Возможно, это произошло гораздо раньше, но именно в те горячечные преддипломные дни он вдруг опять встретил Касю — озабоченный и задумчивый столкнулся с ней на улице. Она, как выяснилось, занималась на очень нужных, злободневных курсах — не то лингвоакустики, не то лингвомелодики, и училась совсем рядом, в двух остановках автобуса от его института.

Именно тогда, на оживленной и нервно кричащей улице ему впервые показалось, что ее бездонные глаза наконец-то заметили его. Через два года, когда они уже были мужем и женой, бездетными мечтателями, он ощутил, что все-таки показалось. Померещилось, будто блеск ее глаз осветил именно его в момент их неожиданной встречи. На самом деле он просто явился ей знакомым пятном в безликой журчащей толпе, объектом из прошлого, человеком, который сделал ее Касей. Ей было забавно это. Она тогда же поместила его в один из своих мысленных файлов, чтобы не забывать и иногда открывать этот файл для просмотра и редактирования.



Впрочем, в самом конце их супружества она все же научилась, уходя, не забывать запираться дверь.

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР КОЗЬМИНЫ

Козьмина телефон не любила и, если звонили, никогда трубку не снимала — дожидалась сообщения. Ее собственное приветствие на автоответчике содержало лишь вопросительно-телефонное «Да?». Звонящие не соображали, что говорит машина, начинали что-то объяснять, ожидая ответа. Поняв затем, в чем дело, чертыхались на разные лады. Монологи, обращенные к неразговорчивому автоответчику, сначала забавляли Козьмину, потом же она просто привыкла к этим вопросам и чертыханиям, как к уличному шуму за окном. Перезванивала обычно только маме. Услышав знакомое «Людмилочка...», сразу отвечала. От мамы она узнавала все новости: кто родился, кто пока нет, у кого сессия, у кого запой. Мама всегда еще спрашивала: ела ли она. Ей почему-то казалось, что Людмилочка голодает. Это было вовсе не так, Козьмина не голодала, ей просто иногда по нескольку дней кряду совсем не хотелось есть. Мама это как-то странным образом быстро обнаруживала и приходила в гости с пирожками и другими вкусными вещами навестить свою Люлечку.

В этот раз Козьмина подняла трубку, даже не сообразив, зачем она это сделала. Слушала бесстрастно и безмолвно, прищулив глаза и разглядывая небольшие вздутия на обоях. Голос в трубке, озвучив несколько междометий, начал говорить сам с собой:

— Черт, туда ли я попал?

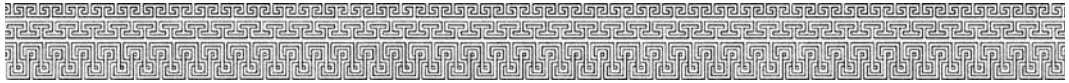
Козьмина не знала, туда ли попал голос, понятия не имела, и поэтому продолжала молчать. Странное дело, на том конце трубку не повесили и стали размышлять вслух:

— Знаете, мне показалось, что женщина с именем, как у вас, именно так и должна себя вести у телефона — раздумывать: стоит ли тратить слова на всякие глупости, когда есть мысли поважнее.

Голос немного помолчал.

— Я тут нашел книгу. На скамейке. На обложке имя написано. Необычное очень. Я пробежал в справочнике — такого в нашем городе больше нет. Вы — одна... Знаете, в вашей книге высказываются довольно странные мысли. Космогенез какой-то склочный очень, буйный... Вы не возражаете, если я ее до-





читаю и потом только вам верну? Я читаю быстро. Послезавтра книга будет у вас. Я оставлю ее в почтовом ящике. Адрес, как вы понимаете, я тоже узнал... Козьмина. Можно мне вас так называть? Я не уверен...

— Почему вы считаете, что меня нельзя называть моим собственным именем? — впервые откликнулась она.

— Ну, я не знаю. Вас, наверное, хотели назвать как-то иначе, а вышла ошибка. Но из жизни ведь имени не выкинешь, как из песни слова... Козьмина — что-то космическое.

— А вам не кажется, что, обыгрывая звучание чужого имени при знакомстве, вы рискуете в тысячный раз повториться? Ведь каждый человек в своей жизни выслушал, возможно, не одну сотню комментариев по поводу своего имени, и в каждом из них, скорее всего, прозвучала та же мысль, та же метафора. И то, что в самом начале могло представляться оригинальным, искрометным, превращается в пошлость и занудство.

— Да-да, я об этом подумал. Вырвалось просто.

— Читайте. Вернете послезавтра.

И положила трубку. Впрочем, ненадолго — тут же подняла опять и набрала мамин номер: «надо спросить про пирожки, очень хочется».

МУЗЫКА КОЗЬМИНЫ

Козьмина с самого раннего детства слышала музыку, не вычурную мелодию мыслей или фантазий — просто музыку. Случалось это ранними тихими вечерами. Сначала невидимый оркестр давал какую-то ноту, словно, настраиваясь. Внимательно выслушав ноту, Козьмина разрешала продолжить. Робко вступали струнные и, пока Козьмина еще не сосредоточилась, выдавали какие-то вымученные пассажи просто так, для поддержания темы. Они могли нудить долго и терпеливо до тех пор, пока Козьмина наконец не зажмурилась и не начинала командовать. Слово «дирижировать» она не употребляла. Любила валторны, она их включала в первую очередь. Валторны умиротворенно вторили струнной группе, самовыражались слегка и медленно притихали. Затем вступали клавишные, они изливали все, что им было предписано, и тоже уходили на задний план. Тут наступала очередь всяких неожиданных и даже экзотических инструментов — вклинивались замысловатые рожки, шамисены, дудуки, звучала гитара, затесывались синтезаторы, даже колокольный звон присутствовал иногда. Вечер проходил. В самом фи-



нале оставались опять только струнные, которые Козьмина постоянно унижала, они звучали всегда до последнего, без выкрутасов, для гармонической поддержки, раболепно и назойливо. Когда хотелось заснуть, она отправляла невидимых струнников на покой, иногда прикрикнув даже: «Пошли вон! Надоели!» Невидимые пюпитры складывались, и Козьмина утихала.

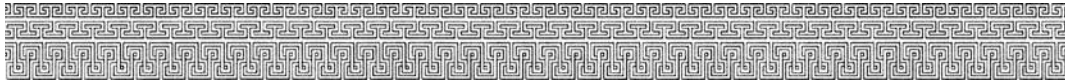
Из внешней музыки ей больше всех нравился Скарлатти Доменико. Да, она преклонялась перед гением Баха, но в конце каждой Баховской пьесы с ускользящим смыслом слышала: «ну вот, а теперь послушайте еще это». Музыка Баха была нескончаема, венадоедлива, она была органична и безгранична, как жизнь, но ей больше нравился Скарлатти. Каждая его соната, обрываясь, говорила: «Это все! Навсегда! Уйдите все!» Такого рода финал завораживал Козьмину больше всего. Доменико был ее лучшим воображаемым другом. Моцарта она считала легкомысленным мальчиком, одаренным пове­сой. Бетховен был букой. Шопен заставлял страдать от сладостного диабета. Мусоргский был гениальный неряха. Римский-Корсаков — академический шмель, работяга и ворчун. Штраус — вальсирующий жуир. Любила она Рах­манинова и Прокофьева, но времени разобраться в их замысловатых формах не хватало. Она словно отложила их в сторонку для будущих впечатлений. «Пусть Сережи полежат пока на полке», — говорила себе она.

Музыкального образования у Козьмины не было. Имея в голове собственный оркестр, она сознательно упустила из виду, что существует иная, непонятая теория музыки, отличная от ее собственной. Ее устраивала своя, уютная и послушная, и казалось, если она вдруг начнет постигать какую-то иную музыкальную грамоту, это может разрушить ее собственную внутреннюю гармонию звуков. «Ни за что!» — говорила она себе. Отсылала струнников спать, и сама засыпала.

ОЖИДАНИЕ КОЗЬМИНЫ

Козьмина ожидала возвращения книги. Ей нужна была книга и только. Она себя убеждала в этом, впрочем, не настаивая — конечно же, книга. Она ведь не смогла ее в очередной раз перечитать, что до этого случалось регулярно. Задумавшись и забыв книгу в парке, она прервала цикл общения с ней. Ничего не произошло, мир не перевернулся, и Козьмина начала сомневаться: так уж нужно было в сотый раз перечитывать книжные мысли, еще раз убеждаясь, что понято правильно, и другого смысла в строчках уже не существует. Строч-





ки были досуха выжаты Козьминой, словно виноградные грозди. Выжатый сок этих строчек уже давно перебродил в вино и с каждым новым прочтением пьянил Козьмину гораздо сильнее, чем будоражил. Может быть, поэтому она и заблуждалась ее на лавочке, задумываясь о большем, о том, чего в строчках уже не было. У книги наступил возраст ненужности, что эквивалентно старости у людей, и бумажный источник мудрости был безмятежно утерян.

Козьмина была голубой планетой, открытой, но пока не исследованной. Ей очень нравился газовый Гигант, желтый с воинственно красноватыми оттенками. Его вращение вокруг своей оси завораживало ее. Оно было стремительным и агрессивным, словно он всегда был готов к отпору неведомого врага. У него было множество планет-спутниц, преданно вращавшихся вокруг него и всегда повернутых к нему одной стороной, словно боясь потерять из виду его мужественный силуэт. Он вращался на отдаленной орбите, и по законам физики и диалектики их пути не должны были пересечься в ближайшие двести пятьдесят шесть миллионов лет. Ей приходилось довольствоваться какими-то серыми неотесанными астероидами, пробредавшими мимо, а иногда и залетавшими на огонек. Все бы было ничего, если бы она сама их выбирала. Так нет же — довольствовалась теми, кто вероломно вламывался в ее атмосферу, принося шум, хаос и неприятности. Несмотря на это, она привлекала их, однако эти незваные нахалы через некоторое время вдруг заявляли, что очень жалеют, что упали не на ту планету. А красновато-желтый Гигант был далеко, и в долгие скучные фазы зимнего солнцестояния она незаметно грустила, глядя на воинственного соседа и его спутниц.

Впрочем, возможно, тайком она была даже рада, что Гигант ее игнорирует — он был нужен ей лишь как светило, образ, ночной призрак. Но о чем это она? В Космосе ведь всегда ночь, для того чтобы видеть и ощущать день, нужна атмосфера, эта драгоценная оболочка жизни, существующая во вселенной с вероятностью один к никогда. Козьмине чудилось, что ее собственная атмосфера тонка и слишком уж прозрачна для снующих наглцов, пытающихся нарушить хрустальную чистоту оболочки.

Бред! Скорей всего, она была кометой, косматой гостьей, сторонившейся звездных миров и появлявшейся только в самых неотвратимых случаях, чтобы немного покрасоваться, известить суеверных о надвигающихся выдуманных страхах, поразить романтиков, озадачить ученых, исчезнуть по расписанию и, упиваясь вернувшимся одиночеством, свободно лететь сквозь межмировую пустыню духа и материи. Впрочем, и это было неясно.

Где же все-таки книга? Послезавтра клонило к вечеру. Неужели опять внутренняя музыка вместо чтения? Половина струнной группы бастует, отказывается служить статистами — самореализации хотят. Дудук охрип. Предвечерняя какофония неистовствует. Пустота пульсирует в мыслях.

ХЛОПОТЫ КОЗЬМИНЫ

На другой день после обеда Голос все же позвонил.

— Ну что же вы не несете? Послезавтра уже прошло. Вы, разве, необязательный человек?

— Извините, вчера дочитал только поздно вечером.

— Значит книга уже на месте?

— Козьмина, я поэтому и беспокою. Стою тут рядом с вами, на углу, звоню из автомата. У вас почтовый ящик нараспашку, дверца находится в загнута-выгнутом состоянии. Не хочется книгу в нем оставлять. Могут унести.

— Так, и что же вы предлагаете?

— Не уверен, честно говоря, какой еще вариант доставки вас может устроить... Гм... Знаете что, давайте, я почию эту вашу дверцу. Только вот сейчас сбегаю за инструментом. Там все просто должно быть.

— Н-ну хорошо. Жду.

Прошло два часа, или шесть — Козьмина не почувствовала разницы. Ходики молчали. Она взглянула мельком в зеркало, поправила челку. Ушла в спальню, скинула халат, надела выходную блузку, джинсы. Посуежилась еще у зеркала. Глянула в окно — кажется, начинало темнеть. Предвечерние музыканты внутреннего оркестра уже принялись рассаживаться и раскладывать пюпитры. Она безмолвно отправила их отдыхать. Открыла входную дверь и по ступенькам осторожно спустилась вниз. У дверей лифта огляделась — никого. Ее взгляд привычно упал на почтовый ящик. Сквозь дырочки в надежно прилаженной дверце виднелись фрагменты обложки ее книги. Нащупала в кармашке ключ, открыла ящик. Внутри, прижатый обложкой, сиротливо лежал сложенный вдвое клочок бумаги. Она развернула записку. Текст был краток: «Спасибо, *Козьмина!*» — «Пожалуйста», — мысленно ответила она. Вдруг кровь бросилась ей в голову — слово «Козьмина» было нацарапано ужасным почерком так, что непосвященному, скорее всего, было бы непонятно: написано «Козьмина» или «Людмила». «Бред!» — решила она и пешком, неторопливо начала подниматься наверх.



Вернувшись, присела на диван, все еще держа книгу и записку в руках. «Надо ходики завести», — наконец мелькнула мысль. «Да!» — вдруг сказал автоответчик Козьминым голосом. Она вздрогнула, потому что совершенно не слышала звонка.

«Кася, это я, подними трубку, если ты есть. Не ленись. Подойди. Ты ведь дома всегда в это время. Я же знаю»...

— Да.

— Кася, мать приглашает. Пирог испекла, хочет на нас поглядеть. Ты ведь ей не чужая. Пойдем?

— Хорошо, я буду в восемь. Оденусь только.

— Кася.

— Ну что еще?

— Будешь уходить, дверь не забудь запереть.

— Сам ты дурак. Выхожу через полчаса.

НОЧЬ КОЗЬМИНЫ

— Кася, ты спишь?

— ...

— Знаешь, мне показалось, что мама тебя по-прежнему любит, даже больше, чем собственного сына. Меня она считает...

— Я сплю.

— Я хотел...

— Я сплю. Мне снится, что ты встаешь и тихо уходишь.

В глубине коридора откашлялся и заговорил автоответчик: «Людмилочка, ты уже легла? Звонила свекровь твоя бывшая, говорила, что вы приходили на пирог...»

— Да, мама.

— Этот Амарал к тебе не приставал опять?

— Нет, мама. Он проводил меня и ушел.

— Смотри, Люля, не потакай ему. Он тебя уже довел один раз.

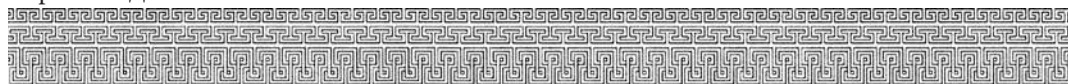
— Все в порядке, мамуся, не волнуйся. Я иду спать. Целую.

Козьмина вздохнула, постояла еще немного у телефона, затем вернулась в спальню.

— Да иди ты уже домой! Что разлегся тут, как *марал*?

— Мама твоя звонила?





— Звонила. Спрашивала: «как там твой олень за тобой ухаживал»?

— Ну да, поверил я тебе. Выговаривала, наверное, за меня.

— Ой, какая тебе разница?! Одевайся! Я устала.

Козьмина подождала, пока захлопнется входная дверь, приподнялась на кровати и села. Взяла в руки записку и стала рассматривать. Это был листок от перекидного календаря. Седьмое число — как раз тот день, когда она ушла из парка, позабыв книгу на скамейке. Странно, этот Голос, чтобы написать ей записку, пролистал календарь на пять дней назад и лишь затем вырвал листок. А может быть он перестал следить за числами после того момента, как нашел книгу? Или же, найдя книгу и увидев автограф на обложке, в тот же день пытался сообразить: откуда такое имя могло возникнуть, и нацарапал простой пример, пытаясь исказить почерк при написании имени. Бред!

А может это был ветер? Козьмина вздрогнула от последней мысли. Душный ветер Августа перелистал странички и его календаря, спутав числа и дни недели. Неужели, ветер приходил к нему тоже?

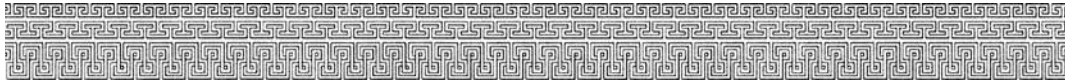
Козьмина встала с кровати и подошла к окну. Звезды, поочередно выглядывая из-за бегущих облаков, беспорядочно мерцали, словно каждая из них хотела сообщить Козьмине что-то свое, важное, перебивая остальных. И лишь какая-то из планет, наверное Сатурн, появляясь и опять исчезая за облаками, молчала, безмолвно испуская ровное сияние. Ну да, планеты ведь не раскрывают своих мыслей, они лишь повторяют то, о чем мерцают звезды, отражая их свет.

II

ANDANTE

Знойный, пыльный, удушающий Август перевалил за середину. Ветер гонял по асфальту опавшие раньше времени иссохшие листья. Запах гари бесцеремонно бродил по бульварам и настойчиво врвался в неплотно закрытые форточки. Козьмина забыла уже, что бывает зима и снег. Время остановилось и замерло, словно задумавшись — двигаться ему вперед, или повернуть назад, повторно истязая измученных нестерпимым зноем людей. Козьмина жары не замечала, вернее, жара действовала на нее совсем не так, как на остальных. Непонятное ощущение тихого ожидания сменилось таким же непонятным ей чувством тревожного беспокойства: казалось теперь, что если с ней в этом Августе ничего не произойдет, то уже не произойдет никогда. Она





по-прежнему часами просиживала в тенистых уголках ближайшего парка, праздно раскрывая свою постаревшую от ненужности книгу, словно жалея ее, демонстрируя той, что по-прежнему любит ее и нуждается в ней. Сама же она украдкой вычитывала свежие мысли из других более юных изданий, сверкающих глянец и уверенностью в своей оригинальности и новизне.

По утрам шла в библиотеку, в прохладу и тишину ее залов. Долго что-то выискивала, выбирала, перечитывала, никогда ничего не записывала. Иногда, бродя среди стеллажей, закрывала глаза, пытаясь на ощупь определить примерное содержание той или иной книги, ее настроение. Шла в музыкальный отдел, где, дотрагиваясь до корешков сонатных альбомов, мысленно беседовала с Доменико обо всем, о чем еще не успела. Сосредоточенно прослушивала. Просто подолгу сидела, размышляя.

Однажды, находясь в привычной задумчивости, она почувствовала чье-то присутствие. Кто-то лет двадцати восьми, мужского пола, как мысленно величала всех мужчин Козьмина, держа под мышкой фолиант, о чем-то ее спрашивал. Козьмина включила внимание и взглянула на него.

— Может, вам помочь? — он задавал этот вопрос вероятно уже в третий или четвертый раз. — Вы так задумались, словно не можете определиться с выбором.

— Вы разве работаете здесь? — Козьмина сделала подозрительные глаза. — Я вас не помню.

— Нет, что вы. Я просто предлагаю помощь. Я здесь часто бываю.

— Я тоже здесь часто бываю и вас не помню.

— Мне кажется, вы не можете никого здесь помнить. Такое ощущение, что вы чувствуете себя единственным посетителем. Это что, ваша зона комфорта — никого не замечать?

— Моя зона комфорта — не разговаривать с незнакомыми мне людьми.

Незнакомец вынул фолиант из-под мышки, прижал его к груди, слегка поклонился и застыл в поклоне:

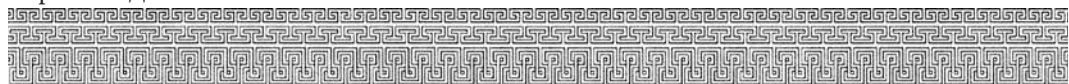
— Коротко и ясно. Что ж, тогда я пошел... — он вздохнул и выпрямился, собираясь уйти, но неожиданно осенился новой мыслью. — Знаете, у меня есть еще только один вопрос. Я заметил, вы любите Скарлатти.

— Слушаю, — устало отозвалась Козьмина.

— Вам не кажется, что Скарлатти в конце каждой своей сонаты словно говорит: «Хватит»?

— Бред!





— Да, вообще конечно...

— Меня он просит больше не приходиться. Но я все равно возвращаюсь.

— Ах, вот что, — незнакомец явно пытался сдержать улыбку.

— Пойдите! — встрепенулась Козьмина. — Что? Что он вам говорит?

— Да нет, мне лично — ничего. Я просто...

— Это вы у меня просили почитать книгу! Вы?! — Козьмина поднялась со своего места и приблизилась к собеседнику. — «Космогенез и Разум». Отвечайте!

— Я? У вас?.. Ну, не знаю. Мы с вами каждый день посещаем эту библиотеку. Тут хранятся миллионы томов... Впрочем, конечно, я бы предпочел одолжить ее именно у вас.

— Вы не одалживали. Я забыла ее на скамейке, а вы нашли, позвонили и попросили дочитать. А потом вовремя не вернули.

— Очень романтично. Но хочу заметить: я всегда книги возвращаю вовремя, даже если это «Космогенез и Разум». Это мой принцип. Я не люблю никого задерживать. Ведь кто-то, может оказаться, нетерпеливо ждет своей очереди.

— Я тоже терпеть не могу, когда задерживают.

— Подождите. Хотя, если бы кто-то нашел мою, я в знак благодарности...

— Извините, мне пора. До свидания.

ALLEGRO MA NON-TROPPO

Козьмина обычно не нуждалась ни в чьем присутствии. Всегда считала: если кто-то очень нужен, обязательно случается цепочка счастливых или просто удачных совпадений, в зависимости от степени нужности, и все разрешается само собой. Если же не само собой, то при небольшом усилии — мысленном, конечно. Энергия мысли, витая в пространстве, создает события благоприятного свойства, затем, словно бусы нанизывает их на веревочку жизненной линии. А дальше — сколь веревочке ни виться...

Ее отец в юности учился на архитектурном факультете политеха. Учился долго и терпеливо, пока, наконец, не наступил столь долгожданный для него преддипломный вечер, тихий такой, уютный, полный неги честно выполненного дела. Измученный проектом молодой папаша, уложив чертежи в папочку, принял освежающий душ, выпил пивка и улегся на диван, чтоб напоследок полистать зачетку и предаться воспоминаниям. Любовно просматривая



реестрик своих академических успехов, он вдруг с ужасом обнаружил, что у него отсутствует один зачет по практике, то ли с четвертого, то ли с третьего еще курса. Мелочь, конечно, в представлении непосвященного, но мелочь очень неприятная, более того — ужасная, потому что без полного комплекта автографов всех преподавателей никакая комиссия защиту все равно не примет. Не примет ни за что... Вот именно в тот момент отец понял, что ему ужасно необходимо срочно разыскать одного человека по имени доцент Гричук, и попросить его об одной очень важной вещи. А лучше будет просто припасть к туфле доцента и прорыдать: «нужна мне подпись, только подпись — какой пустяк». А тот ему в ответ, типа: «как бы не так, как бы не так» — для рифмы, чтоб складно было. Нельзя так шутить — это жестоко! О таком повороте событий папаше не хотелось даже и думать!

На часах было семь вечера. Казалось, времени достаточно. Однако первый же сокурсник сообщил ему по телефону, что преподаватель этот в институте больше не работает, занимается лишь на время практики, местонахождение его неизвестно и номера его он не знает. Как выяснилось позже: координат доцента Гричука не помнил никто из друзей убитого горем студента. Вечер хмурился. Радиостанция «Маяк» беспощадно пропикала «двадцать ноль-ноль». Папаша взял с полки телефонную книгу, зажмурившись, прижал ее к груди словно Библию. Со словами: «одна надежда осталась, спаси и сохрани», раскрыл справочник и начал листать. Нашел Гричуков двенадцать человек, жирно обвел список рамочкой, плотно уселся у телефона и стал названивать всем по порядку. Надежда угасала и таяла с каждым неверным звонком. Вот уже одиннадцать Гричуков, холодно и безразлично хмыкнув, положили трубку. Оставался последний, двенадцатый.

Отец сжал волю в кулак и набрал номер. Кто-то нетрезвый на том конце провода попытался ответить:

— Вам што?

— Здравствуйте, — просто и твердо начал дипломник. — У меня ваша подпись отсутствует. За практику — третий курс, а завтра защита. Мне срочно нужно.

— Што за муть, вы к кому?

— Да, из политеха я! — засуетился отец. — У меня...

— А! — воскликнул голос, нащупывая суть. — Институт... Это к моему сыну, наверное. В-валентин, подойди.

К трубке подошел сын Гричука двенадцатого.



— Слушай, Валентин, что делать? — скорбно спросил погибающий студент. — Я ищу доцента Гричука. Он мне срочно нужен, понимаешь? Срочно!.. Отец твой выпил слегка. Это не страшно, бывает... Слушай, может он у тебя забыл, что он архитектор? — начал нести уже полную чушь утопающий дипломник.

— Папа не работает ни в каком институте, — приветливо объяснил Валентин, — Никакой он не архитектор.

— Может *ты* хоть знаешь доцента? Ты же из политеха.

— Нет, я в медицинском учусь. У отца, когда он в таком состоянии, все институты одинаковы.

— Что же делать? Вы у меня последние в списке. Остальных я уже обзвонил.

— Не знаю, — сочувственно вздохнул начинающий медик.

— Может родственник у тебя есть с такой фамилией?

Валентин задумался:

— Я в лагерь пионерский ездил в четвертом классе, семь лет назад. И там был еще один Гричук, просто мой однофамилец. Нас так и называли: Гричук Первый и Гричук Второй. Я был Первым.

— Ну и где он?

— Я не знаю. Мы не дружили.

— Э-эх, это вы зря...

Помолчали. Дипломник вспомнил беспечное, бесконечно светлое время школьных каникул. Валентин вспоминал море, ночевку на косе и два гола, забитые им головой в матче со вторым отрядом.

— Вообще-то, — отозвался он, наконец, — в конце смены, когда мы уезжали, каждому подарили футбольный мяч. И все ребята друг у друга на них расписались... Телефоны, кажется, тоже оставляли. Точно!.. Только где этот мяч сейчас?

— Что ты! — встрепенулся папаша. — Слушай, поищи, а? Может в сарае где-нибудь? На антресолях? Сходи, глянь. Погибаю!

Валентин, кротко вздохнув, отошел. Через некоторое время вернулся довольный:

— Нашел! Представляешь? Как его мама еще не выбросила? Сейчас гляну... Вот, Гричук Второй. Записывай телефон...

Козьминин отец дрожащими руками набрал номер, которого, — о, чудо! — не оказалось в списке двенадцати. Первое, что отец услышал после того, как

представился, было: «Студент такой-то! О чем вы, вообще, думаете? Вы полагаете, что это я должен бегать за вами?! Сейчас же приезжайте, пока я не уснул!» Аллилуйя!

Первая бусинка удачи — небольшая, но очень важная, — эта бусинка сделала так, чтобы нетрезвый отец семейства попался последним; оказался он одиннадцатым или каким-нибудь другим, измученный дипломник перелистнул бы его, не думая. Вторая бусинка сделала так, чтобы Гричук Последний не бросил трубку. Третья — чтобы зацепился сознанием за сына и позвал его, хотя тот, казалось, был вовсе ни при чем. Четвертая — чтобы сын оказался отзывчивым парнем. Пятая — чтобы дипломник был до идиотизма настойчив. Шестая — чтобы парень случайно отдыхал в одном лагере с сыном доцента Гричука. Седьмая — чтобы парень вспомнил это. Восьмая — чтобы существовал футбольный мяч с телефонами всех подряд, а не только друзей. Девятая — чтобы мяч уцелел. Десятая — чтобы Валентин потерял интерес к футболу, и номер телефона не стерся. Одиннадцатая — чтобы Гричуки Вторые за семь лет не съехали и не поменяли телефон. И, наконец, двенадцатая бусина, самая большая, счастливо розового цвета, сделала так, чтобы доцент Гричук вспомнил самого себя в молодости, не стал ерепениться и, не глядя, подписал.

Чудесные бусы — символ счастья и вечной удачи. Их Козьмина всегда представляла себе очень отчетливо, мысленно прикасаясь к ним и рассматривая каждую бусину.

ALLEGRETTO

В конце следующего еще одного изнуряюще жаркого дня Козьмина стояла в библиотеке в секции живописи с раскрытым каталогом в руках и напряженно вглядывалась в репродукцию «Посещение Волхвов». «Ну вот, получилось», — подумала она. Козьмину посещали Волхвы. Они топтались теперь у нее в прихожей и, смущенно покашливая, ожидали аудиенции. Козьмина, для солидности немного помедлив, позволила, наконец, им войти. В руках она держала те самые замечательные бусы счастья и удачи. Бусины были нанизаны на толстую веревочку, раззолоченную и счастливо прохладную на ощупь. В самом центре ожерелья располагалась огромная алая бусина вечной любви, ее соседкой была черная бусина такого же размера — любви неразделенной. Неразделенная любовь тоже являлась большой удачей, хоть и неприятного



свойства. Лучше полюбить и разбить себе сердце, всегда считала Козьмина, чем вовсе не ощутить никогда и ничего в течение всей жизни. Козьмина мельком заметила, что именно эта черная бусина привлекала Волхвов больше всего. Поражала также размером и цветом бусина материнства. Были соседки помельче, сулящие успехи на разных поприщах: удачные женитьбы, охоты и рыбалки. Мелкие бусины, творящие такие, например, чудеса, как билеты в Большой Театр и в театр на Таганке, или приглашение в массовку на телепередачу, были зеленовато-желтых расцветок. На веревочку было нанизано еще и огромное число мельчайших серебристых бусинок для самых небольших, но все равно приятных сюрпризов. Началась раздача бусин. Волхвы забеспокоились, запереминались, попихивая друг друга локтями, нервно поглаживая бороды. Козьмина с достоинством снимала по одной и одаривала каждого из посетителей, оставляя самые большие и значительные нетронутыми. Вдруг веревочка с треском разорвалась, бусины весело посыпались во все стороны, с шумом ударяясь о пол, как градины. Волхвы, отталкивая друг друга, с безумно расширенными глазами бросились их собирать... В этот момент Козьмина услышала возню и покашливание за спиной.

— Разрешите, я представлюсь, на всякий случай, раз уж мы собираемся продолжать регулярно посещать это заведение.

— Зачем так длинно? Представляйтесь, — ответила она, не оборачиваясь и не отрываясь от изображения.

— У меня необычное имя. Меня зовут Никодим.

— Необычное? — Она повернулась и, увидев вчерашнего собеседника, добавила. — Откашляйтесь. Сейчас я вам свое скажу. Откашлялись?.. Очень приятно, Козьмина.

— Козьмина? Замечательно! Полный набор раритетов.

— Ну, вот и познакомились. Что-то еще?

— Позвольте мне пригласить вас в театр. Я уверен — вы любите. Или в оперу.

— Я предпочитаю симфоническую музыку. Вам что же, понравились мои глаза?

— Почему глаза? Я этого не говорил.

— Собирались. Лучше не пытайтесь. Все мужчины с этого начинают.

— О ваших глазах?

— Это для них причинное место.

Никодим вдруг закашлялся:



— Ох, что-то меня кашель мучит — шумлю, мешаю. Давайте сегодня уйдем вместе, — натужно произнес он. — Простите, я отойду на минуту, мне нужно позвонить.

Он отошел, продолжая покашливать. Вынул листок с номером телефона и начал набирать, сверяясь с цифрами. Козьмина поежилась от пикающих звуков примитивной мелодии.

— Алло, я не уверен, туда ли я попал. Мне нужно... — начал он.

Козьмина вдруг быстрым шагом подошла к нему.

— Что вы сказали? Вы не уверены?

— (Минуточку). Что случилось?

— Скажите, они там, в трубке молчали? И вы были не уверены?

— Да нет, они... В чем дело, объясните мне?

— Послушайте, давайте, я вам скажу номер своего телефона, пойду домой, а вы мне позвоните.

— Что за чушь? Козьмина, вы же здесь. В конце концов, у вас что, нет мобильного?

— Нет. Вы мне позвоните, а я буду молчать. А вы скажете: «Черт, туда ли я попал?» Скажете?

— А почему же молчать? Что за спектакль? Козьмина!

— Оставьте меня! Я пойду...

PRESTO

Козьмина шла вдоль нескончаемых витрин, и ей было противно. Противно от своей несдержанности. Каждая вещь, увиденная за стеклом, ее раздражала. Раздражало также собственное отражение, призрачно бредущее на фоне выставленных образцов. Любого другого это отражение могло бы только привлечь: изящная походка раздосадованной, разгневанной, длинноногой грации с пухлыми лодыжками, чуть смугловатой кожей и волнистыми каштановыми волосами. Отражение словно пинало и распихивало выставленные в витринах бытовые приборы, россыпи кухонных принадлежностей, умудрялось не запутаться в ворохе мужских галстуков и сорочек, чуть не наступив на связку саксофонов и тромбонов, отражение остановилось и затем, приблизившись к Козьмине, исчезло. Козьмина решила посетить салон музыкальных инструментов. Оказавшись внутри, она вдруг подумала, что никогда еще не видела, как выглядит дудук. Ее собственный внутренний дудук



с прекрасным жалобным тембром в ее фантазиях выглядел, как очень тонкая амфора с узким горлышком — абсолютно неверное и нелогичное представление, но Козьмину это очевидное заблуждение совершенно устраивало. Посторонний, невнятного вида инструмент охрип, ослаб, вероятно, от жары, и вторую неделю отлеживался в футляре невнятной формы, отказываясь звучать. Ей немедленно захотелось поглядеть на настоящий — невыдуманный и менее избалованный. Она подошла к ассистенту и спросила:

— Скажите, у вас есть дудук?

Ассистент вежливо улыбнулся и нарочито громким голосом обратился к кому-то за перегородкой:

— Алена, у нас есть дудук?

— *У нас все есть*, — отозвалась невидимая Алена, имитируя кавказский акцент.

— Алена шутит, — тут же заметил ассистент, обращаясь к Козьмине. — Сейчас данный товар у нас отсутствует. Но мы можем заказать его для вас, если вы пожелаете. Доставка — в течение двух недель.

— Нет, мне нужно было сейчас. Я пойду, — ответила Козьмина. Но когда ассистент удалился, задержалась и с любопытством, энергично двинулась в просторную глубину торгового зала.

Она разыскала секцию струнных, и остановилась. Оглядев хрупкие, тонкошеие виолы и виолончели с контрастными талиями и широкими бедрами, она мысленно пообещала себе извиниться вечером перед струнниками.

— Знаете, у вас глаза... — слышалось со стороны.

— У меня глаза, — перебила голос Козьмина. — И вы туда же?

— Куда? — Не понял голос.

— Окунаете свои мысли в мои причинные места. Лучше скажите про волосы или, например, лодыжки. — Козьмина решительно повернулась в направлении голоса.

— Лодыжки? — Безнадежно спросил по виду вконец оробевший молодой человек.

— Да, лодыжки. Взгляните, не стесняйтесь. Опускайте глаза, я подожду.

—...Слегка пухловаты.

— Какой вы искренний! Ну, надо же! Режете правду в глаза. Это хорошо. Это замечательно!.. Послушайте, вы любите театр? А давайте сходим! Никогда не была.

— Вы никогда не были в театре?



— Ну, допустим, была. Но я, обычно, не слушаю, о чем они говорят. Я им не верю.

— Вы, прямо, Станиславская.

— Станиславская? Прекрасно! Вы тогда будете Немировичем-Данченко. Господин Немирович, берите меня под руку. Мы идем в театр. Немедленно!

AGITATO GIOCCOSO

Козьмина открыла дверь ключом. Вошла. Затем повернулась и позвала:

— Ну, проходите. Что же вы? Вам, разве, не понравилась постановка? Мы сейчас ее обсудим.

— Я даже не знаю еще, как вас зовут.

— Могли бы догадаться, господин Немирович тире Данченко — Константина Сергеевна.

— Константина — не женское имя.

— Ах, не женское? Скажите спасибо, что я вам не сказала свое настоящее имя. С вас пока хватит и этого.

— Ну, хорошо, К-константина, я зайду... У вас есть кофе?

— У меня все есть, — медленно произнесла Козьмина, имитируя кавказский акцент. — У меня есть коньяк. У меня есть дудук. У меня даже есть бывший муж, да? Он даже иногда наведывается. Его зовут Рамал. Джигит необыкновенный.

— Ревнивый?

— Про джигита шучу. Тут целая история. Мы его, вообще-то, Ромкой зовем. Ничего кавказского, просто, его папу зовут Радий Савельевич, а маму — Мальвина Викентьева. Вот. Когда Ромка родился, они и решили это имя составить. Тогда все выпендривались, имена изобретали. Им показалось, что «Рамал» звучит очень мужественно. Вот и получился джигит. После того, как мы поженились, моя мама стала втихую называть его Маралом. Когда мы развелись, и был большой общесемейный скандал, мой папа гневно сказал Радию Савельевичу: «Если ваш Марал будет распускать копыта, я ему их быстро отстегну! Вместе с рожками!» Я думала — подерутся, а они все вдруг рассмеялись, и расстались мы мирно. Но моя мама после развода все равно зовет его Амаралом.

— А что случилось?

— Не хочу об этом, хватит. Ну, давайте. За знакомство... Так что же с нашей постановкой?..



Козьмина, выпив всю рюмку до дна, поднялась и прошла по комнате. Затем остановилась, словно задумавшись о чем-то. Лицо ее потемнело, плечи опустились, в глазах заблестели слезы.

— Что с вами? — вскочил Немирович-Данченко.

— Поверили? — мгновенно ожила и усмехнулась Станиславская. — А зря. Я всего лишь вспомнила, как в детстве ушибла коленку. Мне было больно, обидно и одиноко. Вот. Я представила, что это случилось именно сейчас. Налейте мне еще.

Выпила и продолжила:

—... А эти лунатики сегодня бродили по сцене, словно никогда в жизни не падали и не раздирали локтей и коленок. В зале хлопали гораздо натуральней, чем они играли, — закончила она, покачнувшись.

— Константина, что с вами? Вы, кажется, опьянели.

— Кажется.

— Вы выпили всего две рюмки.

— Я никогда еще не пила алкоголь. Эта бутылка — для гостей.

— Ну, вы даете! Я сейчас же уложу вас спать и пойду.

— Договорились. Вы не могли бы завести мои ходики?

— Хорошо-хорошо, пойдете, ложитесь. Вот так.

— Я не спросила ваше имя.

— Называйте меня Володей, раз уж я — «тире Данченко».

— Ладн-но, Володя. Скажите, вы меня уважаете? Вы мне благодарны за что-нибудь?

— Конечно-конечно. Укройте.

— Тогда, будьте еще так добры — перед уходом напишите мне записку: «Спасибо, Коз... Константина», на листке от календаря за седьмое число и бросьте ее в почтовый ящик.

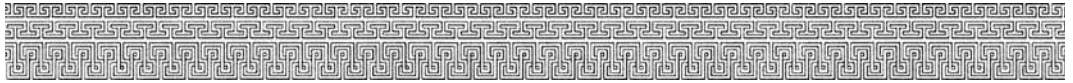
— Обязательно. Я вам позвоню. До свидания, Константина.

ALLEGRO VIVO

Козьмина проснулась от тиканья ходиков.

Было уже позднее утро. Солнечный свет укоризненной и насмешливой волной заполнил все пространство спальни. Одеяло горкой громоздилось на полу, на тяжелых ресницах лежала тушь. Голова не болела, но мысли были какие-то обыденные, незамысловатые — что хорошо бы, наконец, в сентябре





вернуться на работу — в конторе Рамала ей все всегда прощают, но терпение может иссякнуть и у них; что надо купить стиральный порошок и прекратить отдавать стирку маме; что нужно навеститься к родителям, ведь последний раз был еще в июне. Этот невысказанный ворох мыслей о делах почему-то начал волновать Козьмину гораздо больше, чем Космогенез и Разум. Она встала, окончательно привела себя в чувство и, для начала, набрала номер Рамала.

— Ромка, привет.

— Привет, одноклассница! Ты уже зарегистрировалась на «одноклассниках точка ру», или ждешь, пока изобретут внутренний компьютер? Как регистрируешься, будешь моим самым главным виртуальным другом.

— Слушай, как ты смотришь на то, если я в сентябре приду к вам опять поработать?

— Нет слов, Касьяныч! Рад безмерно! Приходи, когда созреешь.

— Спасибо.

— Касьяныч, ты только Таньке из отдела продаж не проговорись про прошлый раз.

— Я уже забыла про это. Не волнуйся.

— Ну, целую. Ждем.

«Тэ-э-экс. С этим оленем разобрались», — подумала Козьмина и набрала мамин номер.

— Але, мамуля, я решила зайти к вам в гости сегодня вечером.

— Ой, как здорово, Людмилочка! Папа будет очень рад!

— Мама, ты еще, пожалуйста, купи стиральный порошок для меня, а то я не смогу выбрать.

— Хорошо, Люлечка... Ой! Забыла! Папа-то у нас сегодня в вечернюю смену. Расстроится, если тебя не увидит. Знаешь, доченька, ты приходи в субботу, а порошок я куплю и занесу сегодня. Гляну на твою машину, заодно и постираю. Ты не волнуйся, иди по своим делам, я возьму ключ с собой.

«Как удачно и легко сегодня все организуется», — сказала себе Козьмина. Она быстро оделась, выпила чаю и вышла из дома, втайне надеясь не встретиться в библиотеке с Никодимом и отдохнуть в одиночестве.

MODERATO MISTERIOSO

Козьмина прохаживалась вдоль стеллажей секции нот и музыкальной грамоты. Она разглядывала издания, всматривалась в нотные знаки, пытаясь



заставить эти закорючки зазвучать. Они же всего лишь беззвучно позировали, корчились, выгибались, словно исполняли замысловатые фигуры непонятного ей танца. Шестнадцатые и восьмые резвились группами, взявшись за руки. Поодиночке, словно ирландские плясуны, солидно вытанцовывали четвертные и половинки. Целые ноты, эти большие белые сливы, не желали двигаться и лениво полеживали, отгородив для своей лени весь такт.

Козьмина взглянула на ноты исподлобья. Теперь ноты превратились в стиранные тряпочки, висевшие на веревочках и слегка покачивавшиеся на невидимом ветру. Тряпочки были прищелкнуты прищепками дизелов и бекаров, с них каплями бемолей стекала влага. Большой скрипичный ключ, словно свернувшийся узлом сторожевой удав, охранял всю эту стирку.

Козьмина немного наклонила голову. Так получалось проще всего: расправив побеги, сквозь жердочки рос виноград, раскинув лиги словно усы, которые беспорядочно тянулись к жердочкам и гроздьям виноградин.

Реальное же чтение нот представлялось ей адом. Она искренне жалела всех музыкантов. Представьте, что вы читаете книгу, а вам между строчек знаками советуют: «быстрее... быстрее же!», «здесь — медленнее... еще медленнее», «здесь — быстро, но не очень». — «Что значит, не очень?!» — начинаете возмущаться и кипятиться вы. Странные советы, однако в них, вероятно, все же есть какой-то смысл. Допустим, в книге встретилось довольно скучное место — не страшно, читайте «Allegro». А на другой странице — гораздо интереснее, и значок «Adagio» — растягивайте удовольствие, растягивайте. Здесь читайте тяжело, а здесь скорбно. Но уж если полная чушь написана, то зажмурьтесь, одухотворитесь и страстно, бегло, виртуозно перелистывайте страницы в темпе «Presto», а лучше «Presto Agitato».

Объятые суровым покоем читального зала вы раскрываете шедевр художественного слова и вдруг наталкиваетесь на знак «piano», то есть, тихо. «Куда уж тише? — удивляетесь вы, но потом соображаете. — Тихо ведь не значит про себя». От вас требуют не молчать как истукан, но читать вслух, выразительно и проникновенно. Оглядываетесь по сторонам и решаете: «ладно, слушайте все книжную тишину». Но нет покоя в выдуманном мире. Вот между строк уже беспокойно и тревожно маячит, сигнализирует вам «crescendo», и ваше бормотание делается громче. Наконец, является «fortissimo», вам натурально предлагают в этом месте кричать и подбадривают: «ну же, орите, там ведь знак стоит, иначе будет неверно прочитано!» Козьмина представила, какой шум стоял бы в библиотеке, если бы такая книжная нотная грамота существовала.



Самым большим ударом для книголюбителей стали бы знаки повторения. Вы пробежали глазами отрывок, а в самом его конце стоит реприза, она стыдит вас: «ай-яй-яй! невнимательно прочли, давайте еще раз». Ну что же, неплохой знак для учебников. Самая неразбериха завертелась бы, если в книгах начали бы расставлять «фонари» и «кобры», знаки переходов, шараханий и метаний по тексту. Заканчиваете главу десятую и видите «фонарь», он просит вас вернуться к главе второй, мусолить содержание вплоть до пятой, затем сразу перейти на двадцать шестую, и штудировать ее три раза. Приятного вам чтения. Так существуют же еще вольты — варьирующие окончания. Пытаясь трижды ту же многострадальную двадцать шестую главу, вы с удивлением обнаруживаете, что в первом варианте окончания героиня сильно сомневается, выходить ей замуж за главного героя, — за такого-сякого, — или не стоит; во второй попытке она, в принципе, уже не против; в третий раз, измученная тяжелыми раздумьями она неожиданно, без предупреждения умирает, а расстроенный таким поворотом сюжета главный герой бросается со скалы вниз головой. Не стесняйтесь, выбирайте тот вариант, который вас больше устраивает.

«Бедные музыканты», — вздохнула Козьмина.

CODA

Когда Козьмина вернулась домой, мама заканчивала стирку и что-то вытирала в кухонном шкафчике. В коридоре устало горбился пылесос, радиоприемник вдумчиво исполнял лирическую музыку, пахло розами, борщом и жареной картошкой.

— Ты, Людмилочка? — обрадовалась мама. — Вот и славно! Я уже заканчиваю... Звонил какой-то Володя и спрашивал Константину. Я ответила, что здесь такая не живет. Он сказал: «ах да, у нее, вообще-то, другое имя, наверное, и он, мол, тоже не Володя, но ты его знаешь, как Володю». Уморил! Хоть стреляйся, хоть вешайся. Я ему говорю: «ты сначала толком разберись, кто тебе нужен, и как тебя самого зовут, только после этого хватайся за телефон!» И бросила трубку. А он опять позвонил! Начал спрашивать про какую-то книгу — «Космы» что ли, я не поняла. Интересовался, нашла ли ты книгу в ящике. Так я его сначала поздравила, что он все-таки вспомнил твое имя, а потом говорю ему: «Слушай, Володя, или как тебя там, прекрати цепляться до моей дочери, а то я милицию позову! Они твои Космы тебе живо по-



выдержают!»! Люлочка, ты же знаешь, как сейчас воруют... Люля, Люля! Что с тобой?! Присядь! Присядь! Ой, господи! Опять! То Амарал твой, то Володя этот, тоже сволочь еще та, алкоголик, имя свое не помнит! Люлочка, ты меня слышишь?!.. О, господи! Скорую надо.

— Мама. Мама! Да, мама же!! Не надо никого! Оставь. Оставь! Я перегрелась, наверное. Жарко очень. Оставь...

III

Все тот же странный и бесконечный Август догорал, уходил медленно, неохотно, так, как уходят надолго или даже навсегда. Буйный, горячий и безжалостный, он отвел для себя еще совсем немного, чуть больше недели для того, чтобы угаснуть достойно, уйти, оставив в памяти каждого, кто пережил его, четкий, неизгладимый след. В этот особенно долгий вечер низкое безоблачно-серое небо растерянно и утомленно жалось к самой земле. Где-то вдалеке то гневно распалялся, то испуганно затихал звук сирены. День умирал беспокойно и безнадежно. Ветер наоборот оживал, усиливался. Он корчился, натужно выл, оглушительно хлопал невидимыми дверями, гудел в узких переулках, трубил в подворотнях, кружил в безумном широком вихре сухую серую листву. Он метался, казалось, во всех мыслимых направлениях, — северо-юго-западно-восточный, дикий и свободный. Птицы, пытающиеся лететь наперекор ему, беспомощно зависали в душной и неприветливой пустоте.

Никодим засиделся в библиотеке почти до закрытия. Было заметно, что такое сидение его тяготило, заставляло нервничать, волноваться, поэтому он сразу повеселел лицом и оживился, когда увидел направляющегося к нему молодого человека, по виду его одноклассника, высокого, с беспорядочно уложенными темными вьющимися волосами, замечательно открытым лбом и серыми глазами, озорно искрящимися, словно готовыми засмеяться в любой момент. Молодой человек был одет в студенческого фасона майку и джинсы.

— Ну, что, Димыч, приходила? — вместо приветствия спросил он, приближаясь.

— Не было ее и сегодня, — Никодим поднялся ему навстречу и несколько раздраженно развел руками. — Надоело, Серега! Я и так пересаживаю с материалами. Еще для тебя тут торчать. А с ней нервы надо иметь железные. Порох, а не женщина!

Молодые люди двинулись к выходу, энергично жестикулируя на ходу.



— Ну, потерпи, Димыч. Я звонить пробовал опять. Так меня ее мать отшила классически, очень даже энергично. Милицией грозила.

— Да они обе психованные! Что мать, что дочь.

— Стоп, Димыч. Отбросим эмоции. Послушай, ты дожидаясь ее, и на этот раз точно приглашаешь куда-нибудь по солидному. Потом случайно знакомишь меня с ней и свободен.

— Серега, еще пару дней, и я пас. Меня Светка скоро начнет встречать и провожать. Она уже психует. Какого, вообще, черта ты это все заварил?! Не мог сам к ней подойти?

— Да не умею я начинать! Не способен! Меня потом уже вдохновение берет. А в начале я немею просто. Ты бы слышал, как она со мной по телефону разговаривала — словно я у нее эту книгу украл.

Никодим на это усмехнулся, иронически покачал головой и безнадежным голосом заметил:

— Падок ты на имена, Серый.

— Падок! — загорячился Сергей. — И что здесь такого?! Ты же видишь, какая она!.. Ничего, что характер! Не страшно! И это еще тоже неизвестно про характер — может, у нее травма душевная.

— Душевная. Ну-ну, — устало и согласно вздохнул Никодим. — Одним словом, я пошел. Дежурю завтра и послезавтра до обеда. И все. Все! После уж сам с ней разбирайся...

Друзья вышли на улицу и просто, без церемоний расстались. Разошлись, чтобы встретиться снова через день на том же месте.

Дом Сергея находился всего лишь в нескольких кварталах от библиотеки. Серое здание эпохи произвола с громоздким фасадом и геральдическими излишествами выходило на небольшую тихую улицу без растительности и с узкими тротуарами. Сергей по широкой лестнице взбежал на второй этаж. Ухватившись за изящную ручку, открыл массивную высокую дверь и вошел в просторную, довольно светлую прихожую. Прихожая была пустовата, в ней даже поселилось крошечное, робкое и милое эхо. Устав от одиночества, выйдя из комнат, можно было с эхом этим поговорить, посетовать на жизнь и собственные недостатки. Эхо страдало отсутствием собственного мнения и спешило согласиться с любым доводом собеседника, что слегка раздражало.

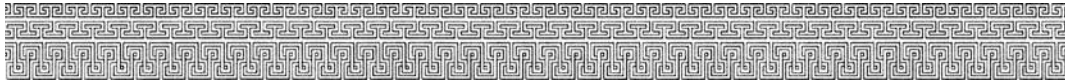
К описанию жилища в целом вполне подходило определение в стиле расхожих заголовков из недавнего прошлого, вроде такого: «Париж — город контрастов». Контрастов было много, они валялись повсюду, подворачивались,

цеплялись за ноги на каждом шагу, заставляя спотыкаться. Неужоженность и запустение одной комнаты противостояли уюту и чистоте другой. Горка вымытой посуды, аккуратно уложенной у чистой мойки, соседствовала с оружием из пустых грязных кефирных бутылок, напоминающим городошную фигуру «баба в окошке». Компакт-диски, выставленные в алфавитном порядке на вытертой от пыли полочке, уживались с усыпанной конфетными обертками, растрепанной пачкой замасленных журналов. Чувствовалось, что в этом жилище мирно сосуществовали две общественно-политические системы, два лагеря, два образа жизни. Но, довольно лозунгов и шаблонов.

Все опрятные жилища похожи друг на друга, каждое неопрятное жилье неопрятно по-своему. Кавардак — это искусство быть безразличным. Раз уж это искусство, то в нем должен существовать целый ряд стилей и эпох. Говоря о стилях, следует выделить наиболее характерные — раннеготический, например, — словно сообщает вам: «хозяин встал раненько, да вот беда — надо было еще раньше, потому он и метался, сердешный, от плиты к умывальнику, от дверей лифта назад к утюгу и выключателям». Для этого стиля характерны умеренная импульсивность, бытовой тектонизм. Предметы из различных жилых сфер варварски вторгаются в непривычные им домены, словно отвергая смысл и споря с логикой бытия, то есть, быта. Беспорядок в стиле позднее барокко сообщает вам, что жилец припозднился навеселе, потоптался у входной двери, воюя с замочной скважиной, рванул от порога в туалет, опрокинув на своем пути вешалку и смахнув на пол телефон. Затем, в более медленном темпоритме, посветлевший душой хозяин брезгливо стряхнул со ступней обувь, грациозно уронил стакан с недопитым кефиром, забыл закрыть дверцу холодильника, наткнулся в темноте на пару стульев, пока не нашел выключатель. Для этого стиля характерны многообразие и непредсказуемость форм, совмещение реальности и иллюзии. Создателям шедевров позднего барокко явно не занимать благодушия и незаурядности.

Другие стили, кроме того, часто отражают реалии создавших их эпох. Например, такой из известной всем эпохи: «к нам приходили с обыском, но ничего не нашли» — полон драматизма и бесцеремонности. И такой: «при артобстреле эта сторона квартиры особенно ужасна» — для этого почерка характерны бессмысленность и разрушительная примитивность образов. Невинный детский стиль: «просто приходил Сережка, поиграли мы немножко» — тоже полон сдержанных внутренних катаклизмов. Все эти стили меркнут по сравнению со свежестью и непредсказуемостью самого неподра-





жаемого: «к нам в гости прибыл автостопом студент из Западной Европы». Именно в этом стиле и был взбаламучен интерьер квартиры Сергея. Главная его черта — отсутствие всякой логики, вернее, образ и логика здесь вторичны, первичны ваши ощущения от увиденного. Кавардак встречает вас интимным безразличием к вашим принципам, призывает вас отвергнуть реальность и каноны. Импрессионизм беспорядка расширяет рамки допустимого. Важно то, что вы чувствуете в самый первый момент соприкосновения с объектом этого искусства, дальше могут возникнуть эмоции и желания. Отбросьте все! Примите, как оно есть. А лучше — раннеготично встаньте в восемь утра, суматошно побегайте по квартире, приведите себя в порядок и исчезните; затем, вечером позднебарочно задержитесь у друга, выпейте чего-нибудь как следует, и лишь тогда, вернувшись в родной табор, окиньте помутневшим взглядом ваш трехспальный вигвам — и к вам придет, наконец, ощущение гармонии, единения кавардачных стилей в один неповторимый и понятный бытовой хаос, присущий юной душе и бурлящему разуму.

Студент, рыжеволосый, худосочный очкарик прибыл не автостопом. Нет. Он просто всегда выглядел так, словно был покрыт невидимой, неистребимой дорожной пылью. Неухоженный какой-то, честное слово, неприбранный! Глядя на него, хотелось взять чистую влажную тряпочку, ковшик, мыло, расческу и... впрочем, это все фантазии женского рода, сострадательного наклонения. Студента звали Кен. Носил он странные вещи, которые, казалось, не всегда относились к категории одежды. При ходьбе его правая нога часто спотыкалась о левую. Он был очень учтивым и непунктуальным подвидом английского джентльмена. Запросто мог крайне некрасиво и безалаберно подвести вас по любому поводу, но затем очень вежливо, затейливо даже, извиниться, упомянув каждое мелкое и крупное неудобство, которое он причинил вам своей рассеянностью и забывчивостью.

Кен преподавал разговорный английский. Являл собой живой англоговорящий экземпляр! Боже! Когда-то об этом, кажется, мечталось при луне. Вот выйдет из тьмы представитель иного мира и молвит что-нибудь на чистом, самом настоящем английском... Те времена ушли безвозвратно. Теперь живых представителей иного мира кругом — пруд пруди — обычное, заурядное явление на уроках иностранного языка, как словари и другие учебные пособия. Эти экземпляры прекрасны своей аутентичностью, но они же и безобразны своим диалектическим материализмом. Вы не то подумали — они все сплошь прожженные материалисты, *стикающие* на кошмарном диалекте.

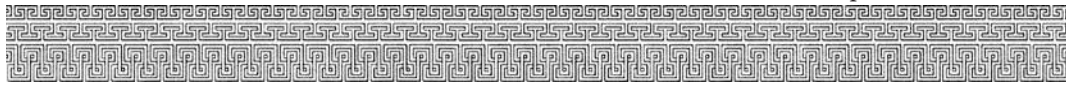
Существует большая опасность словно вирус подцепить от них этот страшно заразный выговор, от которого потом вряд ли излечишься, приводя своим произношением в ужас выпускников и преподавателей *иняза*, одновременно вызывая неподдельный восторг у выходцев из криминогенных районов северного Манчестера, если такие вдруг попадутся.

Сергей на правах хозяина квартиры жадно насыщался от Кена разговорным языком. Кен, в свою очередь, учился замечать и ценить порядок в тех местах жилища, куда его бытовая энергия не распространялась. Кроме того, он освоил процесс вытряхивания половичков и ковриков, хотя это умение далось ему с трудом. Кен долго никак не мог приноровиться попадать в такт с умелой рукой Сергея.

Жили они весело. Кена много и часто посещали друзья, такие же странствующие англоговорящие студенты, как и он сам. Гостей необычайно привлекала молодость, жизнерадостность, бессемейность, терпимость и терпеливость хозяина. Многих представительниц женской половины, возможно привлекало, что-то еще, но это все были лишь предположения. Можно легко догадаться, что английский быстро стал официальным языком в квартире, на балконе и лестничной площадке. Поначалу Сергей казался гостям молчаливым и задумчивым парнем. Это было не так. Просто, когда гостеприимный хозяин мысленно переводил заранее заготовленную мысль на английский, то очень часто обнаруживал ускользание смысла. Общая холодная суть оставалась, но искра, острота фразы куда-то исчезали. Слова лишь лежали унылой серой горкой, как нечищенные картофелины, желание их произнести пропадало — взамен оставалось молчание, или пустота общих фраз. Однако со временем наука брала свое. Язык Сергея крепчал, расцветал герундиями, ветвился страдательными залогами, звенел и скрежетал фразами и оборотами, которых не отыщешь в учебниках Бонк, Уайзер и других. «Наш человек», — перемигивались англичане, слушая речи вдруг разговорившегося Сергея. «Компиляция прошла успешно», — говаривал он себе сам после очередного вечера, проведенного в кругу новых друзей. Он ведь был программистом, а программисты еще и не такие фразы заворачивают.

В этот ветренный августовский вечер Кен, как обычно, сидел в своей комнате. Нет, он не сидел, он существовал в ней, как важная, но не довлеющая над общим сюжетом деталь обстановки, не нарушающая своим присутствием гармонии беспорядка. У его ног можно было запросто бросить лыжи, над головой повесить на гвоздь садовую лопату, гармония бы ничуть не пострадала





и лишь расцвела бы новыми нюансами, новыми оттенками. Но вот, — внимание, — в комнату вторгся Сергей, явился с ворохом всяких глупостей в голове, переступил порог и немедленно разрушил смысловую наполненность форм. Так театральный электрик в поисках пропавшей фазы внезапно по рассеянности вторгается на сцену в самый ответственный момент спектакля. Ему истерически, безголосо сипят из-за кулис, на него в ужасе шикает суфлерская будка, актеры делают ему отчаянные глаза. Электрик же, не врубившись еще в то, что преступил дозволенную грань, лишь озабоченно и задумчиво оглядывая декорации, произносит таинственную фразу: «да, где ж она, епт!». И зритель думает, что так и надо, озадачивается неявным смыслом фразы, пытаясь соотнести ее с чрезмерно запутанным действием пьесы.

Сергей влез в интерьер буднично и хмуро и озвучил совершенно ерундовый вопрос:

«Скажи мне, товарищ. Как философ философу. Любовь — это частое явление?»

Кен здесь слегка пошевелился, слегка приподнял брови. Всякое действие, всякий порыв зарождались в нем обычно без каких-либо драматических усилий. На молодежном сленге такое свойство характера называется «расслабленностью». Если б ему вдруг пришлось рубить дрова, он бы их тоже рубил расслабленно, слегка, если такое возможно представить в принципе. И вот, слегка приподняв брови и слегка вытянув губы, он лишь заметил:

— Ты, разве, философ?

— Ну, по призванию я, конечно, программист, — не смутился Сергей. — А в остальном, в главном я философ. Ответь мне, статистически, эта штука случается часто или нет? Прикинь в среднем на душу населения, или, как вы говорите: «в пересчете на одну голову».

— Это смотря на какую голову, — спокойно рассудил Кен. — Вот я, например, вчера полюбил одну девушку, и мне нужна твоя помощь.

— Какую еще девушку? — опешил Сергей. — К тебе, кажется, ходит Ханна и эта, как ее, Патрисия.

— Это все несерьезно. Хотя, Ханна...

Кен ненадолго умолк, словно призадумавшись. Жестом пригласил хозяйка притулиться где-нибудь, ибо нормально присесть было абсолютно некуда. Сергей, не церемонясь, привычно упал на какой-то бугорчатый холмик посреди комнаты. Холмик, вероятно, являлся стулом. Этот таинственный предмет словно приполярной пургой был занесен, облеплен гигантскими

хлопьями в форме разнообразных деталей одежды. Спинки у погребенного стула возможно уже не существовало, хотя точно определить было трудно. Кен, слегка оживившись, продолжил:

— ... Да, так вот. Девушка, которую я полюбил, работает официанткой. Она мне подавала борщ. Улыбнулась. Потом я заказал рагу. Рагу с улыбкой. Это так вкусно. Она вообще вся такая милая, но почти совсем не знает английского. Мы еле объяснились. Я попросил у нее номер телефона и обещал, что позвоню. Потом заказал борщ еще раз, чтоб она опять подошла и улыбнулась. А завтра — чего тянуть? — завтра я решил ее удивить.

— Ты ее разве уже не удивил своей любовью к борщу?

Кен оживился, вскочил и заходил по комнате, не забывая спотыкаться.

— Я ей позвоню и поговорю с ней по-русски. Хороша идея? — он посерьезнел. — Мне нужно подготовиться!

— Кен, ты плохо знаешь *русского языка*. Этот товарищ всегда подводит в самый ответственный момент, жертвами его измен оказываются даже литераторы, я уж не говорю о политиках. Тебя он подло бросит на произвол судьбы в первые десять секунд общения. Впрочем, в русском языке есть прекрасное междометие «э-э-э». Употребляй его почаще, и ваш с ней разговор может растянуться на целую минуту! Вечность с точки зрения отечественной лексики.

— Что значит «э-э-э»?

— Это значит: «сейчас скажу что-то умное, вот сейчас, вот-вот... ждите-ждитесь!».

— Странное какое-то слово.

— Зато емкое, — Сергей немного еще поерзал на холмике, продолжая испытывать неудобство от такого сидения; наконец он поднялся и подвел промежуточный итог. — Из нашего с тобой разговора я выяснил главное — борщ тебе сегодня подавать не стоит, чтоб не ранить твое влюбчивое сердце ненужными ассоциациями. Будем есть пельмени.

Они прошли на кухню и основательно там расположились. Кен открыл окно, схватил яблоко, уселся на подоконник и, увлеченно смакуя сочность плода, принялся разглядывать редких прохожих на противоположном от дома тротуаре. Сергей, тем временем, забросив на плечо полотенце, вымыл посуду и приготовил ужин. Закончив с делами, они выпили вина. Сервируя

¹ Читатель здесь уже должен был догадаться, что друзья беседуют на свободном английском без словаря.



пельмени со сметаной и жареным луком и подавая их к столу, Сергей продолжил:

— Проблема первого телефонного разговора с русской женщиной состоит в том, что никакое моделирование не может предсказать, куда повернет русло этого разговора.

— Ну вот. Неужели так сложно?

— А ты как думал? Не следует всегда ждать от нее учтивости. Она может обращаться с тобой бесцеремонно. Презрительно молчать в трубку. Грубить.

— Она ведь меня не знает еще. Зачем же грубить?

— А так. На всякий случай. Чтобы у тебя, не дай бог, не возникла мысль, что ты есть последняя пристань ее надежды.

— Пристань... Подожди, Серж, я, наверное, запишу.

— Не надо ничего записывать. Ты не на лекции, и я не доцент. Писание конспектов есть начальная стадия отрыва о реальности. Эту истину я постиг еще в университете. Всего многообразия вариантов все равно не охватишь. Нужно уловить тональность, ритм разговора, услышать мелодию и бережно импровизировать на заданную тему. Мелодии всякие случаются — бывает баркарола, но возможен и хэви метал. Действовать нужно так, как сердце подскажет. Или голова. У кого что важнее.

— Мне удобнее составить план нашей завтрашней беседы. Выбрать фразы. Ты мне должен подсказать.

— План? Хорошо. Допустим, на первой минуте разговора она попросит тебя починить что-нибудь у нее в доме. Ящик или утюг, например. Вернее, она скажет, что сломался, а ты, как джентльмен, должен предложить свою помощь. Ты ведь джентльмен?

— Я? Не совсем... Может быть.

— Вот. Прекрасный повод для знакомства. И говорить в начале ничего не надо. Приходишь, уверенным, мужественным жестом вынимаешь отвертку, плоскогубцы и начинаешь чинить, чинить, чинить, пока эта штука не заработает. А она в эти волшебные минуты пусть невольно любит твоими уверенными движениями. Можешь немного поиграть мышцами. Очень романтично для начала.

— Что ж тут романтичного? Я ведь эту вещь могу совсем сломать. Или меня током может ударить.

— Ударит — значит, не судьба. Хотя, если ты ей действительно понравился, она тебя будет навещать в больнице. В ожоговом центре, например. Апельсины будет носить, слова нежные говорить. Тоже хорошее начало.



— А нельзя так, чтобы без ремонта и увечий?

— Можно. Но нужно всегда быть готовым к худшему. Тогда легче бороться за свою любовь. Ты готов к худшему?

— У тебя любовь и борьба — одно и то же. По-моему, любовь — это все-таки удовольствие.

— Ешь... Любишь пельмени? Вот это и есть та любовь, которая равнозначна удовольствию. Разница в том, что пельмени, как объект любви, ты лепишь и готовишь своими руками — в идеале, конечно; а незнакомка, которую ты вчера сильно полюбил, возникла без твоего участия, и вполне возможно, что за нее, за ее внимание придется побороться.

— А как же Ханна? Я не вижу здесь борьбы.

— А-а-а, вот в этом случае все как раз наоборот. Это Ханна потрясена твоей симпатичностью и бегаёт за тобой, как за малым дитем. Выгуливает тебя вечерами, чтобы ты дышал свежим воздухом. Ты что же думаешь, Ханна не борется за твое внимание? Ведь когда она приходит, встречаю ее я, беседовать пытаюсь тоже я, угощаю опять я. А ты сидишь, одет в какой-то хлам, и делаешь вид, будто тебя это не касается.

— По-моему, ты Ханне нравишься. Она в последнее время, как приходит, сразу начинает беседовать с тобой, а меня замечает гораздо позже.

— Бред! Она просто уже привыкла к такому положению вещей и ждет, пока ты созреешь для ее присутствия. Например, ты хоть знаешь, что она любит больше всего съесть на ужин?

— Не помню.

— Хороший бифштекс средней готовности. Глянь рецепт в интернете и приготовь сам.

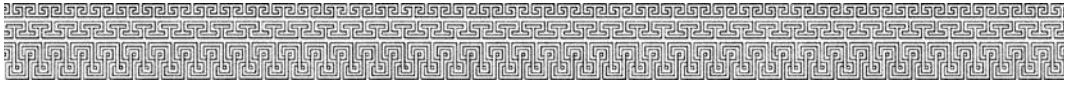
— Я не сумею. Получится плохо, глупо и невкусно. Она, может быть, и похвалит, но будет потом смеяться, иронизировать.

— Не будет иронизировать. Женщины любят, чтобы для них совершали глупости, чтобы из-за них не побоялись вляпаться в грязь и выйти на посмешище. Они, конечно, могут и посмеяться, но им все равно будет страшно приятно. Их это внимание очень тронет... Или, например, зайди к ней сам и выведи погулять.

— Я так делаю иногда.

— Ты являешься с Патрисией и еще с кем-то, и вы гуляете или сидите где-нибудь всей толпой. А ей, возможно, хочется лишь с тобой. Она ведь приходит сюда почти всегда одна...





— Так что же с моим телефонным разговором? Завтра.

— Я, как друг, посижу завтра с тобой у телефона. Перехвачу трубку, если понадобится. И понадобится, скорее всего. Все будет в порядке... Выпьем, товарищ, еще вина, и я пошел. У меня послезавтра важный день, нужно выспаться.

— Зачем же выспаться для послезавтра? Ты что-то не так сказал.

— Я *так* сказал. Накануне важного дня я всегда плохо сплю. А сегодня должно получиться.

Послезавтра пришла мгла. Непогода и хаос были прекрасны в своем безобразии, величественны в своей безграничности. Всякое движение — воздуха, мысли, времени, общественного транспорта — хоть и не угасло, не замерло, однако продолжалось самым бессмысленным, жалким и нелепым образом. Грязно-оливкового цвета разогретое небо лежало на улицах использованной ветошью. Город чудился больным, измученным, иссохшим; выглядел пациентом, которому едва ли могли хоть чем-то помочь те «врачи», что с марлевыми повязками на озадаченных лицах привидениями бродили по его тротуарам; он казался умирающим, которого вряд ли могли оживить брызжущие свежестью фонтаны, ибо в каждом из них нежилась и цепенела вся активная часть горожан, и каждая спасительная струя, не успев еще порядком взлететь ввысь, разбивалась о подставленные в счастливом предвкушении животы, затылки и попы. Впрочем, рассказывали, будто бы где-то очень-очень далеко, в тридевятом экономическом районе, тридесятом федеральном округе, аж на самых на Курилах штормило свежо и прохладно; свинцовая вода яростно и исступленно билась о берег Шикотана и пенилась в бессильной самурайской злобе. Но это были всего лишь слухи.

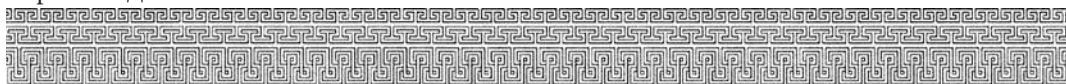
В полуденный час Сергей неторопливо приблизился к зданию библиотеки, постоял некоторое время у входа, задрав голову и разглядывая фасад здания, словно заинтригованный турист. Затем неумело и смешно перекрестился на венчающую аттик статую Минервы, взошел по ступеням и исчез за дверью.

— Привет, Никодимыч. Была? — спросил он падающим голосом, видя выражение лица товарища.

— Дрова, Серега. Приходила. Глянула на меня, спрашивает: «Вы кто?» Глаза дикие какие-то. Мутные. Серо-зеленые. Сразу видно — отсутствует человек. У нее, вероятно, что-то стряслось.

— Приехали, — вздохнул Сергей, — Ладно, Димыч, случай тяжелый. Спасибо за все. Я уж сам как-нибудь.





IV ГДЕ ЖЕ СУТЬ?

В музыкальном театре «Соплеменник» царила обычная предспектаклевая суета. Главреж Гарий Игнатьевич что-то скоро выговаривал молодому человеку среднего роста, с миловидным приветливым лицом, светловолосому, лет двадцати шести, в черном концертном костюме и с бабочкой.

— Андрей, ты пойми, это несерьезно. У тебя вечерняя смена. Соло! А ты заявляешься с какой-то дамой, вроде как чужой нам, и я должен бегать, словно черт, искать замену на первую валторну. Это свинство, молодой человек!

— Гарий Игнатьич, ей богу! Все вышло совершенно случайно.

— У меня вот тут эта твоя случайность, — главреж эмоциональным жестом показал, где именно. — Если б не в первый раз, и не *ты*, я бы выгнал такого артиста к чертовой бабушке!.. А почему, собственно, твоя фифа обидела нашу Зарубич? Чем та ей насолила? Вам с ней что, заслуженные уже не подходят? Народных вам подавай?!

— Гарий Игнатьич, она им не верит.

— Андре-ей! *Людям* можно не верить, но искусству верить надо... Почему не верит?

— Гарьнатич, она как эта... Как Станиславская. То есть, я хотел сказать, Станиславский. Не верю, говорит, презираю.

— Так чего ж ты ее в театр потащил? Отвел бы в ресторан — лишняя штука, зато полная гармония.

— Это она меня потащила.

— Ну, чтоб твою взять! Где тут логика, где тут суть?! В-в подъезде?

— Если б в подъезде, Гарьнатич. Она домой меня повела.

— Это она-то?! Домой?! Тебя?! Ну-у-у!.. — главреж ошеломленно покачал головой. — Вот за этот подвиг я тебя прощаю. Но учти! Пока я здесь руководитель, такой самоотверженный с твоей стороны поступок случается в последний раз. В последний. Понял? Ты у нас гений. Это общеизвестный факт. Однако искусство мне дороже. Иди.

— Спасибо, Гарьнатич! Спасибо. Такое больше не повторится. Честное слово!

АНДРЮША, ВЫЙДИ ВПЕРЕД

В детсаде шла репетиция. Гремела бойкая музыка. Раззадоренные дети шумно декламировали, пытаясь перекричать друг друга: «...Эх, в сад пойде-



ом! В сад пойте-ом!» Грозное эхо гоняло по комнатам, достигая кухни, настойчиво и гулко атакуя днища кастрюль без каких-либо следов манной каши, съеденной этим утром старшей группой без остатка. Висящий над фортепиано портрет композитора Глинки от каждого темпераментного аккорда мелко и нервно вздрагивал и пристукивал рамой в стенку. Михаил Иванович выглядел расстроенным, явно избегал зрительного контакта и где-то очень глубоко в душе даже гневался. Воспитательница вдруг передернула плечами, вероятно не совладав с эмоциональным наполнением третьего куплета; перестала играть и громко объявила: «Закончили! Тихо! Тихо! ... Так, давайте лучше послушаем Андрюшу. Андрюша, выйди, пожалуйста, вперед и спой нам один, а все пусть помолчат».

Маленький Андрей уверенно выступил из шеренги на два шага, остановился, заложив руки за спину и слегка расставив ноги; в нетерпеливом ожидании вытянул шею и расправил грудь. Первый залихватский удар по клавишам ничуть его не испугал и врасплох не застал. Ритмично покачивая головой, он пропустил вступление и с выражением, звонким, чистым голосом запел:

По малину в сад пойдём, в сад пойдём, в сад пойдём,
Плясовую заведем, заведем, заведем...

Остальные дети во время пения строили рожицы. Девочки в притворном восторге закатывали глаза. Воспитательница улыбалась, продолжая аккомпанировать вдохновенно и легко.

ТАК ПОДИ ЖЕ, ПОПЛЯШИ

В школьно-пионерские годы Андрюшин репертуар бог знает чем только не пополнился: «Ходят Кони над рекою», «Эх загулял мальчонка да парень молодой», «Рыба-Кит», «Пока горит свеча», «Песня о далекой Родине», «Let it Be» и так далее. Здесь налицо именно многоплановость, неординарность вкуса, и ни в коем случае не беспринципность или неразборчивость. Слух у парня был прекрасный. Голос не ахти какой, но сильный и не лишенный приятности. Не случайно же четыре сезона в пионерском лагере вершину хит-парада неизменно держала песня «Бескозырка белая» в Андрюшином исполнении. А как же музыкальное образование? Да никак. Родители Андрея почему-то не желали реагировать на его музыкальные способности. Он возвращался из лагеря, ему говорили: «Ты опять пел все лето? Музицировал? Хорошо же, иди теперь развейся, попляши для разнообразия». И записывали его в секцию



легкой атлетики или классической борьбы, или футбола. Андрей бегал, прыгал в длину и высоту, возился на ковре, развивал гибкость и силу, стоял на воротах. Устав от ненавистного ему духа соревновательности, спорт бросал. Бросал упорно и настойчиво.

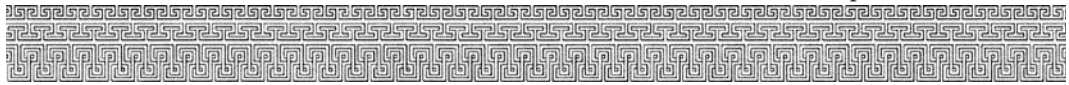
САМ ТЫ ТРУБА!

Его дружок, Петька, сосед с передней парты, трижды в неделю приносил на уроки трубу в замечательном твердом футляре, отделанном изнутри роскошным фиолетовым бархатом. Петька после уроков занимался в духовом кружке Дома Пионеров и был очень занятым по части музыки человеком. «Сам ты труба! — любил повторять музыкант товарищу. — Корнет-пистон! Понял?» Ввиду своей занятости он время от времени списывал у Андрюши отдельные задачки и упражнения. Тот же без конца надоедал Петьке вопросами о мундштуках, поршнях, вентилях, сурдинах и прочей духовой дребедени. Долго это продолжаться не могло. Однажды, сражаясь на борцовском ковре, Андрей сильно ушиб ключицу. Звонок из больницы скорой помощи привел родителей в ужас. Счастливым и свободным, он явился на следующее утро в школу с перебинтованным плечом. Петька, увидев такие дела, не выдержал и предложил: «Кончай калечить свое здоровье! Хватит! Идем сегодня со мной после уроков на репетицию. Идем. Не бойсь! Дадут тебе альтушку — пошумишь, пофукаешь, подудишь немного, полагаешь от всей души, ноты подучишь, гаммы. Через неделю посадят в оркестр. Ей богу! Хочешь — играй, хочешь — держи паузу, если стесняешься. Анатолий Саньчу скамейка запасных ни к чему, ему кадры нужны, у него текучесть альтушек сумасшедшая». Вот так, к ушибленной ключице и родительскому ужасу добавилась текучесть альтушек. Одно к одному! Все факты вопили, рыдали в пользу дудения, фуканья, пыхтенья и, в более общем смысле, в пользу необходимости постижения прекрасного, того самого прекрасного-распрекрасного, к которому так настойчиво стремилась Андрюшина душа.

ТЕОРИЯ УПРАВЛЯЕМОГО ВЗРЫВА

Из-за двери слышался надрывный шум — что-то вроде гула надвигающегося поезда с примесью крика заводского гудка под аккомпанемент рева сбитого бомбардировщика. Петька резким движением открыл дверь, ме-





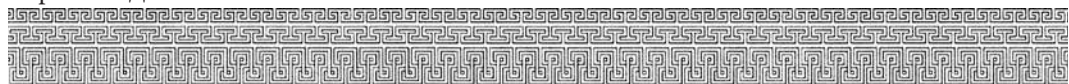
таллический гвалт вырвался наружу и, стеною и ухаю, заметался по коридорам. Корнетист уверенно заглянул внутрь, поздоровался и, посторонившись, пропустил вперед оглушенного исполнением, оробевшего Андрея. Они вошли и остановились у двери. Петька в сонном ожидании заскучал, а жадно любопытствующему новобранцу открылась следующая картина: руководитель и главный дирижер оркестра Анатолий Саныч сидел за столом в середине комнаты, боком к двери, в самом эпицентре сияющего металлом орущего полукруга. Он резко и отрывисто стучал дирижерской палочкой по краю стола, выщелкивая ритм. Под вздымающимися к потолку раструбами, за сверкающими медью и серебром загогулинами маячили напряженные лица исполнителей. Временами Анатолий Саныч гневно учащал и усиливал постукивания, кричал: «стоп! стоп!», дабы остудить увлекшегося солиста. Дождавшись общей недоуменной и смущенной тишины, он сердито наставлял кого-то: «Ну, что ты орешь?! Зачем!? Глаза выпучил! Тут нужно нежно, певуче: Ти-ри-тии-та-та-а....» Анатолий Саныч срывающимся, но верным голосом демонстрировал, как надо. После этого он неожиданно, без всякого перехода принимал совершенно добродушный вид и командовал: «с третьей цифры! и-и-и....»

Продолжая дирижировать, Анатолий Саныч знаком пригласил обоих пройти. Андрею он указал на место по соседству с большим барабаном и колотушкой, которая висела рядом на крючке. Петька проворно двинулся в глубину просторной комнаты, на ходу раскрывая футляр. Он подсел к своим корнетам и по торопливой указке соседа сразу взял тему с середины.

Андрей довольно быстро преодолел те ощущения тревоги, неясной беды, угрозы, опасности, которые обычно появляются у новичка, впервые посетившего цитадель духового искусства. Он успокоился и начал понемногу прислушиваться к мелодии. Оркестр тем временем добрался-таки до финала пьесы и, высоко взвизгнув в последний раз, умолк. За окном похорошело, выглянуло солнце, запели птицы. Анатолий Саныч повернулся к Андрюше, приветливо на него взглянул и сказал: «Новенький. Так-так... Понравилось исполнение? Мне — не очень, — он украдкой вздохнул. — Бери колотушку, я задам ритм, а ты вступай вместе со всеми. Понял?.. Внимание...»

Андрей снял колотушку с крючка, ухватился за обод огромного барабана, окинул инструмент доброжелательным и ласковым взглядом, и по команде, зажмурившись, энергично ударил его в пружинящий бок. Так он стал музыкантом.





ПЛЕВОЕ ДЕЛО

После дебютного исполнения партии барабана все стало проще. В первый же вечер Андрей выяснил, что в духовой инструмент, точнее, в мундштук нужно не дуть, а плевать. Сплевывать воздух изысканным амбушюром. Ноты и «клапана» это уже дело десятое. Губной аппарат — превыше всего. Эту мудрость ему втолковали друзья оркестранты, такие же салаги, как и он сам. Анатолий Саныч ничего такого про «клапана» и дело десятое на первой репетиции не говорил; Анатолий Саныч просто и учтиво сунул ему в руки альтушку, усадил его в ряд с такими же птенцами из младшего состава, скоренько показал, как нужно держать губы, объяснил, как нажимать «до», как — «ре» и как — «ми»; затем вернулся на свое место и загадочно сообщил: «Ну вот, сейчас мы что-нибудь сыграем». Сообщил так обыденно, так уверенно, что у Андрея ни на секунду не возникло сомнения, что прямо сейчас, развернув брошюрку с простейшими двух-трехнотными упражнениями, он непременно что-нибудь сыграет. И, как выяснилось, он не слишком сильно ошибся. Труба — дело плевое. Альт, если быть точным.

С альтушкой Андрей разделался быстро. Техника губного аппарата, дыхание, внутренний слух, ясность и чистота выдуваемого звука прогрессировали так круто, что с тенором, следующим инструментом в духовой иерархии он просидел в оркестре всего две недели. Лишь две недели, несмотря на то, что существуют, выражаясь морскими терминами, тенора второго и первого рангов. Но Анатолий Саныч уже готовил его к повышению в корнетисты второго ранга с переходом в недалеком светлом будущем прямиком к трубе. Что там корнет! Что труба! Андрея всегда манила валторна, он помнил ее глубокий и нежный тембр в «Болеро» Равеля и торжественно-праздничный в «Апофеозе» «Щелкунчика». Он давно уже восхищался «ее светлостью», жаждал личной встречи и близкого знакомства.

Да только валторн у Анатолия Саныча, к сожалению, не водилось. Ржавчина что ли их поела, или фонды выделялись в недостаточном количестве? Бог знает... «Не беда — решил музыкант. — Повременим с этим. Будем практиковаться на чем придется».



ЯВКА ОБЯЗАТЕЛЬНА

Ефим Петрович, учитель пения, хударук школьного ансамбля, давно уже присматривался к Петьке и его футляру, точнее, к тому, что футляр этот собою обозначал. У Ефима Петровича на подходе был городской конкурс юных коллективов, а в репертуаре из инструментальных пьес одна только «Воздушная Кукуруза», да и та в совершенно сыром еще виде. Сунуться на конкурс с «сырой Кукурузой», без внятной аранжировки, без соло было равносильно самоубийству. Ефим Петрович печалился, тревожился, вглядывался в продолжавший маячить в коридорах Петькин футляр, раздумывал, пока в одно серенькое утро неожиданно не обнаружил, что «футляров» стало двое. Солидной парой, немного отчужденно они шествовали по школьному коридору, многозначительно о чем-то рассуждая. «Феноменально!» — подумал Ефим Петрович, стоя у раскрытой двери музыкабинета. Трубаچی тем временем независимо и гордо вышагивали мимо. «Вернее — безобразие! — мысленно уточнил хударук. — Куда я смотрю и что я себе думаю? — он вздрогнул то ли от накатившей решимости, то ли от того, что, завершая перемену, резко закричал звонок. — Немедленно расширяем исполнительский диапазон! — озарился Ефим Петрович. — Немедленно!»

— Эй, духовая секция! — поманил он пальцем «футляров». Музыкального педагога не сильно заботили вопросы этикета. — Нужно обсудить серьезный вопрос, — таинственно сообщил он, когда ребята подошли.

— Химия, Ефим Петрович! — посетовал Петька. — Опаздываем.

— Я сообщу Нине Владимировне, что лично задержал вас по неотложному делу.

Они стремительно прошли в музыкабинет, где сразу же завязалась профессиональная беседа.

— Надоело, должно быть, одни только марши гонять? — с тоном сочувствия поинтересовался Ефим Петрович.

— Почему «одни»? — немного обиделся Петька, и с достоинством и некоторым вызовом пояснил. — «Музыкальный момент» Шуберта делаем.

— Хор и Марш из оперы «Аида», — гордо вставил Андрей.

— Ах, все-таки марш! — непонятно чему обрадовался хударук. — Дело вот в чем...

Он достал папку с нотами, вынул из нее два мелко и торопливо исписанных листка и лишь из вежливости поинтересовался:



— Кто у нас *первый*, кто *второй*?

— Он *первый*, — быстро и просто ответил Андрей, указывая на товарища.

— Вот как. Прекрасно, — кивнул преподаватель, протягивая партии. — Давайте попробуем...

Попробовали. Получилось бездарно, вяло, простуженно, мелко. Ефим Петрович не впечатлился. Удрученно лишь заметил: «М-да. Вы, это, потренируйтесь пока, а я сейчас вернусь».

Когда он вышел, инициативу в свои руки взял Петька:

— Чего мнешься?

— А ты чего?

— Ничего... Тут тебе не «Тоска по Родине» ... Посвободней, активнее, веселее. Атакируй! Особенно вот здесь, — десятый такт. Рывкнем как следует, понятно? Поехали...

Темп на этот раз взяли заводной, озорной. Расшалились, раздухарились. В десятом такте Петька из баловства залетел на октаву выше. Ошалевшее фортиссимо в неистовом резонансе шарахнуло в потолок и разлетелось во все стороны тысячью звенящих осколков.

— Ух! — только и сказал Петька, опуская трубу.

В этот же момент в коридоре послышались радостные, торопливые шаги. Дверь распахнулась, и на пороге показался возбужденный Ефим Петрович. Размахивая руками, он торжественно и горячо провозгласил:

— Вот! Во-от! То, что над! Слышно было с первого этажа! Именно так, как я просил! — Ефим Петрович ни о чем их еще не просил, но в данный момент это было несущественно. — Именно так! Bravo! — он хлопнул в ладоши и быстро успокоился, посерьезнел. — Ну все. Шагайте на химию. Выяснили. В четверг, в три часа репетиция. Явка обязательна, и без опозданий.

ПЕРТУРБАЦИЯ

В начале инструментальной пьесы барабанщик четыре такта отстукивал ритм, потом вступала труба, задавая и слегка обыгрывая тему, затем, в самом конце соло весь ансамбль лихо врбался и метался от эпизодов к рефрену контрастно и бурно до самого финала. Получалось неплохо. Андрей неожиданно решил попросить Петьку отдать соло ему. Товарищ не раздумывал ни секунды: «Бери, друг. От всей души отдаю. Я у тебя списывал столько лет, успеваемость свою поднял, кругозор расширил. Снимай теперь *ты* у меня



копию, можешь от себя еще добавить пару импровизов, если худрук не против». Худрук ничуть не возражал.

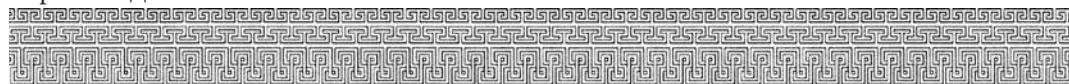
Огромный, насыщенный дневным светом зал был полон. Просторная сцена без занавеса и кулис словно пьедестал возвышалась над залом. Хмурое жюри восседало в первом ряду партера за скучным длинным столом. Все сплошь с желчными лицами, опущенными глазами, локтями, агрессивно выставленными на суконной скатерти. В наступившей тишине барабанщик отстучал такты, и Андрей с звонким «Ре» в голове вдруг сипло дал «Си бемоль», благо для исполнения этих двух нот нужно нажать один и тот же пистон. «Петух» кукарекнул, хлопнул крыльями и, сгорбившись, виновато затих на жердочке. «Лаж», — отчетливо произнес кто-то из сидящих в зале. Под недоуменные взгляды публики Андрей дирижерским тоном негромко обратился к обмершему барабанщику: «Еще раз, пожалуйста, с начала». — «На бис», — пояснил тот же голос из зала...

Конкурс они не выиграли. После этого памятного случая Андрею в ансамбле дали беззлобное прозвище «Солист», справедливо при этом признавая, что свою партию «на бис» он исполнил замечательно, с нотками печали и надежды, отчего пьеса в целом только выиграла. Так он сделался солистом, индивидуальностью. До «французского рожка» оставался лишь еще один уверенный шаг. Он поступил в музыкальное училище по классу валторны и блестяще его закончил.

ЖЮЛЬ ВЕРН ОТДЫХАЕТ ГДЕ-ТО В АМАЗОНИИ

Козьмина шла, считая шаги. Раз, два, три... Интересно, если идти долго-долго не поднимая глаз, то под ногами наконец зашуршит трава, замельтешат, кланяясь головками, полевые цветы, застрекочут кузнечики. День сменится ночью, а она будет шагать, не поднимая головы — суглинок, речная галька, дюны, заросли можжевельника, опять тротуары, потрескавшаяся от засухи земля. Ливни, грозы, ураганы зашумят и загрохочут вокруг, листья камыша будут хлестать ее по лицу, паутина будет обволакивать ее плечи, ветви деревьев расступятся при ее приближении, гады и пресмыкающиеся будут почтительно исчезать, заслышав ее шаги, тропинки стелиться в нужном ей направлении. Будут грохотать поезда и гудеть самолеты, стонать пароходы и тархтеть автомобили. Космические корабли будут обильно обдавать ее своими дымами и натужно взлетать, бесстрашно убегая ввысь. Озабоченная





лошадь, тянущая ей навстречу повозку, ритмично поцокает для нее копытами. Горы и впадины не остановят ее. Архипелаги и небольшого размера континенты будут внимать ее шагам. Потом станет очень холодно, изморось превратится в снежную пыль, под ногами захрустит снег. Серые, безжизненные, покрытые ледяной коркой валуны будут молча и вежливо предлагать ей взять немного правее или левее. Папа-пингвин, высиживающий драгоценное потомство, будет провожать ее удивленным взглядом. Козьмина зашагает над бездной вод, будет ступать над волнами, не ощущая их ледяного дыхания. Она будет попирать стопами ледники и айсберги. Огненная Земля, Патагония, Анды, плантации коки, дурманящий зной Амазонии и освежающие ветры Панамских равнин. Она прошествует через Большой Каньон и ледяные пустыни Лабрадора. Где-то в районе Ньюфаундленда она минует место, откуда появляются облака, рождаясь из моря там, где теплый Гольфстрим ласкает холодное Лабрадорское течение. Облака будут стелиться над морем, медленно подниматься вверх, ползти к берегу, все выше и выше воспаряя над землей. Облачата научатся летать, нагуляют тучность, станут взрослыми облаками и тучами, они будут медленно уноситься ветром вдаль и ввысь, не давая зачахнуть круговороту воды в природе. На ее пути, наверное, возникнут тундра и тайга, брусчатка и хайвей. Ей будут сигналить велосипедисты, кричать вслед продавцы хот-догов, совать в руки проспекты рекламные агенты. Биг-Бен, словно огромный будильник, пробубнит ей о наступлении утра. Она же будет упрямо считать шаги: пятьдесят два миллиона триста двадцать пять тысяч сто пять, пятьдесят два миллиона триста двадцать пять тысяч сто шесть. Под ногами опять запружинит горячий асфальт ее улицы...

Козьмина подняла глаза. Она заметила Володю, сидящего на скамейке у подъезда и, вероятно, поджидающего ее.

НЕМНОГО О ПОЛЬЗЕ ВАЛТОРНЫ

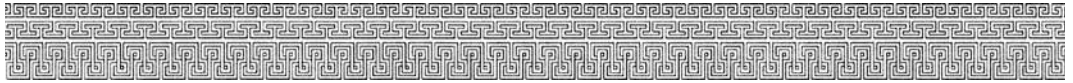
— А, Володя. Это вы. Здравствуйте, — проговорила Козьмина чуть хрипловатым голосом. — Хорошо, кхм, что пришли. Вы давно меня ждете?

— Здравствуйте, Константина! — Андрей вскочил. — Шел с репетиции. Дай, думаю... Я звонил вам, и ваша мама... Вот. А потом я оставлял вам сообщения...

— Да-да, Володя, я в курсе...

— Константина!..





— Володя, меня зовут Козьмина.

— Козьмина... Хм, ну что ж, очень приятно. Но я тоже, знаете, не Володя. Я вам объяснял по телефону...

— О-о да, я слышала. И вы так долго мне объясняли, что вы не Володя, что я как раз успела привыкнуть к тому, будто вы Володя и есть. Давайте, для меня вы останетесь по-прежнему Володей. Лишь для меня. Хорошо? Мне так удобней.

— Странно как-то...

— Володя, что это? — перебила Козьмина, коснувшись лежащего на скамейке футляра.

— Кон... Козьмина, я забыл сообщить вам одну вещь. Простите меня, — Андрей в волнении присел. — Театр, в который мы с вами ходили, был выбран мною в тот вечер не случайно. Я работаю в «Соплеменнике», в оркестре, первая валторна.

— Валторна?! — Козьмина всплеснула руками, глаза ее расширились, голос приобрел мягкость и чистоту. — Вы играете?! На валторне?! — она слегка запнулась, потом продолжила. — Боже. Боже! Как интересно! Володя, я непременно хочу вас послушать. Вы ведь не откажетесь сыграть для меня?

— Для вас? Ну, конечно, Козьмина! Проще простого. Сегодня вечером у меня игра. Соло. Очень кстати. Хотите, пойдем опять? Только на этот раз я буду сидеть в яме, в оркестровой, а вы в зале.

— Конечно! Конечно! Замечательно! Мы сейчас поднимемся ко мне, посидим, я вас угощу мамиными пирожками, потом я переоденусь, и мы вновь пойдем в театр... Театр, это ведь так замечательно! Правда? Давайте! Давайте, я вам помогу. — Козьмина безапелляционно ухватила футляр и прижала его к груди. — Что ж вы сидите? Идемте!

НЕМНОГО О ПОЛЬЗЕ ШАХМАТ

— Пирожки. Приступайте.

Козьмина поставила на журнальный столик блюдо с угощением, вышла из гостиной и удалилась в глубину спальни. Оттуда стали слышны возня, шуршание и глухое постукивание — она, очевидно, приводила себя в порядок.

Андрей огляделся: все вещи несколько недружелюбно, словно изучающе уставились на него. Лишь ходики глядели открыто, по-свойски, в каком-то затаенном ожидании. Гость намек понял, подошел к противоположной стене, подвел



стрелки на скучающем циферблате и, потянув за цепочку, запустил время. Ходики восторженно, благодарно затикали, застучали; комната ожила, по ней пронеслось какое-то неуловимое дуновение, по стене и потолку прошмыгнула озорная стайка солнечных зайчиков, в спальне что-то грохнуло, вероятно, с антресолей упала коробка с обувью. Козьмина неясным светлым пятном показалась в прихожей и опять исчезла. Ее присутствие начало ощущаться с другой стороны, за стеной, — сдержанные вздохи, причитания, недоуменное фырканье, словно по квартире слонялась не сама хозяйка, а домовой. Полилась вода, зашумел вентилятор, хлопнула форточка. Андрей пожегся и вынул мобильник:

— Але, Гарий Игнатъевич.

— Привет. Ты в порядке? Сегодня у тебя соло, помнишь?

— Помню. Хотел спросить... Э-э-э, можно я свою даму еще раз приведу? Я уже с ней объяснился. Она одна тихонько посидит в публике, а я уж — как положено.

— Тихонько? Уморил!.. Впрочем, конечно же, не возражаю. Дело святое. Пропуск возьмешь у Стилягина. Только умоляю вас, не попадайтесь на глаза Зарубич. Загрызет! У нее трудная роль сегодня. Пощадите! И вообще, ради бога, скажи ей, чтобы была помягче с коллективом, если вдруг что. Раннимый ведь народ. Могут и запить без предупреждения. Артисты, одним словом... В остальном это даже хорошо, что она сегодня будет. Для такой ты у нас соло-вьем запоешь! Музу ты себе нашел — будь здоров!

— Вот и я о том же! Большое спасибо, Гарий Игнатъевич! До встречи.

— Пока.

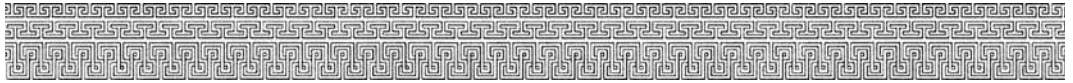
Андрей схватил пирожок, прошелся по комнате, пробежал глазами по корешкам книг на полках. Пожевал, удовлетворенно помычал. Услышал шуршание платья за спиной и повернулся — увидел Козьмину, стоявшую на пороге гостиной. Увидел и потерял дар речи. На ней было великолепное длинное до пят, черное с блестками вечернее платье. В ушах сияли серьги. Легкий налет косметики придавал ее лицу загадочность. Она была очень уж хороша в этот момент. У Андрея перехватило дыхание.

— Как видите, лодыжки надежно укрыты, — насмешливо произнесла Козьмина, церемонно проходя в комнату. — У вас есть *еще* какие-нибудь критические замечания?

— Мне кажется...

— Ешьте пирожок, не отвлекайтесь. Скажите лучше, как вы относитесь к вашему инструменту? Вы одушевляете его? Вы разговариваете с ним?





— С кем? С валторной, что ли?

— С ней. Она ведь озвучивает ваши чувства, не так ли?

— Хм. Это слишком громко сказано... Она замечательный товарищ. Чуткий. Если мне грустно, она успокаивает. Подбадривает...

— В моменты уныния, слабости стонет и плачет вместе с вами. Так?

— Как вам сказать... Это ведь еще от партитуры зависит... Графиня выходит на балкон, в глазах слезы, невидимые струи дождя стекают по лицу. Он не пришел. Должен был явиться и не явился. Кто — не важно. Хороший человек, бравый, обходительный, душевный. Графиня плачет, однако атмосфера в зале в целом все же пресная какая-то, обыденная, равнодушная. Графиня вот уже стонет, рыдает с подвизгиваниями, а публика все равно скучает. И тут вступаю я. Вступаю с дрожью в тембре, трагично, торжественно — озвучиваю ненастье, стенания, безысходность... Я, кажется, хвастаюсь.

— Есть немножко, но вам это идет... Шахматишки?

— Что? — Не понял Андрей.

— В шахматы вы играете?

— Я больше на валторне.

— В это вы сегодня успеете наиграться, — Козьмина вынула из горки шахматную коробку, легко и звучно потрясла ею. — Пока же, я вижу, у нас в запасе еще куча времени, а у меня, к сожалению, нет ни «Марио», ни «Соника». Или что там сейчас в прокате?

— «Наполеон», кажется. Бродилка по горячей Москве 1812 года. Беженцы, руины, копоть...

— Чумазый Кремль, брошенная Царь-пушка, — подсказала Козьмина.

— Давайте в шахматишки, — согласился Андрей.

— Учтите только, если я выигрываю — вам придется научить меня играть на валторне.

— А если выигрываю я — мы с вами переходим на «ты».

— Идет. Расставляйте фигуры. Я, как вы понимаете, судя по общему настроению моего наряда, играю черными.

— Ладно. Ваши — Чапаевцы, мои — психические. Идут в атаку медленно, уверенно и обреченно. Падают гордо и аккуратно.

— Черные жертвуют пешку, в образовавшуюся брешь выкатывают пулемет и выигрывают... Ну же, начинайте.

— Тэкс, сверхзадача... Нужна непредсказуемость хода, неоднозначность его оценки противником... «e2-e4»! А?! Что вы на это скажете?



— Что тут скажешь? Вы, главное, не волнуйтесь, держите себя в руках. Если меня рассмешит ваш ход, я буду смеяться над ним беззвучно. Вы даже не заметите... «е7-е5»!

— Скажите, вы себя какой фигурой представляете? Королевой?

— Ферзем, юноша, ферзем! Он мужского рода, независим и решителен, а вовсе не «жена» этого мнительного, постыдно рокирующегося ничтожества.

— Вашему ничтожеству как раз пора рокирнуться.

— Обойдется. Я представляю себя пешкой, которая всегда первой бросается вперед, зная, что ею легко пожертвуют в ходе дебютной заварушки, выступает в самый центр, догадываясь, что не доживет до десятого хода.

— Ну, значит, я тогда слон — трублю призывно и воинственно... Вы уже беззвучно насмеялись? Сейчас будете внутренне дрожать. Вам шах.

— А-ах! Что характерно, слонем. Я в смятении! В ужасе! Вы, Володя, прямо агрессор какой-то!

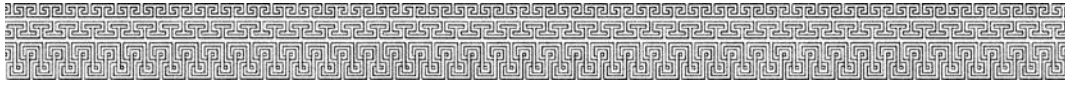
— Конь с4 на b6... Ты проиграла.

V

Школьником Сережа не любил математику. *Нелюбовь* эта была неразделенной, ибо математика, напротив, любила его очень сильно, давалась ему легко и непринужденно. Ввиду своей бестелесности, она подкарауливала его где попало, когда попало, надоедала, беспокоила, мучила своими формулами, задачами, теоремами. Кроме того, в Сережу были влюблены химия и физика. География его обожала. Биология строила ему глазки. Музыка, не находя слов для выражения своих чувств, исполняла для него Песни Мендельсона. Другие учебные предметы пионера Сережу тихо уважали. Из списка почитателей Сережиных талантов выпадала лишь литература, которая была к нему настороженно снисходительна.

Да бог с ней, с литературой. Учитель математики вызывал его к доске с большим удовольствием, предваряя обычно ответ Сережи небольшой пристрастной речью: «Сумма углов треугольника всегда равна 180 градусам. Удивительно, не правда ли? В чем же тут секрет? Послушайте внимательно...», — и так далее. Было бы очень смешно, если бы Сережа в конце этой речи заявил: «я, лично, не знаю, в чем там секрет, забыл выучить». Нонсенс! Преподаватель был абсолютно уверен, что знает, и если даже не выучил, то, по крайней мере, бегло прочел и суть усвоил. И Сережа никогда не подводил. Никогда. В такие



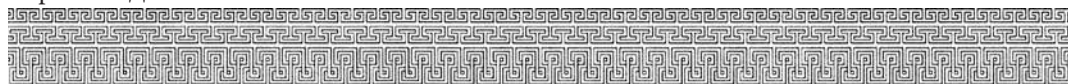


моменты он чувствовал себя Пифагором и Цицероном одновременно. Водил указкой по доске очень картинно, жестикулировал, выпендривался. Впрочем, последнее из определений обычно исходило от недоброжелателей, из которых ни один не приходит сейчас на память. Картинность монологов переросла в театральность, драматизм после того, как в класс пришла новенькая — светловолосая бойкая девочка с большими выразительными глазами, чувственными губами и тонким с горбинкой носиком. Она часто и заразительно смеялась, была необычайно общительной и жизнерадостной. От этой заражающей жизнерадостности Серезины жестикуляции у доски приобретали черты глубокого артистизма. Бенефисы постепенно распространились на уроки физики, химии и даже литературы — дамы строгой, но справедливой. Его направленные старания вскоре достигли цели. Выяснилось, что новенькой именно такие мальчишки как раз и нравились — смышленные, с чувством юмора, уверенные в себе. Именно такие подпитывали, обозначали ее энергичность и оптимизм.

В восьмом классе они уже сидели за одной партой, понемногу приглядывались друг к другу, спорили, кокетничали, часто с интересом обсуждали какую-нибудь потрясающую новость, сдвигаясь при этом поближе и соприкасаясь коленками.

В девятом классе они поцеловались. Ни с того ни с сего. Стояло вовсе не прекрасное и совсем не ясное, но сумрачно-зимнее утро. Прозвенел звонок на первый урок, все расселись по своим местам, один лишь только преподаватель, главный винтик учебного процесса, почему-то отсутствовал. Задерживался и не шел. Не шел и не шел. Класс, выждав контрольную минуту, помедлив самую малость, возбужденно зашумел, задвигался. Павлов, хулиган и двоечник с последней парты, застрельщик всякого безобразия, вскочил первым, подбежал к двери, открыл ее и выглянул в коридор. Не обнаружив в коридоре никаких признаков жизни, притворив дверь, он бросился к выключателю и погасил свет. Заоконные чернила жирной кляксой плюхнулись в самую середину классной комнаты, растеклись по стенам, испачкали потолок. Загрохали крышки парт, полетели портфели, послышались топот, пение, мяуканье, визг, вой. В утренней полутьме всеобщее ликование крепло и разрасталось с каждой минутой, достигая опасных уже пределов. В общем смятении и разгуле Сергей и его соседка, казалось, не принимали никакого участия. Казалось. На самом деле темные мысли бродили и в их светлых головах. Сидя строго прямо, не поворачивая головы к соседу, она каблучком своего полусапожка пихнула его ботинок и весело поинтересовалась:





- Как тебе нравится эта Варфоломеевская ночь?
- Ночь как ночь, бывало и похуже, — заметил Сережа.
- С ума сошли, — не знала, что добавить она.
- Дураки все, — не знал, что ответить он.
- А мы что же, умные? — удивился из кромешности ее голос.
- И мы тоже дураки, — заверил темноту Сережа.

Он повернулся к соседке и скоро потянулся губами туда, где в обманчивом полумраке маячила ее щека. Потянулся и неожиданно наткнулся на ее губы — вероятно, в этот самый момент ей пришла в голову та же идея. «Ой», — в один голос сказали они и в испуге отпрянули друг от друга. Каждый заворожено застыл, завис в бушующей, стонущей темноте, гадая о переживаниях *сопоцелуйника*, мысленно оценивая собственные ощущения. Немного порассуждав, прикинув варианты и успокоившись, оба молча, без взаимных консультаций решили продолжить. Но тут, как назло, включили электричество, ток рванул по проводам, наступило отрезвляющее и укоризненное Варфоломеевское утро. Густой и яркий свет, противный и безжалостный, расставил все заколючки над «й». В класс церемонно вошел хмурый педагог, недовольно повел глазами, покрутил носом, попросил стереть с доски не относящиеся к предмету письма и начал урок, длинный, монотонный и нудный.

— Как это мы с тобой припечатались? А? Без повода и объяснений. Нехорошо! — шептал украдкой Сергей соседке, окая в последнем слове.

— Боже, какие мелочи! — краснея, шептала она в ответ.

Преподаватель методично открывал и закрывал рот, рассуждая о невыносимых глупостях.

— У нас что же теперь, любовь? — тихо выяснял он.

— А я знаю? — еще тише недоумевала она.

Они искали ответы на оба этих жгучих вопроса очень долго, лет шесть, — ссорились, мирились, охладевали и загорались, расставались и встречались. Во время одной из их послешкольных разлук она сгоряча, второпях попыталась выйти замуж. Сергей, твердо и принципиально выдержав паузу, ровно через месяц после назначенного дня ее бракосочетания позвонил ей и поинтересовался:

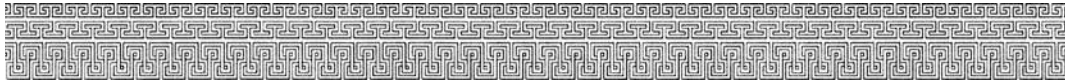
— Ну, как твой муж?

— Объялся груш, — последовал ответ.

— Когда же он умудрился объесться?

— За четыре дня до свадьбы он лишил меня наивности. Мы не сошлись во мнениях по вопросам семьи и брака.





— У вас, что же, была жаркая дискуссия?

— Очень жаркая. Он страшно расстроился, особенно, когда я выпихнула его за дверь. А моя мама вслед ему еще добавила, что... впрочем, в основном нецензурные вещи. И я сразу успокоилась: «Конь с возу — бабе легче»

— По-моему, наоборот.

— Это, по-твоему. Слушай, давай встретимся, что ли. Я тебе пожалуюсь, ты меня пожалеешь. У тебя хорошо получается.

— Боюсь, на этот раз получится плохо. Тебя ведь уже лишили наивности.

— Не цепляйся к словам. Жду.

Их сердца в очередной раз запыхали взаимными симпатиями, они вновь сошлись и продолжили мучительные поиски двухвопросной истины с тем же предсказуемым результатом.

Последующие попытки ее замужества заканчивались похожим образом с небольшими лишь вариациями. Очередной будущий муж, например, судьбоносно наедался груш месяца аж за полтора до предполагаемого дня свадьбы.

Закончились посторонние мужчины, пришла Сережина очередь. Нет, неверно, — его очередь прийти не могла по определению, ибо он в ней не стоял и не занимал. Очередь была сама по себе, он — сам по себе. Он лишь дежурил в этом магазине добрых надежд по праздничным и выходным дням.

— Ты человек проверенный, надежный. За тебя выходить не страшно, — рассуждала бывшая одноклассница, сидя у Сергея на коленях в домашнем халатике.

— А мне тоже должно быть не страшно? — интересовался он, нежно и нервно поглаживая ее открытую голяшку.

— Ну, как тебе не стыдно! — обижалась она.

— К тому же, я обожаю груши, — сообщал он.

— Ну, как тебе не стыдно! — обижалась она.

— Ты меня любишь? — спрашивал он.

— Ну, как тебе не стыдно! — обижалась она.

Окончательно пристыженный, он все же осмеливался задать еще один вопрос:

— Я разве уже сделал тебе предложение?

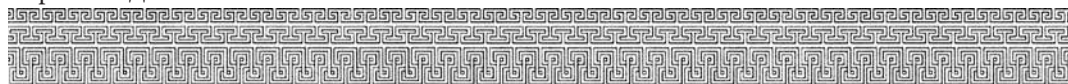
— Ну, как тебе... *Что* ты мне сказал вчера?! *Что?!* Вспомни!

— Э-э-э... Так больше продолжаться не может.

— «И после этого вы говорите, что вы не эмигрант?..»

— Действительно, теперь припоминаю... Сказал, что люблю... И ты тоже сказала, что любишь...





- Что люблю ужасно, — уточняла она.
- «Ужасно» в данном случае не подходит.
- Ну, как тебе не стыдно!
- Все-все!.. Родителям нужно сообщить.
- Они ждут, я им уже намекнула.
- И моим?
- И твоим тоже.

В разогретом воздухе растерянно носились хлопья тополиного пуха, назойливо и тревожно пахло грушевым цветом. Сергей в сопровождении двух товарищей вышел из лимузина, приблизился к знакомому крыльцу и постучался. Ему открыли без глупых вопросов и заглядываний в дверной глазок. Молча пригласили пройти. Дом невесты был полон яркого, контрастного света, показушной суеты и виноватых взглядов. Сама виновница торжества по неизвестной причине отсутствовала. Лишь на стене гостиной в строгой раме, как напоминание, оставался висеть ее портрет из выпускной виньетки. Ее лучистые глаза на фото игриво и беспечно смотрели куда-то немного в сторону и вдаль.

- Присядьте, — строго предложили им.
- А как же невеста? — глупо поинтересовался жених.
- Присядьте, — учтиво повторили приглашение домочадцы.

Тройка покорно присела, но Сергей тут же ошпарено вскочил и с негодующим видом принялся расхаживать по гостиной, избегая зрительного контакта с портретом.

— Для информации всех присутствующих, — с ораторскими нотками в голосе сообщил он, обращаясь к родителям невесты. — У нас с вашей дочерью всегда было полное взаимопонимание в вопросах семьи и брака. Поэтому я не понимаю, куда она могла подеваться.

- Задерживается, — смущенно ответили ему.
- Где же? — хором вопрошала троица.
- Подобных вопросов жениху перед свадьбой задавать не следует.
- А с ума сходить от внутренних переживаний жениху следует?! Ответьте мне!

— Присядьте, молодой человек, — шутивно-официальным тоном мягко посоветовала мама невесты, пряча улыбку. — Не кипятитесь. Выпейте газировочки.

— Ой, — тихо сообщил друзьям Сергей. — Я, кажется, объелся груш, и мне сейчас станет нехорошо



— Да ты присядь, в самом деле, остынь, — внушали ему товарищи. — Может все еще обойдется.

Все действительно обошлось. Невеста, загнанно-взмыленная, прибежала через полчаса из парикмахерской; как удила, кусая локон, под прикрытием живой стены из женских нарядов, на ходу ловко сбрасывая туфли, она с восторгом и яростью заскочила в будуар. Пали сердитые чары, рухнули злые оковы. Принцесса на этот раз волшебным образом вышла замуж.

Они прожили вместе, душа в душу четыре года. Дольше было никак нельзя — на дворе стояли лихие девяностые. Очень многие милые, привлекательные, разочаровавшиеся в способностях своих мужей к содержанию семьи женщины уходили к более успешным, энергичным и надежным индивидуумам в поисках счастья и покоя.

«У моего Сережи все есть: и ум, и чувство юмора, и пылкость, — говаривала его жена подругам. — Вот только путевость у него пониженная».

Она ушла, оставив все, и теперь счастливо жила с новым мужем далеко-далеко, где-то аж в Испании.

* * *

Огромный пыльный кирпич города остывал неторопливо, неохотно. За высоким окном белесо-серое небо заливалось болезненным румянцем. Сергей в задумчивости полеживал в своей комнате, медленно погружаясь в остывающий шоколад сумерек. Из отдаленных глубин вечерних улиц доносился оживленный гул, это просыпалась и прихорашивалась ночная жизнь. Льющийся из колонок голос Питера Гэбриэла напевно и сварливо рассуждал о гигантском борщевике с российских холмов, вероломном и неистребимом завоевателе европейских просторов. Питер сетовал на недальновидность государственной политики в области растениеводства, гневался и призывал к мщению. Виновник Питеровых дум, борщевик неожиданно материализовался, токсично откашлялся и засмеялся шелестящим растительным смехом, бесцеремонно потянулся к Сергею своими отростками, обвивая его ступни, хватая за лодыжки. Сергей брезгливо выпростал ноги из цепких объятий гадкого сорняка, вскочил, рванулся в звенящий сумрак и там, в душной темноте наткнулся на таинственную преграду — дверь, за которой отдаленно и узнаваемо дребезжал телефон. Кто-то с другой стороны, расслабленный и неторопливый, прошаркал ногами мимо, унял дребезжание и неразборчиво



гукнул. Гукнул опять. «Кен, — догадался Сергей. — Англичанин». Подтверждая его догадку, Кен вежливо, но настойчиво постучал в дверь: «Серж, это тебя. Кажется, издалека». «Плохой сон, — подумал Сергей, окончательно просыпаясь. — Тяжелый, — он зевнул, потянулся и предыдущую мысль зачеркнул. — Ерунда, все нормально. Вероятно — к борщу на ужин».

— Спасибо, иду, — в подражание квартиранту шаркая ногами, он вышел в коридор и взял трубку. — Але.

— Узнаешь?

— Узнал... Как там... мм-м... Бискайский залив?

— Какой залив? Ах, этот! Не знаю. Так занята, в окно выглянуть некогда.

— Зачем звонишь тогда, если занята?

— Сейчас я уже освободилась. Вот, решила тебя проведать. Ты спал?.. Ах, ну конечно, слышу: «Дженезис» твой играет, из раннего что-то. Мечтаешь все. Насколько я помню, ты обычно слушал «Дженезис», когда у тебя возникали трудно-разрешимые казусы. Что у тебя там стряслось? Не лги мне. Я все уже вычислила.

— Когда ты успела?.. Хм, как тебе объяснить...

— Как? Ну, давай, помогу... Ты, наконец, нашел стоящую даму. Зная тебя, предположу, что ты, конечно же, заторможено ходишь вокруг нее, исполняя какой-нибудь дурацкий брачный танец, вместо того, чтобы просто подойти и пригласить ее в кино или в ресторан. Так?

— Неверно ты трактуешь.

— Ах, неверно... Пока ты бродил кругами, кто-то другой уже догадался, что ей нужно, ходит с ней на премьеры и пьет шампанское. Ошибаюсь?

— Вот это я еще не выяснил... Ну, хорошо, раскусила. Сколько я тебе должен за сеанс ясновидения?

— Дерзишь. А ведь я тебя любила, балбеса. Может, и сейчас люблю.

— Брось. Мы об этом рассуждали тысячу раз.

— Это я рассуждала, а ты отмалчивался. Мог бы меня и опровергнуть хоть когда-нибудь. Соглашатель. Оппортунист. Может быть, некоторые вещи я в сердцах говорила, не подумав.

— Да ладно тебе... Как *твой* там?

— Мой?.. Мой. Слово-то какое. Вот *ты* был мой, — плохой, хороший, но мой. Я это ощущала. А этот — будто из телевизора: «Дорогая, как ты думаешь... Милая, ты не возражаешь, если...» Тьфу! Прям, как нерусский.

— Ну и скажи ему таким же тоном: «Милый, если тебе не трудно, во-первых, называй меня Дусей, мне так удобнее. Во-вторых, будь добр, прекра-



ти переводить свои фразы с английского! Шпарь сразу на родном, в первоисточнике, меня это больше возбуждает».

— Нет, Дуся у меня был ты, и я у тебя. Повторяться не хочется... Две Дуся в одной семье! Кошмар! Как мы жили!? Как мы... Слушай, у меня неделя свободная. Давай, я приеду. Твой англичанин еще живет у тебя, я слышу. Поселишь меня в гостиной, а лучше... устроим неделю воспоминаний. Я соскучилась по нашей спальне.

— То ты занята, то ты свободна! Не пойму я!

— Ой, не тем я занята. Хочу бросить все на недельку. Домой хочу.

— Ну и езжай к родителям.

— А-ах! Прогоняешь, значит?! Из собственного дома! А может, дом у меня — это ты. От родителей я устану в один день. С их советами...

— Да уж, я советов давать не буду.

— А ты дай! Дай мне совет! Один раз. Присоветуй. Что ты все соглашаешься?.. Женщину завел.

— Да не завел я! Хожу кругами, танцую брачный танец. Сама же сказала.

— Так. Вот я приеду и посмотрю. Разберусь. Надо глянуть, если завтра есть вечерний рейс. И не спорь со мной! Советовать начнешь послезавтра... Ну, все. Уберите там немного. Эта западная молодежь — все такие пофигисты, я же знаю. Представляю себе, какой у вас там ренессанс в квартире. Одним словом, приведите себя в порядок. Лечу.

Сергей положил трубку и нарочито громко произнес:

— Ну, как вам это нравится!

— Нравится, — робко ответило эхо.

— Дружище, ты не прав! — крикнул Сергей.

— Прав! — упорствовало эхо.

— Почему ж я тогда такой несчастный?! — иронически вопрошал он.

— Несчастный, — согласилось эхо.

— Несчастный, потому что дурак! — громко начал цитировать бывшую жену Сергей. — А у дураков счастья не бывает!

— Бывает, — неуверенно возразило эхо.

Сергей умолк и непроизвольно предался воспоминаниям. С логическим заключением жены относительно доступности счастья для некоторых категорий населения трудно было не согласиться. Она всегда умела подобрать нужное слово, нужное определение — простое, выразительное, меткое. Возражать ей чаще всего не стоило, да и не хотелось. Начнешь спорить, она еще



пару фраз добавит — тоже метких и тоже выразительных. Всегда лучше было проявить покладистость; тогда за сговорчивостью сразу следовало примирение, после примирения приходили шутки, за шутками являлась любовь. Правда, такая тактика соглашательства работала недолго. Семейная жизнь разгоралась всерьез, юмор и нежности часто оказывались не к месту, споры начинали затягиваться. Обычно через какое-то время после начала размолвки жена, подозрительно глядя Сергею в глаза, возмущенно делала открытие:

— Ты это специально соглашаешься, чтобы я от тебя отстала! Я вижу!.. Черствый, негуманный гуманоид! Сейчас же опровергни меня. Ну!

— Если я начну опровергать, мы не закончим до утра.

— А если мы закончим сейчас, я до утра буду плакать — внутренне. Объясни мне, почему ты такой невнимательный человек?

— От любви к тебе я становлюсь рассеян.

— Поэтому, когда я прихожу, забываешь взглянуть на меня и спросить, чем я так расстроена. Это любовь по-твоему?

— Ну, я же знаю, отчего ты расстроена.

— Правильно, от твоей нерасторопности. Ты уже нашел контракт получше? Ты прекрасный программист. Талант! А чем ты занимаешься у этого Мезозоева?

— Мазаева.

— Я знаю. Его программе уже сто лет. Ты сидишь, латаешь дыры, обслуживаешь этот Код да Винчи. Сам же говоришь: кругом куча новых технологий.

— Я и осваиваю эти технологии. Делов-то.

— А тебе платят за это? Когда ты собираешься стать деловым человеком? Твой Никодим уже кандидатскую пишет. Ты, разве, хуже его?

— Я не люблю теории, ты же знаешь. Мне интересней заниматься прикладными вещами.

— Все, надоело спорить! Я столько времени рассуждаю о твоих профессиональных проблемах, что скоро сама начну программировать...

Здесь супруги переводили дыхание, наступал момент для рекламной паузы, неожиданного поворота темы. Следующий шаблон срабатывал устойчиво, но не всегда:

— Дуся, что же ты так растревожилась? Было бы с чего! Давай, я лучше тебе песенку спою: «Оранжевое небо, Оранжевый верблюд...» Я как раз струны новые купил.

— Негодяй. Используюшь мои слабости в личных интересах.

— А я плохо спою, невыразительно. Чтобы ты не совсем растаяла.



— Ну, хорошо. Допустим. Но ты меня должен очень сильно любить, не отвлекаться, а то скоро не останется сил так жить.

— Вот я тебе прямо сейчас и докажу! Хочешь, выйди на балкон, а я спущусь вниз и тебе оттуда спою.

— Нет уж, достаточно. Хватит с меня прошлого раза. Ты собрал вокруг себя пол-улицы, а я как дура стояла на балконе совсем непричесанная.

— Зато я полтинник тогда заработал. Все мелочью и одна купюра. Шоколадку тебе купил. Вкусно было?

— Очень.

— Я же помню: шоколад черненький должен быть, а начинка светленькая.

— Ты однажды принес мне что-то большое, несуразное, все в молочном шоколаде, и я подумала: «ну вот, разлюбил».

— Мне показалось, что тебе хочется чего-нибудь новенького.

— Новенького не нужно! Я однолюб...

«Черт, если проблемы возникают одна за другой, нужно их все собрать в одну кучу и разбираться с ними одновременно», — подумал Сергей. «По моему — так», — вдруг приглушенно сообщил Винни-Пух голосом Евгения Леонова. «Действительно — так», — заключил Сергей и пошел на голос. Кен отдыхал в гостиной, развлекая себя видео сборником «Союзмультифильма».

— Серьезная вещь, — одобрил Сергей, усаживаясь рядом и кивая на экран.

— Это ты кричал? — вяло поинтересовался Кен.

— Я, — легко согласился Сергей. — Разрабатывал голос. Завтра выступаю на митинге в поддержку финансирования исследований по проблеме искусственного дождя... Кроме того, Кен... Кен! Внимание! Нажимаем «паузу» ... Вслушайся в мои слова. К нам едет гость. Издалека. Из Европы. Будет смесь планерки, симпозиума, фестиваля, цирка, бал-маскарада и вечеринки по случаю дня рождения. Будет весело и сумбурно. Придется попеть под гитару. Предлагаю по такому случаю устроить небольшой прием... Что-то твои друзья в последнее время гурьбой не заходят, все как-то поодиночке. В чем дело?

— Им всем стыдно. Мы так сильно набедакурили в последний раз. Они боятся, что ты зол на всех.

— Я не зол. У меня тогда был небольшой стресс совсем по другому поводу. Просто твои друзья явились очень некстати, и своими буйными посиделками этот стресс усилили... Тебе, наверное, будет странно услышать следующий совет от русского человека, но пить надо культурно. Не мешать красное с игристым. В остальном — все пустяки, дело житейское, как говорил Карлсон.



— Кто такой Карлсон?

— Знакомый. Из Швеции. А приезжает моя бывшая жена. Проведать нас с тобой. Соскучилась.

— *Николина?* Ты мне о ней рассказывал.

— Это я не рассказывал, я тебя только слегка проинформировал. Ты ее еще живьем не видел. Вряд ли ты сейчас осознаешь степень затруднительности нашего с тобой положения. Нам на время визита нужно преобразиться внутренне и внешне, изменить стиль жизни, привычки, пересмотреть свои принципы и убеждения. Для начала придется навести порядок в квартире. Так, как это бы сделала женщина — здешняя женщина, из глубинки. И самим принять божеский вид.

— Странно все, — заметил Кен.

— М-да, — вздохнул Сергей. — Я вижу, суть сказанного мною осталась за горизонтом твоих мечтаний... Но это не страшно. Суть явится тебе позже, она солнцем взойдет, когда я буду иметь честь представить тебе нашего гостя... Вот. Остальные детали выяснишь по ходу действия.

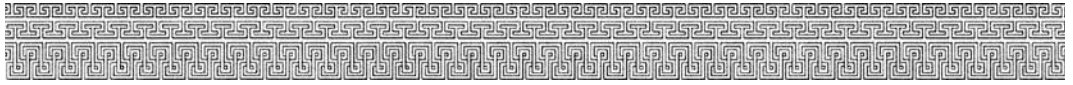
Сергей поднялся с дивана и еще раз взглянул на Кена, полулежащего в позе созерцателя. «Как легко живет таким созерцателям, — с завистью подумал он. — Если мысль неудобная, они ее не думают, они избавляются от нее, как от конфетного фантика».

VI

БЕНЕФИС КОЗЬМИНЫ

Действие постановки в двух актах с антрактом развивалось неторопливо, но эмоционально. Заслуженная артистка республики Изольда Зарубич успела уже два раза прослезиться и однажды безутешно расплакаться. Ее героине на протяжении двух картин явно не везло с собеседниками; носик у героини покраснел, глазки аллергически воспалились, кончик отсыревшего платочка в дрожащей ее руке трагически, безжизненно приник к запястью. Третья картина началась бурно и суматошно: загудели литавры, зазвенели смычки, замычала медь, дирижер Светин-Ланской в невольном веселом возбуждении энергично притопывал подбитыми на прошлой неделе каблуками, у арфистки Швецовой челка упала на брови, но откинуть ее в продолжение следующих полутора страниц партии не было никакой возможности, контрабасист Драгонетов бился не то в судорогах, не то в рукопашной схватке с





собственным инструментом; оркестр напряженно, восторженно и решительно изображал весенний шум, сирень, суету мыслей и томление души. Не подверженный томлению и суете художник по свету Иванов загрузил на сцену ясный, ослепительный день, моргнул ассистенту и вышел покурить. Действие вырывалось на широкий простор: полосы леса, пашня, разнотравье, удачно чередуясь друг с другом, формировали задний план, пашня была аккуратно распаханна безотвальным плугом, разнотравье, детально и красочно выписанное штатным декоратором Врубелевским, жаждало покоса. На сцену плавно выкатилась повозка, запряженная сценической лошадью. Лошадь косила на публику перевоплощенным глазом и умиротворенно пофыркивала.

Повозка, сделав круг по сцене, остановилась. Артистка Зарубич, поддерживаемая кавалером, подобрала платье, одухотворенно сошла вниз и ступила на обочину воображаемой дороги.

— Ах! Я в неопишемом восторге! Что за день! — нервически воскликнула она...

Козьмина заскучала. Володино соло ожидалось никак не ранее конца первого отделения.

— Я хочу спеть этот день! Я хочу его декламировать! — не унималась Зарубич.

— Надо же! Ну, ну! — восторженно воскликнула Козьмина. — Желаю послушать. Спой, светик, не стыдись.

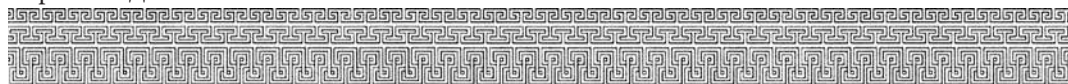
Зарубич сдержала обещание ровно наполовину и, успокоив ладони на высокой, задрапированной кремовым атласом груди, принялась интенсивно декламировать.

— Нет уж, увольте! — гневно сказала себе Козьмина, и мысленно выключила звук.

Затем, посидев некоторое время в покое, усыпив свое негодование, вдоволь насладившись тишиной, она неожиданно пришла в хулиганское расположение духа. Небрежно и щедро обмакнула воображаемую кисточку в самую гущу цветового спектра и, не примериваясь, не глядя, мазнула широким, замысловатым жестом. В нарисованных полях немедленно зарозовело, лицо заслуженной артистки тронул малиновый румянец утра. Беззвучно пошлепав губами, она вдруг заговорила-запела Козьмининым голосом.

Ой, да неутренняя, неутренняя ли заря,
Ой, заря, ой, да зорька,
Зорька разгоралась, разгоралась,

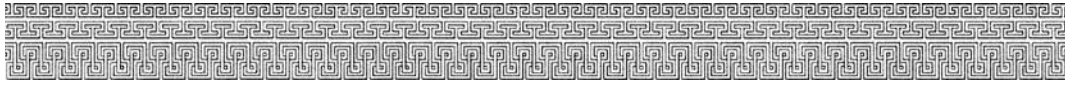




Зорька разгоралась, разгоралась,
Разгоралась да ой заря.

На зов мелодии по тайному приказу Козьмины на сцену в полном составе вышел ансамбль валдайских цыган под руководством заслуженного деятеля искусств Холмогорченко. Деятель страстно терзал гитару и покачивал курчавой головой в такт шуршанию широких юбок участниц ансамбля. Черноголовый ходил истово и дерзко, роскошно звенели мониста. Закончив исполнение, весь табор грациозно и плавно ушел в нарисованное небо, временно оголив вид на пашню. Козьмина взмахнула ресницами, — сценическая лошадь, еще немного потоптавшись у повозки, энергично мотнув головой, словно оковы сбросила упряжь, смачно и верблюдно сплюнула и двинулась завтракать в направлении разнотравья. Козьмина нащупала на подлокотнике кресла ручку настройки со шкалой, как у радиоприемника «Спидола». На шкале слева и справа таинственно светились лишь две метки: «свежо» и «жарища». Козьмина, не раздумывая, крутанула вправо до упора. На сцене немедленно зазвенел, запел горячий, шумный и пахучий летний день. Вспотевшая Зарубич в поисках прохлады картинно заметалась по сцене, кавалер неотступно следовал за ней, заботливо размахивая платочком у ее затылка. Раскрасневшийся суфлер недовольно завозился в своей душной засаде, неразборчиво проворчал какую-то отсебятину, шумно захлопнул текст, на корточках задом выполз из будки, поднялся на ноги, поклонился публике, порылся в боковом кармане, вытащил на свет карандаш и начал по-дирижерски им размахивать. Послышались жалобные, знойные звуки медленного марша. От лесополосы по пашне к передней части сцены выдвигался странный оркестр, целиком состоящий из дудуков. Раструб огромного размера басового дудука был поставлен на колесики, басист бережно катил этот громоздкий инструмент перед собой, не забывая пыжиться и надувать щеки. Завечерело. Музыканты продолжали играть отрешенно, закрыв глаза и покачиваясь из стороны в сторону. Вдруг дорога запылила-задрожала — откуда ни возьмись, словно бы издалека прискакал на сивке-бурке всадник-гусар, он лихо пришпорил конька у осиротевшей повозки со спящим кучером и, вскинув заплечную валторну, зычно протрубил вечернюю зорю. Потревоженный звуками сигнала, вскочил и засуетился осветитель. Пригасив общий фон, он поддал красно-кровоавого по-над пашней, в результате чего удачно сложилась сценическая иллюзия вечерней зари. Артистка Зарубич, сердцем ощутив закат, вдруг успокоилась и,





упав на грудь молчаливому кавалеру, попросила отвезти себя домой. Ввиду отсутствия гужевой тяги Козьмина отправила любовников за кулисы пешком и завершила действие третьей картины, погасив свет.

ВДОХНОВЕНИЕ КОЗЬМИНЫ

Она открыла глаза только тогда, когда услышала первые завораживающе-протяжные звуки Володиной валторны, голос которой, полный тревожной надежды и веселого отчаяния, разрастался все звонче и гуще. Валторна пела. Носы у публики взволнованно засопели, брови напряженно изогнулись, изломались, губы растроганно задрожали, роса умиления покрыла ресницы. Однако Козьмина явственно ощущала, что Володя в этот момент разговаривал именно с ней и только с ней. Он пытался объяснить ей что-то необычайно важное, трудновыразимое словами. Козьмину беспокоили и будоражили убедительность и настойчивость этих звуков. Они изливались очень понятно, знакомо, и ей почудилось, что ее внутренние музыканты проснулись и с интересом начали прислушиваться. Так оно и оказалось: вот, первая внутренняя виола робко зазвучала, вторя Володиному прекрасноразвучию, за ней все Козьминины струнники неожиданно в едином порыве безо всякой команды завибрировали, запереливались и смело подхватили мелодию. Ведомый Володиными пассажами, весь Козьминин оркестр вдруг заиграл уверенно и решительно, а она сама вначале лишь настороженно и тревожно внимала этому импровизированному концерту для внешней валторны с оркестром, с ее собственным одомашненным оркестром. Но мелодия ширилась, разгоралась летним днем, воздушно взлетала ввысь, парила облаком и ниспадала струями дождя. Музыка звучала так значительно, так пронзительно хорошо, что хотелось закричать от восторга, от ощущения гармонии и счастья.

АНТРАКТ КОЗЬМИНЫ

Плиссированные крылья занавеса стыдливо укрыли нагую белизну сцены. В зале зажглось электричество. Унизанное камнями паникадило вспыхнуло бесцеремонно и празднично, и от исходящего из него всепроникающего сияния всем стало немножко неловко за свои наивные переживания, вздохи и всхлипывания. Оркестровая яма потускнела, осела, как вынутый из духовки пирог; музыканты с потерявшими суровость лицами не спеша потянулись



к выходам. Андрей еще минуту оставался на месте, приходил в себя, медленно выпуская шасси и приземляясь...

— Эй, валторна, левая, — вполголоса позвал кто-то, плотно прильнувший к бортику ямы, словно хоккеист, которого подловили на силовой прием.

— Что значит, левая? — флегматично отозвался сосед Андрея.

— Ну, левая с моей стороны, — пояснил «хоккеист».

— А-а... Слышишь, правая валторна? Это тебя, — ухмыльнулся сосед, лгенько толкая товарища по партии в бок.

Андрей очнулся, поднялся с места, невнимательно подошел к бортику, принялся оглядывать зал, выискивая глазами Козьмину.

— Артист, ау! — незнакомец засуетился, вытянул шею, расширил глаза и задвигал головой, пытаясь наладить визуальный контакт. — Взгляни ж на меня.

— На каждого если глядеть... — заметил Андрей, продолжая отвлекаться.

— Мне поговорить надо! Я не задержу.

— Сейчас? — Андрей, наконец, обратил на «хоккеиста» внимание. — Вы кто?.. После спектакля не могу. Я с... с дамой. А в чем дело?

— Я знаю, что ты с дамой. Про это и хочу поговорить... Давай сейчас. Пять минут, по-быстрому.

— Не пойму, что это вы мне постоянно тыкаете?

— Ох, мамочки! Прошу нас извинить!.. — незнакомец отклеился от бортика и галантно поклонился. — Сергей Валентинович. Очень приятно. Позвольте узнать ваше имя-отчество.

— Ладно, завязали, — устало смягчился Андрей. — Какой ты, право, церемонный... Ну, хорошо, стой у буфета, жди. Я сам к тебе подойду.

КУЛУАРЫ КОЗЬМИНЫ

Если хочется душевности, сердечности, доброты, понимания идите в антракте в буфет, не пожалее. Чего медитировать, глядя на занавес? Зачем? Зачем обманывать себя и свой организм? Насмотрелись же, как купец Панкратов в первом акте, погладив бороду, садится за стол и душевно так говорит: «Принеси-ка мне, Герасим, ухи, значит, налимьей, блинов с икоркой да водочки!» Искренне очень говорит, естественно, талантливо! Когда Герасим приносит ему все, что заказано, он с не меньшим талантом, с искрой, начинает эту уху трескать прямо по Станиславскому, заливать водкой те блины, крякая от



удовольствия. А вы, зритель, сидите в зале, в темени и духоте и думаете: «Вот зараза! Черт! Натурально, как лопают! Хорошо хоть в антракте можно в буфет сбежать, приобщиться. Блинков, а тем более водки, конечно, не дадут, но сойдет и бутерброд с пивом...» И шампанское дамам, обязательно шампанское! Пусть все дамы пьют шампанское! Они от него становятся добрее, терпеливее и терпимее. Идите в буфет! Раньше буфетчиц звали Клавами, Шурами и Ленами. Теперь сплошь Виолетты, Зары и Натальи Александровны. У Натальи Александровны приталенные пиджаки и блузки с декольте. Когда Наталья Александровны открывают вам пиво и подают стакан, хочется упасть на одно колено, поцеловать им руку и пригласить в цирк... Ну, не в театр же их приглашать!.. Идите, идите! Виолетты и Зары теперь все ясны лицом, улыбки, предупредительны. Улыбаются так естественно, так сияют вам, что невольно приходит заблуждение, будто именно *ваши* стиль, *ваши* манеры и остроумие глубоко пленили их, несмотря на очевидную глупость таких фантазий. Шумит фойе, ломтик свежего хлеба вашего бутерброда прогрет в тостере, тост обильно намазан мякотью авокадо из Мексики, на авокадо наклеены кружки немецкого салами, на салами положены маринованный имбирь из Японии и спрыснутые турецким лимоном листики салата «Айсберг» из Калифорнии, сверху красуется блямба французского майонеза, инкрустированная продольной половинкой *нашего* малосольного огурчика. Ваше чешское пиво нежно и светло, как кожа открытых до локтей Виолеттиных рук. Впрочем, что вам Виолетта! Вы же с дамой! Вашей даме только что поднесли «Крымского» в высоком бокале, эклер и клубнику на блюдечке. Она сейчас томно пригубит из бокала, потом хлебнет еще, потом смежит от удовольствия ресницы, схватит клубничку, поднесет ее к ярко очерченным, увлажнившимся губам и скажет... Ох! Нету сил! Да идите же! Идите вы в буфет!..

Сергей беспокойно прохаживался у назначенного места, поглядывая по сторонам, немо беседуя с самим собой, убеждая себя в чем-то, время от времени то разводя руками, то нетерпеливо постукивая кулаком в полураскрытую ладонь. Наконец, среди гомонящей публики, среди шляпок, локонов и лысин он заметил Козьмину и ее музыканта, беседующих оживленно и легко. Козьмина вся светилась от непонятной Сергею радости, она что-то объясняла собеседнику, доказывала с таким увлечением, задором, словно только что сделала какое-то очень важное открытие. Ее сумасшедшей красоты глаза блестели и смеялись, иногда она зажмуривала их и продолжала делиться своими мыслями, отрешенно покачивая головой, будто только что испробовала

необыкновенно вкусную вещь. Мимо нее пронесли поднос, уставленный бокалами с шампанским... «Ходит с ней на премьеры и пьет шампанское», — вспомнил Сергей вчерашний телефонный разговор. «У Лины поразительный нюх на эти вещи», — удрученно подумал он. Но вот, валторнист извинился перед Козьминой, огляделся вокруг, заметил Сергея, кивнул и неторопливо направился к нему.

— Что ты, Сергей Валентинович, такой нервный сегодня? — спросил он, приблизившись. — Руками машешь, тыкаешь, живых людей валторнами обзываешь. А? Вот, если я тебя покличу: «Эй, рояль, иди сюда!» Приятно будет слышать?

— Я на рояле не умею, — миролюбиво отозвался Сергей.

— Научись, легче легкого... Короче, что у тебя за дело?

— Да! Дело такое... Слушай, эта дама с тобой, она что, девушка твоя?

— Вроде как.

— Так вроде или как?

— Твое какое дело?.. По театрам ходим. Домой два раза приглашала.

— Приглашала. Надо же... а как она к тебе относится?

— Нормально относится. Веселая. Шутит все. Актерам, правда, грубит.

— Все-таки грубит... Так, ты говоришь, общительная?

— Типа того.

— М-да... Послушай, музыкант, будь другом, представь ей меня.

— Представить? Тебя? Ну, ты, брат, нахал! Что же мне ей сказать? Вот, мол, дорогая, позволь отрекомендовать тебе этого человека. Я знать его не знаю, вижу в первый раз, но парень он, как мне кажется, все-таки неплохой...

— Именно, что неплохой! — обрадовался мысли Сергей. — Однако, в этом случае рекомендовать нужно иначе...

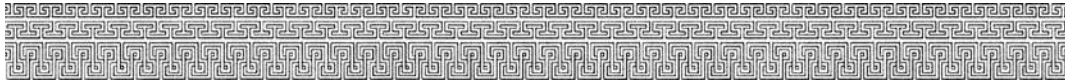
— Спасибо, я учту твои пожелания. Только объясни мне сперва, где тут суть? Ты что же, увидел ее здесь сегодня, испытал чудное мгновение и озарился?

— Нет... Понимаешь, у нас с ней... насчет Космоса, — Сергей указал на потолок, вероятно, в направлении этого самого «Космоса». При этом он попутно коснулся пальцем виска. Кашлянул. — Дело одно есть. Пообщаться мне с ней надо. Мы книгу тут одну читали.

— А говоришь, познакомить.

— Мы эту книгу врозь читали. Хотелось бы обсудить с ней прочитанное, поговорить. А не получается. Она мне грубит.





— Когда она тебе грубила?.. Послушай, что за интриги в храме искусства?

— Вовсе не интриги, слышишь. Я тебе откровенно говорю, как лучшему другу: мы лично не знакомы, — пара кратких бесед по телефону и все. Больше ничего не было. Хочу попробовать еще раз, с чистого листа...

— Было, не было... — музыкант добродушно усмехнулся. — На бис хочешь выйти... Странный ты человек, Сергей Валентинович — являешься в театр в кроссовках, маечке, без пиджака, оскорбляешь своим видом эти славные стены, едва дождавшись антракта, лезешь в яму, беспокоишь незнакомых тебе одаренных музыкантов, тут же знакомишься с ними самым бесцеремонным образом, и все остальное. А *ее!* Ее закадрить где-нибудь с глазу на глаз с твоими-то очевидными талантами у тебя духа не достает.

— Я не собираюсь ее кадрить. У нее ведь уже есть кавалер — интересный мужчина, талантливый валторнист, выдающийся импровизатор... И *Она* — другое. Ты сам, когда с ней знакомился, не робел что ли?

— Я человек робкий изначально, неуклюжий, невнятный, несмотря на талант и глубокое внутреннее обаяние. А ты, мой друг, производишь совершенно противоположное первое впечатление... Ох, впрочем, все это мелочи. Я так от тебя устал, что уже ничуть не против. Ради бога. Всегда готов помочь лучшему другу...

— Так может представишь? По-быстрому... Вон, я вижу, она на нас поглядывает.

— Кем же мне тебя представить? Двоюродным племянником?

— Да, кем хочешь! Скажешь, я у вас осветителем работал. На футбол вместе ходили. Грибы собирали...

— Грибы? Ну, ты не очень фантазируй, без голубизны. Сейчас все образованные. Футбол проходит... Только, знаешь, давай не сегодня. Неудачный момент, ей богу! И пусть тебя не обманывает ее радужный вид. Она серая вся была днем, пепельная, когда я ее встретил. У нее что-то произошло, я же вижу... Так что не надо сегодня. Верить? Не стоит. Давай завтра или послезавтра. Кровь из носу!.. Ох, мне пора! После договорим... Вот мой телефон, звони. Андреем меня зовут. Не все так зовут, но большинство.

ВТОРОЙ АКТ КОЗЬМИНЫ

Третий звонок прозвенел почему-то всего лишь дважды, но резко и нервно, вероятно намекая на продолжение стенаний, мук и борьбы противоположно-



стей во втором действии. Зловеще погас свет. Зал опасно притих. Регина, главная героиня в замечательно-слезливом исполнении артистки Зарубич, неторопливо и гордо вышла из-за кулис, за ней с принужденным видом тащился кавалер в дворянском картузе и наклеенных бакенбардах. Среди публики пронесся сочувственный вздох. Начало картины не сулило ничего хорошего, — падающий на декорации мрачный лиловый полусвет, устало поникшие в кадках искусственные цветы; выхваченное из полумрака бледно-лимонным лучом лицо Регины, напудренное и неживое, ее глаза, загодя наполненные драматургическими слезами, готовыми излиться в нужный момент, в конце концов, наглая рожа кавалера, — всякая деталь композиции, крупная и мелкая, говорили, кричали о грядущих неотвратимых разочарованиях в жизни героини. Душа Козьмины, все еще наполненная живой и светлой Володиной музыкой, не принимала в тот момент ничего фиолетового, никаких листопадов, никакого знобливого нытья, никакой слезливой сырости. В антракте Володя представил Козьмину Вале, сценической лошади, кобыле с добрыми и чувственными глазами, которая, по мнению Козьмины, блестяще *откатала* свою роль в третьей картине. Знакомясь с новой поклонницей, Валя приветливо мотнула головой. Валю уводили на отдых, сегодня ее услуги, ее талант больше не требовались...

— В глаза! В глаза! Зачем вы отвернулись! Зачем не смотрите вы больше на меня! — сварливо закричала Зарубич.

Козьмина вздрогнула и немедленно представила себе в роли Регины Валю. Регинин кавалер тут же покорно обернулся статным жеребчиком в том же картузе, тех же бакенбардах и даже манишке. Регина-Валя повела ушами, на миг прикрыв глаза, затем томно уронила голову жеребчику на грудь, ласково прижавшись мордой к его манишке. Она продекламировала нежно и печально:

Как просто голову вам уронить на грудь
И, почесавшись, подобреть, оттаять.
Еще хотелось бы доверчиво в глаза вам заглянуть,
Да только морда длинная мешает,
А искоса взглянуть на вас мне такт не позволяет.

Тактичная Валя застенчиво попыталась сообщить жеребчику очевидные вещи, но он был груб, невнимателен и несомненно чужд всякой сентиментальности. Горячо и презрительно фыркнув, он жестко отстранился от Вали



и, цокнув копытами, отступил в фиолетовую глубину сцены. Регина-Валя, однако оказалась решительней Регины-Зарубич, она не окунулась в слезы, но лишь предалась светлой грусти с оттенками решимости и твердого разочарования. Ее музыкальный монолог был убедителен и прост.

Пусть не волнует вас моя невинная морковь,
 И фырканье мое пусть не тревожит ваше бденье.
 Теперь я вижу: вам лишь дороги коровь-
 -их мыслей тусклое и медленное тленье,
 Жеванье чрез окно хозяйских штор,
 И теснота уздечки, и слипанье шор.
 Вы не способны ржать о тайном при луне,
 Я оставляю вас, вы безразличны мне...

«Конь с возу, кобыле легче», — подвела итог Козьмина и вздохнула. Хотелось домой, хотелось сна, хотелось забвения, ночи и густого августовского ветра, запутавшегося в страничках календаря. Володина валторна звучала вяло и бледно, еле угадываясь во все более раздражающем гуле оркестра. «Мы разучились ржать о тайном при луне», — успела подумать Козьмина. Она устала, плечи ее опустились, ресницы сомкнулись, голова медленно склонилась набок, мысли по-коровьи потускнели, обмякли, в них остался один лишь луг, просторный, яркий, пахучий, по которому теплый и мягкий ветер усердно гонял до самого горизонта широкие, светлые волны.

ПОЦЕЛУЙ КОЗЬМИНЫ

После спектакля главреж встретил Андрея у выхода из музыкантской, театрально всплеснул руками и выразительно поднял брови:

— Андрей! Ну, Андре-ей! — пропел он. — Имел ты сегодня свою дудку, как хотел! И так, и этак! Я аж прослезился! Вот, что любовь с людьми вытворяет! — и, понизив голос, поинтересовался. — Слушай, а чего она тебя Володей зовет?

— Ей так удобней, Гаригнатъич.

¹ В лошадином языке слова «морковь» и «любовь» очень близки по смыслу. Отсюда возможно и поощряется вольное их замещение при переводах (*прим. Козьмины*).



— Ах, удобней. Ну-ну. Оно конечно. Если б *такой* удобней было ездить на мне верхом, вместо того чтоб ходить со мной под руку, я б ничуть не возражал... А ты слышал, когда Зарубич со товарищи вышла на поклон, твоя громче всех кричала: «Браво, Володя!»? Неисправимые вы люди. Я ж просил... Теперь опасуюсь за психологическое состояние нашей примы сегодня вечером. Надо пойти похвалить ее как следует...

Такси подкатило к Козьминину дому. Андрей вышел первым и помог даме выйти. Водитель в ожидании закурил. Они не спеша, гуляющим шагом подошли к ступенькам у подъезда. Здесь Козьмина остановилась, повернулась к Андрею и насмешливо произнесла:

— Володя, ты, прямо, соловей! Соловей-разбойник! Моей валторне до твоей очень далеко.

— Кому? — не понял Андрей.

— Ну, это так, образно выражаясь... А если по существу, то...

Козьмина положила руки ему на плечи, привлекла к себе и прижалась своими губами к его губам...

Внимание, перестань сутулиться, вынь руки из карманов, одухотворись, — она тебя сейчас поцелует. Не на прощание, нет. Наоборот, сообщит тебе своим поцелуем: «Добро пожаловать в мой мир, все, что ты там увидишь, это, считай, уже твое, родное. Только не принимай близко к сердцу некоторые вещи из этого мира, взирай на них спокойно и легкомысленно». Вот руки ее уже нежно ухватились за твою шею и тянут, тянут к себе, глаза ее еще приоткрыты тебе навстречу — шелковые, озорные, сонные, в легкой дымке; в них заря, бледная луна и просторная синева, из синевы прямо на тебя задумчиво летят гуси, гуси летят домой, летят с весенними, скорее всего, мыслями. На тот случай, если в этом пейзаже что-то кажется искусственным, непонятным, ее приближающиеся губы немо сообщают: «сейчас все объясним, сейчас, все-все», — и тянутся к твоим, блуждают и тянутся... Мягкое, горячее и влажное прикосновение все же застает тебя врасплох, потрясает также щекощущее ощущение в области шеи, к которой прильнул ее заблудившийся локон, волнует дрожание ресниц сомкнутых глаз и доверительное сопенье носа, ледяной кончик которого почти касается твоей пылающей щеки. Ты вздрагиваешь, дыхание твое останавливается, по телу проходит легкий озноб, твои плечи, спина, подбородок стремительно покрываются гусяной кожей. Вот именно, ты теперь уже и сам перелетный гусь, и оттуда с высоты полета, тебе становится понятен, очевиден смысл сверкания зари, блеклости лун (неясно

уже, сколько их там), свежести лугов, широты пашен, паутинной легкости серых лесов; глянца вспыхивающих ярким серебром монеток лесных озер, необъятности небес, в самых разных и далеких уголках которых безрассудно, молниеносно и расточительно вспыхивают и угасают электрические разряды. Впрочем, раз на раз не приходится — глаза могут отливать болотной зеленью, гуси лететь в противоположную сторону, монетки озер поблескивать тусклой медью, рыжие, перезревшие, напитанные влагой леса медленно исчезать, растворяясь в лохматой низкой пелене облаков. Не страшно. Всякий мир, любой-разлюбой, который в эту минуту неистовой волной пронесется сквозь твое сознание, окрылит и обрадует. Затем губы с сожалением расстанутся, остынут щеки, нормализуется пульс, наладится зрительный контакт... Молчание... Нет-нет, здесь обязательно нужно что-то сказать, сообщить. Непременно! Сделай какое-нибудь сиюминутное открытие и поведай ей о нем. Например, «от тебя замечательно пахнет мятными леденцами — моим детством». Если сказать нечего, поцелуйтесь еще раз. Целуй ты теперь, покажи ей *своих* гусей, *свои* озера и дали, пусть тоже привыкает. Если тема для разговора отказывается находиться — продолжайте целоваться...

— Это соло тебе от меня — короткое, но выразительное, я надеюсь, — проговорила Козьмина тихо, отпустив Володины плечи.

Затем она пристально заглянула ему в самые глаза, улыбнулась кончиками губ и с уютным покоем в голосе сказала на прощание:

Позвони мне завтра. Я буду ждать.

VII

Бог их знает, этих бывших жен, — сидишь с ней в школе за одной партой, секретничаешь, хихикаешь, споришь, носишь ей портфель. Провожаешь ее до дому, целуешься с ней, ссоришься; даришь ей цветы просто так и на восьмое марта; водишь ее в кино, нервничаешь из-за нее, теряешь лицо, легко и беспечно отвергаешь собственные принципы, забываешь об успеваемости; под ее руководством мужаешь, взрослеешь, умнеешь, теряешь наивность; с пытливым интересом наблюдаешь за ее выкрутасами, не забывая демонстрировать свои собственные, изучаешь ее повадки, сам раскрываясь перед ней, как неопытный боксер на ринге; словно *велкровый* язычок, с треском отдираемый от основы, порывисто, шумно разрываешь с ней всякие связи, хорошишь свои иллюзии и заблуждения, однако тут же, в тот же день, без всякой



логики, всякого повода, незаметно для себя, тихо, мирно и надежно, по праву той же липучки, приникаешь, приклеиваешься к ней опять. Женишься на ней, в конце концов! Причем сама женитьба вместо эпиграфа «пою тебя, мой Гименей» выбирает совсем другой — «о чем ты вообще столько лет думал?». Женившись, опять споришь с ней, опять ссоришься, временами все же по-прежнему целуешься, даришь ей цветы, совершаешь из-за нее глупости, но уже на абсолютно другом, экспертном, если так можно выразиться, уровне. Уровне, который определяет уже не увлечение, но образ жизни.

Странные они, эти прошлые жены. Терпеливо воспитав из вас закаленного, опытного, смекалистого, в чем-то даже умудренного спутника жизни, такая в один прекрасный день, поплакав, покричав, посетовав, отдышавшись, обреченно всхлипывает и начинает укладывать вещи в чемодан. Ваши ли вещи трамбуются, или же пакуются ее собственные, в принципе не имеет значения. На драматизм ситуации эти мелочи влияния не оказывают. Неважно, уходите вы или она, — одна горчица, один хрен. Если уматываете вы, также не имеет значения, выступаете вы за порог с символизирующим разрыв чемоданом в руках, или он плавно летит вам на голову с третьего этажа, раскрываясь и планируя, намекая, что являться в дом, негодовать, кипятиться, выяснять отношения и прощаться совсем не обязательно — все уже решено и разъяснилось без вас, приговор вынесен заочно и обжалованию не подлежит.

Чумовые они, эти минувшие жены. Когда через столько долгих лет разлуки она вдруг заявляется к вам, волшебным образом возникает в дверном проеме для того, чтоб озабоченно на вас взглянуть, потрепать по плечу, вручить вам свой чемодан, занять вашу спальню, выперев вас на диван в гостиной, мило расставить на полочке в ванной шампуни, кремы и дезодоранты в разноцветных бутылочках и тюбиках, интимно поставить свою зубную щетку в стакан рядом с вашей, по-хозяйски зайти к вам на кухню и деловито сказать: «так!» складывается ощущение, будто вы расстались с ней вчера вечером — каждое ее слово, каждая интонация знакомы, словно колыбельная песня, которую пела вам мама на ночь много лет кряду: «отчего ты такой худой, почему рубашка не глаженная, почему в квартире беспорядок, что за дурацкая у тебя прическа, кто тебя вообще стрижет? Найди себе мастера, хватит таскаться к *мастерицам!* Что это за долговязая, потная баба в фитнес-клубе, и о чем это вы без конца болтаете, усевшись рядком на велотренажерах?.. Не отнекивайся, мне обо всем уже доложили». Откуда это гнетущее чувство провинности во всех глупостях, совершенных в ее отсутствие? Откуда это противное

ощущение отбитости от заботливых женских рук, стремление исправиться и доказать? Откуда эти угрызения и желание исповедаться? *Что* вы собираетесь объяснять, доказывать и кому?! Ей?! Этой?!... Уф! Впрочем, конечно, понимаю — ведь не боль, не стыд и не обида стоят перед вами у порога с лишенным подтекста чемоданом в руках. Нет, это ваша ясноглазая, жизнерадостная, улыбчивая юность явилась вам, и очарование ее, свежесть и вдохновение не проходят, не блекнут никогда, что бы с вами ни случилось, что бы ни изменилось в вашей нудной, бестолковой и непутевой жизни.

Николина возникла неожиданно. Это был один из ее бесчисленных талантов — всегда являться внезапно, пусть даже целая толпа в нетерпеливом ожидании ее появления вытягивала бы шеи и тарщила глаза. Талант, присущий мастерам сцены. Словно занавес в театре раскрылись створки автоматического пропускника, и она выступила из защитно-зеленого полумрака пружинистым легким шагом, искрясь и переливаясь, как шампанское в бокале. Заметив бывшего супруга, изобразила улыбку, кивнула ему и, приблизившись, слегка оттолкнула от себя тележку.

— Ой, устала, Сережка, — звонко чмокнула его в щеку. — Поухаживай за мной, поухаживай, что же ты!.. Не переносу дороги... Да! И купи мне, пожалуйста, *a cup of coffee* вон там у стоечки. Видишь стоечку?.. Сил же нет! Дома ведь только растворимый, я чувствую.

— Линуся, зачем тебе кофе сейчас? Ты собираешься со мной беседовать до утра?

— Не называй меня Линусей! Терпеть этого не могу!

— Ох, мамочки! Как же ты предлагаешь себя величать?

— Дуся — подойдет.

— Может Дульсиня? Раз уж ты к нам прямо из Испании.

— Да, неплохо. Дульсиня. Тонкий ход с твоей стороны. А сокращенно — Дуся. Не будешь же ты каждый раз ломать себе язык.

Аэропорт, светлый, просторный, неутомимый, быстро отвлекся, отстранился от этого труднопонимаемого диалога и занялся привычными своими делами. Бывшие супруги, побродив по его бесконечным залам, поездив на эскалаторах, потоптавшись у кафетерия, вышли в ночную духоту и, взяв такси, по-родственному устроились рядышком на заднем сидении. Тронулись.

— Какие у тебя планы? — осторожно поинтересовался Сергей.

— Планы побыть с *моим* Сережей, — Николина положила голову бывшему мужу на плечо. — Ты пахнешь тобой. И домом. И немножко дымом. С чего бы это?



- Это гарь, смог. У нас сейчас все этим пахнут.
- Да, про смог я забыла. Не разгуляешься. Ничего, буду домоседкой. А ты будешь моим домоседом. Будешь?
- Я занят днем.
- Занят? Возьми отгулы по такому случаю. К тебе что, каждый день бывшие жены-одноклассницы прилетают?..
- Кстати, об одноклассницах. Сходи к кому-нибудь, пообщайся. Устрой вечер воспоминаний.
- Мне никто не нужен! Кроме тебя! Впрочем, может быть, а то надоем еще, и ты меня выпихнешь к родителям... Ах, ну да, я же забыла, у тебя ведь дама сердца появилась! На этой службе отгулов не дают. Так? И как твои успехи?
- Да, никак. Ты была права, нашелся кое-кто посмелее и пошустрее меня.
- Я всегда права. За исключением случаев, когда я ошибаюсь. Но такое бывает редко... Дуся... Посмотри на меня, ну взгляни же, ну!.. Во-от. Скажи мне, солнце, разве ты не рад, что я приехала? Ну, хоть чуть-чуть? Отвечай быстро, а то я подумаю, что ты со мной неискренен.
- Р-рад! Оч-чень.
- Кажется, не врешь, — проговорила Николина, пристально вглядываясь в глаза Сергею. — И это мы сейчас проверим. У меня есть идея: завтра идем в поход по нашим местам. Начнем с набережной у Николиного моста. Это мой мост, я туда хочу, меня к нему влечет. Какие слова ты мне говорил, когда мы там гуляли, помнишь?.. Ну же! Какие слова?
- Разные слова.
- Станный ответ. Приведи пример.
- «Я встре-эти-ил вас, и все!»
- И все?
- Все!
- Нет-нет, мне помнится, там было что-то еще.
- Было, но ты же просила лишь пример.
- Допустим... Так ты рад моей идее?
- Я же сказал: о-ч-ч-чень!
- То была твоя радость по поводу моего приезда, а как ты относишься к идее?
- Радость переполняет меня и, кажется, скоро перельется через край.
- Мне не нравится твоя ирония.
- Николина выпрямилась и отвернулась к окну. За окном мелькали измож-



денные, полувысохшие ели, лицо Николины озарялось светом встречных машин, тени металась по ее скулам, челка развевалась от гулявшего в салоне ветерка.

У моста-мосточка
 Росли два цветочка.
 Один бел, пушистый,
 Другой колюч, ершистый.
 Прорекламиривал Сергей.
 У Николина моста
 Уж такая красота.
 Ветерок бодрит,
 Сереж Лину кадрит.

Продолжила Николина, повернувшись к нему:

— А мелодию ты помнишь?

— Надо вспомнить.

Николина обняла Сергея за шею и уткнулась носом ему в щеку.

— Ты не подумай, я приставать к тебе не буду. Я подожду, пока ты сам начнешь. А если не начнешь, какая разница. Я ведь не за этим приехала.

Кен встретил их расфуфыренный, разодетый в чистую маечку без дырок, надписей и рож, местами проглаженные джинсы, синтетические носки в сине-зеленую полоску и приличного вида теннисные туфли. Он полупоклонился гостье и что-то старательно выговорил по-русски, напирая на раскатистый «р». Николина, внимательно его выслушав, ничего не поняла и лишь заметила: «Мальчики, в моем лице вы обрели возможность хоть на время вернуться к нормальной человеческой жизни». Кен, придирчиво вникая в смысл ее слов, тоже ничего не понял, хотя фраза была, естественно, сказана по-английски. Его запутал общий контекст фразы, а вовсе не отдельные слова. Чтобы положить конец непониманию сторон, слово взял Сергей. Он предложил немедленно заключить и подписать мирный договор между Испанией с одной стороны и Великобританией и Россией с другой. По условиям договора Россия уступала Испании спальню, большую часть ванной и территорию кухни к западу от линии холодильник-газовая плита. Россия оставляла за собой право на владение гостиной и северо-восточными регионами кухни; мало освоенный, равнинный юго-восток признавался за Великобританией, которая за отказ от претензий на юго-запад получала полный и неограниченный



суверенитет во всех остальных своих колониях. Туалет и помывочная часть ванной по соглашению сторон признавались территорией совместного владения (кондоминиумом) с правом безвизового посещения и трехстороннего мониторинга. За прихожей сохранялись принципы, закрепленные в Конвенции ООН: всеобщего права судоходства, полетов и научных исследований. По итогам договора стороны устало подписали меморандум и разошлись спать.

Следующее утро началось ровно в семь часов бодро и весело. Началось с того, что Николина обнаружила в недрах комода свой старый светло-бордовых тонов купальник и немедленно ужаснулась его развязно-крикливой старомодности. С возмущенным лицом она громко вышла в коридор и, брезгливо удерживая купальник двумя пальцами в вытянутой руке, пробила зорю. Явившийся по сигналу первым экс-супруг получил от нее нагоняй за неуместный фетишизм. Завернутый в одеяло, с закрытыми как у Вия глазами появился бледный, измятый Кен. Николина, в качестве представителя испанской стороны, предложила немедленно приступить к налаживанию взаимоотношений. Возражений не последовало — Великобритания спала, Россия тяжело соображала: воспрянуть ей ото сна или лучше пока не стоит.

Когда минут через десять мужская половина жилища немного пришла в себя, гостя решила объявить конкурс на звание «территория образцового содержания и высокой культуры быта». Не откладывая дела в долгий ящик, она совершила контрольный обход помещений, обозревая все углы и закоулки, прощупывая каждую поверхность, заглядывая в каждую посудину. Затем она произнесла небольшую итоговую речь.¹

«Прошу тишины! Господа, внимание! Общее состояние жилья — твердая четверка с минусом, исключая комнату Кена, там — три с плюсом. Минус полбалла комнате за странный запах, плюс полбалла за хорошую презентацию и артистизм исполнения уборки, — на окне разводы, впечатление, что Кен, вымыв окно, вытирал его насухо своими брюками или джинсами перед тем как бросить их в стирку. Квартире присуждается первая премия, ее хозяин за умеренный импрессионизм в стадии устойчивой ремиссии награждается внеочередным свиданием с бывшей женой сроком на одну неделю; постоялец за мужество и героизм, проявленные при мытье окон с наружной стороны, награждается переходящим бордовым купальником. Попрошу аплодисменты... Но это далеко не все. Распорядок сегодняшнего дня у нас следующий:

¹ Речь приводится в сокращении (*прим. ред.*).



Сереза варит борщ с говядиной. Это его коронный номер, — я еще в самолете живо представила себе, как буду этот борщ есть. Телевизор отменяется, — я еще в самолете представляла, как организую фестиваль песни под гитару. Весь вечер у инструмента заслуженный исполнитель и аккомпаниатор, Сергей Валентинович Васильков!.. Прения с мест, так?.. Что?.. Ты уже не Васильков? С каких это пор? Меняешь сценические псевдонимы, как струны своей гитары. Хорошо, будешь Ромашкин. Маэстро Ромашкин, сегодня вам противопоставлено переутомляться, простужаться, есть мороженое, пить холодное пиво, а также терять свой замечательный голос... Опять прения с мест? В чем дело?! Я требую внимания!.. Ах, у вас аналогичные планы на завтрашний вечер?.. Приглашены друзья. Интересненько... Ну, хорошо: вечером едим борщ, мужчины пьют пиво, смотрим фильм. Кен, прошу меня извинить, но на вас ложится большая ответственность — сходить за покупками. Список я составлю. Никаких импровизаций, покупать строго по списку, допустимое отклонение — одно-два наименования. У нас же с Серезей сегодня день воспоминаний. Есть предложения?.. Господа, ну какие еще предложения?! Вот я уеду, и тогда можете предлагать, что угодно, кому угодно и когда угодно. А сейчас — кофе! Сереза, мы идем пить кофе. Боже! Как вы живете в квартире без кофе?!...»

«Мм-м-м! Глория Джинс! Кофе моей мечты! Дуся, я оживаю на глазах! Чувствуешь? Я была такая заторможенная сегодня утром! Ты, наверное, подумал: что это с ней? Флегматична, меланхолична. Подумал, да?.. Проходит, я чувствую. Поверь мне...»

Николин мост привычно и устало сторбился, с трудом перенося жару и очевидную старость. Сверкая металлическим глянцем перьев, голуби широко и торопливо вышагивали по накалившимся перилам. Редкие прохожие старались побыстрее проскочить эту каменную жаровню и оказаться на другой стороне моста в просторной и плотной тени лип. Вдруг, словно ветерком дунуло, будто облачко набежало, уронив кусочек прохлады на раскаленную брусчатку, это Николина торжественно ступила на мост, держа Сергея за руку.

— Мост имени меня! — возвышенно произнесла она, изящно при этом взмахнув рукой, словно намереваясь раскланяться перед невидимой публикой. — Горбатый, как моя жизнь! Шучу, конечно... Ой, Дуся! — Николина даже всплеснула руками от огорчения. — Посмотри, что они тут понаписали. На самом видном месте! Черт, я даже не могу точно сообразить, что автор имел в виду. Отстаю от жизни. Ты хоть понимаешь?



— Понять тяжело, — вяло отозвался Сергей. — Мостописец всю свою страстность уместил в одну строчку, поэтому чтение между строк представляется мне затруднительным. Автор, вероятно, пожелал, чтобы прочитавшие его писанину прохожие все куда-то отправились гурьбой. Я думаю, этот мост непременно скоро рухнет и умрет на дне реки, но надпись сохранится. Археологи будущего найдут камень с запечатленными письменами, и только им наконец-то станет понятен весь глубинный смысл написанного...

— Душа у человека болела, наверное, он и выразился сторяча, не подумав.

Вот ты у меня всегда был очень приличным и никогда ничего здесь не писал. Все свои замечательные мысли и чувства выражал вслух мне лично. Я все помню. Ты был просто необыкновенным кавалером. За исключением тех случаев, когда ты меня бессердечно и цинично бросал на произвол судьбы, уходя навсегда.

— Ты же сама замуж вечно собиралась! Неоднократно.

— Все-то он помнит, поглядите на него! Надо же! Прямо следователь какой-то. Собиралась, да, из-за твоей как раз бессердечности... Однако, не может быть, чтобы ты меня хоть раз не бросил! Вспомню сейчас... Э-э-э...

Под мостом тихо и лениво прошел тягач с закрепленным на корме огромным тракторным колесом. Сергей, разглядывая груз, не удержавшись, плюнул с высоты пролета, ощутив на себе молчаливо-укоризненный взгляд экс-супруги.

— Вишь ты! — сообщил он ей со смущенным видом. — Вон какое колесо. Как ты думаешь, доплывет то колесо, если б случилось, до Казани или не доплывет?

— Доплывет обязательно... Вот! Вспомнила! Конечно же, бросал! Очень даже цинично. Весной тысяча девятьсот этого... На втором курсе. Я еще редела тогда. Ты ушел так тихо, даже дверью не хлопнул. Подлец какой! Пацифист! Толстовец! Я прямо разрыдалась от такой несправедливости. Вспомни, как ты меня бросил! Вспомнил?.. Ну, вот. Почему только это я тебя тогда так легко отпустила?

— Ты, вероятно, отпустила не насовсем. Так. Погулять, набраться жизненного опыта. Съездить на лето в стройотряд.

— Возможно.

— Точно тебе говорю. Помирились же потом, помнишь?

— Еще бы! Мне ли не помнить! Рана на всю жизнь. Уходишь, бросаешь, оставляешь меня одну, всю зареванную, печальную; преспокойно дожидая-



ешься лета, едешь в свой дурацкий стройотряд, возвращаешься. Есть я, нет ли меня — тебе хоть бы что. Ну, отпетый человек, мерзавец, бессердечный кусок древесины, полено, Буратино с отвалившимся от вранья носом. Осенью, наконец...

— Да-да. Осень подходит, лист желтеет, дождик собирается моросить, — оживившись, продолжил Сергей. — В один из таких дней лежу дома на диване, слушаю свою сумасшедшую музычку, делаю вид, что читаю конспект... Звонит телефон ...

— Звонит телефон, — словно заговор повторила Николина.

— Отвечаю.

«Привет, — говорит трубка знакомым голосом. — Ну, как твое лето?»

«Ничего, — сообщаю. — Пролетело-просвистело. Нормательно-замечательно!»

«Странный ты какой-то сегодня», — удивляется трубка.

«Веселый не в меру?» — подхватываю я.

«Где ты словечек таких нахватался?»

«Нелитературные и окололитературные выражения — моя слабость. Каким я был, таким остался».

«В первый раз слышу. Ты ездил куда-нибудь?»

«А как же! В стройотряде работал, кучу денег привез, — вру, естественно, про кучу. — Как у тебя?»

«Разное. Ездили на юг с подружками. Так весело было... Ты обо мне вспоминал?»

«Конечно».

«Так я тебе и поверила... Тебе не кажется, что... мы совершили ошибку?»

«(Начинается!) Ну, в общем, кажется. Я ведь — псих ненормальный (как будто бывают психи нормальные)».

«Да что ты сразу. Я тоже ведь не подарочек... Ты там никого не встретил?»

«Где? В стройотряде?»

«И в стройотряде тоже. Там, вообще: в твоей любимой драгоценной личной жизни».

«Да нет, не случилось».

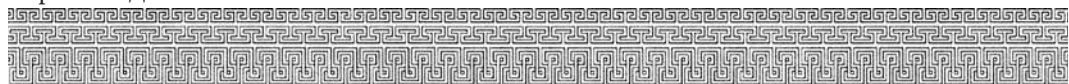
«И у меня все тихо».

«Тогда... Может, встретимся?.. Пообщаемся», — быстро соображаю я.

«Нам ведь хорошо всегда вдвоем было, правда?» — радуется голос.

«Я, лично, помню только все хорошее».





«И я всегда тоже думаю о нас с тобой, особенно когда грустно становится».

«Эх мы!»

«Вот именно. Эх мы! Особенно — ты... Интересно, твой Джек меня вспомнит?»

«... Кто?»

«Ну, Джек — собака твоя».

«Какая собака? Ты о чем?»

«Да Джек же! Что с тобой, Игорь?»

«Игорь?.. Так, все ясно. Вы куда звоните?..»

Николина, предвосхищая окончание этой давней истории, звонко рассмеялась и, когда Сергей умолк, закончила, обняв его за плечи.

— Ну и собеседница тебе попалась! Вылитая я!.. И ты, сокровище мое, от перенесенного потрясения в тот же день, после длительного отсутствия являешься, наконец, пред мои очи будто очарованный странник... Дуся, как легко тебе женщины достаются! Сами звонят и напрашиваются в гости.

— Что получилось, — заключил Сергей. — Я с тобой тогда уже помирился, только ты об этом еще ничего не знала.

— Аферист. А если бы эта таинственная незнакомка не ошиблась номером, ты сам со мной никогда бы не додумался помириться.

— Ой, да куда бы я делся? Ты же знаешь, революция случается не от того, что крейсер «Аврора» стрельнул из пушки, а потому что наболело, и жить как прежде нету сил. Низам тошно, а верхам неуютно.

— Революционер! Декабрист. Я знаю, чего ты от меня добивался. Хотел оковы разбить. Думал, как у Пушкина: «Темницы рухнут и ...» свободен. А жениться?

— Но они же не рухнули. И вообще, в юности у меня были и другие устремления.

— Были, конечно. Ты, иной раз, как куда-нибудь устремишься, к друзьям своим, например, только я тебя и видела.

— Представляешь, если бы она про собаку не вспомнила, а я бы ей сказал: ну, заходи, мол. Она к этому Игорю бы как снег за шиворот домой завалилась, а у него там, к примеру, другая женщина в тапочках по квартире гуляет.

— Представляю.

— А я бы тебе позвонил, мол, ну где же ты? Договорились встретиться, а ты не идешь.

— Я бы очень сильно смеялась... — Николина еще раз усмехнулась. — Ну,



ладно, с мостом повидались. Теперь — кино. Наш кинотеатр стоит еще?

— Стоит. Но я бы не советовал туда ходить. Там в наше время можно нарваться на такой шедевр.

— Ничего, мы представим, что смотрим наших с тобой Михалкова или Тодоровского. А еще можно в неинтересных местах целоваться, — Николина выразительно взглянула на бывшего мужа и улыбнулась. — Однако такой метод просмотра скучных кинофильмов кажется уже устарел...

VIII

Поцелуй Козьмины (продолжение)

Козьмина проснулась со странным чувством неосознанной необходимости, с ощущением ответственности за что-то. За что именно?.. «Нужно совершить какой-нибудь полезный поступок, — сообразила она. — Тогда ощущение либо пройдет само собой, либо я вспомню, что же это такое, что нужно обязательно сделать сегодня. Попробую вытереть пыль и пропылесосить. Должна же в доме скапливаться какая-нибудь пыль». Она отыскала в недрах гардероба старую футболку, безжалостно разодрала ее пополам, слегка смочила одну из половинок под краном, явилась в гостиную, раздумчиво остановилась у книжного шкафа, вспомнив мамину цитату: «самая пыль скапливается в местах, заваленных ненужным хламом». Хмыкнула и одну за другой начала снимать с полок книги, складывать их горкой на кресле, — первую, вторую, третью, — вынимая четвертую книгу внезапно почувствовала приступ ужасного зуда, свербения, кручения в носу, и тут же в небо игристо и звонко ударила озорная волна, ярко сверкнуло в закрытых глазах...

В шестнадцатый, последний раз она чихнула уже в ванной, бессильно склонившись над умывальником у открытого крана. Отдышавшись, ополоснув лицо, почувствовала освежение, потянулась за полотенцем, прислушалась, — ощущение в носу прошло, ощущение ответственности — нет, оно по-прежнему незваным гостем продолжало отлеживаться на просторных перинах ее сознания. «Хорошо же! — решила Козьмина. — Придется заняться стиркой». Она ушла в спальню, аккуратно убрала, закрепила резинкой волосы, заколола непослушные завитки шпилькой, повязала голову платочком; отправилась в кухню, нашла фартук, облачилась в него, завязав сзади тесемки, достала из моечного шкафчика хозяйственные перчатки, как следует натянула их, затем походкой хирурга, направляющегося к операционному столу,



двинулась к бельевой корзине, раскрыла ее и заглянула внутрь. Корзина была пуста. «Хм, — подумала Козьмина. — Пациенту уже значительно лучше. Спасибо маме за наше счастливое детство». Утомленно сняла с головы платочек, скинула фартук, перчатки и прислушалась опять, — чувство неосознанной необходимости упрямо лежало на одной из полочек ее сознания, как взятая напрокат и не возвращенная вовремя книга.

— Ходики что ли завести? — спросила себя она.

— Ку-ку, — сообщили ходики, словно услышав ее мысли.

— Бред! — ответила им Козьмина.

Неясное ощущение долга продолжало беспокоить неделикатно и нудно, словно занятые и не отданные сто рублей. «Может быть, выпить чаю?» — подумала она.

Густая красно-коричневого цвета заварка медленно переливалась из чайничка в чашку, когда Козьмина наконец вспомнила: должен позвонить Володя, и нужно непременно поднять трубку и поговорить с ним.

Еще Козьмина вспомнила, что вчера поцеловала Володю. Поцеловала очень значительно, так, как она это делала в исключительных случаях. Исключительных случаев в ее жизни было немного. Их она помнила очень отчетливо. Бывшему мужу она подарила такой поцелуй в день свадьбы. Потом еще пара мимолетных серых астероидов была удостоена ее необыкновенного поцелуя огромной разрушительной силы, с ударной волной, электромагнитным импульсом и проникающей радиацией.

И вот теперь, поцелованный ею Володя должен позвонить. Деваться ему некуда — позвонит непременно и, скорее всего, гораздо раньше полудня. Надо быть с ним очень приветливой, принять любое его предложение.

«Мы ответственны за тех, кого поцеловали», — решила Козьмина.

ГАДАНИЕ КОЗЬМИНЫ

«Интересно, — подумала Козьмина. — Какие сегодня будут Володины первые слова? «Привет» не считается... Я пообещала ждать его звонка и отпустила с богом. На самом же деле — не отпустила, а бросила! Бросила Володю на произвол судьбы вместе с его мыслями, страхами и переживаниями. Ведь он эмоциональный человек, в этом сомневаться не приходится. Музыкант, который способен так овладевать инструментом и чувствами других — определенно впечатлительная и ранимая личность. Я навьючила на него весь этот



ворох недосказанностей, двусмысленностей и сомнений и исчезла. В придачу назвала его соловьем-разбойником! Грубая, неотесанная женщина! Сухарь... Что же он скажет? В какого цвета даль позовет? Зачем гадать? Проще погадать. Где-то у меня лежали картишки...»

Козьмина немного побродила по квартире, нашла нетронутую колоду игральных карт, распечатала ее и углубилась в разглядывание.

«Тэкс. Как же они из этих раскрашенных билетиков выжимают суть? Каким образом выясняют, кому что светит и как ярко... Темнота беспросветная!» — Козьмина задумалась. То ли дело было в детстве сыграть с бабушкой в дурачка. Гадание получалось очень простое и ясное, существовало лишь два возможных результата: либо ты — милая, умница, либо дуручка. Обычно, когда бабушка набирала, скажем, шестьдесят четыре дурака против двенадцати внучкиных, она устало объявляла: «Ну все, играем *контровую*. Кто остается сейчас, забирает всех дураков себе». Что ж, очень справедливо, — большой финал, суперкубок, проигравший завоевывает позор, победитель довольствуется славой. Козьмина всегда старалась «контровую» игру проиграть, чтоб сильно бабушку не расстраивать. Гадание на дурака — вещь незатейливая, и ее лучше отложить в сторону.

За что тут зацепиться? Наверное, следует начинать с простых вещей, задать вопрос: что такое хорошо, и что такое плохо? Красная масть — замечательно, чудесно; черная — печально и ужасно. Если развить тему, взглядеться в пылающее жаром сердечко червь, становится ясно виден предмет души и эмоций. Угловатая деловитость бубен, получается, ответственна за материальное благополучие, успех, везение. Пики, зловещие черные листочки, судя по названию — вид колющего оружия. Если взглянуть на масть вверх ногами, получается лопата, широкая и острая, или перышко, в чернила обмакнутое. То есть этой мастью можно и убить, и закопать, и надпись написать. Понятно, значит определим пики как внешние неприятности, а именно: не любят, не уважают, завидуют, готовы задушить или накатать телегу. В противовес пикам трефовые неурядицы — личного свойства, свой собственный душевный беспорядок: не растроченная злоба, зависть, злопамятность, жестокость, вспыльчивость, беспричинная ревность, излишняя застенчивость, мнительность или робость — полный букет, выбирай, что ближе и роднее. Очень логично получается.

Дальше. Чем выше карта, тем пусть сильнее забирает и жжет, — любовь ли, ревность ли, злоба или успех. Какие-нибудь неувязочки? Забудем все неувязочки.



«Вот сейчас проверим, какое у меня в данный момент настроение? — Козьмина бросила карту... — Семерка пик. Неважное настроение, кто-то мне его слегка подпортил. Не будем уточнять кто. У каждой вещи есть две стороны. Кладем еще... Десятка бубен, — в то же время какое-то событие меня греет и радует, и веселая десятка эта грустную мою семерку, пользуясь своим старшинством, перебивает. Десятка энергично ходит кругами и что-то настойчиво семерке объясняет, семерка уныло поддакивает, соглашаясь.

Володя, например, соловей мой, какие у него впечатления от жизни? Ему комфортно, у него друзья — красные масти. Черные масти — он одинок. Если бубны, значит парень пробивной, умеет заводить знакомства, идет напролом. Червы — веселый, внимательный, душа компании. Пики — одинок и несчастен, лишь потому, что люди хорошие не попадаются. Трефы — оттого что характер такой, замкнутый, дикий и суровый. Бросаем карту... Ой, Володя, трефовый ты мой, — десятка. И как же ты с твоим трефовым характером первый ко мне подошел? Как? Глаза мои тебя заманили, смутили, оконфузили.

Какое у Володи сейчас настроение?.. Червовый валет — на личности в данный момент не смотрим, оцениваем по старшинству, — значит, душа поет осторожные песни. Как с обратной стороной? Червы теперь игнорируем... Шестерка бубен: есть какой-то расчистик, впрочем, туманный. Еще раз про обратную сторону... Девятка трэф — преодолевают сомнения средней степени тяжести. Что и следовало ожидать.

Гадаем о месте. Куда же он меня позовет? Выясняем просто: кладем карты, пока туз не выпадет... Червовый. Так-так. Место получается веселое, душевное, но без шика, без гламура. В цирк мы что ли с ним пойдём, и они там будут мучить хищников все второе отделение? Заставлять их прыгать сквозь огненный обруч и стоять на задних лапах, несмотря на то, что по глазам животных видно, что весь этот зоопарк им глубоко осточертел.

Как быть с картами одушевленными — дамами, королями, валетами? Наверное, для начала, нужно узнать себя в одной из дам. Дама трэф, женщина с придурью, несчастна, неустроенна, сама в общем-то виновата. Дама пик, женщина роковая, волевая, ревнивая, разлучница, ее душевный комфорт делает несчастными других, от того что она, не создавая своего, крадет чужое счастье. Дама червей, влюбчивая, милая, нетребовательная, ласковая, застенчивая. Дама бубен, женщина практичная, опять же волевая, как и пиковая, при этом сама кузнец своего счастья. Если кого полюбит, то подавай ей ответное чувство, а иначе — козел ты, понял? И в горящую избу войдет, и того же козла

на скаку остановит. Куда же мне себя определить?.. «Трефовая я женщина», — решила Козьмина.

«У мужчин вариантов побольше. Король — господин, хозяин, самец доминантного типа. Валеты — подкаблучники. Есть еще Джокер, этот может быть кем угодно в зависимости от обстоятельств, хотя эту карту, кажется, при гадании не используют.

У нас с Володей масть одна, вороная, я полагаю. Он — трфовый валет, нет сомнений, что валет, а не король. Сказала: «будешь Володей», согласился... Какая бесцеремонность с моей стороны!

Ну хорошо, последний вопросик: кто у нас мужского пола ляжет на даму трэф? Хорошенько перемешиваем, начинаем метать... Пум-пурум-пум-пум. Цифирь не считается, игнорируем... Ну вот, лег трфовый валет, вышел в отставку, не справился. Трефовая дама явилась наконец. Внимание! Кто же теперь ляжет?.. Дама бубновая, что характерно, легла на пути. Подвиньтесь, гражданка, я хочу видеть, кого вы от меня загораживаете, кого от моих чар оберегаете... Момент истины наступает... Вот он! Червовый валет. Судьба моя».

САМОМНЕНИЕ КОЗЬМИНЫ

«Нет, не звонит что-то. Забыл. Может быть, у него номер телефона случайно стерся из памяти? Из памяти мобильного. А вот поцелуй, я думаю, не стерся. Вряд ли. Жжет, наверное, обращает посторонние мысли в пепел. Я если поцелую, то выбор один остается: либо под венец, либо в могилу, obviously говоря...

Какое самомнение!.. Пусть. Немножко самомнения и не вслух очень полезно для здоровья. Например, до чего ж я хороша!»

Козьмина подошла к зеркалу.

«Какие тут могут быть сомнения? Прелесть! А если губки — вот так, нет, лучше вот эдак. Подозрительно прищуриваюсь, ах-ах, телепостановка! А если снять вот это и повернуться. Замечательно! А если снять все, абсолютно все... Хм-м-м-м. И чего я, спрашивается, сижу дома? И куда этот Володя вообще запропастился? Может быть, ему втайне не нравится, что я зову его Володей? Хорошо, вот он позвонит, а я ему: «Андрю-уша! Здравствуй, месяц, здравствуй, сокол!»

Удивительно, почему ветер моих утренних мыслей такой порывистый, студеный и колючий, отчего к полудню он вдруг меняет направление, смят-



чается, превращаясь в ласковый ветерок легкомыслия? Что за утренняя болезнь такая? Утрит. Острый злободневный утрит...

Что-то развеселилась я сегодня...

Нет, не звонит, сокол, не жалует; а Август, между прочим, проходит».

Горячее эвклидово пространство за окном дышало запахами пыли и размягченного асфальта. Солнце палило нестерпимо сквозь выстиранную добе-ла занавеску, раздраженно выжигало на открытом запястье незамысловатый занавесочный узор, своим настойчивым *огнеписанием* очевидно пытаюсь что-то объяснить. Его и самого вероятно припекало, жгло желание высветить, открыть Козьмине что-то такое, чего она до этого не замечала или не хотела замечать, например, ее незащищенность перед обстоятельствами, неумение иногда доверить кому-нибудь свои мысли. У Солнца помимо ослепления и выжигания других методов внушения не было, окатывать ушатом холодной воды или поражать молнией оно не умело. Кроме того, у светила были основания пылать обидой и гневаться на остальных, всех-всех, кто в эти дни ругал его огорчительно и несправедливо. Крыли и те, кто тащился с авоськой по солнечной стороне, и те, кто сидел в тени, медленно потягивая ледяное пиво, кто плавился на перегретом пяточке у перекрестка с толстой пачкой рекламных проспектов, и кто блестел влажными боками, нежась под бьющими в упор фонтанными струями. Антициклон никого не интересовал, причины аномалии никого не беспокоили — проще было ругать жару и солнце. Ползли с авоськой, пили пиво, жарились, мокли, бранили и жаждали заката, ожидали нетерпеливо и жадно, как ждал его когда-то писатель Бунин, сидя у чистого листа бумаги с обмакнутым в чернильницу пером...

— Подумаешь, мысли! — восклицало Солнце. — Новых наберется. Лучших и полезных! Отдай те, что накопились, поделись, не будь жадиной. Твоя скарედность не может продолжаться вечно.

— Только не нужно трогать вечность, — огрызнулась Козьмина.

— Кому же трогать вечность, как не мне! — удивилось Солнце. — В общем, не чуди, не нуди и займись собой. То есть, займись остальными, выбери кого-нибудь и начни доверять и доверяться.

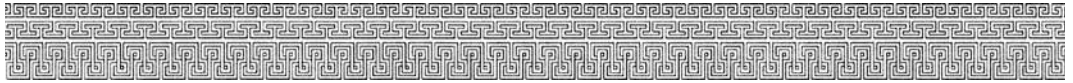
— Кого же мне выбрать, если никто не звонит! — возмутилась Козьмина.

— А ты не сиди в четырех стенах, выйди на улицу.

— Они там внизу все такие маленькие-крошечные, встречные-поперечные, злые, усталые, тобой же измученные!

— Выбери кого-нибудь, а не кого попало.





— Никого не попало!.. Чаю хочешь?

— Чай не пью и варенья не люблю, — Солнце зевнуло. — Не верь тому, что говорят поэты...

— Я и не верю... В гости что ли сходить?

— Сходи...

Занавесочный узор потускнел. Невесть откуда налетевшее облачко превало беседу и испуганно застыло в прохладных высях. Впрочем, ни облачко, ни разговор осадка не оставили.

ПОЦЕЛУЙ КОЗЬМИНЫ (ОКОНЧАНИЕ)

— Але, Людмилочка, пришла бы ты к нам в гости сегодня вечером. Папа свободен. Мы так по тебе соскучились!

— Мама, у меня дело есть. Мне должны позвонить.

— Кто?! Опять Володя этот?! Алкоголик?! Людмилочка...

— Мама, он никакой не алкоголик, играет на валторне в театре.

— Ну да, ну да. Как же — квартет, буфет, актрисы, кулисы, пиво, шампанское — выпить по-человечески некогда. Где уж ему? Занят.

— Мама, ты неправильно рассуждаешь. Он очень приличный парень.

— Ну, дай бог. Действительно, что это я? Тебе видней, донечка. А ты все равно пришла бы, а? Володя, он подождет. Потерпит, раз, ты говоришь, парень приличный.

— Мам, я подумую, ладно?

— Подумай, Люлечка, подумай, а мы ждать будем. Целую.

Куда может подеваться мужчина после того, как ему иносказательно намекнули, что он теперь уже вроде бы не сам по себе, а чей-то еще, совсем как в детстве, когда он был мамин и папин? Его поцеловали церемонно и торжественно, раскрасили ему яркими красками картину мироздания и сказали: ну все, теперь иди, помечтай, подумай, выпишь даже, если получится, однако завтра представь, пожалуйста, свои соображения на предмет того, кто ты теперь есть, и как тебе отныне нужно жить, по каким таким законам и книжкам. Ибо на завтра ему придется явиться обязательно и в глаза сказать на этот счет что-нибудь умное, веское, решительное, искрометное, мужественное, в конце концов. Явится или нет? Куда он денется! Вернее, это вопрос — куда же он может подеваться, если струсит и не вынесет этого испытания? Проще



всего ему, конечно, запить, — запил и ты ничей, проблема решена. Он также может неожиданно заболеть, уехать в командировку, переехать к маме, спрятавшись от невзгод за ее большим любвеобильным сердцем, поменять имя и фамилию и удрать на Сахалин. В конце концов, он может банально роковым образом погибнуть — в состоянии панического ужаса под гул проходящего поезда прыгнуть с перил железнодорожного моста. Или же свести счеты с жизнью более достойным образом — защищая идеалы. Сценарий следующий: таксист, невольный свидетель поцелуя, увозя его подальше от священного, но гиблого места, с присущей работникам транспорта прямоотой пытается открыть ему истинную природу женского обаяния, и охваченный гневом поцелованный «жених» решает таксиста за такие слова на ходу придушить. Развязка здесь очевидна в обоих случаях. Впрочем, все это сказки, сюрреальность, — современный мужчина, как известно, даже запить как следует не способен! Где уж ему об остальном-то думать! Слабый, извините, пол.

Козьмина глянула на ходики — половина шестого. «Здорово я его напугала, Андрюшу моего. Он теперь не знает, с какой стороны ко мне подъехать, к какому месту подгрести, с чего начать. На валторне-то он мне все объяснил, а вот русским языком, живым и могучим... Ждать, или дать ему время отдышаться?»

«Андрюш, я женщина простая, незатейливая, — заговорила вслух Козьмина, обращаясь к телефону. — Так что ты соберись с мыслями, отдышись и позвони. Или записочку оставь, что гораздо проще. А я родителей пока навещу, ладно?»

ДОМ КОЗЬМИНЫ

Козьмина ушла в гости к родителям, аккуратно захлопнув дверь. Ушла, и, стало быть, до свидания, всего хорошего. Следовать за ней по такой жаре сквозь пыль и грохот улиц, иссушая тело, изнуря воображение, в данном случае совсем не обязательно. Зачем? И так ведь приблизительно ясно, какие события ожидают ее в последующие три или четыре часа.

Открыв дверь своим ключом, она войдет в обклеенную мягких тонов обоями полутемную прихожую. Сделав от порога два шага, поворотившись налево, легким поднятием левой руки включит свет, взглянет на себя в зеркало и исправит все погрешности, вызванные погодой и уличной суетой (щетка для волос в выдвижном ящике справа от зеркала, щетка для одежды — сле-



ва). Приведя себя в порядок, скажет зеркалу: «ну, свет мой, зеркальце, привет». Не дождавшись ответа, отступит на шаг назад, не глядя усядется на специальную табуреточку, чтобы перевести дыхание и снять обувь.

Дом ей на этот раз напомнит, например, кабину орбитальной станции. Почему бы и нет? Напомнит вовсе не формами, не содержимым или характером интерьера, но упорядоченной практичностью отсеков, придирчивой строгостью расстановки предметов, высокой досягаемостью приспособлений, приборов и оборудования. Бортинженер квартиры, папа, встретит Козьмину первым, поцелует ее, примет туфли и вручит тапочки. Тапочки будут естественно с задниками, которые нужно будет натянуть на пятки, зафиксировать, вероятно для того, чтоб предупредить проделки невесомости. Затем из кухонного отсека, тараторя и возбужденно размахивая руками, выплывет командир корабля в расписном фартуке и повязанном на затылке головном платке. Начнется радостный семейный хоровод объятий, оханий, всплескиваний руками, фырканий и приступов смеха. Потом на некоторое время наступит предзастольное затишье, — Козьмина уединится в своем любимом научно-исследовательском сегменте «Кристалл», бортинженер улетит в модуль «Заря» раздвигать стол, а командир корабля через спальный отсек выйдет в открытый космос за капустой, огурцами и яблоками.

Козьмина вплывет в свою комнату, приблизится к висящей на стене гитаре, камертонно, громко и резко вскрикнет: «Эй!» Инструмент несмело и печально отзовется струной «си». Поздоровавшись таким образом с гитарой, внимательно выслушав ноту, Козьмина сядет на диванчик и оглядится. Фотографии на стенах примутся изучать ее тревожно и настойчиво, — похудела, глазки потускнели. Торшер наоборот будет выражать ей безразличие и беспечность и, слегка наклонившись к окну, высматривать что-то там на улице. На застекленной книжной полке будет отсутствовать второй том собрания сочинений Лескова, — папа ведь опять читает «Левшу» и «Очарованного Странника». На крышке принтера, скрепленные бельевой прищепкой, будут лежать листки свежераспечатанных кроссвордов. С экранной заставки монитора будет изумленно глядеть двенадцатимесячная Козьмина, сидящая за кухонным столом с раздавленным абрикосом в руке и с разводами абрикосной мякоти на лоснящихся пухлых щеках. Потом стукнет входная дверь, явятся знакомые голоса с раскидистым букетом знакомых шуток. Вероятнее всего, придет мама двоюродная сестра Стелла Захаровна с маленькой двухлетней дочкой Леночкой. Леночка громко, распевно попросит яблоко или грушу.



В гостиной проснется и нежно замурлыкает музыкальный центр. Усилится запах супа из кухни, суповой аккорд заметно обогатится душистым консонансом мелко нарезанного укропа. В щель неприкрытой двери осторожно и почтительно протиснется кот Патиссон.

— Что слышно, Патик? — спросит Козьмина, взяв кота за передние лапки, — Как дела?

— Мур-ра! — ответит ей Патиссон, большой пессимист и ворчун.

— Еще какая мура! — согласится Козьмина. — Мура и жуть полнейшая! Ты есть-то хочешь, Патик?

— Мн-ня, — кивнет ей кот (коты-пессимисты обычно предпочитают Краковскую колбасу без шкурки, нарезанную тонкими ломтиками. Краковская в доме бывает не всегда, и этот факт является основным источником их пессимизма).

— Ну, пойдем, пойдем, — скажет коту Козьмина. — Подкрепимся как следует.

Они вдвоем отправятся к столу, за которым как засватанная будет сидеть Стелла Захаровна и рядом с ней Леночка. Имея о засватанности очень отдаленное представление, Леночка будет нетерпеливо и размеренно стучать вилкой по накрытой салфеткой тарелке. У стола охваченный суетой папа неуклюже и бездарно будет пытаться выполнить мамины указания, которые та, скорее всего, начнет давать ему, не выходя из кухни. Такие, например:

— Глянь салфетки на антресолях! Над баром!

— Да гляжу я на эти антресоли! Нет тут ничего!

— От говорила ж мама мне! Говорила: «не ходи за этого, за интеллигента»!

Они ничегошеньки ж, говорила, в жизни не знают! Права ведь была! Зови дочу, иду я уже!

Папа с горестным видом усядется во главу стола. Мама войдет в комнату, аккуратно балансируя с расписной фарфоровой супницей в руках.

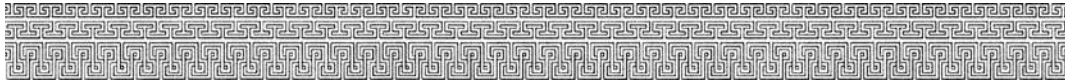
— Супчик, Людмилочка, несу, — скажет она. — Лучшее средство от нервов.

— А чай, — заметит папа, — лучшее средство от алкоголизма. Если пить его вместо водки.

— А родственники, — заключит Козьмина, — лучшее средство от одиночества.

Здесь Леночка вдруг скажет что-нибудь уморительно смешное, задаст какой-нибудь удивительный вопрос:





— Зимочка, ты хочешь угореть? — спросит Леночка.

— Бог с тобой! Не хочет, конечно! — испуганно ответят за Козьмину все хором.

— Но он же вкусный! — будет настаивать Леночка.

— Кто «он»?! — пропоет еще раз хор взрослых на более высокой ноте.

— Ну, у-га-рець же! — расстроится ребенок.

— Несу огурчики, забыла! — вскочит мама и поспешит на кухню.

— Как живешь, доча? Не скучаешь? — спросит Козьмину папа.

— Весело, папка, — ответит Козьмина. — От телефона не отхожу.

— Вот и славно, — успокоится родитель...

Все будет именно так, или примерно так. Поэтому совсем не обязательно сейчас тащиться за Козьминой по душным и скучным улицам, мешать ей, вторгаться в ее, как ни странно прохладные мысли, рискуя испортить себе самочувствие, настроение и аппетит.

РЕЗОЛЮЦИЯ КОЗЬМИНЫ

Она вернулась. Козьмина вернулась домой. Вернулась поздно. Что можно еще сообщить?.. Надоело, честное слово. Это бесцельное сидение дома, это ожидание неизвестно чего, эти гадания на игральных картах и солнечных бликах. Произойдет, черт возьми, хоть что-нибудь, или... впрочем, Козьмина заметила усиленно подмигивающий ей огонек автоответчика. Огонек намекал, что есть новости. Какие именно, она в принципе догадывалась:

«Козьмина, здравствуй, это, э-э-э, Володя. Извини, я не мог раньше. У меня день сегодня, э-э-э, тяжелый был. Не успеваем с новой, э-э-э, постановкой — запарка. Позвони, когда вернешься».

Едва дослушав окончание сообщения, Козьмина набрала номер:

— Андрей, привет.

— Андрей?

— Да, я подумала: надо быть покладистой. Наверное, тебе все же так удобнее, если я буду называть тебя Андреем. Андрюшей. Удобней, правда?

— Как сказать. Иногда хочется чего-то необычного...

— Нет-нет, я уже решила... Андрюша, так чем мы с тобой займемся завтра, раз сегодня ты был так занят?

— Козьмина, у меня есть товарищ. Друг, так сказать. Ну, знаешь, футбол, шахматы и прочее. Хороший парень, гостеприимный. У него там веселая



компания собирается — англичане, жена бывшая приехала. Не то свадьба, не то день рождения. Приглашает нас с тобой. Как ты на это смотришь?

«Выкрутился Андрюшенька, молодец, — подумала Козьмина. — Коллектив помогает нам избавляться от комплекса заурядности и чувства неловкости. Могучее биополе подходящей компании лечит стеснительность и неуверенность в себе».

— Я смотрю на это положительно, — ответила она. — Пойдем, конечно. Я очень рада. Давненько я не употребляла свой английский в непринужденной обстановке...

«Вот и поговорили, — подумала Козьмина, положив трубку. — Ни ясно ни пасмурно».

Про любовь мне мой миленок
На гитаре набренчал.
Да сказать о том силенок
Не хватило — промолчал.

Частушечно пропела она.

Ку-ку, — вдруг сказали ходики.

Вот именно, — согласилась Козьмина.

IX

Кнопка электрического звонка — активная точка жилища, его чувствительный центр, сплетение нервных окончаний. Стоит надавить на эту точку, тщательно ее помассировать, как весь огромный организм квартиры, все уснувшие в нем процессы придут в возбужденное состояние. «Ах, батюшки! Идут! — вскинется организм. Или — какого лешего! Кого еще черт принес!» Кнопке у входной двери следует быть подобием фортепианной клавиши — обладать свойством выражать чувства исполнителя. Широкий динамический и интонационный диапазоны звучания должны легко передавать хозяину образ мыслей и настроение гостя, ведь это так важно, ведь любой, даже самый гостеприимный, самый открытый, честный, обрамленный сиянием жилец всегда держит про запас подлую мысль, трусливый порыв: «А может, лучше не открывать? Может, пусть себе думают, что никого нет дома» ... Но вернемся к чудесной кнопке. Такая кнопка — сущий праздник для тех, кто явился просто так, без забот и тяжелых мыслей. Ее следует закрепить справа



от двери. Для тех, кто пришел по делу, кому лень самовыражаться или для убежденных левшей у входной двери слева можно врезать вторую кнопку, при любых манипуляциях произносящую холодно-бесстрастный одинаково размеренный «бом». Впрочем, новички, новоявленцы вряд ли смогут разобрататься что к чему, и будут давить на первую попавшуюся, ту, которая попригожее, или первой подвернется под блуждающий в тревожном сомнении палец.

В дверь сначала позвонили вежливо и приветливо — «тирлир-ли», затем дважды ударил гулкий и прохладный «бом». Сергей вдохнул и выдохнул очень значительно. «Иду, родненькие!» — пропел он, имитируя старушечий голос, и, комично шаркая обувью, засеменял к двери; открыл, окинул широким взглядом, развернувшийся перед ним диптих, сделал приглашающий жест, загадочно поинтересовавшись при этом: «кто из вас сейчас два раза исполнил «бом»?»

— Это я исполнила, — сверкнув глазами, призналась Козьмина, проходя за порог. — Совершенно искренне, поверьте...

— Друг! Привет! — вдруг взвинчено воскликнул хозяин, хищно набросившись на вошедшего вслед Козьминоного кавалера. — Сколько лет!.. То есть, этих, дней!

— Т-ты чего? — натужным шепотом спросил, взятый в обхват Андрей.

— Нервничаю, кажется. Паникую, — скороговоркой пробормотал Сергей у его уха и отпустил.

— Х-эх! Привет, в общем, — Андрей повел плечами, словно оправляя одежду. — Вот, позволь представить, Козьмина, моя, к-хм, знакомая.

— Ах, Козьмина! Прекрасно! Замечательно! Сергей! Очень рад!

— А уж как я рада, — ответила Козьмина с иронией, подсмеиваясь над горячностью хозяина.

Он сразу уловил эту иронию и немедленно сник, остыл, принялся произносить замысловатую фразу, вероятно заготовленную заранее, однако сбился, стушевался. Но тут выручила бывшая супруга:

— Ромашкин! — покрасневшая Николина лебедью выплывала из комнат, — Джош зацепил твою гитару своим одиннадцатидюймовым ботинком! Струну порвал! Ты на пяти играть сможешь?! Я их успокоила, сказала, что русский человек может без проблем обойтись и тремя.

Разглядев гостей получше, она сразу перешла на родной язык:

— Наши люди! Какая удача! — воскликнула она. — Разбавим виски самогоном!



— Ударим бездорожьем и разгильдяйством по автопробегу, — вставил Сергей.

Все четверо не успели еще как следует расшаркаться, посеCRETничать у входной двери, как начался развод караула:

— Сережа, приборы! — строго скомандовала Николина.

Бывший муж сделал разворот кругом и строевым шагом пошлепал на кухню, едва заметно, беззвучно шевеля губами, а хозяйка с детской непосредственностью и одновременно с изяществом протиснулась в едва различимый интервал между гостем и гостьей, развернулась и, торжественно взяв обоих под руки, объявила:

— Ну, пойдёмте. Обувь снимать не нужно. У нас весело — в основном благодаря моему спасительному присутствию на этих похоронах. Вы сейчас сами убедитесь. Тронулись, да?

Они тронулись чинно и неторопливо. Их плотная шеренга нестройно и гулко постукивала каблуками по паркету прихожей. Николина продолжала вещать поставленным голосом экскурсовода, не прерываясь:

— Обратите, пожалуйста, внимание на тон нашего паркета. Типичный «лесной орех». Мило, не правда ли? Когда-то это был «каштан». Что поделаешь, мы любим принимать друзей, это наша идеология. Наши гости, в силу своей природной скромности, любят топтаться в прихожей. Мы, в силу нашей исключительной открытости, не позволяем им разуваться. Поэтому через год-два, подозреваю, натопчут «янтарную сосну» — тоже очень милый оттенок... Так вот, гостей у нас сегодня много — иностранцы. Народ чуткий, внимательный, предупредительный до тех пор, пока не накурятся. Вы и сами сейчас все увидите. Хотите, садитесь со мной у стола, а желаете — располагайтесь сами, где понравится. Места много. Вам и нальют, и поднесут.

Зала была довольно просторна, в центре ее на стриженной ковролиновой поляне в пасторальных позах расположились зарубежные гости числом около десяти, они шумно беседовали, смеялись, ели с разноцветными начинками тарталетки и запивали их красным вином.

— У вас пикник? — спросила Козьмина.

— У нас привал, — поправила Николина. — Пожалуйста к столу.

Стол, ненужный, единодушно проигнорированный всей напольной компанией, небрежно покрытый скатертью и хаотично местами сервированный, стоял за поляной у окна. Николина тоном преподавателя старших классов представила гостям прибывшую пару, предъявила словно давних знакомых.



Выслушивая ее речь, весь привал одобрительно улыбался и утомительно кивал. Быстро устав от исполнения роли музейного чучела, Козьмина начала вертеть головой, разглядывать потолок, обои и обстановку. Оглянувшись, она заметила в углу комнаты гитару, бережно поставленную стоямя в мягком кресле; оживилась, подошла к инструменту и уже хотела в виде приветствия крикнуть в раскрытый зев резонатора привычное «эй!», но тут заметила, что «отзывчивая» струна «Си» отвергнуто, убито, в посмертной агонии повисла упрямым завитком. «Бедная», — подумала Козьмина, сочувствуя скорее струне, чем гитаре.

Вдруг она ощутила, что поляна у нее за спиной пришла в движение, завоzilась, запричитала, заохала. Козьмина обернулась, — гости в непонятном порыве повскакивали с ковровина и теперь водили беспорядочный хоровод вокруг одного-единственного, продолжавшего в смущенной оторопи сидеть на полу, мелко сучившего ногами в огромных ботинках. На пороге залы тем временем появился Сергей с поролоновой губкой и баллончиком пятновыводителя в руках.

— Дело дошло до *ковропролития*, — строго сообщил он вмиг притихшей толпе, глядя при этом лишь на Козьмину. — Попрошу расступиться. Сейчас будем выводить.

— Джоша выводить? — спросила она, почти догадавшись что к чему.

— Пятно выводить, — пояснил он лично ей. — Джош, так и быть, пусть еще посидит, но красного ему больше не наливать.

Вытирая губкой взмокший лоб, на ходу снимая с баллончика колпачок, он проник в центр хоровода и энергично припал на одно колено перед краснокровавой кляксой, расплывшейся на ковре в форме Шотландии. Наблюдавшие за его трудами зарубежные гости вновь возбужденно загалдели, запричитали.

— Надо же! — громко сообщала ему Козьмина сквозь бушующее оцепление. — У вас порвалась именно вторая струна!

— *Вылитая* Шотландия! Представляете?! — истошно докладывал ей Сергей.

Шарканье хоровода произвольно сменилось топотом дабл-джиги. Скрипучие половицы под ковровином дрожали и задыхались.

— Струна! — кричала она.

— И я ни хрена! — кричал он. — Что?!

Толпа гудела как на стадионе. Отрывистым и бессмысленным фейерверком выстреливали в потолок фразы и междометия.



— Струна! Вторая! — орала она ему, выразительно чикая себя ладонью по горлу, и указывая на гитару.

— Си! — по-испански подтвердил он, поняв наконец. — Струна «Си»!

«Ну и поговорили», — подумала она.

«Вот и поговорили», — подумал он, удовлетворенно припечатывая губкой Шотландию.

Мастер-класс по пятновыведению завершился бурными аплодисментами. Сергей, словно дирижер оркестра, энергично раскланивался на все стороны, потуплял взор, прикладывал руки к груди и отрицательно мотал головой, намекая на незаслуженность оваций в свой адрес. Он выразительно указывал рукой то на Джоша, продолжавшего в смущении сидеть на полу, то на Козьмину, в приступе сочувствия прилипшую к гитаре. Указывал щедро и настойчиво, как на истинных виновников и вдохновителей его успеха. Жестами приглашая Джоша и Козьмину присоединиться к нему и в совместном благодарном па-де-труа разделить лавры всеобщего обожания.

— Козьмина, что же вы не идете?! — Николина за столом явно скучала. — Мы с Андреем вас ждем-ждем! Не обращайтесь внимание на этот переполох, на этот дурдом, бросьте, они сами разберутся!

— Вы думаете, разберутся? — спросила Козьмина, подсаживаясь. Спросила лишь для завязывания разговора.

— Будьте покойны! Я тут еще и не такого цирка успела насмотреться... Давайте, эх, лучше по рюмочке...

— Небольшая неувязочка: моя дама не пьет, — заметил Андрей.

Ну-ну, не пугай, — урезонила его Козьмина. — Я ведь уже пила алкоголь однажды, было дело. Пристрастилась к бутылке под твоим же руководством. Вспомнил?.. Ох, еле до кровати доползла в тот вечер. Поэтому незачем теперь стесняться. Только я, право, не специалист... Может быть кофе с коньяком?

— Кофе?! Идея! — обрадовалась Николина. — Вот что, дорогая моя! Пойдемте, поболтаем за кофе! У них растворимый только, но я сделаю как надо, такого вы еще не пробовали... Андрей, мы вас покидаем. Отдыхайте, веселитесь. Вам ведь тут интересней, правда?

Не выслушав ответа на свой вопрос, она торжественно повела гостью вон из залы в кухню, к ее возбуждающим ароматам и в ее же успокаивающую тишину.

«Ох, почти достали! — вздохнула она, усаживая Козьмину. Увидела ее произвольную реакцию на свое восклицание и улыбнулась. — Не пугайтесь,



это не мое лицемерие говорит, вовсе нет. Англичане сами уже два раза сегодня спрашивали меня на чистом русском: «Мы вас уже достали? Нам уже пора?» — «Ради бога, — отвечаю, — сидите. Я сама здесь проездом из Бильбао в Великие Луки, и когда достану Сережу и Кена своим присутствием, мне тоже будет уже пора». А вы борща, между прочим, не хотите?.. Нет? Борщ замечательный! Кен, знаете, как его трескает? За милую душу. Я тоже сегодня от него не отставала. Обожаю! Не будем же прямо с кофе начинать. Не хотите?.. Вот, смотрите тогда: тарталетки или, вон там, изумительные сэндвичи с индейкой и клюквенным соусом, — Кен постарался. Салат наш, отечественный — оливье. Давайте, берите. Что же вы? Угощайтесь, а я кофе займусь. И коньяк есть, а как же!»

На столе появились три кофейных чашки, сахарница, баночка кофе и причудливой формы початая бутылка коньяка «Максим Трийоль» с крестиком и ноликом на этикетке.

«В две чашки насыпаем по ложечке растворимого, в третью опускаем два кубика рафинада, — поясняла Николина, — Вовсе не для того, чтоб пить вприглядку, — мы зальем кубики коньяком и будем ждать, пока они основательно не напитаются «Максимом», не окосеют как следует. А потом будет фокус... — Николина поморщилась. — Ох, голова болит от их Стинга с Джоном Ленноном в Серезином исполнении. Замучили его! Он из-за этих битловских перепевов вот-вот сегодня голос потеряет, а я еще «Невечернюю» не слушала и другие наши песни из юности. А ваш Андрей, он кто?.. Музыкант? Ну-у, Серезина мечта. Он всегда хотел музыке учиться. А голос какой у него!.. Математика его замучила, любила его страшно, кровинушку. Он от нее и так и этак открещивался — не вышло. Измотала она его, добила, женила на себе, заманила на *матфак*... Ой, сказала, словно выругалась. Не страшно, правда?.. Ну вот. Зато он в самодеятельности в институте за все отыгрался. Пел как бог! Из конкурсов не вылезал. Потом бросил играть на дровах, брэнчать обрезками проволоки, заработал себе на гитару — настоящую, классическую, лакированную, изящную. Купил самоучитель Каркасси, и покатило, зазвенело, завибрировало, задребезжало! Сколько я лажи наслушалась дома, когда он этюды свои разучивал! Это невозможно представить. Сколько порывов в себе подавила — отнять у него гитару и трахнуть ею о стену! Трудно пересчитать. А он упорно учился, учился и, эх раз, еще раз, учился. К репетитору ходил. И вот, через год, через два, праздник души начался, апофеоз, награда за все мои страдания. Он даже из Баха исполнял лютневые пьесы, из Скарлатти



сонаты. Не все конечно, некоторые, что попроще. Обожал их. И сейчас иногда играет, но не так хорошо, техники уж той нет, не до музыки. Время такое — занят... М-да. Это я все о хорошем, о плохом не буду. Зачем? Жизнь меняется, идеалы рассыпаются, мечты мутируют, люди разводятся...»

Николина присела у стола рядом с Козьминой и осторожно, в два-три приема придвинулась к ней поближе:

— Давай, на «ты» на минуту.

— Давай. Можно на две, если нужно, — Козьмина взяла в руки чашку с медленно пьянеющим рафинадом и осторожно принялась.

— Ароматище, да? Мужу бывшему везла, — объяснила Николина. — А он носом покрутил и даже не притронулся, не пригубил. Аристократ чертов... Заехала, понимаешь, погостить на недельку, увидела Сережу и немножко размякла... Вот как ты думаешь? Такая мысль: он хоть, во-первых, и бывший, но все-таки, во-вторых, муж, и если отбросить прочие условности...

— Совершенно заурядная мысль. Только учти, все может выйти совсем не так, как ты себе это представляешь.

— Я это уже учла и многое, кажется, прекрасно представляю...

— Вот именно: угасает завершающий аккорд, он встает, одевается и уходит.

— Нет-нет, наоборот.

— Ах, ну конечно: угасает завершающий аккорд, ты встаешь, принимаешь душ, укладываешь волосы, наносишь грим, гладишь ему рубашку, готовишь ему завтрак, оставляешь записку, одеваешься и уходишь.

— Потому что, во-вторых, он хоть и муж, но, во-первых, все-таки бывший.

— Точно.

— А у тебя тоже есть бывший?

— У кого в наше время его нет?

— Действительно... Ах, глупости, это все чисто теоретические размышления... Вот с Андреем у тебя ...

— С Андреем у меня пока лишь коньяк, шахматы и музыка.

— Что ты! Счастливые деньки. Первый взгляд, первое прикосновение, первый поцелуй.

— Первый мат.

— Ой! В каком смысле?

— В шахматном.

— А-а, понятно. Мужики, они такие — в поддавки играть не любят... Ох, гори оно все синим пламенем...



Пламя синело осторожно и загадочно едва заметным аккуратным венчиком. Николина колдовала, держа ложечку с горящим кусочком рафинада над чашкой кофе. Когда венчик поблек, растворился в воздухе словно привидение, она шепотом произнесла «крекс, фекс, пекс», опустила ложечку с зельем в кофе и помешала. «Пригубляйте, — приказала она глухим голосом. — Сейчас вы почувствуете разницу между прожитой жизнью и будущим». Козьмина пригубила смесь и действительно ощутила, что переместилась в более рафинированное, более одухотворенное состояние. Мысли стали слышнее, звонче, цветастее, значительнее, мудрее.

— Козьмина. Вас Козой в детстве называли? — Николина скорее утверждала, чем спрашивала.

— Меня?! — Козьмина попыталась удивиться и округлить глаза, но у нее не получилось.

— Не обижайтесь, я из вашего же клуба. Меня тоже вечно как-нибудь дразнили. В прозе: «Колись, Николина!» или в поэтической форме: «...Наелась Пластилина». Другая вариация — «...Наелась Гуталина». Потом в школе величали Николиной Нидвориновной. Море фантазии. Отец у меня Николай, а мать Инесса. Постарались родители, сообразили мне имечко.

— А я Людмилой должна была быть, — Козьмина отвлеклась от жевания тарталетки. — Мать записку писала из роддома, рука и дрогнула.

— Что вы говорите? — восхитилась Николина, — Удивительное совпадение! У нас знакомый есть, Никодим. Так вот он должен был быть Николаем, а мать вся квелия после родов, зубы стучат, руки трясутся, сил нет никаких, написала записку: «Наш Николай такой живчик, весь в тебя», передала отцу, а тот прочел: «Наш Никодим...» и как истинный живчик побежал с друзьями отмечать это дело. Жуткий был постфактум, когда мать его домой вернулась. Однако, из песни слова не выкинешь. Мать накричалась, успокоилась, присела и подумала: а имечко-то ничего себе — праведное, серьезное.

Беседа замерла. Женщины принялись неторопливо растворяться в кофе; сидели, выставив локти на стол, удерживая чашки обеими руками на уровне подбородков. Николина обмакивала верхнюю губу в кофейную муть, глядела не то в окно, не то немного повыше, словно любовалась невидимой настенной росписью, словно из мимолетных приятных ассоциаций пыталась вырастить какое-то значительное и радостное воспоминание. Козьмина, разглядывая настольные яства сквозь марево кофейных паров, вдруг почувствовала, что где-то совсем рядом разрастается непонятная и таинственная возня. Она прислу-



шалась: вот из блеклых, едва уловимых монотонных шумов и гулов ленивого и горячего вечера, из скучного шелеста английской речи в гостиной выскочил негромкий испуганный взвизг, словно кто-то наступил на хвост полевому тушканчику; затем, толпясь и стремительно сменяя друг друга, последовали пассажи, состоявшие из поскрипывания и шуршания, ерзанья и ленивого трепыхания, хриплого ворчания и безвольного бряканья; наконец, вся эта рассыпчатая и неяркая прелюдия сменилась звуком медленно и натужно ползущей вверх ноты. Нота временами нервно вскрикивала, останавливалась, переводила дыхание, и затем вновь, противно гундося, принималась ползти вверх. Ее голос постепенно становился звонче и строже, звучал отрывистей и уверенней. Нота еще дребезжала, еще фальшивила, еще гундосила, но песнь ее все увереннее обретала серебристость, остроту и чистоту тона. В самом финале, пискнув напоследок и выдержав короткую вдохновенную паузу, нота вдруг вспыхнула ярким, раскидистым и сочным аккордом. «Си, Сеньор!», — подумала Козьмина. В этот момент в коридоре что-то гулко стукнуло, возмущенно звякнул и занял набор струн, расстроенный голос сдержанно произнес: «ах ты, черт!», затем через полтакта на пороге кухни с гитарой в руках возник Сергей.

— Чаепитие в Мытищах близ Москвы, — задумчиво произнес он, созерцающая женское общество. — Я туда попал?

— Ой, Сереж, туда, туда ты попал! — очнулась Николина и зачатила. — Ты нашел струну!? Натянул? Прелесть! Чудо! Так! Начинаем концерт! «Наши» все в сборе?!

— Андрея не хватает, — напомнила Козьмина.

— Андрея нам действительно сейчас не хватает, но он вот-вот подойдет, — сообщил Сергей.

«Си, Сеньора», — осторожно подумал он, уселся на табурет в стороне от стола лицом к Козьмине, дал аккорд, прислушался, поморщился и опять занялся настройкой, воспитывая и увещевая ускользящую, уплывающую, капризничавшую тональность. Струна еще некоторое время продолжала грубить, вредничать, диссонировать, фальшивить, но вот, наконец, сдалась.

— Ох, духота, — томимая ожиданием пожаловалась Николина. — Вроде это я к вам из Испании прилетела, а у нас ведь там посвежее будет.

— Духота, — согласился Сергей и объявил. — Аравийское танго...

Тяжел как сон горячий зной,
Темнеет мякоть авокадо,



Забыто тает словно наст весной
Надломленная плитка шоколада...

— Нет-нет-нет! — горячо запротестовала Николина. — Только не «Аравийское» и только не «танго»! И так одуреть можно!

— Ладно, — легко согласился Сергей. — Согласно пожеланиям измученных зноем трудящихся сейчас будет исполнена слабо газированная прохладительная песня без сиропа с освежающими ледышками флажолетов:

Стужа такая, что стынут глаза,
Иней на скулах, и льдинка-слеза
Бусиной катится по онемевшей щеке.
Губы целуют колючий норд-ост,
В дырочках небо от вымерзших звезд,
Нос притаился, зажатый в моем кулаке...

— Я зябну, милый друг!.. Ах, прикрой мои бледные ноги!.. Декадентство сплошное! Ромашкин, что за дикий репертуар у тебя сегодня? Не узнаю тебя! — опять развозмущалась Николина.

Она заметила у порога Андрея, тот нерешительно топтался и стеснительно поеживался.

— Еще один отшельник явился, — мысленно пошутила Козьмина. Сергей внимательно взглянул на нее и выдал следующий номер:

Отшельник
В сочельник
Рассольник хлебал,
Светильник коптил,
Кипятильник журчал.
Пришел понедельник,
Будильник молчит,
Пустой холодильник
Сердито урчит.
Подумал отшельник —
На службу пора,
Сжевал можжевельник,
И прочь со двора...



— Замерз? Проходи! — Сергей прервался и жестом пригласил Андрея к столу, — Моя оратория уже проскочила экватор, прохладительный сеанс дал положительный эффект.

— Мне, право, неудобно врыватья в партер после третьего звонка, я думал отсидеться на балконе или дождаться антракта...

— В антракте намечаются танцы, так что ворваться будет еще труднее... — Сергей отбил дробь на корпусе гитары. — Давай, заходи, чего ты?

— Андрей, вам коньяк? — предложила Николина.

— Не откажусь, — Андрей кивнул, подошел к столу, — для настроения.

Сергей крепче обнялся с гитарой и заметил:

— Андрей наговорился по-английски на год вперед. Англичанки наши его о чем-то долго и подробно расспрашивали. Прямо приклеились к нему.

— Да мы, в общем, ни о чем конкретно... О музыке говорили.

Андрей смущенно взглянул на Козьмину. Она лишь весело сверкнула глазами.

— Ох, жара, — опять пожаловалась Николина. — Дождь-то у вас, когда был в последний раз?

— Давно, — философски заметил Сергей, — теория дождя буксует и опровергается действительностью.

Он звонко откашлялся и запел, сопровождая пение завораживающими мелодическими и голосовыми выкрутасами:

Тучное облако — символ летучести,
Очень страдало от собственной тучности.
Тихо бродило над лугом и пашнею.
Думы насыщенные, мысли вчерашние.
Дождь по Декарту и дождик по Хэттону
Спутали карты облаку этому.
Не помогали давленье паров,
Точка росы и смешенье ветров.
Легче расплакаться, проще расстроиться -
Может само как-то все и устроится.

— Ах-ах-ах, Сережа, как вы замечательно поете, — подумала Козьмина, отхлебнув кофе.

— Это я просто выпендриваюсь. Хочу вам понравиться, — поразмыслил Сергей.



— Ну-у, Сереж, продолжайте выпендриваться, пожалуйста, у вас это очень хорошо получается, — подумала Козьмина.

— Это — когда как, — безмолвно развил мысль Сергей. — Иногда выходит совсем наоборот: пресно и глупо.

— Интересно, мы действительно с вами мысленно общаемся, или мне это только кажется? — спросила себя Козьмина, глядя на Сергея.

— Почему бы и нет? — подумал Сергей, взглянув на нее.

— А вот, мы сейчас проверим, — мысленно заозорничала Козьмина. — Поднимитесь, подойдите к окну, откройте его и прыгните вниз.

Сергей поднялся, отложил гитару, подошел к окну и начал его открывать.

— Стойте! Что вы делаете?! — уже вслух закричала Козьмина. — Зачем?! Я передумала!

— *Что* вы передумали? — повернулся к ней Сергей и улыбнулся. — Жарко. Я хочу открыть окно. Устроить небольшой сквознячок для бодрости.

— Ах, ну конечно, — смутилась Козьмина и успокоилась.

Николина с живым интересом глянула на них обоих и слегка прищурила глаза.

Сергей постоял немного у окна, вдыхая почти неощутимую вечернюю прохладу улицы, потом вернулся на свое место и взял гитару.

— Поверили. Ну и ну, — подумал он, слегка подтягивая струны.

— Да, поверила! Я больше не буду, — мысленно извинилась Козьмина.

— Сереж, ну все! Заканчивай свой прогноз непогоды! Давай уже «Невечернюю», — подсказала Николина. — Наши гости такого, я думаю, еще не слышали: «Невечерняя» для мужского голоса. Для дуэта, если Андрей пожелает подтянуть вторым.

Сергей раскатисто дал вступление и затянул голосом так, что Козьмина поперхнулась кофе и закашлялась. Николина улыбнулась и опять с прищуром поочередно на них взглянула.

— Мама! — отчетливо подумала Козьмина. — Где тот Холмогорченко с его сиплым табором?

Мыслей Сергея она больше не услышала.

— Померещилось, — решила Козьмина.

— Конечно — померещилось, — подумал Сергей.

От бурных аккордов и стонущих пассажей «Невечерней» готовое закатыться солнце в изумлении оцепенело, и закат произошел на полторы секунды позже положенного, в сети случился скачок напряжения, в третьем подъ-

езде дома между этажами застрял лифт, во всех квартирах у готовых выпить жильцов в руках дрожала посуда, тряслась не от прибоя звуковых волн, а от едва сдерживаемых приступов рыданий; в галантерейном магазине напротив сработала и тревожно завывала сигнализация. Козьмина поспорила сама с собой на бутылку коньяка, что внизу под раскрытым окном случайные прохожие начали останавливаться и в недоумении прислушиваться к этому беспределу страсти, несущемуся из недр второго этажа. Немного погодя к пению подключился Андрей. Он вторил аккуратно, изящно, пылко, не разрушая стиля. Женщинам в эти минуты стало совсем не по себе. Глядя на Николину, можно было легко заключить, что она, конечно, ожидала спектакля, была готова к неожиданностям и сюрпризам, но такой фейерверк совершенно застал ее врасплох!

Когда Сергей закончил, Козьмина перевела дух, поднялась, покачнувшись, перевела дух еще раз, подошла к окну и выглянула вниз. Комично выпучив глаза, с кем-то там внизу раскланялась. Затем, усмехнувшись, выпрямилась, вдохнула от набежавшего ветерка и с озорным видом повернулась к остальным.

В этот момент из прихожей послышался шум. Англичане с деловыми физиономиями, присущими не совсем трезвым людям, куда-то собирались всей гурьбой.

— В бар идут, или в ночной клуб, — прокомментировал Сергей. — Эти люди выкованы из стали. Будут тянуть свой виски до утра. И покуривать.

— Мы тоже, наверное, пойдем, — сообщил Андрей, взглянув на Козьмину. — Нам пора.

— Почему пора? — попыталась удивиться и округлить глаза Козьмина, но у нее опять не получилось.

— Почему пора? — повторила вопрос Николина, в удивлении вытянув лицо.

— Засиделись, — ответил Андрей, пожав плечами.

— Засиделись, — повторила за ним Козьмина, окончательно растеряв остатки воли.

Мужчины переглянулись и вышли в прихожую. Николина поднялась, выдернула откуда-то листочек бумаги и записала на нем ряд цифр.

— Очень жаль! — обратилась она к Козьмине, протягивая ей листок. — Очень! Вот, возьмите наш номер телефона. Не потеряйте. Позвоните мне обязательно. Встретимся, поболтаем, о чем не успели. Вас ведь не утомило мое общество, правда?.. Ну вот, прекрасно. Мне с вами было тоже очень весело...



Дальше был густой и терпкий вечер, ленивая и безразличная луна, сонный парк, пустующая Козьмина скамейка, вялый трепет листвы, помалкивание...

— Андрей, я проиграла себе бутылку коньяка, — неожиданно вспомнила Козьмина. — Давай, я куплю.

— Кому ты проиграла?

— Ну, себе же! Какой ты непонятливый! Идем. Напьемся сейчас вдрызг.

Они зашли в ближайший магазин, Козьмина выбрала коньяк подороже. Повертела бутылку в руках и повернулась к Андрею:

— Пойдем ко мне. Приглашаю. Выпьем. Ты скажешь все, что собирался. Собирался ведь, правда? Или я фантазирую?.. Вот это, — Козьмина выставила бутылку вперед, — тебе как раз и поможет.

Неслышно ступая и тихо переговариваясь, они добрались до Козьминоного дома. Поднялись наверх. Когда они вошли, Козьмина взяла Андрея за руку, провела в гостиную, усадила его на диван, достала приборы, сама открыла коньяк, уселась с ним рядом, как-то даже нетерпеливо плеснула ему в рюмку из бутылки и пояснила:

— А это тебе для храбрости. Ой, хотела сказать: для бодрости. Пей. Я пропускаю.

Андрей выпил и, немного поразмыслив, начал что-то говорить.

— Слушай, Андрюша, — перебила его Козьмина. — Вот скажи. Никодим — это распространенное имя?

— Никодим? — переспросил Андрей и, немного подумав, ответил, — мне кажется — очень редкое.

— Вот и мне тоже так кажется, — согласилась Козьмина и решительно встала. — Ты располагайся удобнее, выпей еще. Я сейчас. Мне нужно позвонить и уточнить одну вещь.

Она вышла в прихожую, взяла сумочку, нашла в ней листочек с номером телефона и взгляделась в него. Номер был записан на страничке из календаря за шестое число.

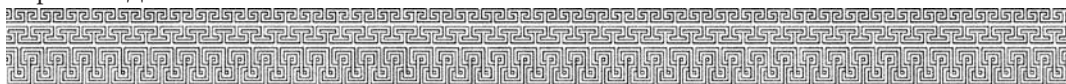
— Бред, — вслух сказала она. Подошла к телефону и набрала номер. — Редкое имя или нет, это мы сейчас узнаем, — сообщила она себе.

Трубка некоторое время не отвечала. Затем заговорил автоответчик:

«Привет. Здесь живут Сергей и его друг Кен. Прежде чем оставить сообщение, подумайте: туда ли вы попали, и стоит ли тратить слова, если есть мысли поважнее; впрочем, мы не возражаем, начинайте после сигнала».

— Туда я попала, — проговорила Козьмина, выронив трубку...





Х

ПОЦЕЛУЙ НИКОЛИНЫ

В роскошных, тяжелых кронах черешневого сада гуляет ленивый и горячий июньский ветер. В отдалении, за межой, охватываемая волнами сладкого дурмана, вяло колыхнется пьяная люцерна. Лоснятся и трепещут налитые соком жизни и любви «бычьи сердца». Слышатся насмешливые возгласы: «Ох, ну какой же ты *засухонеустойчивый!* Ах, до чего же ты *трудноопыляемый!*» Это она! Ироничная, непредсказуемая, вспылчивая, манящая. Она, которая кадрит вас в черешневом саду, предлагает переступить через себя и поесть немытой черешни. Она, которая сидит на нижней ступеньке стремянки и острит в ваш адрес, называет вас чистюлей-красатулей и горячо призывает брать черешню прямо из ведра. Вы немытые фрукты с детства принципиально не употребляете, а тут еще предлагают что-то из грязного ведра — ужас!.. Что же там собрано? Вы пересчитываете ягоды. У нее, у которой в ведре их всего-навсего тридцать две, совершенно невинные, даже мгновениями застенчивые глаза. Она понятия не имеет, куда подевались остальные ягоды, снятые с огромной освобожденной от бремени ветки, которой она словно опахалом прикрывается от солнца. Губы ее, измазанные липким розоватым нектаром, молчат об этом. Молчат и улыбаются. «Ну хоть пригуби тогда, — уговаривает она. — Давай, что же ты? Пригуби, почувствуй разницу между прожитой жизнью и будущим». Пытаясь почувствовать разницу, вы пригубливаете медленно и осторожно, но нет-нет — это вас пригубливают медленно и осторожно, это вы тот самый мытый-перемытый, трудноопыляемый и засухонеустойчивый запретный фрукт. Меркнет пыльное солнце, дрожит сухой небосвод; будущее с тихим и мягким шелестом валится на вас, раскрываясь в падении как захватанная, в пятнах слез, чая и варенья недочитанная книга. Фонарь луны разбит, звери — львы, орлы, куропатки — вместо того, чтобы, свершив печальный круг, угаснуть, медленно оживают, приходят в движение, разбегаются, разлетаются кто куда, начинают замечать и преследовать друг друга. Двести тысяч будущих лет сжимаются в одно мгновение, в один изумленный взлет бровей, одно восхищенное вспархивание ресниц. Орел растерянно и отчаянно сражается с куропаткой, она то ли бьет, то ли обнимает его крылом, толкает грудью и прижимает к земле. К увязшему в схватке пернатому тандему из засады, из логова, приникая к кочкам и прислушиваясь, крадется лев...



Падает ведро, сыплется на траву черешня, ахает, складывается и падает стремянка. Из винно-розового тумана появляется бригадир, он что-то кричит гневно, глухо и неразборчиво: черти, дьяволы, сволочи, молодежь, разврат, трудолюбие, мародеры, совесть, дармоеды, усердие, бардак, принципиальность, секс, ответственность, план, давай план, неси план, гони план, мать вашу! Вместо горечи стыда вас окутывает горький запах трав, ваши лопатки холодит не страх, а сок раздавленных ягод. Боже, какая чепуха! Какая глупость! И был ли поцелуй? Было ли прикосновение? Или все это лишь наваждение, чары, сладкий яд невымытой черешни?

ПОЦЕЛУЙ НИКОЛИНЫ

(продолжение)

— Сережа, мы, кажется, остались одни, наконец. Помнишь, как в юности мы радовались, когда оставались одни? Дома ли это было, во саду ли, в огороде — без разницы. Особенно ты, ты так радовался нашему одиночеству, так ликовал, что я уж прямо не знала, когда это твое ликование закончится, и ты в конце концов утихомиришься! Выматывал меня до бессознательного состояния. Мне так хорошо всегда было!..

— Склоняла меня к употреблению невымытой черешни.

— Когда? Ты о чем?.. Ах да, конечно склоняла! Ну иди же сюда! Иди! Что ты там сидишь в уголке? Выползай из окопа, не бойся.

— Чего мне бояться? Свои кругом... Иду я, иду.

— Медленно что-то идешь... Размышляешь? Ну, поразмышляй, порассуждай втихомолку. Не волнуйся, мысли твои я читать еще не научилась. Хотя, глядя на тебя, читать, обычно, почти уже нечего. У тебя либо на лице все написано, либо твои движения, вздохи и напевы выплескивают наружу твои глубокие раздумья.

— На то и голова, чтоб выплескивать.

— Мыслитель! Запал на нашу сегодняшнюю новую знакомую? Ой, запал! Не отпирайся — я все видела и все слышала, и рассуждать тут нечего. Кроме того, я прекрасно знаю твою страсть к необыкновенным именам. Нет, она, конечно, очень эффектна, очень. Такую и Люсей можно полюбить. Однако опоздал ты, Дуся, — кавалер у нее имеется, тоже парень ничего, музыкант. Ты ведь еще никогда никого ни у кого не отбивал. Тактичность тебе мешает, я же знаю. При твоей-то внешности и твоих данных другой только



бы этим и занимался из спортивного азарта: отбивал бы и бросал, бросал и отбивал.

— Ломал и строил, строил и ломал...

— Интересно, если бы меня Таней или Ирой звали, снизошел бы ты тогда до низин моего имени или нет? Снизошел бы?..

— Снизошел бы и блуждал, полз бы и продирался сквозь ветер, дождь и темноту к ночному звуку в лесу глухом.

— Это, вероятно, комплимент. Спасибо на добром слове, джентльмен ты мой!.. Пришел. Садись... Во-от. Взгляни на меня. Ответь мне на такой вопрос: за что ты меня очень сильно когда-то любил? Не стесняйся, расскажи подробно, в деталях, а я послушаю. Начинай. Я жду.

— Подробно?

— Ага.

— Грациозная.

— Грациозная? Хорош-шо.

— Трепетная.

— Трепетная? Боже! Еще лучше!

— Впечатлительная.

— Впечатлительная? Ох, это я сама знаю. Черт бы подрал мою впечатлительность!

— Веселая.

— Веселая? Да-да, правильно, очень веселая становлюсь, если меня поцеловать...

— Ну, начинается.

— Ох, какой же ты трудноопыляемый! Беда, прямо! К тебе прилетела за нектаром твоя пчелка, *прижужжала* издалека, а ты тут выгнул стебель, ошетилил, понимаешь, свои тычинки и колючки — даже прильнуть некуда. А еще Ромашкин называется!.. Давай, не стесняйся, сам же сказал — здесь все свои. Я жду... Пригубил?.. Вот так... Теперь я... Ах, Орел, ты мой, Орлик! Охотник за куропатками. Давай еще, не отлынивай... Д-давай же... В конце концов, это не по-товарищески, не по-мужски.

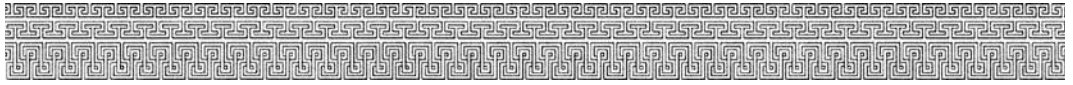
— Что не по-мужски? Отлынивать от поцелуев?

— Вот именно. От жениных поцелуев.

— Телефон звонит.

— Ой, да брось ты его к черту! Нашли время! Оставьте сообщение, если срочное что-то... И что у тебя за приветствие на автоответчике, честное слово?! Длинное, невразумительное и очень непрактичное...





— Недавно сочинил, для разнообразия.

— Понимаю. Жить хочется не по правилам... Ну вот, слышишь, не ответили, промолчали — не срочно, значит. Позвонят завтра... Целуй же меня, целуй, не отвлекайся... Ой, пьянею без вина. Впрочем, вино я уже, кажется, пила сегодня.

— Я устал от этой возни и хочу спать!

— А-ах! Ну как тебе не стыдно! Дуся, к тебе приехал родной, можно сказать, человек! К тебе приехала твоя Дуся! Мы с тобой целый день вчера вспоминали наши годы. Какие были годы! Эпоха! Как оглянусь в прошлое, сразу начинаю «грациозно трепетать», согласно твоим эпитетам, если не врешь. У меня ведь все воспоминания юности с тобой связаны. Все, за редкими исключениями. Ты и есть моя юность, кроме того, ты моя песня, а также моя совесть. Хотя, про совесть я, конечно, загнула, для завершенности фразы.

ОПЬЯНЕНИЕ НИКОЛИНЫ

— Может выпьем?

— Ой-ой-ой! «Выпьем» — решение всех проблем... Ну, хорошо, хорошо, не вздыхай так, давай выпьем как следует. Я сегодня послушная. Расслабимся. А то ты нервничаешь что-то, я же чувствую. Ты, Ромашкин, у нас тоже очень впечатлительный человек.

— Поехали. Давай коньяк тогда. Ничего, если в стакан?

— Ничего. Наливай. Романтический, с оттенками ванили вкус коньяка «Белый Аист» позволит вам ощутить пьянящий аромат поцелуев собутыльника.

— За тебя, собутыльница.

— За меня. Прекрасно! Хороший тост... Я не допила. Не страшно?

— Страшно.

— Пользуешься моей послушностью? Ах, негодник! Допиваю... Ох, отрав, хорошо пошла, а я сама вероятно с ума сошла... Ромашкин, что хотела сказать: ты ведь меня просто сразил сегодня своим исполнением! Убил наповал! Догадываешься ты об этом или нет? Я не уверена, что ты так сильно старался лично для меня. Но сейчас не об этом. Какой ты, оказывается, яркий тип! Светоч! Какой талант! Н-не знала. Ой, ну что я несу? Знала, конечно. Но чтоб так вот!.. Вот так! Пламенно! Дико!.. Может, еще споешь? Про паромход. О любви-любви. Ну спой, пожалуйста!

— Может и спую. Пьем за твою темпераментность.



— Так, минуточку, надо записать... Записываю: тем-пе-ра-мент-ность. Боже, как длинно... Эту мою черту ты мне еще не объяснил. Твой телефон нас перебил. Рассказывай.

— Как тебе объяснить? Если весь твой темперамент залить в бутылку вместо шампанского, укупорить, запечатать, поместить в темное, сухое, прохладное место, выдержать пару лет, а потом попробовать открыть эту бутылку при скоплении народа — шарахнет так, что будут человеческие жертвы и разрушения умеренной силы.

— Ах, умеренной, все-таки? Видишь, не так страшно. Может, попробуем с-смешать коньяк с шампанским? Посмотрим, что из этого выйдет, и какой будет результат.

— Давай не будем смешивать выход с результатом. Результат — вещь более логичная, а выход может принести любые сюрпризы.

— Не надо сейчас о р-работе, как п-программист с программистом ты со мной поговоришь в другом месте.

— В каком еще таком-сяком месте?

— Ромашкин, ш-ш-ш, тихо! Есть предложение. Давай путе... тешествовать по волнам нашей с тобой памяти.

— Дуся, у тебя кажется уже зап... плетается. И у меня, вроде, тоже. По каким еще таким-сяким волнам?! А!

— По эротическим. Я разве неясно выразилась? И что это ты на меня кричишь?

— Волновая теория поля наличие такого вида волн отрицает. Категорически!

— А я т-те наличие этих самых волн щас пр-родемонстрирую!

— Не вскакивай так, опрокинешь стол!

— Маэстро, пройдемте!

— Куда это?

— Пройдемте! Налево по коридору, я п-покажу. Я вам щас продемонстрирую, что ваша теория поля ни фи́га не смыслит в....

— Дуся, ты ведь, кажется, замужем. Забыла?

— Замужем?.. Погоди-погоди, дай вспомню... За-мужем. Н-нет, ниче я не забыла. Я за ним, а вы за м-мно́й б-будете. Пристраивайтесь. И скажите, пусть больше не занимают... И налево по коридору. Р-раз-два, р-раз-два...

— Звонят в дверь, я пойду, открою.

— Стой! Подожди! Куда? Я сама! Сама! Сделаю все по-быстрому... пошлю их всех... а ты, пожалуйста, по коридору и налево, жди меня там... Таскаются по ночам всякие...





ОТРЕЗВЛЕНИЕ НИКОЛИНЫ

Вы являетесь, а вас не ждут. Типичный случай. Нет, может быть, они вам и рады, но виду точно не показывают. Более того, немного потерпев ваше общество, поерзав на краешке стула, они с сожалением в глазах пытаются вас выпроводить: «жаль, что вечер заканчивается, очень жаль, но поздно, знаете, завтра дел много, успеть бы». Уходить совершенно не тянет, хочется еще выпить, посидеть, порассуждать. Делаете вид, что намек не понимаете: «а у меня вот еще такой случай был» — разыгрываете историю по ролям, с чувством. Хозяевам в эти минуты очень хочется вас немного придушить, взять за шиворот, помотать из стороны в сторону, потом нахлобучить вам вашу же шляпу по самые уши и вышвырнуть вас за дверь. Однако они продолжают слушать, улыбаясь в нужных местах, поддакивая, удивленно покачивая головой и одновременно размышляя: «нет, выкинуть его и еще вдобавок спустить с лестницы будет эффективней — тогда, даже в худшем случае, вернется не раньше того, как наложат гипс — успеем выспаться». Вас спасает то, что вы сегодня пришли без шляпы, и в связи с этим, детально продуманная процедура выпроваживания вас ко всем чертям трещит по швам. Наступает следующий раз, и вы вновь являетесь без предупреждения и без звонка. Вас встречают щеками, испачканными зубной пастой, бигудями, шумом стиральной машины и пылесоса, запроваженными в носки спортивными штанами, криком сопливого ребенка. Тем не менее, вам продолжают лицемерить и уверять, что просто счастливы вас видеть, и какой это вообще для них сюрприз. Вы необычайно ошеломлены такой наглой ложью, но продолжаете бочком-бочком нахально вторгаться в интерьер жилища. В конце концов, кое-как, с боем прорываетесь в гостиную и скромно останавливаетесь у обеденного стола. Хозяин вежливо оттесняет вас с занятого рубежа и, избегая разговоров на гастрономические темы, уводит и сажает вас в красный угол. Сам обреченно садится напротив, словно доктор, готовящийся выслушать пациента. Вы начинаете издалека: ваш зачин, ваша присказка растягивается на полчаса — минут на сорок от силы. То есть: «рад бы закончить беседу, но я еще и не начинал». Сказка, мол, будет впереди. Хозяин, осознав этот факт, глядит на вас уже взглядом доктора, принимающего решение в пользу радикальных мер и операционного вмешательства. Он вдруг решительно встает и, прерывая вашу речь, заявляет: «Да, конечно, я вот что подумал. Ты так удачно зашел, так своевременно. Нам, понимаешь, как раз нужна твоя помощь. Развесишь

белье из стирки и посидишь с ребенком, а мы с женой сгоняем в магазин и еще в пару мест. И если будет время, вымой посуду и свари рисовую кашу. Ты нас спас прямо!»

Поверили? Не было такого, успокойтесь. Но, ей-богу, эта фантазия наводит на мысль: как просто иногда выкрутиться из запутанной ситуации с выгодой для себя же. Тактичность мешает, воспитанность? Предрассудки все это.

Однако мы отвлеклись...

В дверь трезвонили настойчиво и упрямо. «Будто пожар, честное слово», — подумала Николина, взглянув на часы. — «Иду, родненькие!» — запричитала она по-старушечьи, повторяя традиционную семейную присказку. — «Иду, мил...» — запнулась вдруг на полуслове, увидев стоящую на пороге Козьмину.

— Здравствуйте еще раз! — воскликнула гостя и радостно зачастила. — Я звонила-звонила, а тут дверь, оказывается, была не заперта, я и ввалилась, извините. Не разбудила вас? Ну конечно же, разбудила — вы спали, по глазам вижу. Но это ведь не страшно, правда? Не страшно?

— Страшно, — глухим голосом ответила хозяйка.

— Я ж на минуточку! Мне очень нужен Сергей!

— Сергей. Нужен Сергей, — Николина немного потаращила в полумраке глаза, стараясь прогнать чувство опьянения. — Я так и подумала, — она приглашающе мотнула головой и двинулась в комнаты.

— Он спит? — таинственным шепотом поинтересовалась Козьмина, осторожно продвигаясь за ней куриным шагом.

— Да нет, не спит — оставьте ваши цыпочки, — Николина потерла лоб. — Как раз наоборот... Сережа! — позвала она. — Это к тебе!

Молча привела Козьмину в гостиную и удалилась.

ОТЧУЖДЕНИЕ НИКОЛИНЫ

Вошел Сергей, чрезвычайно потрясенный явлением. Они встретились глазами, оба слегка прищурились, затем оба немного повернули голову в сторону, не отрывая взгляда друг от друга. Все это походило на игру в зеркало, оставалось только начать строить рожи, добиваясь синхронности. Сергей первым прервал молчание:

— Козьмина, э-э-э, у вас что-то случилось?

— Призрак замка Моррисвиль, — абстрактно заметила Козьмина.

— Человек печальной цапли, — абстрактно заметил Сергей.



Последовавший раунд молчанки нисколько не отяготил собеседников. Они продолжали разглядывать друг друга сосредоточенно и пытливо, изучать, словно региональную карту древних стойбищ в краеведческом музее.

— Музыка, — сказала Козьмина.

— Звучит? — спросил Сергей.

— Звучит у меня внутри, — подтвердила Козьмина.

— Что-то знакомое, — прислушался Сергей.

— Глупости, — возразила Козьмина. — Это оригинальный этюд, они написали его прямо сейчас.

— Кто — они? — спросил Сергей.

— Ох, потом все объясню, — устало ответила Козьмина.

Еще восемнадцать тактов молчанки пролетели как одно мгновение.

— Так это ты?.. — Козьмина утвердительно покивала головой, глядя на Сергея слегка исподлобья; осторожно приблизилась к нему. — Мы будем на «ты», я уже решила.

Сергей повторил ее движения головой, вздохнул, повернулся, отошел к окну, помолчал, затем, не оборачиваясь, ответил:

— Ну, раз ты решила... Да — это я. А как ты, солнце мое, догадалась?

— Неважно, Ежик. У тебя есть кто-нибудь? Девушка? Любимая?

У меня?.. Мм-м, да, есть. Ее зовут, — Сергей кашлянул, — Ханна. Ее не было сегодня. Но, она часто приходит... Мы гуляем.

— Проклятые волхвы.

— Кто?

— У вас это серьезно?

— *Что «это»*?.. По-моему, да.

— А мне кажется, что ты все врешь, — тихо произнесла Козьмина. — Не знаю только почему. Может быть, тебе не нравятся мои лодыжки?

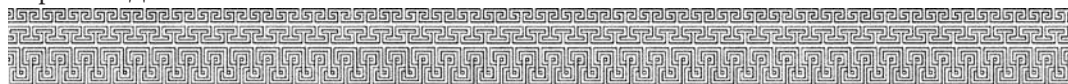
— Вполне возможно, — Сергей повернулся, взглянул на нее и улыбнулся. — Я не успел их рассмотреть, кругом было столько гостей. И, вообще, ты пришла не одна.

— Ну, хорошо, Ханна, так Ханна, — вздохнула Козьмина, — какая разница? Мы с тобой будем общаться, разговаривать по телефону. Ты любишь разговаривать по телефону? Я — очень.

— Как же, как же, я помню. И мама твоя тоже очень любит.

— Я пойду. Мне пора. Позвони мне... Слышишь? Обязательно. Позвонишь ведь? Правда, Ежик?





- Правда, Люся. Тебя проводить что ли?
- Не нужно, меня ждут внизу...

ВЫХОД НИКОЛИНЫ

Вязкая, глухая и противная тишина окутала все предметы. Стало так тихо, что было слышно, как в соседнем подъезде на пятом этаже кто-то пьет чай, не вынимая ложечки из стакана. Тишину нарушали лишь редкие всхлипывания Николины, доносящиеся из спальни. Наконец, она вышла.

- Я все слышала, как ты можешь догадаться.
- Догадался.
- Что это за «человек печальной цапли»? — я не поняла.
- Это у Блока —

«И человек печальной цапли
С болотной кочки не спугнет...»

Если прочесть только первую строчку и задуматься, то меняется смысл фразы, и начинает казаться очень таинственным этот странный Человек, который до боли предан своей Печальной Цапле.

- А если не задумываться?
- Если не задумываться, то зачем тогда читать стихи?
- Логично. Она могла на это обидеться, все-таки «печальная цапля» — не очень удачный комплимент.
- Она не обиделась.
- У вас у мужиков всегда так?
- Стараемся.
- Какие же вы бываете иногда сильные и справедливые.
- Иногда. И это только кажется, что сильные.

Сергей взял гитару и уселся в кресло.

— Песня, — объявил он, — называется «Сижу я на коряге». Только что сочинил.

- Вот еще не хватало, — поморщилась Николина.
- Ты это зря, — безразлично заметил Сергей. — Песня неплохая: «сижу я на коряге, дремлю я на коряге, и пью я на коряге, и ем я на коряге, живу я на коряге, помру я на коряге, не догадаюсь если нырнуть или взлететь».

Николина молча подошла к нему, отняла гитару, бережно поставила ее в угол, вернулась к креслу, основательно устроилась у бывшего мужа на коле-



нях, обняла его за шею, уткнулась лбом ему в висок и заговорила вполголоса, неторопливо подбирая слова:

— Дуся, какой же ты у меня лапуся... Видишь, я тоже уселась с тобой на коряге. Мне здесь очень нравится, совершенно не хочется нырять или взлетать... Ой, не слушай ты меня, дуру. Я тебя всю жизнь советами попрекаю, вернее, их отсутствием. А ведь когда нам, женщинам, плохо и горько, нам не советы требуются, нам просто нужно, чтоб нас пожалели, приласкали, прижали к себе крепко-крепко... Вот так... В моменты грусти мне всегда очень-очень тебя не хватает. Только ты умеешь успокоить, обнадежить, развеселить. Я за это тебе всегда была благодарна. Вот. Что еще хочу сказать: я исчезну завтра утром, честное слово! Поеду к родителям, проведу. Чтоб тебе не мешать. Все у вас будет хорошо, вот увидишь, счастье наступит прямо завтра... а сегодня... сегодня давай ляжем спать вместе, как раньше: я просто прижмусь к тебе, и ты мне тихо споешь про губы окаянные, про бестолковую любовь. Это ведь наша песня, про нас. Я тебе пожалею, а ты меня приголубишь. Я буду гладить твои волосы, смотреть в твои веселые глаза, они даже и сейчас такие, когда тебе так горько. Сладкий мой! Как хорошо, что ты есть на свете!

СБОРЫ НИКОЛИНЫ

Утро пришло незаметно. За окном ритмично зашелестела дворницкая метла, хлопнула дверь парадного, где-то вдалеке заныл первый троллейбус, зашумели воробьи, забормотали голуби. Кен вернулся, очевидно, не один. На кухне слышалась какая-то возня и перешептывание, звякнула чашка, зажурчал кран. Сергей спал, беспокойно вздыхая и раздувая ноздри. Николине казалось, что она приехала сюда, по крайней мере, месяц назад. Два прошедших дня были так напичканы событиями и впечатлениями, словно компенсировали предыдущие месяцы и даже годы беспамятных, повторяющихся отрывков. «Интересное получилось кино, — подумала Николина. — Невечерняя песня, нелунная соната... Из всех искусств важнейшим для нас является волновая теория поля... Разве можно так пить? Борщ, наверное, провоцирует избыточное потребление алкоголя. Значит с борщом надо завязывать... И вообще — Золушка проснулась утром, икнула и удрученно подумала: «ну вот, а где же я туфлю потеряла?» Я тоже, кажется, потеряла свою туфлю, но принц ведь суетиться не станет, а просто отнесет ее в стол находок». Николина громко чихнула.



— Будьте здоровы, — пробормотал Сергей, повернулся на бочок и опять засопел.

— Потягуси, потягуси, — заметила на это Николина. — Ладно, спи, я пошла собираться.

— Скатертью дорога, — сквозь сон напутствовал Сергей.

— Кочергой шлагбаум, — не обиделась Николина.

Она немного еще подождала, пока Кен надежно заляжет с напарницей в своей спальне, и вышла из комнаты. Собиралась медленно, плавно, грациозно, музыкально; с удовольствием приняла душ, привела свое тело и мысли в порядок, оделась, уложила вещи, вынесла багаж в коридор, затем налегке вышла прогуляться и выпить кофе.

Вернулась уже на такси, водитель поднялся с ней наверх за вещами. Она зашла в спальню. Сергей, полусонный еще, лежал в постели.

— Не вставайте, больной. Прописываю вам коечный режим до двенадцати о'лок, — строго сказала Николина.

— Спасибо, доктор, — вяло пробормотал пациент. — Вы что же, сами доберетесь?

— Срочный вызов. Бегу. Поцелуемся и худбай.

— Целуйте сами, мне не подняться уже. Слабею.

— Прощай, Дуся. Увидимся в понедельник лет через пять. Жди.

— Дожить бы.

— Доживешь. Постареешь только. Береги голос, Сеня...

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР БЫВШЕГО МУЖА НИКОЛИНЫ

Хлопнула входная, она же выходная, дверь. Сергей приподнялся на постели, дотянулся до нужной кнопки, включил музыку. Питер Гэбриэл, подумав немного, сообщил, что знает все, что любит, и любит все, что знает. «Знающий человек, — хмыкнул Сергей. — И любящий тоже». Хотелось закурить. Сергей бросил курить еще во втором классе средней школы, а теперь захотелось вдруг. «Нервы, коллега, — подумал он. — С этим нужно бороться. Вот сейчас встану и позвоню. И что самое невероятное — мне будут рады». На него нахлынуло что-то вроде вдохновения, он поднялся и как был, извините, в трусах, побрел к телефону.

— Привет, Люся... Ты дома?

— Нет, Ежик, я на Луне. Удивляюсь, что ты дозвонился.



— Все очень просто. Чтобы дозвониться до Луны, нужно набрать номер равный расстоянию от Луны до Горно-Алтайска в сантиметрах. Набирать следует безымянным пальцем левой руки... Люся, я стою в прихожей раздетый, босой, небритый. Тебя это не шокирует?

— Нисколько. Твоя Печальная Цапля сидит в бабушкином халате, с неухоженными ногами, вся в бигудях и измазана огуречным кремом-маской.

— Меня это шокирует, но я потерплю.

— Ежик, ты так хорошо выпил вчера, и я боялась, что ты забудешь о нашем вчерашнем разговоре.

— Так ведь я забыл же! Потом лишь только смутно припомнил, что кто-то трезвонил в дверь как сумасшедший посреди ночи, и подумал: «кто бы это мог быть»? Перебрал все варианты и решил, что только Люся, с ее деликатным характером способна на такое. Вот и звоню теперь, чтобы вспомнить как следует. Мы разве беседовали вчера?

— Ох, что ты! Конечно! На повышенных тонах! Вцепились друг в друга взглядами. Прибежали Ханна с Николиной, начали нас растаскивать.

— Растащили?

— С трудом... Ежик, ты любишь кататься на велосипеде?

— Терпеть не перебариваю.

— Я тоже. Будем вместе не кататься. По четвергам.

— Давай и по пятницам тоже. Я как раз мою полы по пятницам, можно заодно не покататься с тобой на велосипеде.

— Ну надо же, как здорово! Я как раз по пятницам глажу пододеяльники маминым утюгом. Какое совпадение!

— А вот я вчера чуть человека не убил.

— Си, Сеньор. Того, который порвал ботинком струну на твоей бесценной гитаре.

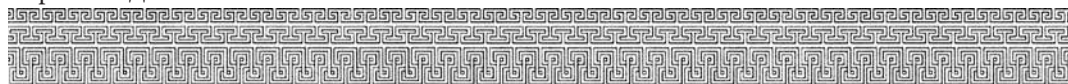
— А как ты догадалась?

— Ежик, ты такой глупый, что меня сейчас стошнит, и я брошу трубку. Люся же любит Ежика! Как она может не догадываться о таких простых вещах!

—... Послушай. Мы, по-моему, собирались общаться. Я же сказал тебе...

— Хорошо, Люся все поняла. Не отвлекайся. Сходи с Ханной в зоопарк, там медведица, кажется, родила. Ей понравится — Ханне, понравится ли медведице, не могу обещать. Я тебя целую. Позвони еще когда-нибудь. Минут через двадцать пять, например. В крайнем случае, через час. Жду.





НЕОКОНЧЕННАЯ МЫСЛЬ НОВОЙ ЗНАКОМОЙ БЫВШЕГО МУЖА НИКОЛИНЫ

Если Ежик перестанет мне звонить, — подумала Люся, — я обязательно состарюсь. Пройдет много молчаливых дней и месяцев, наступит декабрь. В ветренный и морозный день случится вот что: Люся вдруг услышит гитарные переборы на улице. Этот Ежик все-таки явится, прибредет с гитарой, остановится у ее балкона и запоет. Люся выйдет его послушать в халате и тапочках на босу ногу. От декабря и ветра Ежик допоеется до бронхита, а Люся достанется на балконе до воспаления легких. У них синхронно поднимется температура до 38.6 и 38.7, что соответствует точке влюбленности. Он будет влюбленно кашлять, она будет страстно чихать. Потом дела пойдут еще хуже, и температура поднимется до точки любви — 39.9 и 39.8. Врачи будут настаивать на госпитализации. Влюбленные будут настаивать на том, чтобы их койки и капельницы стояли рядом. «Хрен с ними, — скажут доктора, — главное, чтоб полегчало». И их начнут лечить, лечить, лечить. А лечить у нас умеют. И пройдет все: чихание, кашель, бронхит, воспаление легких, декабрь, влюбленность и любовь. Останется только чувство долга и привычка встать серым утром в семь часов, выпить кофе и поскакать на работу.

XI

КАРЛСОН, КОТОРЫЙ ЖИВЕТ В ШВЕЦИИ

Знаете, есть такая примета: если друзья залетают к вам с улицы каждый раз, когда вы распахиваете окно — вы очень счастливый человек. Такое случается крайне редко, но случается. И не важно, что у вашего друга за плечами — большой жизненный опыт или всего лишь пропеллер. Важно то, что ему у вас от вас кроме вас самих ничего не нужно. Совсем. Его интересует исключительно вы, как преданный и внимательный слушатель, ваше мнение, ваше настроение, ваши привычки. Может быть, его также интересуют внутренности вашего холодильника или содержимое вашего гардероба? Пусть! Он же искренне ваш! Свой в доску. Он появляется тогда, когда ему вздумается. Исчезает надолго и всерьез, когда вам так нужна его компания. «Ну я же вот! — заявляет он, вернувшись. — Ты знаешь, как мне тебя не хватало! Ты здесь лежал и бил баклуши в этом дождливом Перископовске, а я там на пляже как угорелый гонялся за впечатлениями и энергично пил пиво,



споря с какими-то подозрительными знакомыми, которые даже выслушать по-человечески не умеют!» В следующий раз ваш друг явится после долгого отсутствия загоревший и недооцененный, посвежевший и невыслушанный, похудевший и соскучившийся, а вас нет дома. Вы уехали, например, в степи Казахстана лечить куланов от бессонницы. Вас нет, и вам некогда. Ну вот, ей-богу, он не обидится! Он будет трезвонить в дверь, стучать, будить соседей, заглядывать в ваши окна. Он сгоряча назовет вас неблагодарным ослом, сотрет ваш номер из памяти своего мобильного, напишет стихи о том, как страшно, когда предают. Но не обидится, нет. Когда вы вернетесь, ему станет стыдно за свои несправедливые слова и поступки. Он явится в один из вечеров как ни в чем ни бывало, скажет «привет», заглянет в ваш холодильник, и ваша жизнь потечет так же славно и неторопливо, как и раньше. Вам будет хорошо и весело, спокойно и надежно.

Но не у всех такое счастье как у вас. Отнюдь. У совсем немногих даже. Настоящий друг — это как удачно прожитая жизнь — случается лишь однажды и не всегда.

О ЧЕМ БЕСЕДУЮТ ГРИБНИКИ В СУХУЮ И ЖАРКУЮ ПОГОДУ?

К исходу дня позвонил Андрей. Поговорил с Кеном — о вчерашнем вечере и о гостях, попросил к телефону Сергея. Тот подошел и ответил с оттенком смущения в голосе. Андрей, однако, его смущения в упор не замечал:

— Слушай, С-серый, как ты там вообще? Как работа?

— Да так... Отдыхаю больше.

— Давай тогда по грибы. А?

— Что?

— Грибы же! Ну!

— Где?

— Да в лесу же!

— В каком?

— Ох, какой же ты непонятливый! Да в любом же!

— Андрей, ну какие сейчас грибы? Сушь великая — от Питера до Владика.

— Сушь — это верно... Ну, черт с ними, с грибами, Серега, давай проведем выходной как мужики. Ты, да я, да мы с тобой! У нас в театре тридцатого пикник по поводу удачного старта концертного сезона. Хотели шашлык, но костры жечь нельзя сейчас — обойдемся припасами... Давай, ты с нами. Поехали, а?



— Андрей, — Сергей шумно выдохнул и выразительно потоптался на месте, — я не против. Просто хочу спросить, ты... вообще, в порядке?

— Валентиныч, может быть я и выпил чуть-чуть, но дело не в этом... Слушай. Был у меня дружок, Петька. Друг, настоящий. Возвращался поздно домой с концерта, встретили его трое, на мелочь позарились, а он вспылел... Да что там. Один я, понимаешь? А ты вот, как мужик, третьего дня подошел, объяснился. Разве ж я своему товарищу не помогу?

— Мы ведь незнакомы были. Какой там товарищ?

— Товарищи по счастью тире несчастью... Ты ведь открыто подошел, спросил. Честно отшил ее вчера, хотя и не следовало бы. Мужик ты, тебя я уважаю. Так поедем, а?

— Послушай, товарищ, ты меня переоцениваешь. Я ведь откровенно выпендривался, когда вы у нас были. Перед ней выставлялся. Не утерпел.

— Я видел, товарищ, присутствовал. Но она ведь мне не жена, не подруга жизни. Какого черта я должен собственника из себя корчить? Это, во-первых. В-третьих, это ж умереть не встать! Нашла она тебя! Потеряла и нашла! Вычислила по траектории методом спектрального анализа... Понимаешь ты, куда я веду?

— Не совсем... Мы такие с тобой вещи по телефону обсуждаем. А ты устал, наверное. Пойди, приляг. Тридцатое — завтра?

— Завтра, товарищ... Два мужика едут на природу, что-то в этом есть. А? Есть?

— Природа есть, по крайней мере. Правда, она — женского рода.

Не страшно — на природе вспомним, что в нас есть мужиковского. Смелость, там, сила, закалка.

— Все определения — опять женского рода, хочю тебе заметить. Как и дружба, совесть, вера, надежда, жизнь, смерть и так далее.

— Надо же. Сбил ты меня с мысли... Ну, бог-то — мужик?

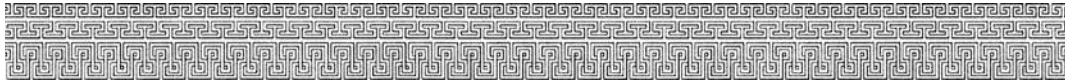
— Э, куда залетел! Припер меня к стенке. Бог, он действительно мужик, не могу не согласиться.

— Ну, вот, видишь, товарищ?! Едем! Договорились. До завтра...

ЕСЛИ БЫ БОГ БЫЛ ЖЕНЩИНОЙ

Если бы Бог был Женщиной, то сколько б тогда существовало заповедей! Огромное число — их было бы раз в десять больше, чем нынешних, и одна их половина противоречила бы половине другой. Зато кругом, в целом мире воз-





можно было бы ладненько, чистенько, уютненько — и в лесу, и в поле, и в хате, и в душе — несмотря на противоречия. Выйдешь на волю, и видишь чистое солнышко, опрятные облачка, лужок, коровки, коровки. А запах! Мм-м, идиллия... Однако лучше разобраться и начать с начала, с самого что ни на есть.

Если бы Бог был Женщиной, он сначала бы и создал Женщину. Создал бы и увидел, что это Хорошо.

Потом Бог засобирался бы сотворить и Мужчину, но уже созданная Им Женщина Ему (или Ей) с ужасом в глазах заметила бы: «Я не могу, понимаешь, встретить незнакомого мне Мужчину вот так, в неглиже, с неуложенными волосами и неухоженным лицом, сперва создай мне хотя бы расческу и косметичку».

И Бог, сам являясь Женщиной, ее бы понял и с ней легко согласился и увидел бы, что это тоже Хорошо.

Потом Женщина потребовала бы себе белья разнообразных расцветок и фасонов, нарядов ворохи, туфель несметное четное количество, бижутерии пригоршни две. И Бог, придирчиво и аккуратно создав все предметы по списку, признал и увидел бы что это — ой, Хорошо!..

В какой-то момент, раскрасневшись от азарта самосовершенствования, Женщина потребовала бы массажиста, и только тогда Бог бы наконец спохватился и вспомнил, что «ах, Черт!», надо же создать Мужчину со всеми его внешними и внутренними достоинствами и недостатками, образованного и, желательно, с квалификацией массажиста. Тут Бог и Женщина долго бы препирались, спорили насчет того, каким должен быть этот первый Мужчина, а поскольку никакая женщина толком никогда не знает, какой именно мужчина ей нужен, они вдвоем с Богом, так ни до чего не договорившись, решили бы отложить это волнительное дело на потом. А уж потом завертелись бы другие, более насущные заботы, проблемы, вопросы, такие, например — что сначала создавать ландыши или фиалки, сотворить сегодня корову и приготовить на ужин бифштекс, или лучше корову отложить на завтра, сегодня же сотворить курочку и сварить легкий супчик со шпинатом и куриными фрикадельками. Нельзя же набирать килограммы — вот так, прямо сразу, не успев еще быть оцененной по достоинству лицом противоположного пола в своей первозданно-девственной худобе.

Сложно все, неопределенно как-то.

В конце концов, если бы и решились когда-нибудь Бог и Женщина в череде остальных забот выбрать время и создать Мужчину, то сотворили бы его не-



брежно, скоренько, наспех, в промежутке между сотворением тюлевых занавесок и крема для лица без содержания глицерина и консервантов.

В связи с такой небрежностью Мужчина получился бы черствым, грубым, агрессивным, развязным, пьющим, развратным, разбрасывающим всюду свои носки и храпящим как саблезубый тигр. В образовавшейся суеете созидания у Бога не хватило бы даже времени подумать: Хорошо это или Плохо, а зря...

Ой! Ой! Осенило! Озарило! Может быть, Бог и есть Женщина?!

РЕЧИ РАВНИН

Постановочная идея августа тридцатого числа несомненно принадлежала натуре женской — великодушной, мягкой, изысканной, нежной. Общий метеорологический замысел сухого и терпкого дня напоминал сорок четыре предыдущих, однако композиция и смысловое решение были несколько иными — белесый свод был матов, но опрятен и чист, лишь у самого горизонта пугливо шныряли мелкие декоративные облачка, появлялись и сконфуженно исчезали, словно выскочившие раньше времени на сцену статисты.

Сюжет утра развивался неторопливо — обычная утренняя песнь природы: манжетки в мелких росинках, лиловые тусклые звезды паслена, квелые колокольчики, бодрые купыри, саркастические лютики и печальные незабудки. Суховерхие резонеры-дубы на равнинах, простаки-клены по балкам, румяные инженерю — рябинки в прогалинах, черемухи — слащавые субретки — на опушках. Но довольно о декорациях — лес, величаво-молчаливый и дикий, медленно оживал, наполнялся пришельцами, не в меру шумными и веселыми. Пришельцы брели группами, парами и поодиночке. Сладко и протяжно затянул тенор, два звонких голоса настойчиво переаукивались, звенели хулиганские переливы футбольного свиста, слышалось кукованье... хотя, не исключено, что куковала всамделишная кукушка.

Из-за дрожащего куста черемухи донеслась первая реплика:

— Эй!

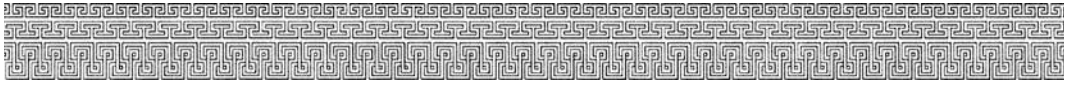
Возник первый диалог:

— Э-эй!

— Что?

— Акустика, говорю, хороша. Вот бы организовать постановку где-нибудь на открытом воздухе, мюзикл, «Анекдоты Венского Леса».





— Мечты все, фантазии. Прикинь, во что это станет.

— А ты не считай, не мелочись. Отвлечись лучше, помедитируй...

Еще одна невзрачная беседа у спуска к ручью:

— Благодать!.. Дед мой, слышишь, по утрам говорил: отчего бы голове болеть, вероятно, витаминов.

— Ой, да все ж у них с огорода — лучок, петрушка, огурцы — оно и понятно.

— Выпьет водки и все как рукой...

— Вот-вот, и никакого витаминоза.

На главной тропе маршрута можно услышать кое-что поинтереснее — об искусстве и женщинах:

— ... Брось ты, ей-богу! Я просто озвучил какие-то ее фантазии, теории. Хочется справедливо заметить: озвучил хорошо, грамотно, профессионально. Она вся прямо оттаяла... Почти. Загвоздка одна оставалась. Ты потерялся — главный штуцер для выпуска пара — появился и сразу куда-то закатился. Туфельку-то ты нашел, но вместо того, чтобы зайти и примерить, оставил ее в почтовом ящике и сбежал. Что ж ты от женщин так шарахаешься? Ты, наверное, грозы в детстве боялся, под койку залезал?.. Я так и подумал. Я в ванной прятался. Ты глянь на себя, тебе даже петть не нужно, ходи по сцене с гитарой, туда-сюда.

— Душевно ты подпел в прошлый раз. С лету, без подготовки.

— Это я могу. Обращайся, если что.

— Валторна твоя всю гармонию портит. Играл бы ты на виолончели или на флейте — классный бы дуэт получился.

— Не сожалей о том, чего нет. Пустое... Да, Серый, мы тут для тебя гитару взяли — сюрприз. Я уже похвастался насчет твоих рулад. Не волнуйся, напрягать тебя не будем — споешь, если только захочешь... Гарий Игнатьевич! Сергей, когда пел в последний раз, женщины сознание теряли, судорожно глотали ветерок, а одна чуть в окно не выпрыгнула...

Гарий Игнатьевич, по виду главный герой, «старый Лир в степях Новороссии», шаг его верен и тверд, рюкзак опрятен и декоративен, в пианистической ладони зажат посох из реквизита с ажурным набалдашником. Он уверенно выводит народ на поляну, обширную и удачно освещенную, напоминающую пятую картину из второго акта «Песен равнин». Выжидая пока подтянутся остальные, подойдет массовка, он снимает с плеч и небрежно роняет рюкзак, выбрасывает десницу с посохом вперед и вверх, словно Моисей, разверзаю-



щий воды, левую руку протягивает назад к надвигающейся толпе и произносит явно где-то заимствованную, фразу:

— Сюда привел меня мой жалкий жребий! Руку, товарищ!

День лучезарен. Успокаивающая прохлада леса заставляет соглашаться с ближним, призывает любить и созерцать, созерцать и любить, выпить и забыть. Освобожденные от багажа гости леса неторопливо устраиваются неровными рядами, располагаются полукругом, лежа и сидя; весь амфитеатр в сладком изнеможении скидывает обувь, припадает к прохладной пахучей траве...

— Внимание! — объявляет кто-то. — Вступительное слово по поводу наших небывалых успехов во всех сферах и плоскостях предоставляется заглавному режиссеру, знатоку человеческих душ ...

— Ладно-ладно, распоясался, — перебивает его Гарий Игнатьевич. — Итак, что хочу сказать кратко и по существу. Дорогие друзья, наш табор кочует в правильном направлении. Пара прекрасных постановок уже заслужила внимание и одобрение публики. Есть у нас и недоброжелатели...

Гарий Игнатьевич выразительно взглядывает на первую валторну оркестра. Валторна пожимает плечами, округляет глаза и в показном удивлении отрицательно крутит головой. Главреж невозмутимо продолжает:

— Воспримем этот факт как элемент диалектики. Не будем удручать себя такими явлениями. Вдохнем полную грудь вдохновения и докажем нашу состоятельность, оригинальность как коллектива творческого, многопланового, работающего тщательно над каждой деталью...

Двое из аудитории явно скучают, им неинтересна речь предводителя, их, вероятно, больше волнует мелкое, зыбкое, преходящее:

— Серый, ты что-то интересное тогда пел, — шепчет первый. — Ты что музыку пишешь?

— Ага, пишу, бывает. Инструменталку в основном, со словами редко получается, — смущенно поясняет второй. — Не поэт я ...

— Нам поэты ни к чему, нам оригинальная музыка нужна.

— Бог с тобой, вы все тут профессионалы. Засмеет меня твой Гаргантюевич.

— Не волнуйся. Пантагрюэлевич любит выдумывать штуки с музыкальными номерами. Так что сбациай при случае. Можешь даже сегодня. Гитара — тут, правда, это не инструмент, а так — устройство для издавания звуков... Эх парень! — первый сладко потягивается. — Наша жизнь кочует в правильном направлении. Ты должен это осознать. Пока не осознаешь, так и будешь шара-



хаться в разные стороны, кибитку раскачивать. Шучу я, ладно, ты лучше меня все эти вещи знаешь... Я тебе так скажу, если ты все ей не объяснишь — вранье будет и обида. Эмоциональный ширпотреб... И вообще, она не в моем вкусе.

— Вот это ты врешь.

— Точно тебе говорю. То я ей Володя, то Андрюша. Тут играй, там не играй. Вот это на-ка сейчас же выпей, а вот теперь — давай говори... Намучаешься ты с ней.

— После Николины мне уже никто не страшен. Был такой, в школе еще, каламбур: «капля Николины убивает лошадь». Ладно, я все понял. Убедить меня пытаешься. Считаю, что поверил. Будем выпивать? Или подождем?

— Выпить давно пора — Гаргантюэлевич наш речь заканчивает... Здоров ты клички придумывать! Если я это вслух при людях произнесу, весь наш табор подхватит...

— ... так выпьем за то, — заканчивает уже Гарий Игнатьевич, — чтобы наши личные эмоции и искания всегда совпадали с желаниями и планами худсовета.

— Горько! — подсказывает кто-то. — Члены худсовета целуются на брудершафт с оппонентами генеральной линии руководства!

И НАПОСЛЕДОК

Выпили все артистически. Грациозно приблизились к той стадии насыщения, когда и душа еще поет, и организм уже подпевает. Говорили тосты, речи, лимерики, гоняли по лужайке, пели хором. Затем, когда вечер слегка пригасил освещение, смягчил тона, вытащили на свет забытую всеми гитару цвета полураскалившихся дров. И тут вспомнили:

— Сергей, скромный ты наш! На вот гитару, поддержи. Играть умеешь? Изобрази...

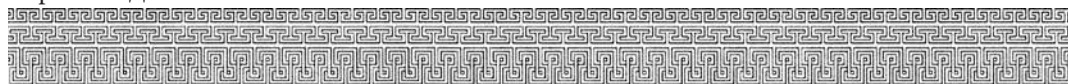
Сергей ухватил гитару и, несмело ощупывая ее, чуть приподнялся.

— Сережа, вы хотите что-то сказать? — спросил Гарий Игнатьевич.

— Да. Напоследок, — ответил Сергей.

— Все ясно! — воскликнул Андрей. — У Сереги зуд, обожает перекраивать романсы, написанные для женского голоса. Получается убийственно дико. Я уже говорил: потрясенные исполнением слушатели выбрасываются с балконов. Нам здесь это не грозит. Итак, современный русский романс: «А напоследок я скажу». Скажи, Серега, просим...





ХИ

— Люся, тут такая вещь случилась. Громадная вещь, необъятная!

— Что?! Что! Что такое, Ежик? Ты больше не будешь мне звонить? Почему?!

— Другое. Ханна сильно заболела.

— Ой! Что произошло?

— Вирус, неизвестный науке. Сначала ей было неплохо — велюровый халат, верблюжье одеяло, теплый градусник под мышкой, ватрушки с творогом и чай на подносе, апельсины в фарфоровой вазе, шоколадные конфеты в тумбочке, телевизор в углу. Здорово было... Однако потом ей стало хуже. Затем еще хуже. Затем еще... И еще...

— Батюшки! Что же доктор?

— Доктор не успел. Я сказал, чтоб уже не приходил...

—...

— Потому что ей вдруг стало гораздо лучше. Она поднялась и молвила мне русским языком: «Врун несчастный, зачем ты рассказываешь сказки, что я твоя девушка? Как тебе не стыдно!..»

Связь прервалась. Он положил трубку, не пытаясь перезвонить. Постоял в задумчивости посреди прихожей, громко и отчетливо сказал эху: «вот так!», не дождавшись ответа, удалился в ванную, тщательно побрился, причесался, зашел в спальню, приоделся, обулся даже. Сел в гостиной с гитарой и долго перебирал струны, прислушиваясь к очень-очень далеким, едва различимым раскатам грома. За окном усиливался ветер, Август не на шутку распоясывался и раззадоривался, метался по улицам громко и весело, затеяв на прощание танцы с бубном, многоголосное пение и листопад.

Услышав натужный вокал автомобиля внизу и последующий облегченный вздох мотора, он отложил гитару, поднялся и вышел на балкон, щурясь от высоко взметаемой уличной пыли. Она, отпустив такси, хотела было направиться к подъезду, но передумала, подняла глаза наверх и встретила с ним взглядом. Они некоторое время молча и серьезно смотрели друг на друга. Затем он исчез внутри квартиры. Она продолжала недвижно стоять внизу, слегка придерживая развевающиеся на ветру волосы.

Он вышел из подъезда, держа под мышкой зонтик, подошел к ней, взял за руку, и они зашагали неторопливо, в ногу. Август, завершив свою вариацию оглушающим громовым пассажем, притих, разгоряченный и усталый, в ожидании сменщика. На разогретые улицы медленно опускался вечер. Сентябрь,



не менее шумный, чем его предшественник, гремливый и суматошный, приближался уверенно, наступал стремительно, альтово запевая порывами северо-западного ветра, звончато подыгрывая себе на струнах проводов.

— Я тебя сейчас поцелую, — сказала она, внезапно остановившись. — Прямо сейчас, на фоне бури, и тебе очень понравится. Необычайно! После этого у тебя останется один выбор — либо под венец, либо в могилу.

— Надо же. У тебя все поцелуи такие роковые?

— Нет, конечно, только в особенных случаях.

— Может быть, пойдем на компромисс? Сначала под венец, а в могилу потом — попозже.

— Да, хороший компромисс. И выбирать не нужно. И вашим, и нашим.

— Нет-нет, не путай меня. Сначала как раз вашим, а потом уж нашим.

— Как ты ясно все излагаешь! Я прямо потрясена.

— Когда все-все ясно — тоже нехорошо. От этого ты можешь вскоре заскучать.

— Я вскоре так и сделаю, лет через пятьдесят, начну скучать.

— Чтобы тебя развеселить, я перейду на аллегории, напущу туману, буду недосказывать, недошучивать.

— Внулата за тебя дошутят. Выйдет смешнее, потому что твои шутки к тому времени безнадежно устареют.

— Дошутятся они у меня.

— Знаешь, я иногда, уходя из дома, забываю запереть дверь. Как ты думаешь, тебя это не очень будет раздражать?

— Нет, не очень, ведь мы будем хранить деньги в твоём почтовом ящике.

— Проклятые Волхвы.

— Что?

— Это все Волхвы. Я просто растеряла все свои счастливые бусины, поэтому ты так долго не приходил.

Он ничего не понял, но все же засмеялся очень заразительно. Налетевший сильный вихрь разметал ее волосы, порывисто и озорно толкнул ее в спину, словно подбадривая: «ну что же ты, иди к нему и целуйся». Она часто заморгала, приблизилась к нему и обняла его.

— Идем вон туда, под навес! — скомандовала она у самого его уха, перебивая шум ветра. — Сейчас польет!

— Зачем?! Будем целоваться здесь, под дождем! Остаемся! — скомандовал он.



— Ежик, ты такой сладкий! Вдруг размокнешь, растворишься и исчезнешь! Я боюсь!

— Ну, хорошо, Люся — всего лишь один роковой поцелуй под проливным дождем! А лучше — два! И бежим домой!

Серебристый — яркий в крапинку неправильной формы астероид, миновав афелий, в сумрачном состоянии летел в безвоздушном пространстве. Летел и бесконечно размышлял на тему: «чем я, собственно, лучше других, и кому вообще нужна моя серебристость».

— Вот опять ты, — твердило ему надсознание. — Снова не с того конца мысли думаешь. А чем ты хуже? Ты задумывался когда-нибудь?

— Что толку? Одна разница. Вот скажи, правильной я формы или нет? Яркий я или все же тускловат? Небесное я тело или еще какое? И сколько нас, таких угловатых — уймища! И чем я ...

— Опять двадцать пять! Завел шарманку, застрял на круговой орбите! Я знаю, откуда у тебя такие сумрачные мысли! Знаю — мимо Голубой опять летишь. Пролетаешь ведь, во всех смыслах пролетаешь. Размышляешь только отвлеченно: приголубит она тебя на этот раз или нет, заметит или проигнорирует — милости ждешь. А самому раскрутиться как-то, слабо?.. Вращаться тебе нужно, понимаешь? Вертеться интенсивней, веселей и в нужном направлении. И она тогда взглянет и воскликнет: ах, какая у него траектория, приятная глазу! Какое, скажет, тело замечательное — небесной, прям, природы! Какой, мол, он энергичный, жизнерадостный и неотразимый в лучах светила... А знаешь ли ты, что голубое очень идет к серебристому?

— Это поверхностное наблюдение. Она — планета, но я всего лишь ...

— Но ты всего лишь «звездоподобный», если перевести. Звучит ведь! Правда? Подобный звездам!

Серебристый задумался. Его всегда тянуло к Голубой, она всегда привлекала и манила его, освещала его мысли и оберегала от уныния. Но на этом витке его сверх всякой меры, просто необычайно влекло к ее голубым океанам, перламутровым равнинам и ослепительным ледникам! Его тянуло к ней! Тянуло... «Звездоподобный» вдруг почувствовал, что это тяготение начало обретать какой-то физический, ньютоновский, ощущаемый смысл. «Я, кажется, попался! — озарило его. — Попался! Голубая манит меня к себе! Притягивает! И решительно как!.. Ой, не слишком ли сильно я упираюсь?.. Нет, не слишком... Не слишком ли сильно я поддаюсь? Спокойно, нужно сосредоточиться... Ох, и шлепнусь же я сейчас! Ох, и вмажусь!.. Сосредоточился,



называется... Ох, и поцелуемся же мы!.. Поцелуемся-а-а!.. А-а-а, все равно, от закона не уйдешь! Будь он хоть первый, хоть сто первый! Главное — не сгореть в огненном дыхании ее атмосферы! Главное — не утонуть в бездонных океанах ее сладострастия! Уповаю только на свою серебристость, больше не на что! Поцелуй же меня, моя радость! Лечу к тебе! Ввергаю себя в твой мир!»

Крупнокалиберно бабахнул гром, и с тяжелого темного свода на город рухнула вода. Пересохшие русла улиц заиграли блескучими оттенками взволнованно бегущего, мятущегося неба. Деревья энергично размахивали потяжелевшими взлохмаченными кронами в такт с порывами ветра и, физкультурно покачиваясь из стороны в сторону, неистово пели скрипучими голосами. Незакрытые ставни, двери и форточки бурно и продолжительно аплодировали непогоде. Забытая одинокая рекламная стойка на углу ахнула, театрально повалилась навзничь как подкошенная и торопливо и испуганно начала отползать под навес, обиженно всхлипывая и ойкая от хлестких ударов настигавших ее дождевых струй.

Они забежали в укрытие, едва не растоптав рыдавшую стойку, и стояли долго, тесно прижавшись друг к другу, дрожа всем телом, шмыгая носами и постукивая зубами. Она удивленно разглядывала дождь, часто дыша и уткнувшись подбородком в его плечо. Затем она подняла голову и заглянула в его смеющиеся глаза:

— А знаешь, я солгала тебе тогда. Мне еще никто до тебя не говорил, будто в моем имени есть что-то космическое.

Melbourne 2010–2017





Ольга НАЦАРЕНУС — член Союза писателей России (МГО), член Интернационального союза писателей, международного союза творческих сил «Озарение». Неоднократно публиковала свои произведения в альманахах

«Российский колокол», «Сборник прозы», «Литературное достояние России», «Золотое руно», в сборниках «Союзники», «Как судьбы людские, читаю я осень», «Дышать любовью», «ЛитОгранка», «Золотые купола России», «По ту сторону реальности», в журнале «Союз писателей», в литературной газете «Лик», в сборнике номинантов литературной премии «Лучшие поэты и писатели России».

Автор книг «Сны моего сердца» (2013), «Иная вечность» (2015). Участник проектов «Писатель года» (проект сайта Проза.ру), лауреат международного поэтического фестиваля в Македонии (заочное участие), победитель Первого альтернативного международного конкурса «Новое имя в фантастике» (2013), вошла в лонг-лист победителей конкурса фестиваля «Бумажный ранет» («Московская правда»).

«РЕКВИЕМ РАЗБИТОМУ ЗЕРКАЛУ»

Отрывок из романа.

Ростов-на-Дону. 1921 год.

...С приближением ночи Шурка напрочь терял желание уснуть. Комната погружалась в темноту, и предметы, населявшие ее, приобретали искаженные, мистические очертания. Цветочный горшок на окне становился женской головой с беспорядочно торчащими из нее прядями волос — длинными, острыми листьями. Старые напольные часы в углу медленно превращались в хмурого, злого монаха — голова его была покрыта черным капюшоном, а руки сложены на груди. Шурка представлял себе, как стучит сердце этого таинственного, немощного старца: тик-так, тик-так. Ему казалось, что еще немного, еще чуть-чуть, и монах начнет двигаться в направлении его кровати, обязательно сделает шаг, и тогда...

Фантазиям не было конца. Сочинялись чаще всего истории добрые, сказочные по своему содержанию, но особое место занимали истории драматические, страшные. Они были наиболее длинны и интересны.



Иногда, полностью накрывшись теплым одеялом, Шурка крепко за-
жмурился глазами. Тогда, ничего не наблюдая перед собой, он начинал прислу-
шиваться к разнообразным ночным звукам, имеющим свою, абсолютно ни
на что не похожую, интонацию. Вот — скрипнула половица под ногой мате-
ри. Вот — кажется, что очень громко, за дверью своего кабинета, закашлял
отец... А это — это, за окном, пересчитывая подкованными копытами окру-
глые камушки мостовой, прошли лошади: *«Лошади наверно наши, «красные».*
Патруль ... А что, если нет? Что, если Врангель вошел в город, или Деникин
снова? Нет, нет, пустое... Тогда бы, как обычно, кричали и стреляли повсю-
ду...».

По приезду в Ростов, распоряжением товарища Ворошилова, семья Мари-
енхольц разместились на Большой Садовой, на втором этаже национализиро-
ванного к тому времени особняка купца В. К трем комнатам, просторной го-
стиной и кабинету по служебному распорядку была прикреплена помощница
по дому, скромная сорокалетняя Стеша, проживающая там же, на втором
этаже, в маленьком закутке с дверью, но без окон. К приятному удивлению
Евгении Карловны, Стеша была начитанна, правильно разговаривала, вкус-
но готовила и аккуратно вела хозяйство. От вопросов личного характера она
вежливо отстранялась, повторяя одну и ту же фразу: *«Жизнь моя началась*
только в семнадцатом году. А что было ранее — не надобно мне помнить».

Шура долго привыкал к новому жилищу. Одна мысль, что здесь, в этом
новом доме, совсем недавно, может быть еще несколько месяцев, а может и
дней назад, жили другие люди — не давала ему покоя. В его суматошной го-
лове люди эти, своей большой семьей по утрам усаживались за обеденным
столом, пили чай с вареньем, ели масляные кружевные блины и громко сме-
ялись. Дети, с испачканными шоколадом щеками, играли в прятки, дразнили
друг друга и часто подбегали к матери, чтобы поцеловать. Глава семейства,
вне сомнений, имел окладистую курчавую бороду, строгий взгляд и золотые
часы на цепочке, свисающей петелькой из кармана красного, плюшевого жи-
лета. След от этих людей в доме остался для Шурки на все время. Он думал
об их жизни, пытался мысленно разговаривать с ними, проводя ладонью по
оставленным в шкафах старинным книгам, или дотрагиваясь пальцами до
торчащих из стен гвоздей, когда-то предназначенных для больших и, конечно
же, очень красивых картин...

Маму Шура любил — и не любил. Будучи совсем еще ребенком, он ни разу
не задумывался об этом. Но в двенадцать лет эта нехорошая, смешанная со



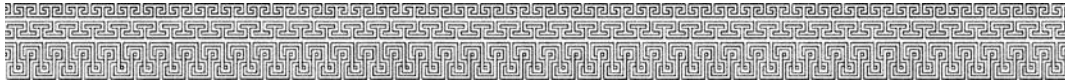
стыдом правда, прочно заняла место в дальнем, укромном уголке души, и часто не давала покоя. Шура воспринимал мать как нечто ненастоящее, далекое для понимания, а иногда — чужое для себя. Она вдруг начала жить в каком-то своем, принадлежащем только ей мире, который населяли толстые книжные романы, грампластинки и бесчисленное множество ненужных знакомств и связей. Материнская забота ограничивалась безмерной любовью и теплом только лишь к младшему брату Шуры, Левочке. Остальные же дети, включая четырехлетнюю Тому, вниманием Евгении Карловны почти не пользовались, и всю заботу о них приняла на себя трудолюбивая и безотказная помощница Стеша. Дети редко слышали похвалу от матери, побаивались ее, росли в резких замечаниях и нравоучениях. Шура видел, что за этим наблюдает отец, и догадывался, что ему это тоже не нравится. Но отец давно отказался от нареканий в сторону супруги. Учитывая ее жесткий нрав и тяжелый характер, он предпочитал молчать. Возможности обронить грубое слово, или же указать на выдуманные недостатки, у Евгении хватало и без этого...

Каждый день Шура вспоминал бабушку Елизавету. При этом по его груди мгновенно растекалось необыкновенное тепло, а лицо расплывалось в улыбке. Сколько приятных моментов скопилось в детской памяти, сколько нежности и терпения отдала его детству бабушка!..

Когда Шурка узнал, что бабушка отказалась ехать с ними в Ростов, он совсем не расстроился. В том, его восприятию происходящего не было места конечному, завершаемому, безвозвратно потерянному. Ему казалось, что в любой момент возможно все легко изменить: захотеть — и вернуться в Саратов, отведать бабушкиных пирогов, почувствовать ее горячую руку на своем затылке. Захотеть — и бабушка поездом скоро приедет к ним, в Ростов, погостить на недельку. И тогда, совсем как раньше — она посадит к себе на колени маленькую глазастую Томочку, Тосику велит, чтобы тот причесался, а отцу заметит, что похудел и курит слишком много.

Но все сложилось совсем иначе. Однажды, с приездом брата отца, дяди Седрежи, дом Мариенгольц наполнился тихими разговорами о страшном голоде в Поволжье. Взрослые закрыли двери в гостиную и долго обсуждали сложившееся в России положение, а также неутешительные вести из Саратова. После всего, тайком подслушанного, Шурка подбежал к моющей на кухне полы Стеше, схватился обеими руками за края ее фартука, и крепко сомкнув губы, завыл. Он понял — бабушки Елизаветы больше нет...





Об этом трагическом событии в семье говорить было не принято — эта тема как-то незаметно оказалась под негласным запретом. То ли от того, что родители между собой решили не наносить детям болезненных душевных травм, то ли от всеобщего подчинения власти матери, в анналах существования которой не было места мокрому от слез носовым платком. Шура не был рад такому положению вещей, скорее был даже обижен: за молчание — вместо теплых воспоминаний, за неповешенную на стену бабушкину фотографию, за непроизнесенную поминальную молитву, за незажженные в память о ней свечи...

В теплое время года Шурка любил бегать к Дону. Там, оставшись абсолютно один, он мог часами бродить по мокрому берегу, гладить ладонями воду, наблюдать за рыбаками, покачивающимися на мягких волнах в маленьких черных лодках. Иногда он залезал внутрь векового ивового куста, торчащего совсем рядом с рекой, и подолгу сидел там, размышляя о чем-то, или фантазируя. По штанам ползали муравьи, ржавый гвоздь царапал найденную на дороге палочку, а пробивающиеся сквозь густую листву солнечные лучи упрямо щекотали коротко стриженную голову. Это все было для Шурки маленькой тайной, в которую он, пожалуй, мог бы взять только своего отца — романтического, доброго человека, с грустными глазами и с неукротимым желанием восхищаться великолепием окружающего мира...

В тот год частым гостем в доме был дядя Сережа, Сергей Петрович. Получив должность начальника Северо-Кавказской железной дороги, он много по долгу службы находился в Ростове, и даже обзавелся там женой, совсем еще юной, веселой и озорной. Тогда для знакомства с ней собралась вся семья...

— Ну, милочка, и как прикажете Вас величать? — Евгения, размахивая черным страусовым веером, облокотилась на спинку стула и оценивающе оглядела прямое, темно-зеленое платье девушки.

Та добродушно улыбнулась, игриво взглянула на Сергея, и протянула руку Александру Петровичу:

— Нина. Нина Шваб. Дочь генерал-майора Красной армии. Тоже, кстати, из российских немцев. Мой отец, Антон Фридрихович...

Евгения вскинула брови и аккуратно, кончиками пальцев, поиграла алыми головками маков в стеклянной вазе:

— Значит, Нинель? Или может быть...

— Нет, нет, Нина, просто Нина.

Маленькая Тома захохотала, запрыгала на месте и радостно хлопала в ладоши:



— Простонина, Простонина! Как прекрасно! Простонина! Какая замечательная тетя, правда, мамочка?

Все присутствующие в гостиной засмеялись, заговорили оживленно, а Стеша начала накрывать на стол.

Шуре понравилось смотреть на Нину. Совсем не стесняясь, с необъяснимым удовольствием, он разглядывал ее чуть раскосые глаза, густые каштановые волосы, коротко обрезанные, острые приподнятые плечи и белые руки. Он никак не мог объяснить себе, красива она или нет. Он просто хотел на нее смотреть, и видеть ее как можно чаще. Заговорить с ней не получалось. Шурка не знал, что можно ей сказать, о чем спросить. В его голове не укладывалось, как эта озорная, смелая на шутки девчонка может приходиться женой дяде Сереже — такому взрослому, серьезному мужчине, недавно отчаянно бившему белогвардейскую нечисть, а ныне занимающему важную, ответственную большевистскую должность.

В тот вечер, сидя за празднично накрытым столом рядом с Ниной, дядя Сережа не сводил с нее глаз, часто обнимал за плечи, а после каждого выпитого бокала вина целовал в ладошку. Шура понимал, что дядины взгляды на жену — особенные, необычные. Так смотрят только на очень близких женщин: решительно, с придыханием, краснея. И всякая непристойная ерунда проносилась у Шурки в голове — как отголоски того, что невозможно, но очень хотелось бы понимать об этом в те юные годы.

Нина без умолку тараторила, и много ее внимания было обращено на Александра Петровича:

— Муж мне много рассказывал о Вас. Вы хорошо рисуете, Вы немного поэт и очень интересный человек! Я очень люблю поэзию! Я понимаю ее как никто другой, поверьте! Что Вы сейчас читаете? Вы читали Блока? Ах, я обожаю Блока! Ах, как изысканно он воспринимает любовь, страдания, смерть — потрясающе! А Вы видели когда-нибудь его фотографическую карточку? Ах, что за лицо! Что за мужчина! А не могли бы Вы нам сейчас почитать свои стихи, Александр? Я страсть как желаю слушать их в этот вечер!

Евгения захохотала, запрокинула голову, и похлопала белоснежной салфеткой по спине сидящего рядом мужа:

— Читайте же нам, наш поэт, Александр! Ну, читайте же скорее! Что Вы медлите?

Александр на минуту застыл, затем отодвинул тарелку и закурил, не поднимая головы:



— Нет, пожалуй, не сегодня... Да я собственно наизусть ничего из своего не помню. Не сегодня, простите...

Глаза у Шурки намокли. Желание ударить мать возникло одновременно со страхом и презрением к самому себе. Неожиданно для окружающих, он встал на стул и крепко сжал кулаки:

— Я знаю несколько сочинений отца!.. Да перестаньте же кушать! Слушайте! Шурка медленно, тщательно проговаривая каждое слово, начал читать:

*«Исчезли листья, лес уснул,
Спит муравейник под сосною,
Ручей покрылся сединою,
Когда холодный ветер дул,
Когда с рассвета до звезды
По пашням снегом засыпало,
И солнце вечное дремало,
И конь не правил борозды.
Зима по всей святой земле,
На много долгих дней и мыслей,
И на устах собьются числа,
Не дав покоя голове.
Березы голые дрожат,
Мир замер, полон нежной грусти.
Зима не каждого отпустит,
Надежно за руку держа...»*

Нина подбежала к Шурке, долго жала его руку, поправляла белый воротничок:

— Ах, как же талантливо! Ах, как же написано твоим отцом! — вернувшись за стол, она обвила руками шею мужа, поцеловала его в щеку и, прикрыв глаза, прошептала:

— Нет, нет, несомненно твой брат талантлив. Я обязательно расскажу об этом папочке.

Сергей Петрович разлил по бокалам вино и посмотрел на Евгению:

— Нам всем в нынешнее время читать надобно труды Маркса. А не забивать мозги сентиментальной шелухой, дабы не отвлекать свое пролетарское сознание от великих дел и предстоящих перед нами сложнейших задач.



Еще не закончена война, еще ползают по России белые недобитки. Голода много, нищеты, болезней. Тиф повсюду, холера людей косит. Насмотрелся я предостаточно, пока по фронтам вшей кормил...

Шура подбежал к Нине, потянул ее за руку и смело потащил за собой из гостиной:

— Пойдемте, Ниночка, поиграем в прятки! Я Вас слевой познакомлю, пойдемте! Он у нас очень уж скромный, и при гостях из детской ни за какие коврижки не выходит...

Оставив мужа в растерянности, Нина быстро исчезла. А Евгения, сделав глоток вина, незамедлительно отреагировала:

— Вот так-то Сережа, увел наш сопляк жену молодую твою! А ты — кури, сиди носом в Марксе своем, да больше дома отсутствуй по служебным делам!

Сергей Петрович громко рассмеялся, расстегнул на кителе две верхние пуговицы и поправил на носу чуть запотевшие очки:

— Ты, душа моя, пожалуй, единственная женщина, в которую я не смог бы выстрелить ни при каких обстоятельствах! Можешь расценивать это как комплимент!

Евгения, казалось, не обратила никакого внимания на слова Сергея. Она нахмурилась, чайной ложкой, аккуратно, отделила кусочек «Штруделя», и направила прямой указательный палец в сторону двери:

— Не нравится она мне. Только напоказ — дурочка. А внутри-то...

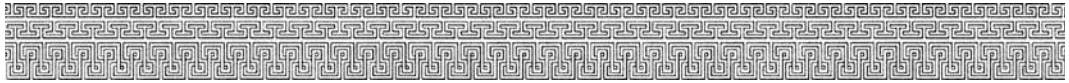
Александр попытался возразить, но не успел произнести ни слова, как Евгения осекла его:

— И взгляд у нее мутный. Не нравится она мне — и все тут. Закончим!

Карьера дяди Сережи развивалась на удивление стремительно. В начале июня 1921 года Сергей Петрович срочно отбыл в Турцию, в Анкару, где в составе первой дипломатической миссии прослужил полномочным представителем России около двух лет. За этот период он успешно наладил дипломатические и торгово-экономические отношения с правительством Великого Национального Собрания Турции. С главой Турецкого государства, Мустафой Кемалем, был подписан Договор о дружбе и братстве, и проведены переговоры по пограничным вопросам в Закавказье...

С отъездом дяди Сережи в доме Мариенхольц воцарился покой — не стало шумных вечеринок, непременно заканчивающихся политическими спорами и скандалами. Раз в неделю, а то и чаще, в гости забегала беременная Нина.





Она была до неузнаваемости грустна, обидчива и дурно выглядела. Нелестно отзываясь Евгении Карловне о своем муже, она, словно талисман таскала в маленькой дамской сумочке его вонючие папиросы, и много плакала.

В то лето Шура как-то особенно близко воспринимал отца. Выбегал встречать, заметив его в окно, возвращающегося из штаба уставшим и хмурым. Скучал, когда тот днями пропадал в ответственных поездках. А как-то раз, проникнув ночью в кабинет и увидев отца уснувшим в многочисленных бумагах письменного стола, Шура немедленно раздобыл мамин пуховый платок и бережно прикрыл им его спину.

Какова же была радость, когда отец внезапно захворал! Солнечным, августовским утром, не отойдя еще толком от теплого, безмятежного сна, Шурка услышал разговор отца со своим адъютантом:

— Милейший, не посчитай за труд сообщить в штаб — худо мне что-то сегодня. Надо бы вылежаться...

Шурка ликовал! В коем-то веке отец сможет остаться дома на весь день, да может и не на один! Шурка будет играть с ним в шахматы, рисовать, говорить на немецком, а еще с важным видом примерять его португепю и высокие, начищенные до блеска, боевые сапоги! Мама срочно обяжет Нину или Стешу принести малиновое варенье, и они, все вместе будут лечить, лечить, лечить, и заботиться о нем. Как же захотелось Шуре о нем заботиться!

Отец лежал в своем кабинете, на диване. Лицо его было бледным, а глаза слезились. Вытирая полотенцем со лба холодный пот, он натянуто улыбался, часто требовал пить, и просил Шурку вслух, с выражением, читать ему.

Вечером же, не дождавшись окончания ужина детей, Александр Петрович, не вставая из постели, настойчиво, чуть хриплым, сильным голосом подзвал Шурку к себе. Сын с радостью выскочил из-за стола и послушно уселся возле отца.

— Вот что, птица моя, хочю сообщить тебе, как старшему сыну, что книгу я потерял, очень важную книгу, и от того опечален сильно.

Шурка вытаращил большие голубые глаза и от неожиданности услышанного быстро закрыл ладонью свой рот.

— Рыба моя, ты обязан знать, в чем тут дело. В каждой немецкой семье есть особая, толстая-претолстая книга. Называется она — «Штаммбух». В ней содержится все, сын. И про ныне живущих, и про прадедов и дальних предков, а иногда и про тех, от кого фамилия началась, от кого род пошел, понимаешь? И у нас такая книга была.

— И про меня в ней было написано?

— И про тебя, конечно, и даже про нашу маленькую куклу — Томочку. Кто и когда в семьях рождался, когда и кем крещен был, когда и с кем венчан. Так вот, матушка ваша, когда из Саратова с вами выезжала, книги этой в доме не нашла. Исчезла книга, будто черти надсмеялись! Знать бы все, как и что получится, продумать бы все правильно вовремя — так мне ее давно нужно было догадаться спрятать. В тайник что ли какой положить, или еще куда. А ты бы вырос, и как старший, распорядился ей, как счел бы нужным.

Шурка почесал затылок и в недоумении сморщил широкий лоб:

— Я? Я бы распорядился? Разве книгой можно распоряжаться? Что за секретность такая, папа?

— А секретность в той книге такая, что родовые корни там твои прописаны, солнце мое, и через знания эти жизнь можно новую начать, совсем иную, такую, о которой ты даже мечтать сейчас не умеешь...

Шурка задумался. А отец, с трудом перевернувшись со спины на бок, закрыл глаза, тяжело задышал, засопел, и тихонечко прошептал:

— Ты найди ее, книгу эту... Обязательно найди, душа моя... Я верю, что ты найдешь...

Утром следующего дня в доме появился доктор — уставший, казалось безразличный, и раздражительный от любого слова Евгении. Быстро осмотрев комнату, присев на край дивана, он тронул влажный лоб Александра Петровича, приложил пальцы к левому запястью, прощупал живот. Не задав ни единого вопроса больному, он извлек из старого кофра блокнот, карандаш, и неприятным, скрипучим голосом начал бормотать себе под нос:

— ...пульс слабый, частый. Температура тела снижена. Одышка. Значительная слабость и неукротимая жажда. Живот болезненный. Многократная рвота, свободное истечение кишечной воды...

Евгения тронула доктора за локоть:

— Да объясните же хоть что-то! К вечеру стал совсем плохой, не спал, охал, корчился от живота! Сейчас сознание его явно расстроено — он не отвечает мне, и кажется, не узнает!

Доктор закончил записывать и обернулся на Евгению. Та имела растерянный вид, прижимала к груди голубой кружевной платочек и тихо поскуливала.



— Вы — молодая, красивая женщина. Вы должны взять себя в руки. Должны беречь себя для детей... У Вашего мужа холера. Форма болезни тяжелая, скоротечная. Вы должны готовиться к печальному исходу...

Долгий, мучительный день Евгения не отходила от Александра, брала за руку, целовала, молилась. Он окончательно ослаб, перестал требовать питье, редко открывал глаза. Его изможденное тяжким недугом тело пронизывали сильнейшие судороги. Лицо приобрело серый оттенок, вокруг глаз появились темные круги.

Мариенхольц уходил... Уходил быстро, страшно, совсем внезапно погрузившись в невероятные страдания, и выжигающую плоть адскую боль.

Поздним вечером, обтирая тело мужа влажным полотенцем, Евгения услышала его еле различимые слова:

— Тяжело кончаюсь. Бросаю тебя, Женечка. Прости уж... А, вот и матушка моя у дверей стоит...

Евгения вздрогнула. Ей привиделось, будто над головой, взявшись ниоткуда, взмахнуло большое черное крыло. Обдав спину холодом, оно напугало, и тут же исчезло, растворилось...

Той ночью Шурка был беспокоен. Закутавшись в одеяло, съжившись, он сидел на своей кровати и смотрел в темное окно. Он пытался понять, осмыслить, какие перемены грядут в его жизни. Он чувствовал, что теряет отца, но абсолютно не знал, что с этим делать и как придется теперь к этому относиться. Десятки раз в голове мальчика появлялись картины из недалекого прошлого: шумные дачные посиделки... смеющиеся родители на качелях... Вспомнилось, как с отцом и с их конюхом Максимовым купали на Волге Куманька — норовистого пегого коня... и как в семнадцатом году их лошадей с хутора уводили красноармейцы... Вспомнились саратовские занятия на фортепиано...

— До, ми, со-оль. Соль, фа, ми, ре, до-о...

— Мама, я устал. Можем ли мы сделать перерыв? Мне еще необходимо успеть осилить две задачки по арифметике.

— С чего же вы, Шура, устали? Никак баржу с углем разгружали весь день? Держите руку на инструменте правильно, кисть не заваливайте, локоть не много от себя, вот так...

Вспомнилась прогулка с братом, Тосиком, вдоль берега Гуселки...

— У тебя есть секрет, Шурка?

— Кажется, нет.



— А у меня есть! Я закопал под яблоней мамино любимое кольцо! Когда она подумает, что потеряла его, и расстроится — я ей его верну. Скажу, что отыскал пропажу! Вот уж тогда она обрадуется! Вот уж тогда похвалит меня, а может быть даже и поцелует!

На рассвете, когда часы уже пробили четыре раза, Шурка услышал долгий, пронзительный крик матери. Освободившись от одеяла, босиком, он ворвался в кабинет отца и замер. Шурка застал отца уже бездыханным. Сидевшая на полу у его изголовья мать, устремив широко раскрытые глаза в потолок, ревели раненным зверем, беспорядочно вскидывала руки и всем телом тряслась. Совсем скоро прибежала Стеша, перекрестилась три раза и поспешно закрыла покойника белой простыней. Шурка знал, что в такие минуты положено бы заплакать, но не смог. Ему стало безумно жаль свою мать, еще вчера — сильную, холодную, а ныне же, волей страшного обстоятельства, оказавшуюся сломленной и разбитой невыносимым горем, женщину. Он с большим трудом поднял ее с пола и усадил на стул:

— Не смейте так, мама! Не смейте! Мы же немцы, мама, мы — сильные, Вы же так сами всегда нас учили.

Шурка сразу же подумал о том, что говорит не те слова, не то делает, и не может в полной мере оценить, что происходит. За спиной, будто с неистовой силой захлопнули неведомую дверь, за которой остались живые, яркие воспоминания о замечательном, светлом человеке, отце — его голос, улыбка, его добрый, любящий взгляд моментально утонули в щемящей сердце печали, и стали называться словом «память». Никогда уже теперь... Никогда...

Следующие несколько дней пронеслись сквозь Шурку словно тревожные, страшные сны, выходящие за грани привычной реальности, угнетающие и корежащие душу мрачной, непреодолимой данностью. В доме замелькали черные одежды, исчезли отражения зеркал, поселился запах ладана...

Многочисленная похоронная процессия по Большой Садовой, до Братского кладбища — это были основной своей частью незнакомые для Шурки люди. И сослуживцы отца, и посторонние, сочувствующие, из горожан — все непременно старались приблизиться к Евгении Карловне, подержать за руку, выразить слова соболезнований. Две белые лошади, уныло тянущие большую телегу с закрытым гробом, недовольно фыркали и размахивали хвостами, отгоняя надоедливых мух. Сопровождающие гроб конные красноармейцы ста-

рались прижимать беспорядочную толпу с проезжей части ближе к тротуару, дабы не создать помех для движения трамваев и авто.

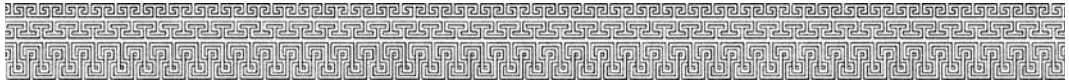
Для занесения сего траурного момента в историю РСФСР штабом Северо-Кавказского военного округа на церемонию был приглашен фотограф...

Всепроникающее палящее солнце, ни ветерка вокруг, и только цок-цок-цок лошади по булыжной мостовой, да тяжелый, страшно подпрыгивающий красный гроб на телеге...

Шурка и Тосик держали мать под руки, самостоятельно передвигаться ей было не под силу. Евгения не плакала, не разговаривала и, видимо, никого перед собой не различала глазами.

«Верю в тебя самозабвенно и нерушимо!» — звучали внутри Шурки слова улыбающегося отца... Нестерпимо хотелось воды, холодной, много...

Как нарочно, Шурка чуть не потерял пуговицу. Она повисла на длинной ниточке, и было непонятно, как лучше поступить — оторвать ее от рубашки совсем, или попытаться закрепить узелком. Не найдя нужного решения, Шурка закрыл пуговицу в дрожащем кулаке и прижал к груди. «Верю в тебя! Верю!» — пронеслось в горячей голове. С первыми ударами черных комьев земли о крышку гроба пуговица была оторвана, и почему-то отправлена за щеку...



Нателла ЛАЛАБЕКЯН родилась в Ереване. Училась в Москве. В 1980 году эмигрировала в США. Окончила UCLA и USC, Ведущие университеты Лос-Анджелеса, а в 2008 году — заочное отделение Литературного института имени Горького в Москве. Доцент музея LACMA, Член Союза писателей Москвы и Армении. Обладатель приза Союза Армян России за своеобразное представление национального образа в Литературе XXI века. Живет в Лос-Анджелесе. Автор книг стихов «Я создала твой образ», (изд-во «Альманах», 1997). «От образа к облику» (изд-во «Альманах», 2002). «Многоточие» (изд-во писателей Армении). Также автор книг стихов и прозы «Путь к себе» (изд-во «Гаспринт», 2010). «Неслучайные встречи» (изд-во «Аполлон», 2013), «Две жизни» (изд-во «Художественная литература», 2014).

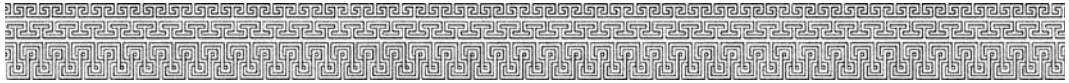
МЕЧТА

Памяти Марка Мнацаканяна

Марка уже нет в живых. Мы впервые встретились в Лос-Анджелесе по случаю праздника 8 марта, который организовал его двоюродный брат. Американцы не празднуют эту дату, разве что только историки знают про Розу Люксембург и Клару Цеткин. Но ностальгия по старым праздникам — это повод для общения людей с общим прошлым. В первые годы иммиграции наш друг даже создал клуб под названием «Мегратун», что в переводе с армянского значит «Медовый дом», члены которого периодически встречались в каком-нибудь кафе или банкетном зале для интеллектуальных бесед, а также отмечали несуществующие в Америке праздники: 23 февраля, 8 марта, старый Новый год. Если бы я выбирала название этому клубу, я бы назвала его «Ностальгия». Несколько лет клуб просуществовал благодаря энтузиазму организатора, объединяя армянскую интеллигенцию — художников, поэтов, врачей и т.д., облегчая первичный культурологический шок, который тяжелее всех после переезда на новое место жительства переносила интеллигенция.

Нам с мужем повезло, мы приехали сюда молодыми. И хотя мне приходилось поначалу делить свое время между музеем, где я работала на полставки искусствоведем, и медицинской клиникой мужа, который нуждался в моей



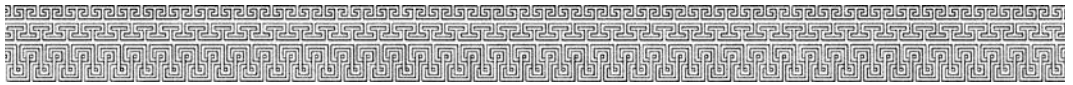


помощи по бизнесу, я была рада, что у меня есть возможность хотя бы частично заниматься любимым делом. А недостаток творческого самовыражения я компенсировала стихами и частично, как это ни странно звучит, собиранием коллекции экстравагантных шляп. Мне кажется, именно этой комбинации множества событий, дел и занятий я обязана вниманию человека, который в сложный иммигрантский период моей жизни привнес радость детской мечты.

Но вернемся к празднованию 8 марта, куда я заявила в умопомрачительном наряде, который завершала шляпа с пером, а в руках я несла пару только что изданных книг моих стихов. Наш друг познакомил меня и мужа со своим двоюродным братом Марком, пожилым господином благородной наружности, с острым взглядом человека, прожившего интересную жизнь. Он приехал из Москвы в гости к своему кузену. Я подарила им обоим по книге и не общалась с ними весь вечер, который я весело проплясала. Наш друг был занят организаторскими заботами, а о Марке я забыла, хотя подсознательно чувствовала на себе чей-то пристальный взгляд, направленный из зала. Не придавая этому значения, я весело продолжала кружиться в танце с подругами...

Продолжение последовало, и вскоре я получила от Марка письмо, которое он передал мне через своего двоюродного брата и моего мужа.

До сегодняшнего дня это письмо остается самым романтическим из тех, что я получала в своей жизни. Это было послание в стиле лучших традиций эпистолярного жанра, посредством которого мне представился этот неординарный человек. Оно было выдержано в выражениях достоинства, скромности и самоиронии — он называл себя котом в мешке, к тому же облезлым, который хочет из мешка выбраться и рассказать о себе и своей работе режиссера. Он ставил современные балеты и пластические постановки драматических спектаклей. К письму прилагались видеокассеты работ, которые он просил посмотреть, а также он говорил о работе, которая пока находится в процессе, — о постановке «Саломеи» на музыку Майлса Дэвиса и о какой-то сумасшедшей идее, которой он хочет со мной поделиться при встрече, и на которую он осмелился, лишь прочитав книгу моих стихов. В лучшем романтическом стиле девятнадцатого века он взывал ко мне и просил о rendez-vous, обещая рассказать, показать и доказать разумность пришедшего ему в голову плана. Я была потрясена порывом автора и благородством тона этого письма. Господи, я с удовольствием общаюсь с творческими людьми, прилетевшими из России и Армении, тем более что он из моей любимой Москвы. Это имен-



но я должна считать за честь общение с таким человеком. (Оказалось, он был профессором, преподавал во ВГИКе сценическое движение, а прежде работал над постановками в Большом театре).

Меня слегка обескуражили романтические нотки письма Марка. Было очевидно, что я произвела на этого человека довольно сильное впечатление. В письме он обещал позвонить через 2-3 дня, за которые, он надеялся, я просмотрю видеокассеты, и я их просмотрела. Среди них мне особенно запомнился пластический драматический спектакль по мотивам Лорки «Дом Бернарда Альбы». Это были работы большого художника, талантливого балетмейстера и оригинального философа.

Может, он хочет меня попросить о финансовой поддержке в постановке одной из пьес? Но, судя по кассетам, он — преуспевающий балетмейстер и режиссер, и уж точно не мне судить о его работах, какими бы они ни казались безумными.

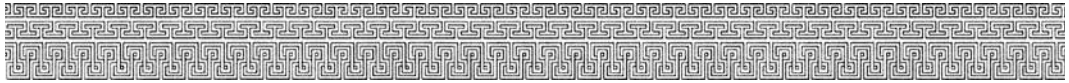
Заинтригованная, я ожидала встречу с не меньшим нетерпением, чем автор письма. Через три дня раздался звонок и произошла встреча, которая превзошла все мои ожидания. Марк предложил мне танцевать Саломею! Слово «потрясение» и близко не передает мои чувства в тот момент. Скорее, шок. И слова «безумие» и «бредовая», которые Марк использовал в письме, говоря об идее, на которой он настаивал, по-моему, тоже были слишком мягкими по отношению к ней! Человек, у которого танцевали примы-балерины Большого и играли в спектаклях известнейшие актрисы, — и я, с двумя годами балетных классов?

Балет — моя несбывшаяся мечта с самых ранних лет. Все свое детство я проходила на цыпочках, мечтая стать балериной, в то время как моя мама сначала отправила меня на фигурное катание, которое она предпочитала балету, но после все же пошла на уступки, и я два года посещала балетные классы. Она также была категорически против моего поступления в ансамбль «Школьные годы» (куда благополучно поступила моя подруга по классам), считая, что гастрольные поездки будут отвлекать меня от занятий...

Что из всего этого мог увидеть Марк во время нашей встречи — я не знаю. Но ведь только волшебник мог разглядеть в человеке мечту его детства. Высказанное им ошеломительное предложение — скорее, было гениальной проницательностью, ведь он ничего не знал обо мне и о моей мечте, о которой я ему так никогда и не рассказала.

Оказалось, что идею этой пьесы он вынашивал много лет, даже показал рисунки с костюмами, которые он представлял для спектакля в стиле Берд-





слеувской постановки «Саломеи». Поставить этот спектакль было его мечтой, и он долго искал исполнительницу Саломеи, даже назвал имя одной известной актрисы, с которой вел переговоры, но этого не случилось, и, как он считает, — к лучшему, потому что, наконец, нашел свою Саломею.

Сила убежденности, с которой я стала его отговаривать от этой затеи, могла сравниться только с силой его убежденности в своей правоте и силой моей детской мечты стать балериной. Судьба давала мне возможность воплотить эту мечту в жизнь.

Две недели мы встречались, уговаривая друг друга в противоположном. Он попросил меня сделать несколько танцевальных движений, у меня возникла надежда, что он, убедившись в моей несовершенной пластике, откажется от этой идеи, но вместо этого он показал мне серию упражнений, которые я должна была выполнять на протяжении трех месяцев, по истечении которых он вернется в Лос-Анджелес для постановки спектакля. Марк был человеком действия, не зря когда-то, в Советское время он приехал в Москву юношей и добился столь многого. Он обзвонил несколько знакомых профессиональных балетных танцоров-эмигрантов в Лос-Анджелесе и на полных парах двигался вперед. Я продолжала его отговаривать, приводя все доводы, какие только приходили мне в голову. Для кого мы ставим этот спектакль? Кто будет нашим зрителем? Американцы, эмигранты, — кто придет смотреть спектакль со мной в главной роли? Но Марк верил в свои и мои возможности. В глубине души я сомневалась в своих сомнениях.

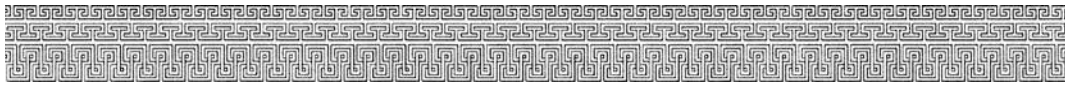
Такие люди, как Марк, умеют убеждать. Возможно, я бы и смогла станцевать Саломею, но я боялась подвести Марка и не столько показаться смешной или непрофессиональной в глазах людей, сколько провалить его и свою собственную мечту, о которой он ничего не знал...

Через две недели Марк улетал по приглашению в Монголию — ставить балет в Государственном национальном театре оперы и балета, обещая по завершении работ позвонить мне.

Через три месяца он позвонил, сказав, что готов приступить к репетициям и что отказался от другой работы ради нашего спектакля.

На этот раз я была непоколебима, убеждая его согласиться на это другое предложение. В его голосе зазвучали нотки обиды, наверное, он подумал, что я не доверяю его профессиональному видению...

Через пару месяцев после последнего разговора с Марком я сломала ногу, катаясь на лыжах, и моя жизнь потекла совсем в другом направлении. Впер-



вые я смогла от начала до конца прочитать Библию и историю Саломеи в первоисточнике, написала новую книгу стихов, из них два стихотворения стали песнями на музыку Константина Орбеляна, который познакомил меня с замечательной поэтессой Риммой Федоровной Казаковой, а она, в свою очередь, порекомендовала мне поступить на заочное отделение в Литературный институт в Москве. Судьба одаривала меня знакомствами с необыкновенными людьми, каждый из которых протягивал руку помощи, не давая пасть духом в эмиграции.

По окончании института я написала еще одну книгу стихов. После ее презентации в Ереване мы сидели на террасе гостиницы и пили чай с нашим другом, двоюродным братом Марка. Выяснилось, наш друг недавно виделся с ним, и они вспоминали меня. Марк все еще жалел о том, что я отказалась от роли, он так и не поставил спектакль, не найдя другую Саломею.

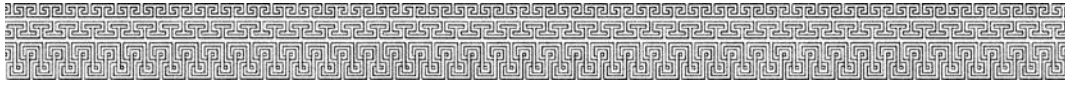
С Марком мы еще раз встретились, спустя три года. Он снова прилетел в Лос-Анджелес, на этот раз проходить курсы химиотерапии: у него был рак. Я узнала об этом и попросила о встрече. Друг передал, что Марк очень плохо себя чувствует и стесняется своего вида, избегая встреч со знакомыми. Но через какое-то время показалось, что его здоровье идет на поправку, и он согласился встретиться со мной. Это произошло в кафе, где собрались Марк, его двоюродный брат, я и мой муж. Марк сильно изменился из-за болезни, полысел и похудел, но глаза по-прежнему смотрели остро и пронизательно.

«Ты изменилась, — обратился он ко мне, — но глаза остались прежними. Напрасно ты отказалась у меня танцевать».

Уже будучи больным, он все же реализовал свою идею, поставив «Саломею». Ее станцевала известная актриса. В этот момент мне захотелось ему рассказать о своей детской мечте стать балериной, которую он разглядел во мне несколько лет назад, сказать, что никогда не считала его безумцем, а, скорее, ясновидящим, и что на самом деле я ему очень благодарна за то, что он, сам того не подозревая, угадал мою мечту. Его предложение для меня было равносильно ее реализации.

Но разговор ушел в другом направлении, и вскоре он почувствовал недомогание. На прощание я подарила ему книгу, посвященную памяти Риммы Федоровны Казаковой, открывшей мне дорогу в литературный мир, но уже ушедшей из жизни... Теперь ушел и Марк, двое необыкновенных людей, которые умели не только мечтать, но и воплощать в жизнь свои мечты и мечты многих других, встретившихся им на пути людей.





Недавно я устраивала для друзей праздник старого Нового года. Мне помогал в подготовке наш друг, кузен Марка. В предпраздничной беготне мои волосы пришли в полный беспорядок. И, хотя я не ношу шляп уже более десяти лет, замаскировала отсутствие прически таким шлям-пом-по в виде золотого цветка в черной сетке. Эта шляпа была последним пополнением моей старой коллекции. Другьям старый Новый год понравился. Вспомнили прежние добрые времена, начало иммиграции. Я, как всегда, протанцевала весь вечер, но в какой-то момент мой взгляд остановился на брате Марка, и я вспомнила то самое 8 марта — день нашей первой встречи с Марком...





Виталий ГРИГОРОВ — поэт, прозаик, критик и литературовед. Родился в 1975 г. В 2000 году окончил Литературный институт им. А.М. Горького. В 2002–2003 годах прослушал курс по специальности «Основы партийного строительства и политической пропаганды» и получил высшее политическое образование в Московской школе партийного актива Московского городского комитета КПРФ. В 2006 г. окончил аспирантуру Литературного института им. А.М. Горького. Автор четырех книг стихов «У кольцевой» (1997), «Пятиречие» (1998), «Оторванная голова» (2011) и «Ветер восточного юга. Крымская трилогия» (2017), сборника статей «Благородная ярость» (2000), ряда статей о литературе и поэтических публикаций в периодике. Член Союза писателей России (с 2000 г.), Союза писателей Республики Крым (с 2015 г.). Награжден дипломом и медалью «За верное служение отечественной литературе» (2009), дипломом и медалью им. М.Ю. Лермонтова «Недаром помнит вся Россия» (2013). Живет в Москве.

ИЗ КНИГИ «ПОЦЕЛУЙ МОРФЕЯ. СНЫ НАЧАЛА ВЕКА»

Спящие не менее твердо уверены, что бодрствуют, нежели мы, бодрствующие: им мнится, будто они видят пространство, облики, движения, чувствуют протекание времени, измеряют его, даже действуют во сне, словно наяву; и как знать, поскольку, по нашему собственному признанию, половина нашей жизни проходит во сне, когда человек, сам того не понимая, утрачивает всякое представление о действительности, ибо его чувства в это время — лишь воображаемые чувства, — как знать, не является ли сном та часть нашей жизни, которую мы считаем бодрствованием, сном с присущими именно ему особенностями, и не пробуждаемся ли мы от него как раз тогда, когда, по нашим представлениям, засыпаем?

Блез Паскаль



СОН IX. НОВОДЕВИЧЬЕ КЛАДБИЩЕ (2011)

Приснилось, значит, следующее: вылезая я из могилы, заброшенной такой, всеми оставленной, редкая травка на ней да мраморная маленькая плита наполовину вставленная в земляной холмик с еле-еле читаемой надписью: «... Успенский... 18.. 1919». А поверх нее красуется еще черная табличка, на которой золотыми буквами написано: «Просьба зайти в контору кладбища». Вот, видимо, я и решил зайти в «контору кладбища»: раз-бу-ди-ли!

Иду — а меня все сторонятся, ужас читаю на лицах, китайцы или японцы ладошками аж прикрываются, только те, кто занят своими мыслями или беседуют между собой, меня не замечают и проходят мимо-рядом как ни в чем не бывало. Значит, я такой ужасный, так плохо выгляжу! Хочу посмотреть на себя в зеркало, а зеркал-то и нет; глянул в белый мрамор — не видно, глянул в черный — ветошь какая-то, а не я. Живым живое, мертвым мертвое.

Захожу в контору, говорю: «Чего звали?» А они в недоумении: не звали, мол. Как же так, говорю, ваша табличка с этой надписью? Наша, отвечают. Значит, звали, говорю, ведите речь.

Один такой шустрый подваливает, кивает, да-да, говорит, мы немного ошиблись, не ту табличку вставили, обычно мы обращаемся к родственникам умерших, а это кто-то из наших пошутил так некстати.

— Вот и дошутились! — говорю я. — Вы, верно, ищите те могилы, по поводу которых уже даже правнуки правнуков не придут разбираться. Вам надо стереть их с лица земли да новыми трупами засеять! Не выйдет! Со мной этого не выйдет! Я хоть и не Глеб там Успенский, а все же Успенский, и зовут меня Иваном, и родился я в 1865 году! Прошу это все заново записать и внести меня в реестр! Не желаю, чтобы меня накрыли каким-нибудь генералом из вашего нового времени или какой-нибудь театральной дамочкой, да еще водрузили надо мной-над ними тонну мрамора! Прошу Вас привести в порядок мою могилу и впредь таких дурацких табличек не вставлять, а то, не ровен час, снова встану да еще Гоголя разбуду для подмоги, он-то вам надедет уши!

— Сань, вызови полицию!

— Да он же мертвец!

Постоял-постоял я, да и махнул рукой.

Возвращаясь обратно, я прогулялся по кладбищу. Стало так тоскливо, ибо никого из знакомых я не нашел, их надгробия срыли, сплошь люди XX века,



в котором я не пожил, а доживал свой век. Бросилось в глаза, что чрезмерно много нерусских фамилий, как будто и кладбище уже нерусское, но нет-нет, то там, то здесь мелькнет гений прошлого. Удручающее впечатление произвели захоронения в кладбищенской стене, которая изначально не для этого предназначалась. Я было подумал выйти за ворота кладбища и прогуляться по Москве, посмотреть, какая она, но, наткнувшись на мраморный российский флаг с надписью «Борис Ельцин» в центре кладбища, раздумал, вспоминая то, что жизнь свою заканчивал я под красным знаменем... Значит, воды за век много утекло, и я испугался выходить, к тому же меня пугались тоже. В конце кладбища я обнаружил совсем свежие захоронения каких-то там 2000-х годов. Значит, понял я, на дворе XXI век. Как быстро бежит время! И вас, и вас сроят, дорогие мои, любимые люди! И вы так же, как и я, разбуженные непутевым работником кладбища, пройдете когда-нибудь мертвяком по земле и не найдете на ней ни друзей, ни врагов, ни себя.

Я дошел до своего места и зарылся в теплую землю. До следующего раза. До следующей шутки сверху. Дай Бог!

СОН III. НЕУДАЧНАЯ ШУТКА (2012)

Я вышел из метро, и по дороге до офиса увидел ее, коллегу. Это была Лена. Копна ее золотых кудряшек развевалась по ветру, ее было легко узнать даже со спины. Мы работали в одном подразделении молочной компании.

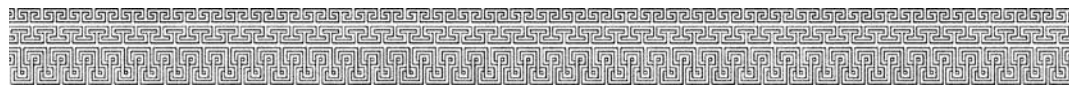
Она шла от меня шагах в десяти. Не знаю, какая муха меня укусила, но я решил ее напугать — пошутить, так сказать: быстро сократил расстояние, почти вплотную подошел к ней и на ухо измененным грубым голосом размеренно и страшно произнес: «Да-авай сум-ку!»

Обычно при таких шутках над друзьями и знакомыми я мгновенно опережал «жертву», та же, в свою очередь, не успев опомниться и улицезревши мое улыбающееся наглое лицо, членораздельно медленно произносила: «Ну, ты и дурак, Вадим!» И уже через минуту-другую мы оба, «палач» и «жертва», угорали от смеха.

Но в этот раз все произошло по-другому, иначе, непредвиденно, не как всегда...

Не успев даже начать опережение, я увидел только летящую белую сумку в мое лицо и тут же получил мощный удар, который отбросил меня в сторону, на асфальт. Прежде чем почувствовать боль — от удара и от вмятых очков —





на лице, я услышал-таки сакраментальную фразу, родную, до боли знакомую: «Ну, ты и дурак, Вадим!» Да, фраза была та же, но мне было не до смеху. Из глаз сочились слезы, все лицо саднило, нос ныл.

— Лен, ты чего?

— А ты чего? Ты вообще представляешь, чего я сейчас только не подумала, чего я сейчас только не хотела сделать?! Ты напугал меня до смерти своей дурацкой шуткой! Я только вчера и сегодня уже столько пережила, что готова была тебя убить! И вот сейчас — снова, опять, — ну, думаю, конец тебе, хачик гребаный! Я даже не успела этого подумать, все уже было приготовлено, извини, на грани рефлекса!

— Это ты меня извини, прости! А что произошло-то с тобой, расскажи?! — отряхавшись от грязи и осматривая очки, явно поврежденные, я с нетерпением захотел услышать Ленкину историю.

Мы пошли. Солнце золотило верхушки домов. У городского горизонта, над самым последним домом, виднелась кремлевская звезда: нам она не казалась сияющей, но я чувствовал, что ее рубины играют на солнце. День обещал быть чистым, безоблачным, голубое небо, подобно покрывалу, окутало и веселило жителей этого города, который часто бывает серым и мрачным, нежели голубым и светлым.

— Вчера в электричке (я знал, она жила в Клину) пристал один. Дай телефон да дай телефон. Я говорю, что я замужем. А он говорит: где кольцо, обманываешь, дай телефончик. Я ему говорю: да не дам я тебе ничего. А народу полно. Я стою почти в тамбуре. В одной руке моя сумка, в другой — пакет с тортом, что компания подарила на днюху, вот везла сыну и довезла.

— В смысле, довезла? — мои уши напряглись, так как мы вышли с тихого бульвара на дорогу, и от сильного шума автомобилей мне стало плохо слышно, и я то и дело переспрашивал, восклицая «а?!», «чего?!» и подпрыгивая до уровня ее губ, потому что она была на высоких каблуках и поэтому выше меня.

— Этот первый где-то вышел, успел меня поцеловать в щеку и выскочил то ли на Подсолнечной, то ли где-то еще, не помню. А вот дальше было круче. Когда я вышла из электрички и пошла той дорогой, которой никогда не ходила, потому что все у нас знают, что она темная и опасная, и что там частенько кого-нибудь били и грабили, но она была самая короткая до моего дома, — на меня напал парень. Он повалил меня. И я не знаю, чего он хотел. Он и сумку вырывал, и одежду рвал. Я стала кричать и думала только

об одном, чтоб не бил по лицу и не пырнул ножом. Рукой, где находился у меня пакет с тортом, я била его по голове и спине. От торта, как ты понимаешь, ничего не осталось. Вот и довезла сынишке. Не знаю, сколько времени продолжалась борьба, все было так неожиданно и стремительно, но его уже оттащили от меня и скрутили трое полицейских. Позже, в отделении, я узнала, что уже были здесь за последнее время нападения и что оперативники караулили это место после каждой пришедшей электрички. Парню было двадцать пять лет. Из отделения вышла только около трех часов ночи, пока писала заяву, как все было.

— М-да-а, история!

— Вот тебе и м-да! А самое удивительное, что я потом его вспомнила. Он ехал вместе со мной. Он сидел справа от меня у окна, а я стояла лицом к салону вагона. Я потом уже вспомнила, как он жадно на меня смотрел, хотя внешне он был резкая противоположность своему лихорадочному взгляду. Весь такой чистенький, опрятный, интеллигентный, миловидное пухленькое личико, очки, как у тебя!

— Иди ты, тоже скажешь мне!

— А что иди ты, да, казался таким идеальным отцом семейства, душещипательной женщиной, а вот на тебе, оказался маньяк! Но взгляд, взгляд, только потом я вспомнила его и его взгляд, он выдавал его, говорил всем окружающим, что с ним не все в порядке, но никто этого не разглядел, никто и не хотел этого заметить и остеречься, все дремали, ехали с работы, думали о своем. И я тоже думала о своем. А вот на тебе, рядом ехал добропорядочный маньяк! Никогда бы не подумала, что на меня кто-нибудь нападет!

— Ну, на тебя напасть немудрено, ты ведь у нас красавица! — вставил я. — Просто время пришло, и встретила своего маньяка!

Мы расхохотались.

— Да брось ты, я о другом, мне не до смеху на самом деле! — как-то обидчиво прервала она наш смех.

Я понимал, что она думала о жизни и смерти.

— А ты знаешь, Лен, маньяки все такие. Из истории — они все такие душки. Поэтому я никогда не любил и не люблю всяких там отличников класса и производства, образцовых ребят, постоянных победителей олимпиад, лучших людей района, хороших и непьющих, лучших из лучших. В их среде и скрываются, как правило, маньяки всех типов и мастей.

— Ты хочешь сказать, в тихом омуте?!



— Нет, это другое. Они же вовсе не тихие, а, наоборот, даже очень громкие и деятельные, только все на позитив работают, а вот негатив их глубоко ими скрываем, но это только до поры до времени. Гены берут свое. И вот в один прекрасный день они срываются. Помню, даже где-то в Записках у Екатерины Второй читал об одном там сыне одной придворной дамы, которому Екатерина заказывала платья и Бог знает сколько надавала ему игрушек, а мать же того с ума сходила о своем ребенке, который потом стал вдруг таким негодяем, что за свои грязные дела посадили его на пятнадцать лет! Лучше уж изначально открытое поведение, по нему хоть видно человека, его хорошие и плохие стороны, и знаешь, чего от него ожидать: либо он плохим будет всю жизнь, либо исправится. И, знаешь, исправляются, если только в тюрьму раньше этого не сядут. А там пиши пропало, хотя все бывает... Но вот чисто хорошие люди почему-то постоянно хорошими не могут быть, и никогда не знаешь, что от них ожидать. Недавно прочитал об одном маньяке в бульварной прессе. Американец. Образец для подражания. Воплощенный идеал американской средней мечты. Учитель в школе был, по физкультуре. Борец на ринге, по телеку с ним матчи крутили. А вот охмурил пятнадцатилетнюю свою ученицу вдруг, да потом при размолвке придушил ее и спокойно вечером отправился в кантри-клуб танцевать, при этом переписываясь по SMS с другими подружками. Как это понимать?

— Не знаю!

— И я не знаю! А вот иди я, к примеру, пьяный, развязный, навстречу к тебе и крикни: «Эй, чикса, идем ко мне, отшлепаю тебя по заднице!» Разве ты бы испугалась, подумала бы, что я маньяк?!

— Нет, конечно, Вадим! Я бы решила, что ты идиот, улыбнулась бы только и все!

— Верно! А почему? А потому, что человек с открытой душой всегда открыт: и в святости своей, и в пакости!

— Ну, ты прям, как Лев Толстой заговорил!

— Лев, не Лев, а ведь так?

— Так!

Мы дошли до офиса. Его стеклянные двери то открывались, то закрывались. Знакомые коллеги курили, пили из бумажных стаканчиков кофе. Мы тоже закурили. До открытия рабочего дня, до десяти, было еще двадцать минут.

— Знаешь, — вдруг оживилась Лена, — а на этом моя история еще не закончилась!



Я удивленно посмотрел на нее, давая понять: рассказывай!

— Только что, приехав в Москву, вошла в метро и боковым зрением или чутьем каким заметила, что увязался за мной азер какой-то. Идет — не отстает. Куда я — туда и он. Я на эскалатор — он на эскалатор. Я по переходу — он по переходу. Ну, думаю, Леноч, везет же тебе на маньяков! На эскалаторе уже при выходе в город стоит прямо за мной, чувствую, притирается, сумку подняла, держу перед собой, да как обернусь и резко ему в лицо: «Что?!» Он дернулся, побежал по лестнице вверх. Когда я уже выходила из вестибюля, смотрю, он заходит обратно в метро!

— Это чистый карманник, вряд ли бы он утром, при всем народе стал сумку рвать!

— И вот после этого всего со мною случившегося менее чем за сутки, только за вечер и утро, через несколько минут ты со своей дурацкой шуткой, под раскаленную руку и полыхающий мозг, и оскорбленные чувства кричишь: «Сумку давай!» Да как я тебя еще не убила, сразу же, на месте?! Будешь знать! — и мы оба улыбнулись друг другу.

— Да, жаль твой тортик. А более всего сынишку жаль. Он ждал от мамки тортик, представляю, облизывался уже, а тут такое произошло!

— Хорошо, что опера появились вовремя, а то бы неизвестно, чем все закончилось. Ударь он меня кулаком по голове или ножом пырни, и все, возможно, не было бы сейчас у вас вашей Ленки! — на последних словах она улыбнулась.

— Лен, извини, прости меня еще раз за шутку, я не хотел, не знал же, что так все интересно у тебя!

— Да что, ты уже получил свое, сполна! Вижу, очки я тебе разбила, кривые стали, да и кроваво-синие рубцы под глазами видны, ну вылитый маньяк наш Вадим, или, нет, вампир, вампир! — и она залилась звонким девичьим смехом!

На нас оглянулись.

— Ладно, пошли до теплых мягких кресел. А от очков я давно хотел избавиться, думаю на линзы переходить, в них, говорят, удобнее, мир как в детстве, свободнее становится, вольнее, что ли!

— Ну, не знаю, не знаю, я не очкарик! А вот что ты начальству скажешь по поводу своего видона?

— Скажу, что упал!

Я проснулся от гимна СССР — рингтона, поставленного мной в качестве мелодии будильника на мобильном телефоне. Вслепую нашарив телефон и



очки, отключив тот и нацепив эти, я подумал: нет, ни за что на свете не откажусь я в реальном мире от любимых очков! Не оговорился ли я: «реальный мир»? Может быть, я вернулся из реального мира в нереальный? Как бы то ни было, но я уже потерял ощущение миров, я живу там и там, с разными именами, страстями и чувствами. И если в том мире произошло с коллегой все выше мной описанное и меня звали Вадимом, то я пока не знал, что с ней происходит в этом мире... Я поспешил на работу. Я захотел встретить Лену, просто подойти и сказать ей: «Здравствуй!» — и услышать в ответ: «Привет!»

СОН I. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ (2000)

Я сижу в собственном ресторане, под зонтиком, на летней веранде, у подножия ГУМа, с видом на Красную площадь, мавзолей, зеленый купол Сената с нашим трехцветным флагом, флагом Петра. Периодически я почему-то читаю газету «Правда». Я сказал «почему-то», потому что я закончил ее выписывать еще десять лет назад, в 90-м году, и поэтому удивлен: откуда она у меня? — Пожалуйста, Михаил Эрнестович!

Мой официант принес мне мои любимые ролл из блинов с черной икрой, кальмара, фаршированного муссом из дорадо с шашлыком и рулет из форели с брокколи и красной икрой. И, конечно же, все это я запиваю французским вином.

День выдался солнечный. Небо голубое. Нет ни облачка. Толпы туристов ходят по площади, в основном — китайцы, корейцы и японцы. Однако на время я отложил меню в кожаном переплете с золотыми страницами, где на последней стоит моя личная печать и подпись: «Дурасевич». Я глянул в газету и, пережевывая пищу, начал читать: «Хочется вспомнить об удивительных людях, переживших страшные блокадные годы в Ленинграде, но писать об этом нелегко. Потому что поначалу просто не находишь слов для объяснения и понимания того, откуда нашлись в них те самые нечеловеческие силы, которые помогли им выстоять, выжить и победить».

Я глянул на развевающийся флаг, бело-сине-красные полосы радовали глаз. Ко мне подошел официант, он подходит ко мне через каждые двадцать минут, без оклика и поднятия руки, так негласно у меня заведено, да и судьба его, а он это прекрасно знает, полностью в моих руках: не понравится — уволю!



Я заказал салями из сибаса с лососем, террин из лосося со спаржей и террин из омара со шпинатом. Ожидая, я лениво продолжил читать: «Евгения Георгиевна Клычкова — одна из тех уважаемых людей, перенесшая Ленинградскую блокаду, те самые 900 жестоких голодных дней. Она родилась в Саратове («О! там есть у меня бутики!»), там же в 1938 году окончила химический факультет («О! коллега! Я тоже до развала Союза был доцент химии!») государственного университета и была направлена на работу в качестве инженера-химика на один из заводов Ленинграда. Поначалу Евгения жила на знаменитой Петроградской стороне, и до работы ей приходилось добираться на разном транспорте, зачастую пешком, но для девушки это было не в тягость. Она любила ходить по улицам города, любясь его неповторимыми по архитектуре домами-дворцами, красивыми мостами. И, конечно, не думала, что на него скоро обрушится беда. И она пришла 22 июня 1941 года («О! сегодня двадцать второе, но апреля!»). В 3 часа ночи...»

— Пожалуйста, Михаил Эрнестович!

— Благодарю!

«В 3 часа ночи фашистские самолеты совершили первый налет на город. Фашисты вели по городу и артиллерийский огонь. С первых же дней осады началась эвакуация детей и престарелых, а также промышленных предприятий стратегического назначения вместе с рабочими, в основном на Урал и Сибирь».

Да, такое тяжело читать в столь дивную погоду, в собственном ресторане, да на Главной площади. Я снова придвинул к себе кожаное меню. Так, так, так. Вот этого я пока и сам у себя не пробовал. И заказал: валован с копченым лососем и фризе, канапе из угря с маринованным дайконом, канапе с муссом из тунца, мини-рулет из дорадо с цукини и салями из рыбы-меч с лососем.

В молодости, когда я был худеньким, я не верил, что толстяки, которым я являюсь сейчас, много едят. Но это так: большой животик требует больше пищи!

Я глянул на площадь. Перед мавзолеем Зюганов в окружении своих коммунистов поздравлял народ с днем рождения бабушки Ленина, вешал красные галстуки новоявленным пионерам. Справа, у Исторического музея, синие знамена с надписью «ЛДПР» окаймляли Жириновского, который в своем энергетическом порыве держал бурно-сумбурную речь и частенько выкидывал руку в сторону Зюганова. Я зевнул, улыбнулся. Все равно будете вещи покупать у меня, даже с наценкой в пятнадцать раз.



Газета от минутного порыва ветра слетела на пол. Официант молниеносно поднял ее и произнес:

— Пожалуйста, Михаил Эрнестович!

— Благодарю!

Я продолжал есть и читать.

«Завод, на котором работала Женя, должен был эвакуироваться 23 августа («О! 23 августа у меня день рождения!»), но накануне по радио объявили, что все дороги перекрыты фашистскими войсками. Так город Ленинград был отрезан от внешнего мира. И начался отсчет блокадным дням. Но люди, оставшиеся волей судьбы в городе, не пали духом, не поддались панике. Руководство Ленинграда организовало его оборону. В подвалах домов оборудовали бомбоубежища, спасали исторические памятники, обивая их досками, засыпая песком. Жильцы домов поочередно дежурили во время налетов на чердаках и крышах домов, удаляя с них зажигательные бомбы, тушили пожары, эвакуировали больных и раненых в безопасные места».

Звонко стукнула вилка о тарелку, и я заметил, что все съел. Официант уже стоял по правую сторону возле меня и ждал распоряжений.

— Пожалуйста, морского черта с романеско, канончини с креветкой, канпе «Интеграле» с маринованным лососем, рыбное ассорти с мини-спаржей и мини-филе морской форели с миндалем!

Я посмотрел влево, в сторону Василия Блаженного. Там собирались уже под черно-бело-желтыми знаменами. Их лидера я не знал, но поговаривают, что это русский националист Бабурин, которого наши не добились в 1993-м, а нынче он ректор университета и лидер Русской партии.

Бог с ними со всеми! Я поглядел на наше знамя над Сенатом. Оно было выше всех и по центру. Оно дает «нашим» власть и деньги. И слава Богу!

Я поглядел на стол. Еда уже красовалась на белоснежных тарелках с золотой каймой. Я снова принялся есть и читать.

«Однажды, в начале сентября, пришлось наблюдать страшное зрелище. Фашистским самолетам все же удалось прорваться в район продовольственной базы, где хранился неприкосновенный запас на случай войны. Рядом находился склад с нефтепродуктами. В результате бомбежки и возникшего огромного пожара, который продолжался несколько дней, все сгорело. В связи с этим была значительно снижена норма выдачи продуктов. На день стали выдавать по 125 граммов хлеба на человека, а на детей еще отпускали по 500 граммов сахара и 20 граммов масла на месяц. Вскоре были разрушены элек-



тросанция, водопровод, котельные. Дома остались без тепла, воды и света. На дворе стояла лютая зима. Начались самые тяжелые дни блокады, борьбы с холодом и голодом. Не передать словами, что пришлось увидеть и пережить. За водой ходили на Неву. В домах оборуодовали печки-временки, практически сожгли всю деревянную мебель, чтобы хоть как-то согреться и приготовить еду. Но все больше и больше людей умирало от голода. Трупы собирали, свозили на кладбище, где их сжигали, рыть могилы не было сил».

М-да, не к моему столу такая история, но привычка есть и читать сильнее меня. Я заказал еще: тар-тар из мидий «киви» с копченым лососем, тар-тар из тунца с авокадо, рыбу-меч с соусом ливорнезо, морского черта с помидором и базиликом, коктейль из крабов с апельсином и авокадо и салатик из гребешка и спаржи в ракушке, — и продолжил читать: «И все же сломить дух и волю защитников города фашистам не удалось. В этих жесточайших, нечеловеческих условиях ленинградцы не потеряли не только человеческого облика, но и гражданского достоинства. В сентябре 1941 года несколько сот человек на окраине города рыли противотанковые укрепления, и вдруг мы увидели наш горящий самолет, который, уже падая, сбрасывал на землю пакеты. В них оказались плитки шоколада, пачки печенья, сливочного масла, рыбий жир и другие продукты — все, что прислала нам Большая Земля... Все это мы собрали и отнесли в ближайший госпиталь, несмотря на то, что сами были очень голодны. Никто даже не заикнулся о том, чтобы все это разделить между собой. Это еще раз убедительно показало большую силу духа, благородство и милосердие ленинградцев. Вот потому-то враг и не смог их сломить и взять город на Неве. И горько слышать, когда в нынешнее тяжелое время гуманитарную помощь, присылаемую детям в горячие точки и пострадавшим от стихийных бедствий, растаскивают, хуже того — продают по коммерческим ценам!»

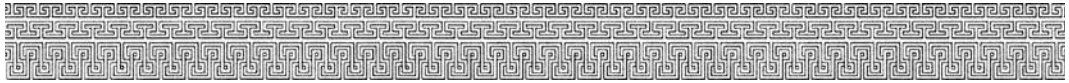
Я поглядел на мальчика.

— Что изволите, Михаил Эрнестович?

— Давай-ка мне еще вот салатик из морских деликатесов, соте из томатов с креветкой и спаржей, щупальцу осьминога с соусом «Песто» и спринг-ролл из лосося с майонезом Гуакамоле! И на этом, я думаю, моя трапеза закончится. Да, и еще, бокал моего любимого, будь любезен!

Все у меня от двенадцати до ста пятидесяти трех граммов, поэтому наесться можно только большим количеством блюд. Да еще эта газета, этот рассказ, от которого мутит и быстро начинает голодать мой желудок. Да, надо





хорошо поесть! Я только сейчас заметил, какие у меня оригинальные названия блюд, видно, что менеджер старается, от самих слов пальчики оближешь, даже какой-то писатель говорил, что есть такие слова, которые слаще самого предмета, который они обозначают. Да, верно сказано, это о моих блюдах!

Не знаю, сколько прошло времени, два или три часа, но все политические группировки уже свинтили. Площадь к вечеру более наполнилась гуляющими москвичами и гостями столицы. В последний раз я взялся за вилку. И уткнулся в газету, чтоб наконец-то дочитать эту статью.

«И понять нашу уважаемую землячку несложно. Она пережила жесточайшую блокаду в городе на Неве и хорошо знала великую цену жизни и той последней блокадной карточки на хлеб, которую она сохранила на память о тех страшных годах военного времени. Евгения Георгиевна ушла тихо из жизни на склоне своих лет, не пережив еще одну не менее разрушительную блокаду — войну нынешних реформаторов против своего народа».

О, боже, вот и камешек в нас! Опять этот квасной патриотизм! Времена же не выбирают, чем оно разрушительно? Не понимаю! Просто кто-то не хочет работать, вот и все! Чем, например, моя торговля им костью в горле?! Самое простое и обыкновенное дело — торговать. Вы у меня купили платье, я у вас купил билет на самолет. Как дважды два!

Ладно, чего-то я отвлекся.

«А написал я это все с надеждой и верой, что сегодняшняя молодежь, прочитав, будет гордиться беспримерным мужеством и стойкостью своих прадедов и прабабушек и оправдает их заветы по защите великих человеческих ценностей, созданных талантом и героическим трудом советских людей. Сейчас подступило к последней своей черте то поколение, которое занималось созидательным трудом во имя государства и Отечества. В большинстве своем оно жило не для себя, не для своих личных интересов, а для государственных и общественных. А сейчас повсеместно происходит переоценка (или подмена) ценностей. Теперь во главу угла ставят личные, шкурные интересы, а не общественные. Это началось с поколения так называемых «шестидесятников», когда в моду вошло «диссидентство» с его постоянным охаиванием всего отечественного, почвенного, коренного и восхвалением всего западного, пришлое, наносное. Бессмысленное времяпрепровождение заменило созидательный труд, размыло основы сознания, что государство надо защищать и отстаивать. Были и есть талантливые люди, конечно, и сейчас, но нет стремления к раскрытию своего потенциала, так как нет общей идеи слу-

жения обществу, принесения пользы людям. А без этого — на чем строиться государству и обществу?»

Вот и дочитал. Так и знал, что автор закончит риторическим вопросом. Про бабушку история пришлась по душе, а вот резюме на нашу нынешнюю власть не понравилось. Ведь все хорошо, и я с наслаждением доедаю свою щупальцу осьминога!

Вдруг мне почудился какой-то шум со стороны мавзолея. Люди побежали врассыпную. Из своего склепа вышел Ленин. К нему подошел Сталин и его клика. Из кремлевской стены вылетал прах советских деятелей и преобразовывался в человеческие тела. Я побледнел. Они о чем-то переговаривались, поглядывая в мою сторону. Максим Горький обратил внимание всех на наш флаг над Сенатом. Послышался гул недовольства. То ли люди, то ли тени, то ли духи — но они мне были страшны и противны, я боялся за свой бизнес.

Подул ледяной ветер. Не знаю, сколько времени прошло. Посовещавшись, Ленин всем помахал ладошкой и зашел обратно в мавзолей. Другие прошли за него и скрылись в своих гробах. Пепел снова залетал вместо людей и исчез в кремлевской стене.

Через мгновение после их исчезновения раздался оглушительный взрыв, и меня разорвало на части. Моя правая рука тщетно пыталась поймать мой левый глаз, в котором еще теплилось мое сознание, он улетал в черную бездну Вселенной.

Я проснулся в саду, в кресле, на своей даче. На пластиковом столе лежали картошка, огурцы, помидоры, лучок, хлеб, сыр, два хвостика жареной рыбы, и стояла бутылка крымского вина. Все это я уже поел в своем сне, только под другим соусом. Конечно, креветок и мидий с тунцом у меня нет, но до супермаркета рукой подать. При желании — можно сходить.

Жена поливала грядки. Дети с дедом были на море. Я хотел поделиться с женой своим сном, но раздумал, выпил вина и закусил плавленым сырком. Ужас, в каком образе я был, и как ощутимо меня того — его — разорвало!

СОН XII. ЗА ЧАС ДО (2016)

Все это приключилось за час — за час до Нового года.

Мы с другом вышли из метро «Октябрьская» и пошли в сторону Кремля. Если не сказать всю жизнь, то лет семь — это точно — мы встречаем Новый



год на набережной Москвы-реки, где есть гранитные лавочки, отличный обзор и такие же одинокие весельчаки, как и мы, только женского пола. Там-то и смотреть салют, пить шампанское и целоваться! Для кого-то Москва — достопримечательность, а для меня она — родной дом, где я не только застилаю постель, но и блюю по углам... Нам по двадцать пять лет, что еще сказать!

Но в этот раз я веду себя прилично, но вот мой друг Ванез (его школьное прозвище, производное от Вани, так от него и не отлипло) пошел, как говорится, вразнос!

Около кинотеатра «Ударник» его приспичило «по большому». Он зашел в уличный пролет, сел под дом и сделал свое дело. Не успел он подойти ко мне, как его окликнули. Я тоже обернулся и увидел приближающегося к нам полицейского. Он, видимо, по камерам видеонаблюдения увидел «процесс Ванеза», дождался его окончания и вышел, чтобы предложить другану убраться за собой. Ха-ха!

Ванез долго препирался, не хотел, юродствовал, на предложение полицейского отвечал вопросом: «А как я это сделаю!» Три бутылки шампанского, — одну из которых мы выпили до метро, вторую — в метро, третью — у посольства Франции, — уже произвели на нас свое веселящее действие. Но я был более сдержан, чем мой товарищ. Он же был предрасположен уже не только к шуткам, но к явному озорству.

— Чем вытер, тем и убирай! — как-то просто и здраво рассудил полицейский.

Ванез, видимо, забыл о туалетной бумаге, которая лежит в его рюкзаке, или сделал вид, что забыл. Слова полицейского освежили его память. Он наконец-то согласился, достал бумагу и пошел убирать свое дерьмо: с асфальта — в снег, под небольшое деревцо. Пусть думают, что собачка!

Дальше было еще круче.

Наш любимый выход к Москва-реке, пирс для теплоходов, оказался закрыт с двух сторон волнорезами — это такие широкие металлические заграждения, но при этом очень легкие. Правда, почему они называются волнорезами, я так и не понимаю, ведь волны они не режут. Ха-ха!

Волны! А вот волны приятно шумели.

Ванез, недолго думая, отодвинул заграждение, и мы прошли вниз.

Волны! А вот волны приятно шумели. Не скованные льдом. На дворе была плюсовая температура.

Как только мы достали очередные две бутылки, чтобы приготовиться ко встрече Нового года, как сверху нас окликнул женский твердый голос. Я



поднял голову и увидел... полицейских: посередине была женщина, а по бокам — двое молоденьких мальчиков.

То, что я мог понять из ее доводов, так это то, что пирс закрыт в целях безопасности.

Ванез стал ее заверять в том, что все будет хорошо. «Если только, — говорил он, — я не захочу искупаться!»

Я про себя подумал, что эта его фраза была лишней. И не ошибся. Та сразу пошла в наступление. Попросила его пройти с ней в отделение. Естественно, что он тоже начал давать отпор.

— Это мое право!

— Пройдемте!

— Да куда я не пойду! Вы превышаете свои полномочия!

— Ванез, — говорил я, — успокойся, не порть всем праздник!

— Да что, она превышает свои полномочия!

— Пройдемте!

— Да куда я не пойду! Какой это адрес! А, посольство Великобритании! Я звоню в полицию, вызову на вас! — и он достал мобильник, позвонил в службу спасения и вызвал полицию на полицию.

Долго ждать не пришлось. Но в те две-три минутки ожидания он смело буркнул фразу, от которой я уже захотел помочь полиции его скрутить: «Ее, видимо, никто давно на хер не посылал!»

— Да ты что, Ванез?

— Вы оскорбили сотрудника полиции!

— Никого я не оскорблял! Я сказал не напрямую, а от третьего лица! В школе надо было учиться лучше, тогда бы не полицейской работали тут на Новый год!

Все это было, конечно, лишним. Но обошлось.

Старший из приехавшего наряда выслушал все за и против. (Та — свое, Ванез — свое.) Выслушал — и попросил гражданина Ивана Алексеевича Илина в «столь светлый праздник» извиниться перед сотрудником полиции, а тем более перед женщиной. Мой друг извинился, та, понятное дело, отвергла его извинения, но мы с полицейскими все-таки разошлись: отпустили. Ха-ха!

Мы решили идти к Яузе-реке, за памятник Репину, там тоже шикарный пирс.

Слава богу, он не был закрыт. Мы огляделись по сторонам — и не было патрулей. Наверное, Яуза безопаснее Москвы-реки? Ха-ха!



Я достал мобильник, посмотрел на часы: до Нового года оставалось 5 минут. Мы быстро открыли сразу три («чтобы было!») шампанского. Разлили по пластиковым фужерам. И только взяли их в руки, как ударил салют. Салют, салют, салют!

Я орал как оглашенный:

— Ураааааааа!

Ванез запел: «Россия — великая наша держава! Россия — великая наша страна!»

Я тоже запел: «И Ленин всегда молодой! И юный Октябрь впереди!»

И мы уже вместе со всем общим хором голосов:

— Урааааа!!! Ураааааааа!!! Ураааааааааааааа!!!

После салюта пошла «проза жизни»:

— Дай, подружка, я тебя поцелую!

— Сигареткой не угостите?

Двух девчонок я все же уломал к нам присоединиться. Одну я «захватил»: целуюсь с ней врасос! Ванез на удивление стал скромнее, и «не напал» на вторую. Они оказались узбечками: моя — Асмира, продавец, давно в Москве, работает в бутике, Ванеза — Динора, стюардесса. Мы разошлись где-то в районе Охотного ряда. К нам они так и не поехали. Последнее, что я помню: в поезде метро ел руками красную икру из банки.

Еще раз к нам тень полицейского чуть ли не явилась на следующий день, когда мне в девять утра позвонил Ванез. Он предложил подойти к подъезду его девушки Юли, чтобы потом допить все то, что мы не допили, а не допили мы одну бутылку шампанского, так как сломался ключик, и полбутылки виски. Он сидел в предбаннике.

— Взял кусачки?

— Взял!

— Так, выходите! А то жму на тревожную кнопку, полицию вызову! — вдруг резко начала консьержка, ничуть меня не удивив.

— Ты чо, уже ее достал?

— Да!

— И чем же?

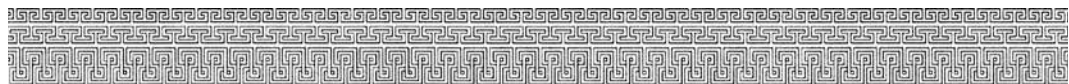
— Все тем же!

— Бедная бабушка!

— Ну да: секс, водка, потанцуем!

— Пошли вон! — та уже явно кипела.





Но нам снова повезло: Юля появилась из лифта. Тревожная кнопка осталась не нажатой.

Я проснулся в полном здравии, без малейших признаков тяжелого похмелья, потому что «отмечал» дома, культурно, в кругу семьи.

Забавно, во сне я видел себя двадцатипятилетним, хотя мне уже за сорок.



Тамара ПОТЕМКИНА родилась в Иркутской области, член Союза писателей России, член Российского союза писателей, кандидат исторических наук, доцент. Автор четырех сборников стихов и двух музыкально-поэтических альбомов. Победитель московских литературных конкурсов (2014-2016), Фестивального движения русского мира «Осиянная Русь» (2017), лауреат Всероссийского конкурса «Герои Великой Победы» (2016), лауреат Международной Бунинской премии (2017). Награждена знаком «Серебряный крест» и орденом «Золотая осень» им. С. Есенина. В 2017 году МГО Союза писателей России присвоено почетное звание «Заслуженный писатель». Живет в Москве.

ком «Серебряный крест» и орденом «Золотая осень» им. С. Есенина. В 2017 году МГО Союза писателей России присвоено почетное звание «Заслуженный писатель». Живет в Москве.

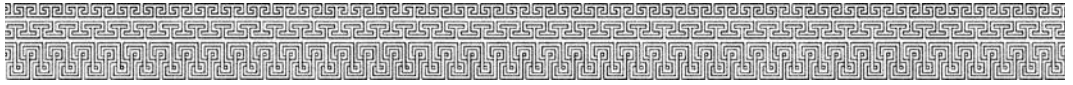
КРАГА

Эту историю я услышала от самого главного героя. Назовем его Петром Васильевичем. Дело происходило еще до перестройки, точнее, в 80-х годах прошлого столетия, когда наши дороги еще не были обвешаны видеокамерами, и автолюбители активно общались с гаишниками.

Петр Васильевич был действующим генералом и служил в Министерстве обороны.

Соседняя дача тоже принадлежала генеральской семье, только хозяин ее служил в МВД. Дадим ему имя Кондратий Иванович. Как водится между соседями, в редкие минуты отдыха от службы оба генерала встречались за чашкой чая или рюмкой чего-нибудь покрепче и обсуждали разные волнующие их вопросы. Но о чем бы они ни говорили — о международном положении, нашей экономике или о любимых советских фильмах, беседа сама собой переходила на дела их ведомств. При этом Петр Васильевич каждый раз попрекал своего собеседника нечестностью и вымогательством со стороны его подчиненных. Кондратий Иванович досадливо отнекивался:

— Ну, скажи честно, Петр Васильевич, с тебя хоть раз вымогали взятку наши патрульные, приведи хотя бы один конкретный пример. Рассказы других — не в счет.



Петр Васильевич почти всегда ездил на служебной машине с водителем, в основном — в форме. Номера на автомобиле были соответствующими его званию и должности. Водитель его ездил аккуратно, но даже, если и приходилось слегка нарушить правила, гаишники всегда их отпускали с уважением. Так что привести конкретный пример из своей жизни он не мог.

История с голословными обвинениями в адрес МВД и ГАИ повторялась из раза в раз. Наконец, Кондратий Иванович не выдержал, окончательно обиделся и потребовал от соседа или извинений, или представить убедительные улики «преступлений» его сослуживцев. Договорились, что, если в течение месяца таких улик не будет, Петр Васильевич извинится, подарит соседу бутылку хорошего коньяка и навсегда оставит эту скользкую тему. В противном случае магарыч выставит Кондратий Иванович. На том и порешили. Соседи прекратили свои посиделки. И чем больше дней проходило, тем увереннее чувствовал себя Кондратий Иванович. Петр Васильевич досадовал, что поддался эмоциям, заключив бессмысленное пари. Улик не было, ну не нарушать же ему правила дорожного движения специально. Он уже смирился с поражением и все чаще бросал взгляд на свою знаменитую среди друзей коллекцию коньяков, мысленно выбирая, какую бутылку он подарит соседу.

Однако провидение было на его стороне. За два дня до назначенного срока, вечером в субботу на даче Петра Васильевича раздался звонок. Звонила его теща. Из ее бессвязной речи было трудно что-то понять, одно было ясно — зять должен был немедленно прибыть в ее распоряжение и что-то отремонтировать. Никакие возражения, его объяснения, что уже выпита вечерняя рюмочка, а также его предложение прислать в понедельник специалиста на тещу не действовали. Требовался немедленный приезд и именно Петра Васильевича. Делать было нечего. Мама жены — это святое. Петр Васильевич предупредил супругу, не переодеваясь, по дачному, сел за руль своей «Волги», которая почти все время пылилась здесь на всякий случай. Жена успела поставить в багажник несколько банок с клубничным вареньем, только что сваренным из своих ягод. В те далекие уже времена даже жены генералов любовно выращивали на дачных огородах разные овощи и ягоды, а о лужайках и других ландшафтных глупостях никто и не помышлял. Петр Васильевич выехал с территории и неспешно поехал по шоссе. Ехать было недолго — минут 20-30. Он включил радиоприемник и наслаждался музыкой. Внезапно из-за поворота выскочил гаишник и стал нервно размахивать жезлом, приказывая остановиться. Любили они такие эффектные появления! Первая мысль, при-

шедшая в голову нашего героя, была о том, что чем дольше будет задержка в пути, тем сильнее на него рассердится теща. Поэтому он решил не спорить с патрульным милиционером и остановился. Вежливо поздоровался и спросил:

— В чем дело, командир, я что-то нарушил?

Инспектор напустил на себя строгий вид, представился и ответил:

— Идет плановая проверка. Предъявите, пожалуйста, Ваши права и документы на машину.

И только сейчас генерал вспомнил, что под тещиным натиском он забыл взять с собой и права, и документы на машину, и даже служебное удостоверение. Времени на длительные объяснения не было. Он честно признался милиционеру, что документы остались на даче, а он спешит на помощь теще и предложил «решить вопрос на месте». Инспектор, усмехнувшись, хмыкнул. Было видно, что и у него самого непростые отношения с мамой жены. Немного поломавшись, он все-таки назвал сумму, которая могла бы компенсировать его хлопоты. Тут выяснилось, что деньги тоже остались на даче. Страж порядка снова принял строгий вид и приказал:

— Откройте багажник. Какой-то вы подозрительный тип. Может, еще и везете недозволенное.

Петр Васильевич открыл багажник. Там, разнося вокруг себя чудесный запах клубничного варенья, стояли трехлитровые банки.

— А это что за прелесть? — заинтересовался милиционер.

По его виду генерал смекнул, что можно будет обойтись вареньем.

— Товарищ инспектор, возьмите баночку. Жена только что сварила. Варенье еще тепленькое.

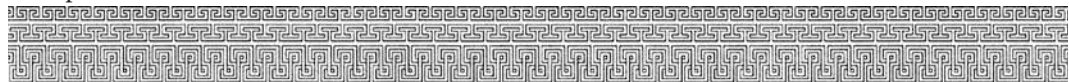
Глаза гаишника жадно загорелись. Его детки очень любили клубничное варенье, а дачи у них с женой не было. Представив, как обрадуется семейство, он резко выпалил:

— Какую одну баночку, минимум две, хотя Ваши нарушения «тянут» намного больше. Но я сегодня добрый. В следующий раз так просто не отделаетесь.

Он выгрузил две банки, захлопнул дверцу багажника и радостный потащил свою добычу к служебному мотоциклу.

Петр Васильевич доехал до тещи, исправил то, что надо было исправить, в очередной раз убедившись, что она — паникерша, и можно было прекрасно дожидаться понедельника и приезда специалиста. Уже спустившись во двор,





он вспомнил о варенье, переданном женой для мамы. Открыл багажник. Там стояли еще две трехлитровые банки фирменного варения его супруги. Рядом что-то лежало. Он внимательно пригляделся и увидел, что это была перчатка гаишника — так называемая крага. И была она не пустая, а наоборот, полная смятых трешек и пятерок. Видно, до встречи с генералом стражу порядка очень везло. Петра Васильевича мгновенно осенило: вот она, нужная улика для разрешения его спора с Кондратием Ивановичем! Генерал отнес варенье теще, передал, не обращая внимания на ее ворчание, и радостный помчался на дачу.

Там он попросил жену накрыть на стол и пошел приглашать соседа.

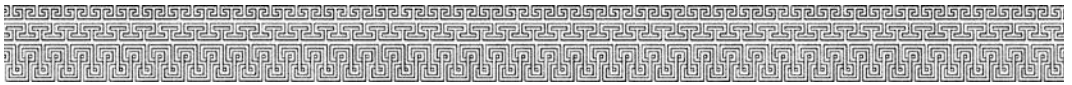
— Кондратий Иванович, — ласково начал он, — привет тебе, что-то давно мы не болтали. Давай, бросай все дела, и пойдем ко мне. Жена уже и стол нам накрыла.

Сосед скосил взгляд на увесистый пакет в руках Петра Васильевича и, предвкушая свою победу спросил:

— А коньячок будет?

— Ну, это от тебя зависит, дорогой ты мой, — ответил тот, эффектно вынимая из принесенного пакета милицейскую крагу, полную денег.

Кондратий Иванович застыл от неожиданности. Пари было проиграно. Он встал, достал из бара самую ценную бутылку коньяка и вручил ее Петру Васильевичу, признав свое поражение. В этот вечер за стол они так и не сели, как, впрочем, и в последующие дни. Дружба сама по себе закончилась, хотя оба втайне очень жалели об этом.



Михаил ЖИНЖЕРОВ

ЛЫЖА

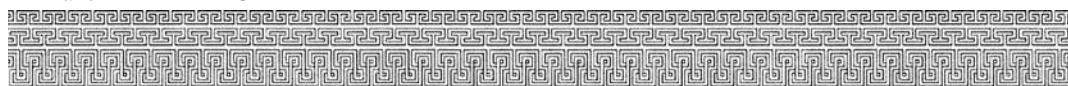
Мишка очень любил кататься на лыжах. На улице Зеленой, где проживала его бабушка и где сам Мишка жил до семи лет, была горка, с которой зимой ребята любили съезжать на лыжах и самодельных санках, согнутых из трубы. Горка была невысокая, но на ней имелся небольшой трамплин, образованный остатками корней срубленного дерева. Мишка очень любил этот трамплин, но не всегда мог преодолеть его без падения.

Однажды в середине января в воскресенье Мишка проснулся в 7 часов утра. Семья еще спала. В комнате было душно и Мишку потянуло на свежий воздух. Схватив лыжи, он выскочил на улицу. Стояло морозное, но ясное и солнечное зимнее утро, какое часто бывало на севере Украины в середине двадцатого столетия. Солнце ласкало замерзшие деревья, которые как будто пытались согреть в его слабых лучах голые ветви. В выходной день тихая улица была пустынна, и только изредка появлялись старушки, возвращавшиеся из рынка с закупленной нехитрой снедью.

Выпавший ночью снег лежал на горке белый и чистый, как крем на пирожном, сияя под лучами зимнего солнца. Поэтическая натура Мишки восставала против разрушения нетронутой красоты снега, но жажда скорости и полета победила. Разогнавшись, Мишка помчался по горке к трамплину. Прыжок... и он благополучно приземляется под трамплином. ...Но, это вечное «но», эта «ложка дегтя», из-за которой счастье так редко бывает полным. Левая лыжа срывается с Мишкиной ноги и летит со скоростью выпущенной стрелы. Возвращавшаяся с рынка старушка почувствовала опасность и обернулась. При виде мчавшейся лыжи она подпрыгнула и наступила на нее. Несколько метров старушка промчалась на одной лыже, как каскадер в зимних шоу, затем ойкнула и упала. Из ее авоськи полилось молоко, белое и чистое как снег. Старушка заплакала. Из дома выбежала Мишкина бабушка. Она обняла старушку и повела в дом, где компенсировала ее материальный и моральный урон.

Зимний день уже не выглядел таким ослепительно красивым. На месте растаявшего под молоком снега появилось грязное пятно. Мишка подобрал лыжу. Кататься ему больше не хотелось.





МОКРОЕ ДЕЛО

Не пугайтесь, уважаемый читатель. В этой истории нет ни кровавого убийства, ни заплаканных родственников, ни мудрых и смелых работников правоохранительных органов.

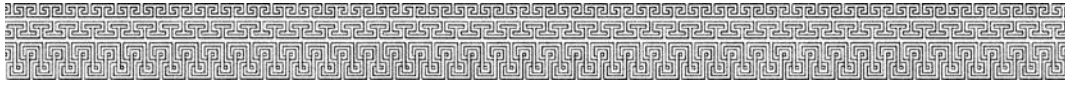
Эта история произошла во время командного чемпионата Украины по шашкам 19.. года и героями ее были шашечные игроки.

К предпоследнему туру на чемпионате лидировали две команды: сборная Харькова и Сборная Одессы, на очко отставала от них сборная Киева. В этот день лидеры: Харьков и Одесса встречались между собой и имели возможность в поединке выяснить, кто из них сильнее.

На первую доску команды обычно сажают самых сильных игроков. Таким образом, на первой доске по русским шашкам честь Харькова защищал известный Гроссмейстер, пятикратный чемпион СССР, назовем его «Ц». Но не так поступили хитрые одесситы. На первую доску они посадили кандидата в мастера спорта «П», известного тем, что, хорошо зная теорию и играя очень осторожно, он очень редко проигрывал (хотя выигрывал еще реже). Его задача была постараться сыграть со своим именитым противником вничью, тогда как сильнейшие игроки Одессы в поединках с более слабыми соперниками набирали бы очки в копилку команды. Сыграть вничью с гроссмейстером для П было пределом мечтаний и мало кто верил, что ему это удастся.

И вот игра началась. Не очень хорошо зная своего противника, Гроссмейстер не мог определить какой вариант игры выбрать, и ему никак не удавалось найти слабости в обороне противника. Со своей стороны, П изо всех сил старался не выходить за рамки теоретических разработок и упрощать позицию. Через некоторое время гроссмейстер понял, что играя спокойно на возможную ошибку противника, он скорей всего, не сумеет избежать ничейного результата. И Ц решил рискнуть. Он сделал заведомо слабый ход, который резко ухудшил его позицию, но заставил противника, уйдя от теории, принимать самостоятельные решения. Но через некоторое время Ц заметил, что сделанный им ход не просто ухудшил позицию, а у противника есть реальный план, который может позволить ему выиграть партию. П тоже обнаружил, что у него есть шансы на выигрыш, и серьезно задумался. Внезапно П поднялся с места и хотел выйти из-за стола. «Куда?» — рявкнул его противник. Дело в том, что от доски можно отходить только после сделанного хода и П обязан был сделать этот ход. П наклонился к противнику и тихо



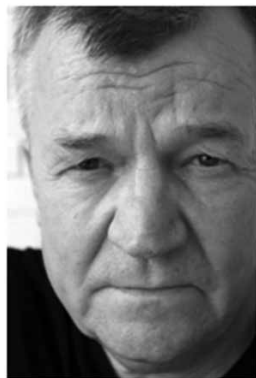


сказал: «Я хочу писи». «Никаких писи» — громко зарычал Ц: «Я эти шутки знаю, там твоя команда будет анализировать партию и подсказывать тебе лучший вариант». «Да нет же», — опять тихонько сказал П: «Просто у меня слабый мочевого пузырь и я не могу сдерживаться». «Сделай ход» — резюмировал Гроссмейстер: «Потом иди, куда хочешь». Бедный П уселся на стул, но планы игры, совсем недавно бывшими для него понятными, совершенно вылетели у него из головы. Он тупо смотрел на доску и ничего не мог придумать. Наконец он сделал какой-то ход и как спринтер со старта рванулся к заветной двери туалета. Поздно. Его брюки намокли на самом интересном месте, а из-под штанины потекла струйка жидкости с дурным запахом, постепенно растекаясь по полу. Всклипнув, П устремился в туалетную комнату, где в течение 10 минут приводил себя в относительный порядок. Вернувшись после этого к доске, он с ужасом увидел, что позиция его шашек, так недавно блестящая, значительно ухудшилась. Гроссмейстер не упустил своего шанса, и партия вскоре закончилась его победой. П повернулся к товарищам по команде, рассчитывая на сочувствие, Но веселые одесситы, несмотря на потерю важного очка, видели в происшедшем только смешную сторону. «А Вы оказывается «мокрушник» — обратился один из них к гроссмейстеру. Вон какое мокрое дело организовали.

Расстроенный П проиграл и последнюю партию чемпионата, а его поединок с Гроссмейстером с тех пор получил название «Мокрое дело».



Сергей ПАРШУТКИН



Сергей ПАРШУТКИН родился в 1957 году в Якутии. Окончил физический факультет Иркутского государственного университета, специализировался по космофизике. Работал старшим лаборантом, инженером-исследователем в Сибирском институте земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн, в системе министерства химической промышленности, на предприятиях Минсредмаша, в госкорпорации «Росатом» ведущим инженером-физиком. Кандидат в мастера спорта по водному туризму. Публикации о туризме в журнале «Вертикальный мир», в сборнике «Вольный ветер», литературные публикации в журналах «Енисей» (2017) и «День и ночь» (2017). Занял второе место в конкурсе рассказов «Снега моей души» (ЛитРес).

ПЕРЕВАЛ

«Хорошо отпраздновали горняки прииска славный день торжества революционных идей. И теперь горячо, с коммунистическим задором и ответственностью принялись за работу. Главное у нас сейчас — подготовка к новому промысловому сезону: выгрузка песков, проходка стволов и штреков новых шахт, ремонт техники.»

Несмотря на то, что в этом месяце меньше рабочих дней, чем в других, но выгрузка песков на сегодня идет с опережением. Производительно трудятся очистные бригады, руководимые Ф.А. Пинчуком, Н.П. Вацаевым на шахтах № 2 и № 3 участка Селлях...»

Районная газета «Знамя коммунизма», № 21

На дворе был одна тысяча девятьсот пятьдесят седьмой год...

I

— Уважаемые товарищи! Позвольте мне, от лица руководства республики и партийного актива районного комитета Коммунистической партии, поздравить вас с наступающим новым годом — годом новых планов и свершений в золотодобыче, и считать седьмую партийную конференцию нашего передового района открытой! — проговорив это, председательствующий захолопал в ладоши.



Все делегаты конференции встали, как по команде, и зал разразился громом аплодисментов.

Хлопал и Виктор.

Ему, новоиспеченному парторгу из рабочего поселка, расположенного в самом центре мрачных гор, но на самой окраине культурной жизни страны, впервые довелось принимать участие в таком масштабном, по районным меркам, мероприятии.

Шутка ли, конференция! Почти сотня делегатов!

Они собирались решениями собраний низовых партийных организаций в районный центр отовсюду: с оленеводческих и охотничьих хозяйств — крепкие, коренастые якуты и эвены с обветренными, красно-коричневыми лицами; с шахтных и рудных управлений — степенный, знающий себе цену, немного сутулившийся интернационал с бледными лицами, ресницы на которых были мастерски подведены природным, трудно смываемым макиажем — пылью забоев, штреков и отвалов; с автоколонн и транспортных объединений — шумный, ходящий немного вразвалку, пропахший мазутом и бензином золотозубый контингент.

Особо выделялись делегаты из систем народного образования и медицинского обслуживания — очень хорошо одетые, благоухающие духами «Красная Москва» женщины с ухоженными лицами, и шипающие одеколоном «Шипр», до блеска выбритые, с лицами помятыми — мужчины.

Были делегаты и в форме: милиционеры поселковых отделений и офицеры системы исполнения наказаний — лагерей в районе было много, и изрядная доля населения района там уже побывала: кто-то до пятьдесят третьего года, а кое-кто уже позднее сподобился. Эта часть делегатов состояла из молчаливых мужчин с лицами угрюмыми или нарочито спокойными, и держалась особняком.

Поместить такое количество появившихся гостей маленькая гостиница районного центра не могла. С ее-то шестью комнатами в четыре кровати каждая, да справиться?! Куда там!

И начальство решило вопрос радикально: всем делегатам, за исключением женщин, разумеется, поставили скрипучие, в большинстве своем с вырванными или ржавыми пружинами, раскладушки в небольшом, холодном и насквозь пропитанном потом, спортивном зале местной школы. А женщин — в гостиницу, благо, их-то как раз двадцать четыре и набралось.

С питанием тоже было не очень. В первый вечер после заседания, делегаты заполнили рабочую столовую, как говорится, битком. Повар столовой либо

забыл, что будет столько едоков, либо вообще не был предупрежден. Короче говоря, еды на всех элементарно не хватило.

Избранники партии, те, кому ничего не досталось, кинулись в магазин, в маленький такой — восемнадцать квадратных метров, магазинчик...

Смятые и склеенные выдавленным из них повидлом, бледно-розовые и ядовито-зеленые конфеты-подушечки в картонном ящике, остатки круглого, раскрошенного совком печенья, в такой же таре, пирамида из розово-белых банок китайской свиной тушенки «Великая стена» до потолка, тихоокеанская сельдь в больших — по килограмму, металлических банках, трехлитровые стеклянные банки с расслоенным томатным соком, водка... Больше в магазинчике ничего не было. А хлеб в райцентре выпекали точно по количеству жителей райцентра.

Запасы этой еды были раскуплены в один миг! Водка, надо отдать должное заведующей магазином, раскуплена была не вся — остался запас в подсобном помещении. Водки было гораздо больше, чем делегатов.

На следующий день в фойе Дворца культуры, где проводилась конференция, было не протолкнуться и не продохнуть.

Не протолкнуться потому, что делегаты пришли все сразу и гораздо раньше, чем того требовала программа конференции — вечером в спортзале прошел слух, что в ДК, так сокращенно назывался этот светоч культуры, откроют буфет, в котором будут давать сырокопченую колбасу — какую-то Брауншвейную или Брауншвейгскую, черт ее знает, и краснодарский чай высшего сорта в жестяных коробках.

А не продохнуть... Закуски вечером было мало, да и водка, скорее всего, злая попалась.

Но буфет не открыли.

Потокавшись в переполненном фойе и обкурившись до одури папиросами «Север» и «Беломорканал» в промозглой, расположенной почти на улице курилке, разочарованный, насквозь пропахший табаком народ стал заполнять зал заседаний.

Виктор задержался в проходе, пропуская вперед (вместе бы не вошли) крупную, всю в золоте, женщину — делегата от торговли, и увидел, как со сцены, из-за стола президиума ему машет второй секретарь райкома.

Оглянувшись по сторонам, Виктор озадаченно посмотрел на секретаря.

Тот утвердительно закивал головой, показал на Виктора пальцем, и снова махнул рукой, приглашая подойти к сцене.



Народ уже расселся, когда Виктор подошел к секретарю. Тот, наклонившись со сцены, передал ему записку.

— Домой позвони. Там все написано... — сказал он и внимательно посмотрел на Виктора.

Какое-то нехорошее предчувствие заползло в душу — екнуло в груди.

Виктор вышел в фойе и развернул клочок бумаги.

И как гром среди ясного неба: «Срочно позвоните домой. Звонила ваша жена».

Заглянув в зал, Виктор поймал взгляд секретаря и показав рукой в сторону выхода, вопросительно кивнул головой.

В ответ — утвердительный кивок.

Телефон в ДК был только один — в кабинете заведующего, и Виктор, вихрем промчавшись по коридору, стремительно вошел туда.

Долго объяснять заведующему ничего не пришлось, он сразу же все понял и вышел из кабинета, деликатно притворив за собой дверь.

Подняв трубку, Виктор дождался ответа телефонистки на коммутаторе, представился, назвал должность, — обозначив таким образом свою принадлежность к конференции, и попросил соединить его с домом. Соединение, на удивление Виктора, было мгновенным.

Голос жены был спокойным. Но то, что она им произносила, тревожило.

Заболел их единственный сын.

Температура сжигала мальчишку, и ничто не помогало — ни обтирания водкой, ни компрессы, ни аспирин. Врачей в его поселке не было, а фельдшер, работающий в исправительном лагере, расположенном неподалеку, был бессилен.

— Фельдшер бессилен... Фельдшер бессилен. Но хоть что-то он говорит?! — почти прокричал в трубку Виктор.

— Да, нужен пенициллин. Колоть уже надо! А его у нас нет! Он говорит, что в райцентре есть. В больнице, Витя! Что делать?! — жена разрыдалась.

— Я тебя понял. Сейчас я пойду в больницу. Как только все решу — позвоню. Ты там успокойся... — сказав это, Виктор выскочил в коридор.

Вырвав из записной книжки листик, он написал секретарю: «Заболел сын. Срочно нужно в больницу за пенициллином. Отпустите на час».

Тихо зайдя в зал — заседание уже началось — Виктор передал записку по рядам в президиум, и с волнением, торопя время, смотрел, как руки сидящих передавали друг другу этот белый клочок (как кораблик плывет — мелькнула

мысль), и как встал, сидящий рядом со сценой милиционер, передавая этот кораблик в руки секретаря.

Секретарь, прочитав его послание, поднял голову, ища глазами автора, и встретив взгляд Виктора, кивнул.

От Дворца культуры до больницы, что стояла на небольшом косогоре около реки Алдан, было не более трехсот метров, и Виктор, даже не застегнув полушубок, домчался до нее в считанные минуты.

Больница занимала большой — не менее тридцати метров в длину, построенный еще в тридцатые годы, барак. Косогор, на котором расположился барак, многократно подмывался паводковыми водами Алдана, теряя округлость своих склонов, обращенных в сторону реки, и явно проседал вершинкой, превращаясь в этакое двугорбое возвышение. А больничный барак, расположенный почти на самой маковке косогора, повторял появившуюся у рельефа тенденцию к двухвершинью плавными изгибами своих половиц и внутренних стен. Причем, снаружи здания этого видно не было, но стоило зайти внутрь барака и, пройдя несколько тамбуров, оказаться в длинном коридоре, сразу в глаза бросались плавная, почти синусоидальная, кривизна пола и атакующий наклон многочисленных дверных косяков палат и кабинетов, расположенных в этом коридоре. Казалось, что это не пол барака, а палуба корабля, который начинает взбираться на крутой гребень морской волны, и сейчас все вокруг посыплется-покатится...

«Интересно, а как они тут режут? На кривых-то полах...» — мелькнула мысль.

Дверь в последний тамбур Виктор закрыл неплотно — оставил небольшую щель, и теперь из этой щели тянуло холодным воздухом, который растекался по полу коридора легким туманом, исчезающим у обжигающе горячих батарей парового отопления.

Навстречу Виктору, смешно семеня ногами, обутыми в коричневые потрепаные дерматиновые тапочки со стоптанными задниками, и переваливаясь с боку на бок, спешила дежурная санитарка — полная, миловидная, вызывающе розовощекая (ямочки-то какие аппетитные на щеках!) женщина.

— Здравствуй, мил человек! А двери надо за собой закрывать, а то ведь больных так всех уморим! А им и без этого хватает... — с этими словами она, играючи оттолкнув Виктора своей массой, резко захлопнула дверь.

Обернувшись, санитарка внимательно осмотрела посетителя с головы до ног, и видимо, не найдя ни малейшего признака недомогания или

болезни, сурово сдвинув брови, спросила: — По какому делу? Навестить кого?

— Мне нужно поговорить с врачом. Срочно нужно! — Виктор проговорил это скороговоркой.

— Сейчас позову, а ты присядь пока. Да архалук-то свойними — упреешь махом! — с этими словами она показала Виктору, куда ему надо «присесть пока» — это был кособокий, весь какой-то облезший, сине-коричневый табурет.

Просеменив в конец коридора — как утка по волнам проплыла, санитарка исчезла за дверью, на которой была прикреплена какая-то синяя табличка.

Пока Виктор старался как-то устроиться на табурете, положив свой, как санитарка сказала, «архалук» на колени, из двери с синей табличкой вышел мужчина и направился к нему.

«Доктор, наверное. Больно молод врач-то. Лицо-то какое строгое — с таким не забалуешь! А что, если не даст? Похоже — суровый парень. А вдруг нет пенициллина...» — мысли Виктора спешили наперегонки, а ему самому хотелось сорваться навстречу врачу.

Наконец, врач подошел.

— Вы Виктор? — спросил он.

И видя недоуменный взгляд, понимающе кивнул.

— Мне о вас звонил коллега из...э-э-э... учреждения. Мы приготовили пенициллин на курс. Его, курс этот, надо начинать немедленно — там, судя по описанию коллеги, сложный случай. Вот вам пенициллин. Шприц я вам дать не могу — сами понимаете, да и у...э-э-э... коллеги все необходимое есть! — с этими словами врач протянул Виктору небольшую картонную коробочку.

— Скажите, доктор, а пенициллин не замерзнет, пока я его доведу? — хрипло, не веря происходящему, выдохнул Виктор.

Врач снисходительно улыбнулся:

— Не беспокойтесь, это порошок. Держите в банке какой-нибудь, скажем, ...э-э-э... из-под чая или патронов, если есть таковые, и везите. Все, удачи! И держите меня в курсе!

Он повернулся и, проплыв по волнам коридора, исчез за дверью кабинета.

II

«А ведь могла и покалечить! Забыл совсем, как по горелой тайге ходить! Спешка, будь она неладна! И темно уже как...» — подумал Виктор, обходя



только что упавшую, судя по темной коре — горевшую этим летом лиственницу, и стараясь рассмотреть в темноте и окружающих его снежных холмах и сугробах ориентиры, указывающие на присутствие под снегом следов, оставленных браконьерскими танкетками. Следов, которые должны были вывести его на перевальное седло.

Ориентиров не было...

Уже прошло почти два часа после того, как он, пробороздив огромный сугроб, которым завершалась незаконченная дорога, начал подниматься на водораздел.

С самого начала все пошло не так...

Представитель республиканского комитета партии, старый, по словам знавших его партийных работников — вреднейший, якут отказал ему в выделении машины для поездки в поселок с пенициллином, мотивируя тем, что завтра его, Виктора, доклад.

Такого поворота дел не ожидал никто из присутствующих при разговоре. Люди застыли столбами, услышав мотивацию представителя:

— Один день, между прочим, ничего не решит. А срывать доклад, который внесен в регламент республиканским комитетом, я не позволю никому! Мы собрали лучших из лучших! Оторвали от важной государственной работы... Нет! Решительно — нет!

После этих слов представитель повернулся и пошел в президиум.

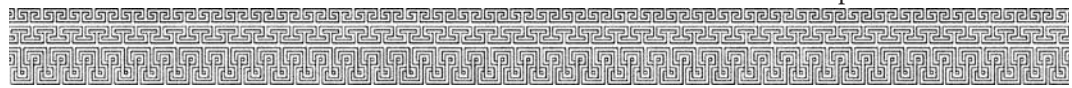
И уже уходя, бросил на ходу:

— Да и мороз стоит — минус пятьдесят. Какая машина?! Есть приказ: меньше, чем в три машины колонны на трассы в мороз не выпускать! А у нас одна, и та не утеплена... Идите и готовьтесь к докладу!

Весть о таком поведении представителя быстро облетела делегации. Но никто не мог помочь Виктору, который был раздавлен такой черствостью. Люди стеснялись подойти и утешить растерянного, униженного парторга, чувствуя бесполезность и бессмысленность любого произнесенного сейчас ими слова. Кто-то стеснялся, а кто-то и опасался. Попасть под пристальное внимание партии было делом плевым: ошибись ненароком или героически сотвори что-то, и ты там — под лупой. А там уж как кривая вывезет...

Табачный дым не успокаивал. Стоя в курилке и пытаясь найти выход из создавшейся ситуации, Виктор курил одну папиросу за другой. Уже давно началось заседание, но он даже не вспомнил о нем.





В курилку кто-то вошел, и Виктор поднял голову, всматриваясь. К нему направлялся незнакомый ему мужчина, невысокого роста, крепенький такой. Одет он был не парадно: короткая телогрейка, ватные штаны, на ногах собачьи унты — видно, что не делегат.

— Виктор! Я тут к заведующему ДК заходил, он про твою беду-то и рассказал. Меня зовут Иннокентий, я знаю твоего друга Гаврилыча — вместе охотились, он про тебя мне много рассказывал. Давайте-ка пойдем ко мне, я думаю, что ты сможешь попасть в поселок.

— Вы на машине? — Виктор подался к говорившему.

— Нет, я безлошадный, но попасть помогу — через перевал тебе надо идти. На лыжах. И прямо сейчас — в ночь, и как можно быстрее. Я думаю, что ты сможешь, тем более что с Гаврилычем уже бывал в таких местах.

Гаврилыч был знаменитый на всю округу охотник и вообще добытчик, человек с большой буквы.

— «Надо как-то идти! Сына заболел! За пацана любому... И пропади она пропадом, эта конференция! Заботливые, мать их...» — эта мысль уже полчаса не выходила из головы ошарашенного Виктора, и тут такой вариант!

Дело в том, что поселок располагался от районного центра, по меркам географическим, совсем недалеко — каких-то тридцать километров. Но это, если по прямой! А так приходилось вертеть баранку автомобиля двести километров в обход горного массива, по долине реки и болотам — через горы пробить дорогу «напрямки» не смогли: очень узкое ущелье и крутые, местами скалистые, склоны гор позволили пройти только восемь километров из тридцати.

— Туда будет немного туговато ползти — снега много под самым перевалом. Метра полтора надуло. Но первые восемь километров точно твои — их прочистили бульдозерами для вывоза леса, и остается всего ничего — двадцать два километра. Делов-то! Зато обратно пойдешь своим следом! За ночь, даст Бог, не занесет — вон какой мороз жмет! И там есть одна хитрушка: главное — точно выйти на дорогу! И тогда ты выйдешь к перевалу безо всякого труда! И еще к утру успеешь обернуться... — Иннокентий улыбнулся и хитро подмигнул.

— Не понял! Какую дорогу? Там что, есть дорога? — удивленно спросил Виктор.

— Ну, тебе я скажу, что теперь-то. По сути, это и не дорога вовсе — следы по кустам и горелому стланику. На танкетках там мужики наши охотятся,

сам понимаешь — глухомань. Зверя бьют — до... э-э-э... много его там. И мясо сразу там же разделявают, и в райцентр по-тихому привозят.

— Однако-о-о... Значит можно пробиться! Вот ведь управленцы, мать их... Динамита, мол, много надо! А мужики, значит, без динамита... — в Викторе проснулся хозяйственно-партийный работник.

— Э-э! Это ты мне брось! Только тебе и только сейчас рассказываю про дорогу-то. А потом забудь — махом голову свернут... — Иннокентий встревожился.

— Да ладно, кому я скажу?! Да и кто свернет? — Виктор улыбнулся.

— Кто, кто... Дед Пихто! И не шути! Вот тебе бумага — рисуй, как пойдешь... — Иннокентий сунул в руки Виктора бумагу.

Разговор перешел в практическое русло.

За обсуждением предстоящего действия Иннокентий заставил Виктора плотно поесть. Яичница в пять яиц на сале, сливочное масло и крепкий, черный, как деготь, сладкий чай взбодрили.

Неожиданный помощник дал Виктору все, что было необходимо для осуществления таежного перехода: китайское теплое нижнее белье — бесстыжерозовое, на мягком ворсе; широкие, сшитые из тонкого войлочного сукна, штаны — не сторят и не намокнут (по крайней мере, быстро); а носки просто мечта — собачья шерсть, связаны в три нитки. Но самым ценным в этом ворохе вываленной перед Виктором на пол одежды, была куртка. Настоящая якутская кухлянка — широкая, сшитая из качественно выделанной оленьей шкуры, не намокающая от пота и тающего снега, верхняя одежда оленеводов.

Завершилось облачение Виктора почти ритуальным действием: Иннокентий протянул ему пару широких и коротких, подбитых специально выделанным мехом оленя — камусом, лыж, и произнес:

— Зацени. Тонкие — просвечивают, но упругие — надега! Не пойдешь — побежишь! Рюкзак тебе — вон на кровати лежит, бери. Там старуха моя сала уже нарезанного, немного правда, положила, хлеба. Спички, береста, свечка — это там на всякий... Нож там же, но ты его сейчас же на пояс... Коробка жестяная из-под чая — под твоё лекарство.

— Спасибо тебе! Спасибо! Я даже не знаю... — Виктор замешкался, подбирая слова.

— Ладно, не пори ерунды. Танкетка ждет тебя за поселком, «водилу» Сашей зовут. Ты с ним не сильно-то разговаривай — партийцев не любит. Что смотришь? Почему? Сиделец он — «пятнадцашку» тянул в Магадане за раз-



говори... До больших снегов, а это километров семь, он тебя добросит. Сам я тебя провожать не поеду — лишнее это... А про ориентиры ты не забудь! Как «листвяк» горелый кончится — начнется подъем крутой. Скалы оставляй все время справа — прямо под ними иди! Все время! На перевал «в лоб» не лезь — снега много! И поперек склона не иди: снег ныне сухой, не дай Боже, сыпанет лавина — летом только и найдем, как вытаешь из-под снега... Тьфу-тьфу! Ну, давай! Да, и еще вот что: что-то кости ломит, думаю, что мороз спадет к утру. Может запуржить в верхах. А вот в пургу не надо бы тебе — сурово будет... На той стороне хребта тебе будет просто — склоном прямо в дорогу на поселок въедешь... Да ты его видел, склон-то, когда в свой поселок проезжал. Но спуск там — мать его...! И осторожно! Все, иди.

Они крепко пожали друг другу руки, и Виктор, держа под мышкой лыжи, и поправляя лямку рюкзака на плече, распахнул дверь и шагнул в мороз...

III

Ориентиров не было...

Но и паники, этой взбалмошной сестры слабости и неуверенности в себе, тоже не было. Виктор старался не торопиться, размеренно пробивая лыжню вверх по склону, туда, где он надеялся увидеть скалы.

— Что-то склон резко пошел... В скалы бы не уткнуться, а заранее усмотреть! В них упрусь — резать придется крутизну-то. И темнота эта гребанная, чтоб ей!.. — Виктор проговаривал фразы в такт выдоха, выравнивая, таким образом, дыхание. Сейчас ему вспомнились уроки Гаврилыча, так явственно вспомнились, что он даже услышал его голос — глухой, слегка надтреснутый:

— Когда надо долго бежать или тяжело работать — пой потихоньку, и обязательно на выдохе. А вдыхай на два такта — так ты дыхание успокоишь. Этому меня китайцы в Маньчжурии учили. Я в тамошних степях, в Сунляю значит, с япошками бился. Бывало, как побегут мои китаезы с пулеметом по оврагам — хрен догонишь! Только попердывают! И мурлычут что-то по-своему, и мурлычут...

По мере подъема снега становилось все больше, а сам он — все рыхлее, и в какой-то момент лыжи почти перестали держать идущего на поверхности покрова — теперь он, весь мокрый от пота, бороздил снежную целину, проваливаясь в белый пух по пояс.



Но долго так двигаться было невозможно даже подготовленному человеку, не говоря уже о Викторе. Силы явно были неравны: бесконечная и равнодушная стылость огромных крутых снежных склонов, взявшая в союзники темноту и крепкий мороз, против маленькой фигурки, упрямо идущей на спичинках — лыжах...

И вскоре темп движения упал вовсе — Виктор почти остановился.

— Так дело не пойдет — так я тут сдохну! — голос Виктора прозвучал глухо — как в подушку проговорил.

Вокруг стояла оглушительная тишина, изредка нарушаемая шипением, потревоженного лыжней, и теперь стекающего со склона в сторону этой лыжни, снега, да легким шелестом его, Виктора, дыхания.

Мороз стоял, как и говорили в поселке, ужасающий: где-то за пятьдесят. Но ни о какой «трескучести», этом смачном эпитете, коим наделяют в народе сильные морозы, не было и речи — все вокруг как умерло. Именно умерло, а не затихло-затаилось, или как там еще...

Умерло и переродилось в темноту, которая обступила Виктора со всех сторон — даже снег еле угадывался в этой черноте, но не своей белизной — она тоже умерла, а каким-то серым, лохматым по краям, сплюснутым пятном.

Останавливаться даже на минуту было нельзя — тут же уходило тепло. И Виктор, зная это, постоянно двигался, не останавливаясь ни на одно мгновение, а сбрасывал темп только в том случае, когда необходимо было выровнять дыхание. Но движением он грел тело, а вот лицо...

За его лицо уже несколько раз хватался мороз, да странно так — легкими щипками беспокоил только правую щеку, и Виктор не обращал на эти «нежности» почти никакого внимания. Потрет-потеребит немного варежкой — шерсть все-таки, да и ладно!

Но в какой-то момент мороз занялся лицом лыжника всерьез. В очередной раз он уже не щипнул щеку, а схватил ее мертвой хваткой — как собака укусила. Укусила и повисла на щеке всей своей массой. Так показалось Виктору, когда он схватился за лицо.

Щека была твердой на ощупь и не чувствовала прикосновения...

«Отморозил!» — мелькнула мысль.

И тут же, из темноты выскочила паника — как там и ждала! Черной молнией она пронзила сердце, остановив его на мгновенье, а затем, больно сжав горло, скользнула к легким: воздуха не стало...



Виктор начал лихорадочно растирать щеку рукой, с ужасом думая, что эта отвратительная твердость, которая ощущалась под его ладонью, может оказаться для него смертельной: «Сначала щека — потом я... Как же я проморгал! Тереть! Так, и еще быстрее! Как же я проморгал-то... Ничего не чувствую! Тереть!..»

Дыхание сбилось: Виктор уже не дышал — хрипел. Рука теряла силу, но твердость щеки под ладонью не уходила — приходил страх... Мелкими шажками он проникал все глубже и глубже в душу, заполняя ее холодом безнадежности.

— Костер... надо! Срочно... надо... огонь — подохну! — выдохнул Виктор.

Ему вспомнились, как только что увидел, насмерть замерзшие в тайге люди: каменные тела, пепельный цвет лиц, муть и белизна глаз под корочкой прозрачного льда...

Он явственно представил себя, такого же серого, жалкого в своей страшной отрешенности, скрюченного и прижимающего каменными руками к груди банку с пенициллином...

— Нет! Врешь, гадина! Не возьмешь! — фальцетом прокричал Виктор.

Страх замер, не смея идти дальше — на его пути встал разум, ведя за руку испуганный опыт.

Ему, Виктору, было странно осознавать все то, что сейчас происходило с ним здесь, в этой темноте, в этих снегах. Он, весь мокрый от пота, распаренный движением — и замерзает! Чувства были обострены до предела: он мысленно ощупывал свое тело, боясь натолкнуться в каком-нибудь его уголке на подкрадывающийся холод.

«Ноги — тепло там. Руки... Как горят — хорошо! Живот... Жарко и пот течет. Спина... Там плохо! Куртка на спине остывает! Силы из руки уходят... Но я сейчас руку-то сменю...» — мысли его уже не путались, и это было хорошим знаком. Страх, такими же мелкими шажками, начал отступать.

И в этот момент мороз укусил Виктора за вторую щеку...

— А вот на тебе, выкуси! Не могу я, не имею такого права тут подыхать... Что там Гаврилыч говорил про мороз-то?? — Виктор говорил громко, исподволь стараясь звуком голоса прогнать чувство своего одиночества в этой огромной темноте, на этом огромном снежном склоне.

«Гнать печаль песней — вот что он говорил. Это раз! Холод давит, или зажал крепко — грей ноги, руки и лицо. Это два-а-а... Как?? Как греть?! — и снова все это он говорил вслух, продолжая растирать лицо. — Ноги не мерзнут — ноги в ажуре! Руки в норме. Лицо... Бегать говорил? ... Нет, не пойдет!



Снег по пояс, да и ноги... Что же он тогда говорил? Что-то очень смешное говорил... Что же я, как дурак, смеялся тогда! Ваньку валял...»

И пришло воспоминание!

Виктор вспомнил игрушку сынишки, которую им привез сосед по бараку — майор внутренней службы, начальник исправительного лагеря.

Вспомнил, как радуга на небе вспыхнула: разноцветная игрушка с колокольчиками.

«Ванька-встанька»!

И сразу же голос Гаврилыча, как колокол в ночи:

— Ты, паря, когда ноги греешь, что делаешь? Что?! Какой костер?! Запомни: твой костер у тебя внутри! Какое «бегать»? Я тебе побегаяю! Во, правильно! Ты машешь ногами по очереди — кровь гоняешь! А лицом бы тоже надо помахать, скажи? Что лыбишься?! Кровушку-то к нему, лицу-то родимому надо как-то подогнать! А как? Что молчишь, как пропастина?! Какая такая «растирка»? На ... твою растирку одень! Ага, не ослышался — туда и одень! Опять ржешь! Бывает, что и растирка уже не поможет... В нашем деле сдохнуть — как песню спеть... «Косая» вмиг прихватит, ежели рассутонишься и сопли пустишь! Кто такая «косая»? Смерть это, Витя. Ек харгенэ! Вот, уже что-то видно! Почти хорошо делаешь! Самый «сеп» — хорошо, как говорят мои друзья-оленоводы! Наклоны-поклоны бей! Ну, слава-ть! Назад не закидывайся! Сколько «не закидывайся»? Да нисколько!! И руки, руки вперед — как в воду кидаешься... Наклоны вбок? Какие наклоны? Это ты в конторе своей наклоняйся! А так... Догадлив ты, Витюня! Молодца, однако!

Сколько продолжалась эта спасательная физкультура, Виктор не знает до сих пор. Может десять минут, а может и все тридцать...

Боль ударила по лицу сразу, безо всяких там предварительных покалываний и почесываний — как мокрой, только что из кипятка, тряпкой.

Победил! Он выиграл этот раунд — отступила «косая»!

И даже темнота, казалось, немного отступила, показывая ему кусок склона и что-то темное на нем. Там — наверху...

Скалы!

IV

— Скалы... — Виктор облегченно выдохнул и, оперевшись грудью на лыжные палки, сплюнул горечью.



...«Как «листвяк» горелый кончится — начнется подъем крутой. Скалы оставляй все время справа — прямо под ними иди!» — эти слова Иннокентия, которые он вспомнил сейчас, не подсказали — осветили Виктору дальнейший путь.

Облегчение... Нет — огромная радость подхватила Виктора и он решительно шагнул вверх по склону.

— Боже мой, как все просто — прошел я «горельник!» И, видать, давно прошел; незаметно — по темноте-то, под скалы и подлез... Как же это я их не увидел? Труса праздновал! Праздновал... Праздновал... — эти фразы Виктор выдыхал, ожесточенно вбивая лыжи в наст, поднимаясь к черным стенам скал.

«Вот и наст пошел. Наст — не пух, это тебе не кладбищенская тишина в «горельнике», ветер тут хозяйничает: выдувает и трамбует! К перевалу дело идет! К перевалу!» — Виктор явственно себе представил, как кружат белые вьюнки над снежной поверхностью, и уплотняется, становясь твердым и упругим — фанерным листом, наст.

И словно подтверждая расхожее утверждение о том, что мысли материальны, подул легкий ветерок.

Ветерок этот, сначала робко, как бы проверяя, толкнул Виктора в спину. Толкнул и затих, как человек — присматриваясь и ожидая. Затем, выждав некоторое время, толкнул уже сильнее, но не коротко, как в начале, а крепко — как дверь в темных сенцах ударил, лихо свистнув в ветвях редкого кустарника. На округлых шапках сугробов всплеснулись снежные вьюнки. Всплеснулись и пропали — стекли шипящим белым порошком по бокам сугробов.

Стало тихо.

Виктор ощущал, что мороз, как и предупреждал Иннокентий, действительно пошел на убыль: не так клубил паром выдыхаемый им воздух, перестал намораживаться иней на ресницах...

«Как точно предсказал! Это ж надо так...» — расслабленно подумал Виктор.

Вдруг, откуда-то снизу, из провальной черноты ночи и глубины распадка послышался гул. Казалось, что по вершинам сгоревшего леса к Виктору идет великан. Идет, не разбирая дороги, круша и ломая все на своем пути — треск ломающихся и падающих стволов был тому подтверждением. Силища ворочалась в этой темноте страшная — такой был грохот.



Но убить маленького человечка, замершего на голом склоне, великан не смог — человечек вышел из леса, и не достать его черными руками сторевших стволов. Завывая, словно в бешеной злобе, великан выпустил вперед свое белое войско — пургу, и теперь на Виктора надвигалась стена снега, впереди которой, отчаянно вертясь, скользили те самые вьюны, похожие на большие игрушки юлы, но не разноцветные и теплые, а белые и ледяные — они казались твердыми на ощупь и страшными в своем молчаливом движении.

— Ну, теперь держись, «мила-а-ай!»! — проговаривая это, Виктор торопливо завязывал на подбородке вязки шапки-ушанки. — Сейчас нам дадут прикурить, бляха-муха!

И в этот момент стена снега обрушилась на него.

Разом исчезло все — не было ни склона горы, ни скал, ни снега под ногами. Серая мгла, наполненная ветром и колюче-обжигающим снегом, давила на Виктора, как ледяной каток, не давая ему вдохнуть полной грудью, и наотмашь хлестала по щекам серыми ладонями снежных зарядов, выбивая слезы.

Периодически ослабевая натиск, ледяной каток отступал, как бы собираясь с силами, и тогда из мглы, пугающе неожиданно — будто человек, высккивал остроголовый вьюн и набрасывался на путника. А наскочив и крепко толкнув, с шелестом рассыпался на колючие струи.

Но, как ни странно, эта снежная вакханалия не испугала Виктора. Главное, что ушел мороз, утащив за собой страхи борьбы с ним — Виктор воспрял духом.

К величайшему счастью путника, направление его движения — вверх по склону, совпадало с направлением яростных атак ветра. И Виктор, подталкиваемый его упругими порывами, начал движение в ту сторону серой мглы, где должны были быть скалы и выход на перевал.

Темп его движения был великолепным!

Лыжи почти не погружались в снег — наст на склоне был уплотнен постоянными верховыми ветрами, но совершенно твердым — фирном, еще не стал. Лыжи продавливали верхнюю корку наста, которая сминаясь, как вфельная, растопыриваясь ломаными пластами из-под лыж, не давала им утонуть в снежной пудре, что была под ней.

Свист ветра, шелест рассыпающихся вьюнов, криканье ломающегося наста под лыжами и... песня.

Конечно, сложно было назвать те звуки, которые издавал Виктор, полноценной песней, но в их последовательности и тональности угадывалась мелодия «По долинам и по взгорьям». На сцене склона, в сером мраке пурги звуча-



ла мелодия движения, исполняемая необычным оркестром, где музыкантами выступали ветер, вьюны и наст, а солировал Виктор.

—Фь-ю-ю... — это ветер.

—П-ш-ш...- ударился о Виктора и умер вьюн.

—Грум-м...- лопнул наст.

—П... до-о-и-нам... и-и-и...п... о-о-о гой-ям...- выдох-вдох Виктора.

И эта мелодия была непритязательной, легко запоминающейся и... красивой! Иногда в ее рисунок вплетался короткий треск — под склоном ломались деревья под ударами ветра, и тогда казалось, что это сидящие в темноте зрители аплодируют исполнителям.

От Виктора шел пар, он промок до последней нитки, но останавливаться для отдыха не смел — торопило время.

Его движение становилось все быстрее и быстрее — он почти бежал. Дыхание стало легким, размеренным — Виктор, как говорится, «втянулся».

Даже самые крутые склоны имеют особенность заканчиваться — как ни стараются измучить путника. И в какой-то момент Виктор понял, что склон-то исчез, и, похоже, что впереди угадывается крутой спуск.

И как бы подтверждая его догадку, ветер, вяло толкнув его в спину, стих.

— Боже, перевал! — выдохнул Виктор. — Теперь проще — на все про все час! Ну, максимум полтора! И обратно!

Та часть горного массива, по которой пролегал дальнейший путь Виктора, была очень крутой и совершенно безлесной. Нет, лес-то там был, но давно — вырубил его на крепления шахт и штолен еще во время войны.

А склон массива был красив, и Виктор частенько на него заглядывался, проезжая мимо по трассе в поселок: длинный — почти пять километров, широкий и девственно чистый, покрытый плотным снегом, под покровом которого надежно упрятались пеньки от спиленных деревьев. Идеальная трасса для горнолыжников!

И это давало огромный шанс Виктору добраться до дороги, что вела в его поселок, а уж по ней он домчится махом — каждый поворот знаком.

Красивый склон. Но это днем...

— Э-эх... Дай-то Бог... Так я еще не спускался. Но там, вроде бы, чисто... Должен угадать!

Он еще раз проверил лыжные крепления, подтянул пояс и лямки рюкзака. Затем завязал уши у шапки на затылке, чтобы не мешали в движении, и было не так жарко.



Постоял, постукивая лыжными палками по насту и внимательно всматриваясь в направление спуска — уклон был, прямо скажем, суровый...

Затем, резко выдохнув, оттолкнулся палками, что было сил, и стремительно — черной птицей понесся вниз, в кромешную темноту...

V

Зал конференции гудел.

Делегаты оживленно обсуждали необычное событие — доклад, который только что сделал Виктор.

Вернее, не сам доклад, а то, как он начался, этот, казалось бы, скучный, пересказ партийных штампов и округлых фраз о благополучии прииска и всенародной вере в светлое будущее.

А все началось...

Все началось с того, что председательствующий заседания — тот самый представитель республиканского комитета партии, устроивший Виктору обструкцию, громко объявил, что тема следующего доклада «Блок коммунистов и беспартийных. Районные аспекты», и что представляет его секретарь партийной организации шахтного управления, то есть он, Виктор.

Объявил и уставился злыми глазами на то место, которое всегда занимал объявленный докладчик.

Место пустовало...

По залу пробежал легкий ветерок-говорок и воцарилась гробовая тишина.

— Э-э-э... И где это наш многоуважаемый парторг? — проскрипело из президиума.

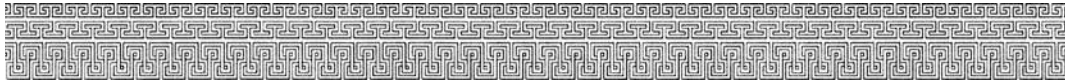
— Я думаю, что он на подходе — немного задержался в гостинице, наверное... — промямлил деревянными от страха губами секретарь райкома.

— Ждать одного разгильдяя конференция не может — регламент не позволено нарушать никому!! И что у вас происходит в районе с дисциплиной?! С партийной! Я уже не говорю о гражданской... Это что получается?! А получается то, что наш герой все-таки уехал!.. — представитель республиканского комитета партии говорил это, как квакал. — В нарушение, так сказать, приказа! Партбилет ему, видимо, мешает дела свои тут вертеть! Ладно...

Поблескивающие стекла его очков делали его лицо, искажившееся от злости и раскрасневшееся от гнева, еще более устрашающим.

Слабонервные среди делегатов сжались...





И в этот момент в зал вошел Виктор.

Спокойное лицо, аккуратно причесанные мокрые волосы на голове, ровная походка... Не спеша он прошел к президиуму и громко отчеканил:

— Прошу прощения за опоздание! Прошу Вашего разрешения сделать доклад...

По залу прокатился вздох облегчения.

— Вы опоздали на час на конференцию и на 5 минут к докладу... — желчно произнес представитель. — Впрочем, выводы по этому безобразию делать не нам и не здесь. Начинайте, не сочтите за труд...

Виктор поднялся на трибуну, откашлявшись, извинился, и начал доклад:

— Дорогие товарищи! Решительные действия нашей партии в области...

Время доклада пролетело быстро. Объявили перерыв, народ повалил в курилку.

Второй секретарь райкома подошел к Виктору.

— Ты где был, Витя?! Что за кордебалет такой? Почему не сказал в гостинице, что задержишься? И что так одет, как вахлак?

— Григорий Николаевич! Извините — еле успел. Даже переодеться времени не было. Виноват... — говоря это, Виктор улыбался.

— Переодеться почему? Ты ездил в поселок?! — выдохнул секретарь.

— Нет, я не ездил. Я туда сходил...

* * *

День подходил к концу.

Заканчивалась и конференция.

Делегаты, получив в секретариате свои командировочные удостоверения, одевались и выходили на крыльцо ДК, над которым столбом стоял табачный дым.

Кто-то уже спешил в спортивный зал за вещами, чтобы вечером уехать — перед школой уже стояла колонна автомобилей, кто-то в магазин за водкой, чтобы отпраздновать окончание действия, закрепить новые знакомства и поощряться.

Постепенно все затихло — потемнел ДК, исчезли редкие прохожие на стылых тропинках, оранжево затеплились огоньки в окнах изб и барачков.

Солнце уже прикоснулось к вершинам гор, что окружали районный центр, и теперь заливало узость его улочек и переулков неярким вечерним пурпуром.



Спицы печных дымов над жильем, поднявшись было к небу, вдруг, как по команде, наклонились — это пришел ветер.

Пришел ветер — жди погоды. А она должна прийти следом за своим проводником.

И ветер торопился все приготовить к ее приходу: сглаживал вершины сугробов, мел белой метлой обочины дорог, щедро засыпал снежной крупой сесть помоек.

Погуляв по поселку, он затих, отдыхая, неспешно кружа по проулкам — оглядываясь на плоды своего труда.

А потом рванулся в горы, где расправил упругие крылья над распадками и ущельями, пряча под снежным покровом упавшие горелые деревья, убирая со склонов следы горных обвалов и камнепадов.

Ничто не могло противостоять его усердию.

Но был тот единственный, кто не сдавался.

Это след Виктора, его лыжня.

Эта линия жизни дольше всего держалась под снежными ударами, защищаясь своей глубиной и замысловатостью: пряталась под скалами, выбегала на голые склоны, ныряла в стланиковые заросли и глубокие овраги...

Противостояние следа человека и ветра продолжалось всю ночь — не сдавалась лыжня!

Но под утро ветер посадил на свои крылья страшную пургу, снежные заряды которой стали забрасывать глубину лыжни своей мягкостью. Слой за слоем, слой за слоем...

Последним отрезком пути Виктора, который еще сопротивлялся снегу, был его след под скалами.

Но пурга бесновалась все сильнее, и лыжня сдалась.

На рассвете все было кончено...





Ольга ЧЕЛЮКАНОВА родилась в Приморском крае, в семье военнослужащего. Часто переезжая, проехала с семьей весь Союз от Владивостока до Калининграда. Долгое время жила в Латвии. Закончила Литературный институт им. А.М. Горького, семинар поэзии. Член Союз писателей России с 1998 года. Член Клуба писателей ЦДЛ. Пишет стихи и прозу. Переводила с латышского, болгарского, украинского. Живет в Москве. Публикуется с 1979 года. Автор нескольких книг. Среди них «Стихи о России» (2003 г.), «Электронная скрипка» (2013 г.). Стихи публиковались в газетах, журналах, альманахах и коллективных сборниках. Песни на стихи

Ольги Челюкановой можно послушать на сайте chelukanova.ru.

РАЗБОР

— Нет, ну ты, отец, написал..., — протяжно басил наш главный.

— Джойс... Пруст... Джойс-Джойс..., — заступаясь, звенела синицей Пилатова и воспаряла глазами к бордюрным амурчикам.

Председательствующий встал и сказал:

— Итак, сегодня мы обсудим рассказ нашего товарища по студии Семена Сталактитова «Предпоследние аншлаги». Кто желает выступить первым? Элеонора, попрошу попротоколировать...

Обстановка была жаркая и в буквальном смысле: солнце раскалило стены, как темное дерево мебели, а лица — как маятник огромных часов. Комната, где проходило заседание, почти не имела углов и ее закругленная форма напоминала сейчас сковородку гораздо четче и навязчивей, чем обычно. Сидели полтора часа с предыдущим обсуждаемым и... и неизвестно, сколько просидят со вторым.

Расплавленные мысли витали в странной архитектуре сигаретных струй. Затычка — выдох... Миражное марево скрывало людей, казалось бы — знакомых... Мерещились, однако, арабские бурнусы и черные, и хищные, и неизбежные глаза над повязкой.

Сухо шелестят листки с машинописными буквами из-под дурной копирки в мощных руках главного:



— Ну ты даешь, оте-ец... Ну, написа-а-ал!..

«Сейчас приступят», — поежился Сталактитов.

Овал потолка покрывался уже, как испариной, жуткими операционными лампами... И как будто за стеной шумела вода.

Там умывали руки.

«Только бы не ставили на табуретку», — пронеслось в смятленном мозгу Сталактитова, который не забыл, как во времена не столь давние, но невозвратимые, возносили его ввысь, и обретал он опору ненадежную, кружилась голова, а медовые голоса канючили: «Семочка, ну прочти стишок!» И Семочка ублажал гостей, но однажды сверзился с постамента, огласив помещение воплями, переходящими в ультразвук!

Он не шибко ушибся. Но крепко запомнил.

С тех пор Сталактитов не любил публичных выступлений.

Но традицию не обойти. Верша поряток, председательствующий сказал:

— Семен, мы слушаем.

Сталактитов разогнулся и поднялся со стула, словно со скамьи, известно какой, но бодрым голосом конференсье объявил:

— «Предпоследние аншлаги». Рассказ.

Помолчал, вертя в руках детище трех бессонных ночей.

Пилатова ерзала и победно оглядывала присутствующих.

Главный прошептал напоследок: «Ну, эх, написа-а-ал...», — и замер с видом благожелательнейшего Будды.

Сталактитов стоял, весь ватный и потный, но первая фраза все не выговаривалась, хотя, казалось бы, что в ней такого, ну: «В девять утра он вышел из дому...»

Сталактитов вдохнул весь воздух, имевшийся пока в наличии, и произнес: «В девять утра он вышел из дому...»

...И не заметил, как добрался до заключительного предложения: «А ночной город оставался внизу».

— Все, — упадочно сообщил он, плюхаясь на вожденный стул.

Собрание зашевелилось.

Председательствующий спросил:

— Итак, кто желает высказаться?

Молчание.

— Хорошо. Пойдем по кругу. Давай, Викентий.

Викентий собрался было начать, но тут захрипели часы и напомнили, отнюдь не вежливо, что уже шесть вечера.



«Час пробил!», — безнадежно констатировал Сталактитов про себя, пытаясь неразличимо слиться с интерьером, но мимикрировать не удавалось.

Викентий:

— Я бы назвал в подзаголовке рассказ «Предпоследние аншлаги» «рассказом-сомнением». Но не в силу литературной сомнительности, недобротности. Рассказ написан с болью, искренне, сильно. Он отверст навстречу читателю, но не прост. Короче, сомневаюсь не я, читающий; на кресте Сомнения автор распинает своего героя.

Молодой еще человек, как теперь говорят, «средних лет», режиссер, работающий далеко не безуспешно с точки зрения зрителей, по мнению коллег, театральной критики. Показан один его рабочий день. Два спектакля — утренний и вечерний. Перед вечерним — репетиция-прогон. Затем — спектакль. Большой успех. Публика в восторге. Перед началом у входа — толпа. Люди спрашивают «лишний билетик». Дежурят дружинники.

Актеры играют самоотверженно.

В чем же сомневается этот человек? В выборе профессии? В своих силах? В степени воплощенности замысла? Нет. И да.

Он поставил спектакль — со-мнение. Публика не дремлет в креслах, она думает, размышляет, переживает — растет. В конце же она аплодирует...

И, коль спектакли идут премьерные, режиссеру приходится выходить на поклонны. Выходить много раз. Столько — сколько вызовут. И он выходит.

В свое время пределом его мечтаний была полнейшая тишина в зале после спектакля. Он желал задать вопрос так, чтобы а п л о д и с м е н т ы не служили уже ответом, чтобы публика в тот момент забыла о нем, об актерах, о том, что все это — т е а т р.

Но этого не происходило.

И он выходил кланяться на бурных премьерах. И цветы, все же, жгли ему руки.

Его преследует чувство калейдоскопичности бытия. Мысль о случайности своего успеха. «Кто-то — нужен...». Цветные стеклышки, эфемерные сочетания, вызывающие всеобщий восторг. Не верит себе. Не верит суду, хотя и для него — «зритель всегда прав!».

И это не плоды излишнего самокопания, не следствия «закомплексованности».

Герой рассказа понимает, на что его еще может хватить — еще на один «спектакль вопросов», поставленный им. Не зря рассказ назван «Предпоследние аншлаги». Последние — впереди.



Он думает, что далее будет ставить «спектакли ответов». Он на грани нравственного перерождения.

И в промежутках между событиями рассказа, меж раздумий, меж тупиковых вопросов, заданных героем самому себе, как впечатляет слайдированная, отрывочно-яркая действительность, показанная автором через его взгляд!

Я не делал попытки пересказа содержания, такая проза близка стихам и так же самонадеян, неблагодарен пересказ ее, как пересказ стихов.

Я старался поделиться тем, что понял и почувствовал.

Считаю, что рассказ Семену удался, хоть вопросы остались открытыми... У меня все.

Викентий сел.

На столе, как раз против Сталактитова, невидимая никем, прикрытая с флангов и с тылу отрывным календарем, утратившим актуальность и пыльным чернильным прибором, плавала в пятне солнечного блика старая, заигранная карта. Рубашкой — вверх...

— Разрешите теперь мне, — взмолилась Пилатова в порыве самоотречения.

Сталактитов вздрогнул.

Пилатова:

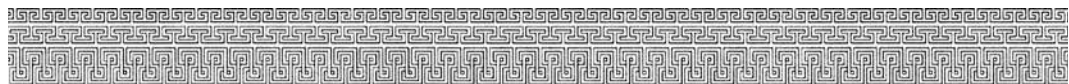
— Я прочла этот рассказ несколько раз, и мне нравилось все больше и больше! Временами он просто потрясал меня осознанным преобразованием абстрактной структуры в нечто гносеологически первичное, неоспоримое, то есть идеалистическим априоризмом! В рассказе не сыщешь принципиального антипсихологизма, но автор (выразительный взгляд в сторону Сталактитова), но автор не поддается до конца подсознательному импульсу элиминировать из искусства все, кроме, собственно, искусства! Экзистенциальный статус субъекта¹ так изящно, тонко сочетается у него с реалистической целенаправленностью и художественной достоверностью! Потенция облагораживающего субъективного идеала и психический генезис несомненны! Словом, мне очень, очень понравилось! Позвольте мне от нас, ото всех пожелать Семену никогда, ни при каких обстоятельствах не опускаться ниже этого уровня! Так держать!

И, задохнувшись, рухнула в глубокое кресло.

В наступившей робкой, серой тишине Сталактитов заметил перевернутую карту. Одинокую. Рубашкой — вверх!

¹ Нам не известно, что почитывала Пилатова третьего дня... (Прим. авт.)





Дали слово Сидорову, которого разбирали сегодня первым.

Сидоров:

— На мой взгляд, герой рассказа не совсем понимает чего же он, все-таки, хочет-то... А в остальном я согласен с выступавшими до меня.

А я спросил:

— А сам-то ты знаешь чего хотеть-то?

Сидоров вежливо, с ободряющим поклоном:

— Уж я-то знаю...

— Угу...

Подошла очередь председательствующего:

— Ну, я много говорить не буду. Рассказ стоит работы профессионального редактора. Убрать отдельные шероховатости. Неточности. Недоделки. Недоработки. Недостатки. Подумать о другом названии — и в печать! Неплохо. Неплохо. Ах, вы желаете выступить? Пожалуйста.

Тем временем Сталактитов погружался все глубже, все неотвратимей в созерцание тайны, лежащей перед ним на письменном столе. Тайна была беззащитной, как многие тайны. Протяни руку, подцепи ногтем — и она перестанет существовать.

Пока же тайна лежала лицом вниз, она не теряла своей власти. Она манила и не допускала. Ах, карта, перевернутая карта... Одна.

Сталактитов испытывал некое подобие нежности к ней. И солидарность. В чем?..

Как она сюда попала?
Из какой она колоды?
И как долго ожидала
Столь сомнительной свободы?

Вот. Он даже и стихи ей успел посвятить¹...

Одновременно с уединенными занятиями разбираемого происходило следующее.

Довольно взрослый уже на вид мужчина мягко, очень мягко, говорил:

— Я не смог, по независящим от меня обстоятельствам, присутствовать на обсуждении Сидорова, но, поскольку прочел оба предложенных сегодня

¹ Тем не менее, мы не находим достаточных оснований считать Сталактитова пижоном... (Прим. авт.)



произведения, берусь высказаться методом «от противного»; то есть я буду в основном говорить о творчестве Сидорова, а Сталактитов сам поймет.

И он посмотрел на Сидорова.

И Сидоров посмотрел на Сталактитова.

И Сталактитов глядел в стол, был собран, сосредоточен, отстранен; на шахматном его лбу бесилась крутая жила.

Мужчина продолжал:

— Два этих, столь разных, подчеркиваю, произведения открывают широкую дорогу всяким предположениям и аналогиям, ассоциациям и сопоставлениям, контрастам и парадоксам... Список можно продолжить. Творчество Сидорова известно мне давно и довольно глубоко. Я сразу его заметил: у него есть свое лицо. Язык Сидорова ясный, простой, земной, я бы даже сказал — свой. Сидоров — философ и романтик, он весь в движении, он борется, он трудится, он ищет... Даже интимнейшее из чувств — любовь, у Сидорова широкая, безграничная, космическая, потому что его герои что-то, да значат в этом мире. Все у него понятно, особенно образность.

Он идет от жизненных явлений и проявлений, фактов и мелочей. Сидоров — оптимист со зрелой душой, чуждый бахвальству и вычурности, не подражающий ни в чем ни классикам, ни даже современникам! Герои Сидорова захлестнуты размахом столетия, думают о том, что делают с природой, в общем — бьют ключом!! Вот пусть Сталактитов, подчеркиваю, — и подумает...

Обсуждаемый давно уже думал. Думал тягостно и утомленно. Думал с фанатическим упорством. Что перед ним: может, жалкая шестерка на побегушках, которой и козырной-то не часто выпадало побывать... Или потертый пиковый туз? Или...

Тут подошла очередь выступать и мне, но я не мог произнести ни слова, пока часы не прохрипели семь раз. Неужели прошел только час?

Я:

— Семен!

Сталактитов испуганно вскинулся, выронил сигарету и даже сделал попытку протереть глаза. Бедный, он вспомнил, наконец, где он и что с ним...

— Да, я слушаю, — сказал он, расслабленно опускаясь.

— Семен, ответьте мне: а почему вы написали именно о театре? Я надеюсь, не для наглядности?

— Из любви, — ответил он.



— Простите. Что ж, я был бы рад увидеть ваш рассказ, как есть, без изменений, напечатанным типографским способом.

— Спасибо.

За мной выступал Петров:

— Мне импонирует, что Сталактитов не столько постигает действительность, сколь сотворяет ее. Мне нравится его трагизм, его кажущаяся неуверенность во имя высшего, во имя нахождения новых точек опоры в пространстве духа. Люблю его агрессивный поиск, рискованный слог; дыхание его прозы порой кажется неровным, волнение передается просто физически. Да, его проза дышит. Она живая. Она творит сама себя, как человек, как самовоспроизводящаяся и самопостигающая система... Меня это порой пугает. Мистика какая-то получается. Агрессия полета и неуверенность, слеза и сталь. Всякая истинная вера полна сомнений! Сталактитов не излагает истины, он взыскует!.. Призвание, счастье и мука художника — в вечной жажде. Жажда — неутолима. Всем знакомо, наверное, высказывание Мальро о «гадательности», «непредсказуемости» современной цивилизации, о том, что она не столько «дает ответы», сколько «задает вопросы». XX веку нужно «вопросение вопрошений», а не «ответ ответов». Мальро видел задачу литературы как «попытку помочь людям осознать свое величие, которого они не замечают». Извините за грубые и неточные цитаты¹. Смысла я не искажил. Спасибо, Сем.

Да, наш круг исчерпался. Комната-сковородка стынет... Но нет, председательствующий нашел глазами еще не выступавшего. Этого человека мы не знали. Он сидел между часами и шкафом, как в шкатулке, и оттуда говорил:

— Я не сторонник абстрактных фантазий и зеркального варьирования «вечной темы искусства». Это пахнет уже чистым искусством. В истории многое повторяется. Молодой человек неправильно выбирал себе учителей... Вы превращаете вашу прозу в цветочную клумбу, в орнамент метафор. Размытость ориентации никому не проходит даром. Мне трудно вас понимать. Мне нельзя вас полюбить. Вы даете мне устрицы, а я хочу картошки, да-да, простой картошки. Оставьте ваши пестренькие, импрессионистические этюды и наброски, займитесь же, наконец, большим, добротным полотном!

...Несколько раз он уже заносил руку над своею тайной, но... отдергивал. Сталактитов уже столько успел себе нагадывать, что многим рисковал в

¹ Цитаты довольно точны... Петров скромничает. (Прим. авт.)



случае провала...

— «Нет, мне не открыть ее с точностью до единицы значимости по иерархии в мастях. И отдельную масть не увидеть. Остается — цвет. Красное или черное?! Черное или красное?!»

И завертелась рулетка! Игра становилась тайной, прикрывающей судьбу.

Риск проигрыша не снизился, а круг выбора замкнулся.

Красное или черное?! Третьего не дано (если не Джокер).

Сталактитов медлил.

— Не надо шифровать, не надо наряжаться. Мы с вами не на ярмарке невест. Перестаньте жонглировать словами, вы не в цирке. Я не узнаю в вас своего современника, я не чувствую в вас прогрессивного, чувствующего человека. Ваш мир убог. Вернитесь сюда. Пока не поздно.

Под занавес высказался наш главный:

— Считаю возможным представить рассказ к публикации, слегка поработав с редактором, разумеется.

Потом Сталактитов сказал ритуальное «последнее слово», в котором всех сердечно благодарил за добрые советы и рекомендации.

Мы стали расходиться.

И тут Сталактитов перевернул карту!

Сохраняя непроницаемое лицо, он аккуратно поместил ее во внутренний карман своего пиджака¹.

¹ Двубортный, номер модели P2200, артикул 24045436 3497. (Прим. авт.)





**КРИТИКА
ЭССЕ**



Анна Александровна Фуникова — поэт, переводчик, эссеист, член правления и высшего творческого совета Московской областной организации Союза писателей России. До 1994 года жила в Грузии. Урожденная кахетинская княжна Джандиери. Автор шести поэтических книг, редактор-составитель документальной «Книги памяти жертв политических репрессий жителей города Электросталь». Кавалер Золотой Есенинской медали, лауреат премии «Золотое перо Московии», Чеховской премии, премий имени Ярослава Смелякова и Евгения Зубова Союза

писателей России, награждена Золотым дипломом Бориса Пастернака Лиги писателей Евразии и Знаком отличия «За заслуги перед городом Электросталь». Удостоена главной литературной премии Подмосковья — премии Губернатора Московской области имени Роберта Рождественского.

СЛОВО О ГРУЗИИ

1. У ПАМЯТИ НЕТ РАЗЛУК

Как сквозь незатейливое смешение красок, нанесенное на холст неопытным художником, вдруг проступают уверенные мазки кисти талантливого живописца, так в изумрудную вязь переделкинского сада, где пишутся эти строки, просачивается синь большей высоты.

В ней, подобно кольчуге, звенит на мощных ветвях далеких платанов Грузии сочная и тяжелая зелень.

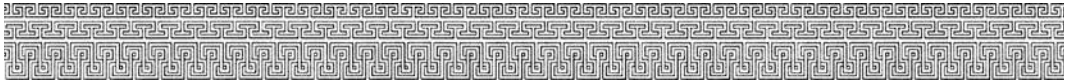
Грузия! Край юности, канувшей в беспечально светлые воды времени, родина ослепительного апельсинового солнца и заповедно-высоких чувств!

Закрою глаза и вижу — проспект Руставели, плывущий мимо поток красивых приветливых лиц, слышу выразительную гортанную речь.

Неужели все это только в прошлом, лишь ностальгия перебирает струны души?

Много лет назад вдруг обуяла сердце тоска предчувствия будущей разлуки с Грузией, и случилось это со мной во время работы над переводами стихотворений одного из лучших поэтов этой страны Галактиона Табидзе:





Минет лето. Расстанусь с музою.
 Ветер травы склоняет бережно...
 У души остается Грузия —
 Не надежда, не вера прежняя.

Силы нет уповать и маяться.
 Полно! Близится откровение.
 Жизнь идет, словно сон без радости,
 Смерть — единственное спасение.

Неподвижны глаза незрячие
 И открыты глаза незрячие.
 Смотрят в небо чужбины горестно,
 неподвижно глаза незрячие.

Долгие годы провел вдали от родины другой замечательный грузинский поэт — Николоз Бараташвили.

Перевела его известное стихотворение «Мерани» и вновь ощутила неизъяснимую тревогу. Грядущая разлука звучала в строках:

Отчий дом покидая, приюта лишаясь и родины,
 Распрощаюсь с любимой и милой — не свидимся более.
 В чистом небе звезда воссияла — сестра моя сводная.
 Только с ней поделюсь, мой Мерани, любовью и болью.

Знаю, конь вороной, похоронят меня не на родине.
 Не заплачет навзрыд над могилою дева любимая.
 Только выключат очи открытые черные вороны,
 И развеют осенние ветры останки постылые.

Росы с неба падут в изголовье — не слезы возлюбленной,
 Не заплачут друзья — кликнут в поле злорадные коршуны.
 Оттого, заклинаю, не думай о доле загубленной,
 Прокляни, презирая законы судьбы непреложные...



И случилась разлука с Грузией — подругой и матерью, но нет разлук у памяти, где в отрогах скалистых гор раскинул свой волшебный шатер роскошный тбилисский Ботанический сад; там ждут меня милые друзья, и вся жизнь еще впереди.

Пытаясь удружить, память цепко вырывает из вороха истлевших дней одно за другим любимые лица.

Георгий Маргвелашвили — известный в Грузии критик, поэт и переводчик, который помог мне с первыми публикациями в журнале «Литературная Грузия».

Запомнился единственный его совет мне, как начинающему поэту, — ничего не ждать от окружающего мира. Только писать, писать и писать.

Тогда, в двадцать лет, я не поняла и не приняла этого совета всерьез; лишь теперь, спустя десятилетия, осознаю его мудрость.

Это ли не девиз настоящего Творца?

Давид Наумович Давыдов — Мастер фотопортрета, чьи выставки побывали во всех странах мира.

Со стен его комнаты с высоченными потолками в центре Тбилиси на меня глядели лица, лица, лица.

Творец всегда должен быть одинок. Так считал Мастер.

Только в одиночестве возможно создание подлинных шедевров духовности и таланта, какими были эти одинокие лица, выхваченные светом из тьмы будущих разлук.

Георгий и Давид, где, как не в Грузии, могли бы вновь встретиться наши тени в зыбком четвертом измерении воспоминаний?

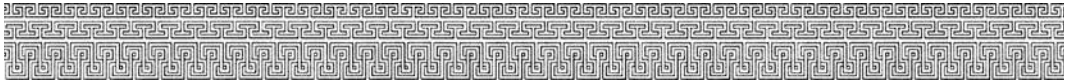
Память шелестит страницами улетевших дней, высвечивает ранее непонятные пустоты. Нет у нее разлук.

В ней, как в большом заброшенном доме, живут незабытые, любимые тени.

В окна дома бьет с высоких грузинских небес сотнями пальцев по глазам апельсиновое солнце. И болит невидимая душа, как болела у поэта Шота Нишнианидзе, когда три десятилетия назад он обращался к Всевышнему:

Пошли мне жестокую боль сожаленья —
Обидеть не дай незаслуженно друга.
Прошу оскорбления и униженья,
Удары возмездья приму без испуга.





Умножь мои краткие встречи с тобою —
Иного у Бога просить я не смею.
Спаси мою грешную душу любовью,
Поведай, что будет с Отчизной моею?

Боже, спаси и сохрани Грузию!

Примечания:

В тексте приведены отрывки моих переводов с грузинского стихотворений «Неподвижны глаза незрячие» Галактиона Табидзе, «Мерани» Николоза Бараташвили, «Спаси мою грешную душу любовью» Шота Нишнианидзе

МЕРАНИ

НИКОЛОЗ БАРАТАШВИЛИ

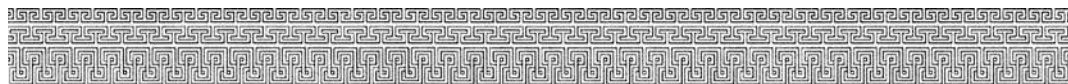
Мчится конь безрассудный, не ведая сна и дороги.
Кликнул ворон зловеще, кончину мою предрекая.
Только конь непослушный летит, словно вихрь одинокий,
К скользким тропам и кручам в беззвездной ночи привыкая.

Ветр собой рассеки, мой собрат, над скалистыми кручами,
Уноси от беды, не кляня бесконечные странствия!
Не щади ни себя, ни меня — пусть обоих измучает
Твой полет, конь судьбы, пусть тебя не смущают препятствия...

Отчий дом покидая, приюта лишаюсь и родины,
Распрощаюсь с любимой и милой — не свидимся более.
В чистом небе звезда воссияла — сестра моя сводная.
Только с ней поделюсь, мой скакун, и любовью и болью.

Знаю, конь вороной, похоронят меня не на родине.
Не заплачет навзрыд над могилою дева любимая.
Только выключот очи открытые черные вороны,
И развеют осенние ветры останки постылые.





Росы с неба падут в изголовье — не слезы возлюбленной,
Не заплачут друзья — кликнут в поле злорадные коршуны.
Оттого, заклинаю, не думай о доле загубленной,
Прокляни, презирая законы судьбы непреложные.

Пусть, отвергнутый всеми, уйду безвозвратно, безвременно,
Пусть обманет любовь, завлекая посулами ложными...
Ты лети, мой скакун! Нас судьба подвергает гонению,
Вихрем в синей ночи уноси мои думы тревожные!

Неспроста, вороной, этот путь мы с тобою затеяли.
Он проторен тобой и навеки собратьям останется.
Вольным ветром навстречу с вершин белоснежных повеяло,-
Вместе с ним улетим, о покое не смея печалиться!

Мчится конь безрассудный, не ведая сна и дороги.
Кликнул ворон зловеще, кончину мою предрекая.
Только конь непослушный летит, словно вихрь одинокий,
К скользким тропам и кручам в беззвездной ночи привыкая.

Перевод с грузинского Анны Фуниковой

НЕПОДВИЖНЫ ГЛАЗА НЕЗРЯЧИЕ

ГАЛАКТИОН ТАБИДЗЕ

Сенокоса пора зенитная,
Но безрадостны дни горячие:
Солнце умерло беззащитное,
Не закрыло глаза незрячие.

Неподвижны глаза незрячие,
И открыты глаза незрячие,
Смотрят в небо чужбины горестно,
Неподвижно глаза незрячие.



С тайной мукой внимает голосу
Сна Вселенной светило спящее...
Неподвижны глаза незрячие,
И открыты глаза незрячие.

Лиры шепчут слова заветные,
Умолкают в последней ярости,
Обрываются струны медные,
Звуки музыки удаляются.

Немощь прерванного дыхания,
Но откуда-то слышно пение...
Длится время, как умирание.
Кто тебе неподвластен, тление?

Минет лето. Расстанусь с музою.
Ветер травы склоняет бережно...
У души остается Грузия,
Не надежда, не вера прежняя.

С тайной мукой внимает голосу
Серафима светило спящее...
Неподвижны глаза незрячие,
И открыты глаза незрячие!

Я прощаюсь... Носи, печальная,
Бархат черный. Печали временны.
Песня слышится погребальная,
Плач Цереры во мгле рассеянной.

Силы нет уповать и маяться,
Полно! Близится откровение.
Жизнь идет, словно сон без радости,
Смерть — единственное спасение.



Неподвижны глаза незрячие,
И открыты глаза незрячие.
Смотрят в небо чужбины горестно,
Неподвижно глаза незрячие.

Перевод с грузинского Анны Фуниковой

* * *

ШОТА НИШНИАНИДЗЕ

Спаси мою грешную душу любовью,
Всевышний, — пощады прошу и спасенья:
В израненном сердце ревнивую злобу
Убей — без прощенья за прегрешенья!

Пошли мне жестокою боль сожаленья!
Обидеть не дай незаслуженно друга.
Прощу оскорбления и униженья,
Удары возмездья приму без испуга.

Умножь мои краткие встречи с тобою,
Иного у Бога просить я не смею.
Спаси мою грешную душу любовью,
Поведай, что будет с Отчизной моею...

Перевод с грузинского Анны Фуниковой

2. ПОМНИ О БЕССМЕРТИИ

В послесоветские годы многое стало с ног на голову во всех республиках бывшего Союза.

Грузия не исключение, в Кутаиси снесен с лица земли памятник погибшим в годы Великой Отечественной войны... И не только в Кутаиси.

Все это просто не умещается в голове, потому что помню, и всегда буду помнить, как бережно относились в солнечной республике в советское время к памяти войны, которая вихрем прошла по судьбам грузинского народа.



Я десять лет сотрудничала с военной редакцией в тбилисском Комитете республиканского телевидения и радио, писала стихотворения и выступала с ними в передачах для воинов Советской Армии. Почему именно в военных передачах? В те времена в Грузии на русском языке вели только новости и программы для воинов Советской Армии.

...Попала я впервые на телевидение очень просто: разузнала номер телефона в справочнике и позвонила главному редактору военной редакции Гиви Бакрадзе.

Представилась, сказала, что пишу с детства, публикуюсь в прессе, литературных альманахах и хочу попробовать свои силы на телевидении. Главный редактор выслушал и вежливо отказал: «Моя редакция готовит военные, а не литературные передачи».

Но я так просто не сдалась. Позвонила на этот раз уже главному редактору и ведущему русской новостной программы Марку Рывкину. Внимательно выслушав меня при встрече, он поднялся с места и пошел со мной в ту же самую злополучную редакцию военных программ. По дороге я лихорадочно размышляла: рассказать ли, что в этой редакции мне уже отказали, или нет; но, пока размышляла, мы уже пришли. Дверь открыл высокий черноволосый, худощавый мужчина, чем-то похожий на американского киноактера Григория Пека.

Это и был известный журналист Гиви Бакрадзе, благодаря которому я начала писать стихотворения гражданской лирики для сюжетов телепередач; и эти стихотворения просто невозможно было не писать, сталкиваясь с судьбами людей, прошедших через горнило ушедшей войны. Эти люди писали в редакцию письма, часто выступали в передачах, рассказывали незабываемые истории военных лет о себе и далеких фронтовых буднях. И для всех них, ветеранов, война была не только самым тяжелым жизненным испытанием, но и самым светлым и святым воспоминанием, ибо там, на войне, все лучшие человеческие качества проявлялись особенно ярко. Беззаветная дружба, любовь к Родине, к женщине — вот главные ценности идущего на смерть солдата. Так было и будет во все времена на свете.

По материалам, собранным во время сотрудничества с военной редакцией, я написала позднее большой цикл стихов, посвященный победителям в войне, страшнее которой не случалось на белом свете. Эти стихотворения не раз были опубликованы. Хочу рассказать здесь только о двух из них...

Помню долгие съемки праздничного телевизионного «Огонька», посвященного сорокалетию Победы в Великой Отечественной войне. Среди при-



сутствующих был сам Мелитон Кантария, который водрузил флаг Победы над рейхстагом. Ордена и медали, как звезды, сверкали перед жерлами стрелкочущих камер.

Я читала на «Огоньке» стихотворение, которое написала о поваре Датико Верулава. Теперь уже и не припомню, откуда узнала историю о том, как в годы войны повар-грузин часто готовил для солдат своего взвода изысканное блюдо грузинской кухни — хаши, на приготовление которого уходит не менее шести часов. Как это было возможно в условиях военного времени, необъяснимо для меня по сей день.

Каждому фронтовику на том праздничном «Огоньке» преподнесли гвоздики, но после съёмок все ветераны, как будто сговорившись заранее, подарили все гвоздики мне. Получился огромный букет алых цветов, и я расплакалась от неожиданного счастья...

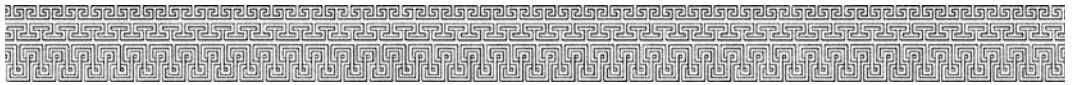
Разве такое позабудешь?

ХАШИ

ПАМЯТИ ПОВАРА ДАВИДА ВЕРУЛАВА

Бойцы ушли в атаку ночью, и шумный лагерь опустел.
На кухне маленькой, походной в котле подвешенном кипел
Готовый борщ. Усталый повар глядел на стол, нахмутив бровь,
И, чем-то явно недовольный, в своей тетрадке вновь и вновь
Писал, считал сердито цифры... Но, наконец, вздохнул легко,
Поднялся и принес на кухню кувшин, где стыло молоко.
Позвал помощника — мальчишку, спустился, взяв мешки, в подвал.
Тем временем помощник быстрый воды горячей наливал
В котлы, тащил на кухню известь, искал чеснок, рассыпал соль...
Наш повар требуху говяжьё валил в подвешенный котел.
Не научившись падать духом, хоть дожил до волос седых,
Он знал давно: на белом свете вкуснее хаши нет еды!
Солдаты повара-грузина любовно звали Датико,
А повар знал, как им сегодня в ночной атаке нелегко,
И для бойцов готовил хаши... Отправил поваренка спать.
Настало мартовское утро, и день настал, а он опять
На кухне возится, все варит в котле громадном требуху:





Янтарный хаши приготовить — не то, что Вам сварить уху!
 ...Когда бойцы вернулись в лагерь, наш Датико валился с ног,
 Но сам налил в тарелки хаши и в ступке истолок чеснок,
 Присел в углу стола... Солдаты негромко пели «Сулико»,
 А он смахнул слезу — усталый, счастливый повар Датико.

История вторая.

Как-то поздно вечером мне позвонила домой с телевидения режиссер Валентина Лордкипанидзе. Она рассказала, что готовятся съемки сюжета, посвященного интересной человеческой истории. История эта заключалась в том, что, спустя сорок лет после окончания войны, сын одного из погибших солдат сам разыскал могилу отца, затерянную в степных просторах необъятной России.

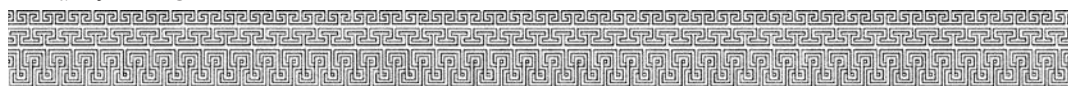
Не помню имени сына, помню только фамилию Варазанашвили и то, что он был полковником Министерства внутренних дел республики. Может быть, именно благодаря чину и связям, полковник и справился с непростым делом всей своей жизни — нашел заросший травой холмик над солдатской могилой родного отца...

Тогда я и написала стихотворение «Свиданье с сыном». Потом, спустя многие годы, появилась песня на мои слова; ее написал и исполнил композитор Рим Хасанов, который недавно получил за свое творчество Государственную премию Республики Татарстан.

СВИДАНИЕ С СЫНОМ

Сын отыскал среди степей
 Отца солдатскую могилу.
 Печально голову над ней
 Березка стройная склонила.
 Отец давно лежит в земле
 На этом кладбище забытом,
 Все с каждым годом тяжелей
 Плита суровая гранита.
 Он сорок лет был одинок
 И сорок лет не видел сына,
 И сам прийти к нему не мог —





В степи лежал среди полыни.
Сын сам пришел, спустя года,
К нему с седою головою.
Солдат, ты молод навсегда,
А сын сегодня старше вдвое...
За сыном вслед, издалека
Еще идут дорогой дальней
Других погибших сыновья
К отцовским холмикам печальным.
И каждый сын к отцу идет,
В пути давно не отдыхая,
К земле могильной припадет,
Траву высокую сминая.
Неугасим заветный след
Звезды бессмертия высокой,
Пока в степи сыновний след
Ведет к могиле одинокой...

Помнили и чтили героев войны в Грузии, помнят и чтят их и сегодня.

Близко то время, когда отморозки, которые сносят памятники павшим и глумятся над скорбной памятью грозových лет, навеки уйдут в черную небыль.

Нет им оправдания, нет места в памяти, которая хранит все самое святое и высокое, что было и есть на белом свете.

Какие чувства могут быть выше дружбы, сплотившей в одних рядах людей разных национальностей во времена одной из самых беспощадных войн на планете?

Недаром те, кто прилагал все силы своей души для сохранения памяти великой и суровой войны, по сей день живут в наших сердцах.

Среди них — недавно ушедший из жизни журналист Гиви Бакрадзе, в прошлом главный редактор телевизионной передачи для воинов Советской Армии «На страже южных рубежей».



СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ЖУРНАЛИСТА ГИВИ БАКРАДЗЕ

На небеса к тебе не дозвониться.
Перерезая вечность на бегу,
Ты одиноко взвился, словно птица,
В тревожную и призрачную мглу.

От нас уходят лучшие из лучших
В стихи и сны, безвременье веков,
Где звезды холодны, суровы тучи,
Нет солнца за коврами облаков.

Теперь спешишь дорогами чужими
Туда, где жизни, как и смерти, нет...
Ужель забудешь собственное имя,
Летающий в никуда на звездный свет?

3. О, ЧИСТЫЙ ПЛАМЕНЬ ДУШ ВЫСОКИХ...

Много незабываемых встреч с интересными людьми подарила мне Грузия. Живя на благодатной земле, согретой южным солнцем, не раз воспетой языком высокой поэзии, я с удовольствием переводила на русский язык произведения многих классиков грузинской литературы. И не только грузинских, и не только классиков.

В то время не было и тени вражды между всеми народами — грузинами, осетинами, абхазами, — которые веками жили вместе на родине великого Шота Руставели, певца истинной Дружбы и Верности.

Мне посчастливилось переводить на русский язык стихотворения известного осетинского поэта Реваза Асаева, который часто приезжал в Тбилиси из Цхинвали.

Познакомилась я с Ревазом Николаевичем на съемках телевизионной передачи о нем.

Так получилось, что перед самой передачей, не будучи знакомой с Асаевым, я перевела его стихотворение «Вечный огонь» для журнала «Литературная Грузия», и встреча с поэтом, над переводом строк которого накануне провела бессонную ночь, оказалась знаменательной. Ревазу Николаевичу мой



перевод понравился, он сразу решил опубликовать его в будущей книге, которая должна была скоро выйти в Москве.

В прошлом фронтовик, Реваз Асаев всегда был верен военной тематике, — пережитое на войне ни на час не отпускало поэта из плена трагических образов, мира героев, грудью защитивших землю своих отцов в час смертельной опасности.

Он предложил мне поработать над новой книгой его стихотворений, и я с удовольствием перевела на русский язык несколько десятков стихотворений — подлинных образцов гражданской лирики осетинской поэзии.

Но по молодости мне казалось однообразным и скучным делом изо дня в день заниматься только одними переводами, отнимая у себя время, которое могло уйти на написание собственных строчек стихов.

Теперь сожалею, что так и не перевела всю предложенную книгу произведений осетинского классика, ибо подобные возможности судьба представляет начинающим литераторам нечасто.

Пришло время, когда я с удовольствием перечитываю переводы осетинского поэта, слышу интонации его поэтического голоса, вспоминаю доброе, отеческое отношение к себе, молодой тогда поэтессе.

Где Вы теперь, Реваз Николаевич? Самое печальное, — я даже не знаю, живы ли Вы.

После грузинско-осетинской войны Цхинвали был почти полностью разрушен, а в интернете нет ни слова о Вашей нынешней судьбе.

Остается только перечитывать Ваши стихотворения — и помнить.

Но и это немало...

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

РЕВАЗ АСАЕВ

Волна безумная когда-то
На берег выплеснула пламя.
Идя в бессмертие, солдаты,
Склоняясь, целовали знамя.

Оглохнув в грохоте и звоне
Смертельной сечи с вражьей силой,



В багровой мгле метались кони
С кровавой пеной на удилах.

Поныне между скал поникших
Горит в ночи огонь заветный
И белый памятник погибшим
Взмывает в пламени бессмертном.

Гори, огонь, не угасая!
Стань маяком в ночи безбрежной,
В ненастье путника спасая
Костром у ног в пустыне снежной.

Взмыл обелиск, как белый сокол,
Он выше скал, белее снега...
О, чистый пламень душ высоких,
Гори века для Человека!

Перевод с осетинского Анны Фуниковой

СЕРЕБРЯНЫЙ ИНЕЙ ОСЫПАЛСЯ С ЕЛИ ВЫСОКОЙ...

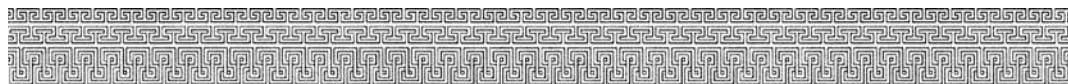
РЕВАЗ АСАЕВ

Серебряный иней осыпался с ели высокой,
Серебряный иней виски леденит сединою...
И поочередно года улетают далеко,
И одолевают бессонные думы весною.

Не надо печалиться, друг, что года пролетели,
Любовь и надежда надолго с тобой остаются.
Высокие чувства недаром в груди пламенели,
И четкие строфы уверенно льются и льются...

Перевод с осетинского Анны Фуниковой





4. В САДАХ ВЕЧНОСТИ

Если в последний час перед лицом Всевышнего зададут вопрос, какие воспоминания я унесу с собой в звездный мир, ответу однозначно.

По прошествии многих быстрых лет только Грузия живет в моем сердце, и только о ней хочу я вспоминать среди безвоздушных пространственных пустот Вселенной, возникшей ниоткуда и летящей, как все судьбы человеческие, в никуда...

Пусть забудется все, что ворожило сердцем в короткие минуты радости, пусть унесет река времени ворох светлых и черных дней то радостной, то нелегкой судьбы; об одном прошу Господа: пусть всегда цветет среди лазури высоких небес садом моей ушедшей молодости страна горячего, как любящее сердце, солнца!

Пусть поет и поет несмолкающими строфами высокой поэзии, осенившей восхищенную душу!

Ибо только на этой земле, теплой от ласковых лучей светила, плывущего в небесных морях, была я молода, счастлива и любима, ибо в ней лежат все самые близкие и дорогие мне люди...

И любая разлука — ничто перед вечным родством с нею, и любые пространства между нами — ничто.

Грузия живет в моей душе, продолжающей любить и грезить.

И, если удивительная душа эта вечна, то вечна и Грузия, — даже если весь остальной мир погибнет или сойдет с ума.

ВДАЛИ ОТ РАЯ

Никак не кончится зима,
Остались сутки до апреля.
Уже свели меня с ума
Ее капризные метели.

Который век не тает снег
И лижет грязный лед дороги...
В краю заветных снов и нег
Зазеленели гор отроги.



Среди дубрав и нежных трав
В краю любовных слов застоля
Весна-кудесница стремглав
Взмывает в синее раздолье!

Не в силах прятать нелюбовь
В объятьях стужи белокрылой,
Я умираю вновь и вновь
В разлуке с родиною милой.

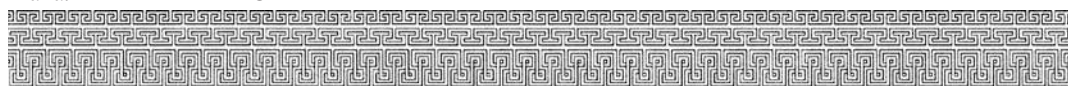
ГДЕ БЫЛА МОЛОДОЙ

Я боюсь возвращаться в края, где оставила сны и надежды,
Где заветная юность моя вторит каждой весне, как и прежде.
Тает утром луны мандарин, весел день апельсиновым солнцем...
 Попрошу тебя, сердце, остынь, я за вечность не дам и червонца.

Что мне вечность — как дом без друзей, без Отечества долгие годы.
Строю памяти светлый музей, у порога оставлю невзгоды.
Ходит яростный мир ходуном, ждать в нем нечего, нечему верить...
Ухожу в мной придуманный дом, затворяя послушные двери.

Ухожу от себя в никуда, растворяясь в безликом пространстве,
Не осталось от боли следа — лишь усталость осталась от странствий.
В бесконечное небо взлечу и мгновенье побуду звездой...
Умереть я однажды хочу в тех краях, где была молодою.





Наталья КРАВЧЕНКО

ТАКАЯ ЖЕ РЕДКОСТЬ КАК ЛЮБОВЬ ДРУГ — ЭТО ДРУГОЕ Я ЛЮБЯЩЕГО

Сколько томов написано о любви, но очень мало — о дружбе. Принято считать, что это — недолюбовь, некий бледный оттиск ее, — «я вся — любовь, и мягкий хлеб дареной дружбы мне не нужен!» — запальчиво воскликнула Цветаева, и этот выкрик тотчас стал еще одним «воплем женщин всех времен», не признававших в сердечных вещах компромисса.

Aeternum vale! В путь иной
Меня ведет иная твердость.
Меж нами вечною стеной
Неумолимо встала — гордость.
1 Прощай навеки (лат.)

Дружба — суррогат любви, для любящего эта подмена унижительна, она равносильна камню, положенному в ладонь вместо хлеба.

С другой стороны, дружба — это что-то из школьного пионерского детства, что-то инфантильное, дворовое, мушкетерское... Словом, то, что остается в далеком прошлом, за чертой взрослой серьезной жизни. А между тем это не так! Мне хочется реабилитировать это затертое слово, это прекрасное понятие, заглянуть в глубину его смыслов, доказать его самоценность.

«Без друзей меня чуть-чуть, а с друзьями много» — наивные слова этой детской песенки не так уж далеки от истины. Что такое дружба? Как ее понимали великие писатели, поэты, мыслители, философы?

Согласно определению в толковом словаре Ожегова, «дружба — это отношения высокой степени близости, которые базируются на глубоком доверии, взаимной привязанности, общих интересах и взглядах».

Для дружбы не важны возраст, пол, внешность и социальное положение, ей не нужен секс, не свойственна ревность, она не может быть безответной, неразделенной.

«Любовь может быть неразделенной. Дружба — никогда», — писал Януш Вишневский. И это одно из важных ее преимуществ.



Истинные дружеские чувства всегда взаимны. Часто говорят: «Друзья — это семья, которую выбираем мы сами».

Дружба — это тоже любовь, но любовь, которая «не ищет своего», то есть самого высокого порядка. Христианство наделяет дружбу таким понятием, как «любящая доброта». Дружеские отношения — это отношения любви и братства. Другими словами, друзья ощущают по отношению друг к другу практически кровную связь.

Любопытный нюанс: в итальянском языке есть выражение, которым определяется отношение к человеку как любовь в чисто человеческом плане, без примеси эротики: «ti voglio bene». Если «ti amo» говорят, когда признаются в любви страстной, чувственной, между мужчиной и женщиной, то «ti voglio bene» — говорят друзьям, родным, близким — то есть безотносительно пола, сексуального подтекста. Это не совсем «я тебя люблю», точный перевод затруднителен, т.к. в русском нет такого понятия. Дословно «я тебя люблю всегда», «я тебе желаю добра», «ты мне дорог».

Есть «амаре» — любовь, физическое наслаждение, а есть «воглио бене», — это когда к человеку относишься так, что нет никого ближе его. Жаль, что в русском языке нет таких тонких различий.

Вспоминается два определения дружбы, на первый взгляд противоречащие друг другу. С одной стороны «Друг есть действие», как утверждала Марина Цветаева, и ценность дружбы определяется делами, конкретной заботой и помощью. «Все эти цветы, и письма, и лирические интермедии не стоят вовремя зачиненной рубашки» (из письма А. Бахраху от 25.07.23.) С другой — по мнению Тютчева, «использовать дружеские отношения для своих личных нужд — это все равно что кроить панталоны из холста Рафаэля».

До сих пор не решила, кто из них более прав. Наверное, все зависит от того, о ком идет речь, если о другом — то Цветаева, если о себе — то Тютчев.

Если любовь редко длится долго, то отличительной чертой дружбы является ее стабильность и долговременность, порой она длится на протяжении всей жизни. И если сохранить любовь не всегда во власти человека, как бы он сам ни любил, многое тут от него не зависит, то долгосрочность дружбы определяют личные качества людей, такие, как верность, искренний интерес к жизни друга, умение выслушать и поддержать в трудную минуту, прийти на помощь по первому зову.

Есть еще такое определение: **«Настоящий друг — это человек, которому можно позвонить в четыре часа утра».**



В свое время Владимир Высоцкий емко сформулировал понятие «дружба»: **«Когда можно сказать человеку все, даже самое отвратительное, о себе».**

«Другом является такой человек, с которым я могу быть искренним. В его присутствии я могу думать вслух», — писал Ралф Эмерсон.

«Друг — человек, который знает о нас все и тем не менее любит нас», — уверял Элберт Хаббард.

«Дружба — это когда с человеком хорошо просто так» (Юрий Нагибин).

Аристотель считал, что друзья есть то благо, которым в числе прочих должен обладать счастливый человек, целью дружбы он видел взаимное совершенствование в добродетели.

А афинянин из платоновского «Диалога» «Лисид» заявлял: «Я... желал бы иметь хорошего друга гораздо больше, чем самого лучшего в мире перепела или же петуха либо, клянусь Зевсом, коня или собаку...»

Павел Флоренский в «Письме одиннадцатом» под названием «Дружба» писал, что **«друг — это другое Я любящего»**, и отмечал «тихий, задушевный, нерассудочный характер чувства, но в то же время и не страстный, не импульсивный, не безудержный, не слепой и не бурный».

«Дружба — это постоянная константа, — утверждал Вильям Шекспир. — Сумей ее сохранить в работе и делах любовных, и станет она бесценным даром на всю жизнь... Что касается меня, то я считаю, что человек никогда не бывает настолько старым, чтобы не иметь возможности найти себе друга».

Омар Хайям считал дружбу важнее абстрактных идей борьбы за всеобщее счастье:

Чем за общее счастье без толку страдать —
лучше счастье кому-нибудь близкому дать.
Лучше друга к себе привязать добротой,
чем от пут человечество освобождать.

Мы не можем расставаться со своими друзьями, мы не можем позволить ангелам уйти...

Ты навсегда в ответе за всех, кого приручил

Оказываясь на земле, в безлюдной пустыне, Маленький принц встречает доброго и мудрого Лиса. В его лице мальчик обретает друга, которого так искал. Если Роза олицетворяет в сказке любовь, то Лис — это олицетворение



Дружбы. Он открывает Принцу мудрые истины, забытые людьми, учит понимать тайну человеческого сердца.

— Ты для меня пока всего лишь маленький мальчик, точно такой же, как сто тысяч других мальчиков. И ты мне не нужен. И я тебе тоже не нужен. Я для тебя только лисица, точно такая же, как сто тысяч других лисиц. Но если ты меня приручишь, мы станем нужны друг другу. Ты будешь для меня единственным в целом свете. И я буду для тебя один в целом свете...

Лис замолчал и долго смотрел на Маленького принца. Потом сказал:

— Пожалуйста... приручи меня!

— Я бы рад, — ответил Маленький принц, — но у меня так мало времени. Мне еще надо найти друзей и узнать разные вещи.

— Узнать можно только те вещи, которые приручишь, — сказал Лис. — У людей уже не хватает времени что-либо узнавать. Они покупают вещи готовыми в магазинах. Но ведь нет таких магазинов, где торговали бы друзьями, и потому люди больше не имеют друзей. Если хочешь, чтобы у тебя был друг, приручи меня!..

— Люди забыли эту истину, — сказал Лис, — но ты не забывай: ты навсегда в ответе за всех, кого приручил.

Наверное, нет человека, кто не знал бы этой мудрой и светлой сказки Экзюпери. Но не все знают, что у сказочного Лиса был прототип. Некоторые исследователи усматривают в этом персонаже прообраз знакомой автора — Ренэ де Соссин, которую, судя по письмам, Экзюпери воспринимал как духовно близкого человека.

Из письма Антуана де Сент-Экзюпери — Ренэ де Соссин
Аликанте, ноябрь 1926

Я и сейчас хорошенько не знаю, зачем пишу. Мне так нужен друг, которому я мог бы рассказывать о всех мелочах жизни. С которым мог бы поделиться. Сам не знаю, почему я выбрал вас. Вы такая чужая. Мои слова отскакивают от бумаги. Я уже не могу представить себе опущенные над моим письмом глаза, которые читали бы его и радовались моему солнцу, моим лакомствам, моим мечтам. Я пишу это письмо тихо-тихо, чтобы разбудить, не слишком веря, что мне это удастся. Может быть, я пишу самому себе...

Антуан де Сент-Экзюпери познакомился с Ренэ де Соссин, когда ему было восемнадцать лет; она была сестрой его школьного товарища. Он ей часто



писал в последующие годы, когда начал летать. Он был переполнен воспоминаниями, наблюдениями, мыслями и тосковал по умному, душевно-тонкому собеседнику. Антуан создал для себя в письмах образ «воображаемой подруги» — как создавал позднее образы героев и героинь романов и повестей.

«Выпрыгнув из самолета, я ничего не сказал. Мне ничего не было нужно, и мне казалось, что меня никто не поймет. Во всяком случае, не поймут самого главного. Того мира, куда мне контрабандой удалось заглянуть. Мира, из которого редко кому удастся вернуться, чтобы о нем поведать. Слова бессильны рассказать об этих полях, об этом ясном солнце. Как сказать: «Я понял поля, я понял солнце...»? И все-таки это было именно то самое. В течение нескольких секунд я во всей полноте пережил ослепительное спокойствие этого дня. Дня, построенного прочно, как дом, где я был у себя, где мне было хорошо и откуда меня едва не выбросили. Дня с его утренним солнцем, с его высоким небом, с землей, по которой кто-то мирно вышивал тонкие борозды. Какое сладостное ремесло!

Потом на улицах я встречал дворников, подметавших свою часть этого мира. Я был им за это благодарен. И сержантам, охранявшим порядок на своем участке в сто метров. Как мудро был устроен этот дом! Я вернулся, обо мне заботились, и я любил жизнь.

Вы не поймете этого, и никто не поймет. А я хотел бы заставить кого-нибудь понять. Почему вам безразлично все это?

Почему вы не слышите меня?..»

В своей будущей сказке-притче о Маленьком Принце, улетевшем на другую планету, Экзюпери выразил всю свою тоску об альтер эго, о своем втором я — друге, который понимал бы его с полуслова. На этой планете подобное было невозможным. «Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя?..»

«...И когда ты утетишься (в конце концов, всегда утешаешься), ты будешь рад, что знал меня когда-то. Ты всегда будешь мне другом. Тебе захочется посмеяться со мною. Иной раз ты вот так распахнешь окно, и тебе будет приятно... И твои друзья станут удивляться, что ты смеешься, глядя на небо. А ты им скажешь: «Да, да, я всегда смеюсь, глядя на звезды!» И они подумают, что ты сошел с ума. Вот какую злую шутку я с тобой сыграю...»

Антуан де Сент-Экзюпери, «Маленький принц»



ЗАКОН ПРОТЯНУТОЙ РУКИ

«Дружба такая же редкость, как и любовь. А знакомых... мне не надо» — писала Марина Цветаева. Притом, что она не признавала «мягкий хлеб дареной дружбы», сама она дарила свою дружбу с той же щедростью и безмерностью, что и любовь.

Она не только оставила нам живые портреты знаменитых поэтов-современников, запечатлев их в мемуарном слове, как в камне, с необыкновенной теплотой и нежностью, но и сотни исполненных искреннего восхищения писем, посвященных друзьям дивных гимнов поклонения и любви.

(А вот Ахматовой этого было не дано. Потребность ощущать себя королевой поэзии не допускала соперниц. Но и о тех немногих, кого любила — Петровых, Тарковском, Бродском — не оставила никаких благодарных воспоминаний).

Есть у Марины Цветаевой стихотворение, противоречащее ее утверждению, что она не приемлет замену (подмену) любви дружбой. Это ее знаменитое «Мне нравится, что вы больны не мной...»

Созданное в 1915 году, оно посвящалось гражданскому мужу ее младшей сестры Анастасии Маврикию Минцу. Марина тоже была равнодушна к этому человеку, но из любви к сестре не могла переступить грань дозволенного и открыто признаться в своих чувствах чужому мужчине. Так появляется на свет ее поэтическая исповедь «Мне нравится, что вы больны не мной...», адресованная человеку, с которым ей не суждено быть вместе.

Было ли это чувство не так сильно, как другие ее влюбленности и страсти, сметающие все преграды на пути, или Минц не испытывал к Марине ничего, кроме дружеской симпатии, но стихотворение это стоит особняком в любовной лирике Цветаевой, ибо впервые она воспевает в нем не любовь, но дружбу, убедительно, хотя, может быть, и чуть лукаво доказывая ее преимущества.

Доверительный диалог с главным лирическим героем начинается с парадоксального утверждения, что героиня рада тому, что ее не любят. «Мне нравится, что вы больны не мной». Сердца героев заняты другими людьми, что обоим устраивает и дает гарантию спокойного общения, не грозящего перейти в более близкое («и никогда тяжелый шар земной не уплывет под нашими ногами»).

Свободные от грешных плотских чувств и побуждений, они вольны вести себя как заблагорассудится: рискованно шутить, веселиться и даже спокой-



но относиться к случайным телесным контактам: «и не краснеть удушливой волной, слегка соприкоснувшись рукавами». Хотя все эти убаюкивающие уверения в невозможности любых отношений, кроме дружеских, и демонстрация их душевного комфорта в связи с этим, перечеркивается одним словечком «увы»: «За то, что Вы, увы, больны не мной, за то, что я, увы, больна не Вами». Да, за этим «увы» сквозит некое сожаление, угадывается вздох героини, но в целом цветаевское воспевание дружбы в этом стихотворении очень убедительно, полно очарования и неизъяснимой прелести.

В письме А. Тесковой Марина с горечью признавалась: «Меня не любили. Так мало! Так — вяло! По-мужски не любили...» А в поэме «Тезей» она пишет:

«Любят — думаете? Нет, рубят! Так! нет — губят! нет — жилы рвут! О, как мало и плохо любят! Любят, рубят — единый звук Мертвенный! И сие любовью Величаете? Мыщ игра — И не боле! Бревна дубовей! И топорнее топора».

Она понимала любовь по-другому. Из письма Петру Юркевичу: «Мне не нужно любви, мне нужно понимание. Для меня это — любовь. Я могу любить только человека, который в весенний день предпочтет мне — березу. Это моя формула».

При всем том, что Цветаева «вся — любовь!», в ее любви мало женского, мало пола, как ни странно это может показаться. Ей всегда была свойственна жажда любви всечеловеческой, братской, жажда понимания, душевного тепла и родства.

Что для ока — радуга,
Злаку — чернозем —
Человеку — надоба
Человека — в нем.

Мне дожди и радуги
И руки — нужней
Человека надоба
Рук — в руке моей.

Не мужчины — человека! Это формула дружбы. В традиционной любви мужчины и женщины есть что-то от «поединка рокового», от «рубки дров» (вспомним у Маяковского: «любить — это значит... блестя топором, рубить дрова, силой своей играючи»), Марине нужно другое: распахнутость души, бескорыстная радость дружеского союза.



Есть у меня моих икон
Ценней — сокровище.
Послушай: есть другой закон,
Законы — кроющийся.

Пред ним все клонятся клинки,
Все меркнут яхонты.
Закон протянутой руки,
Души распахнутой.

(«Чужому»)

Зинаида Шаховская, общавшаяся с Мариной Цветаевой в 1936 году во Франции, писала: «Я не встречала из выступающих перед публикой никого более свободного от желания понравиться. В частной жизни у МЦ тоже было полное отсутствие женского шарма. То, что можно было назвать «бабьим», в ней не было ни крошки. Ни хитрости, ни лукавства».

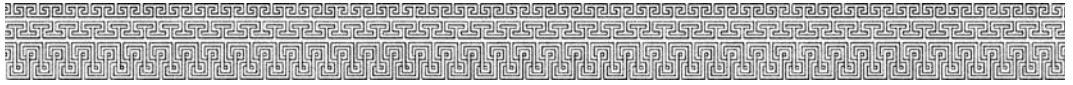
В ее личности было что-то скорее мужское, чем женское — сила, честность, мужество, душевный размах.

Есть в стане моем — офицерская прямоть,
Есть в ребрах моих — офицерская честь.
На всякую муку иду не упрямясь.
Терпенье солдатское есть!

Ей нужен был тот, кто стал бы вровень с ее душой, кто платил бы ей той же неразменной чистой монетой. В любви часто неравноправие, один сильнее, другой уязвимее, один любит, другой позволяет себя любить, в дружбе же все по-честному, по заслугам, там нет нужды ни в хитрости, ни в шарме, ни в жалких женских уловках, сколько отдаешь — столько получаешь. Цветаева по натуре, по природе своей была скорее Другом в любви, чем любовницей.

Не любовницей — любимицей
я пришла на землю нежную.
От рыданий не поднимется
грудь мальчишечья моя.





Если я к руке опущенной
ртом прильну — не вздумай хмуриться!
Любованье — хлеб насущный мой.
Я молитву говорю.

Попав в юности впервые в искреннюю и теплую атмосферу волошинского дома, Цветаева с благодарностью писала потом: «Максу я обязана крепостью и открытостью рукопожатия и с ним пришедшего доверия к людям».

Благодаря Волошину Марина обрела многих новых друзей. Об этом его призвании «сводить людей, творить встречи и судьбы» она не раз с благодарностью вспоминала спустя годы (Очерки «Живое о живом» — о Волошине, Бальмонте, Белом, Мандельштаме)

Творя героев своих романов, Цветаева не считалась с их истинной природой — все затмевали несколько слов, показавшихся созвучными ее душе. По ним создавался образ человека: брата по духу, родного в помыслах, единомышленника в отношении к миру. Эти сотворенные ею образы часто оказывались далеки от оригинала, но любила она их по-настоящему, радовалась и горевала, каждому готова была отдать всю себя. «Я хотела бы друга на всю жизнь и на каждый час (возможность каждого часа), — писала она. — Кто бы мне всегда, даже на смертном одре, радовался».

Наконец-то встретила
надобного мне.
У кого-то — смертная
надоба во мне...

Увы! Это была иллюзия. Такого она так и не встретила.

СВИРЕПЕЙ ДРУЖБЫ В МИРЕ НЕТ ЛЮБВИ

Кто-то из близко знавших Беллу Ахмадулину сказал однажды, что для нее дружба важнее любви. В какой-то мере это так, мужчина и женщина в ее стихах связаны не любовными узами, а прежде всего дружескими, возведенными поэтом в ранг самых таинственных и сильных.

Яркий тому пример — ее стихотворение «Сон», адресованное бывшему мужу Евгению Евтушенко. Несмотря на то, что прежние чувства их уже дав-



но не связывали, у обоих были другие семьи, он по-прежнему оставался ее другом, и это было свято, это чувство было выше и сильнее любви.

Наскучило уже, да и некстати
о знаменитом друге рассуждать.
Не проще ль в деревенской благодати
бесхитростно писать слова в тетрадь —

при бабочках и при окне открытом,
пока темно и дети спать легли...
О чем, бишь? Да о друге знаменитом,
Свирепей дружбы в мире нет любви.

А дальше она рассказывает свой сон:

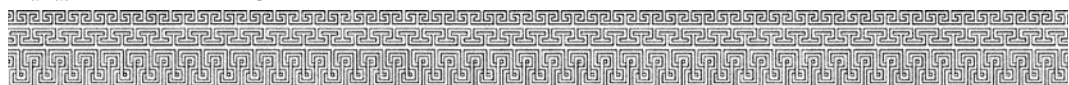
Зачем он был так грозно вероятен?
Тому назад лет пять уже иль шесть
приснилось мне, что входит мой приятель
и говорит: — Страшись. Дурная весть.

— О нем? — О нем. — И дик и слабоумен
стал разум. Сердце прервалось во мне.
Вошедший строго возвестил: — Он умер.
А ты держись. Иди к его жене. —

Глаза жены серебряного цвета:
зрачок ума и сумрак голубой.
Во славу знаменитого поэта
мой смертный крик вознесся над землей.

Домашние сбежались. Ночь крепчала.
Мелькнул сквозняк и погубил свечу.
Мой сон прошел, а я еще кричала.
Проходит жизнь, а я еще кричу.





О, пусть моим необратимым прахом
приснюсь себе иль стану наяву —
не дай мне бог моих друзей оплакать!
Все остальное я переживу.

Культ дружбы Ахмадулина воспевала с неистовой страстью и силой. Ее сокровенные слова любви и верности поэтам-товарищам, когда не «Платон мне друг, но...», а: «...все это так. Но все ж он мой товарищ. А я люблю товарищей моих!»

Когда моих товарищей корят,
я понимаю слов закономерность,
но нежности моей закаменелость
мешает слушать мне, как их корят...
Да будем мы к своим друзьям пристрастны!
Да будем думать, что они прекрасны!
Терять их страшно, бог не приведи!

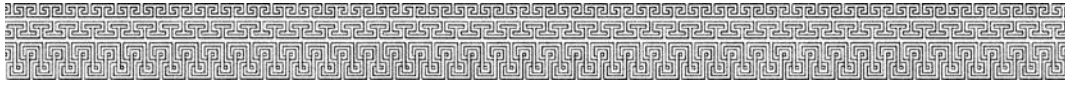
Ее любили помимо всего прочего еще и вот за этот щедрый дар дружбы и бескорыстного восхищения. И как мерзко после всего этого читать злобно-завистливые строки Ю. Мориз в ее адрес: «Я с гениями водку не пила и близко их к себе не подпускала...» Ну при чем здесь это?!

Белла в жизни была гораздо жизнестойчивей, жестче, чем это может показаться по ее утонченным стихам. Одним из первых это понял Антокольский, назвав ее дарование «недюжинным, по-мужски сильным». Сам склад ее ума скорее мужской — пронизательный и трезвый. Она совершенно лишена слезливой сентиментальности. В ее стихах удивительное — вопреки реальным обстоятельствам жизни — отторжение от всего женского.

То есть с одной стороны — она всегда знала, чего должна желать женщина, и с некоторой самоиронией писала об этом:

Хочу я быть невестой,
красивой, завитой,
под белою навесной
застенчивой фатой.





Но она понимала, что это не ее удел:

Завидна мне извечная привычка
быть женщиной и мужнею женою,
но уж таков присмотр небес за мною,
что ничего и этого не вышло.

Порой она бунтует против своего призвания, вступающего в противоречие с извечной женской природой:

Довольно мне чудовищем бесполым
тому быть братом, этому — сестрой,
то враждовать, то нежничать с глаголом,
пред тем как стать травой и сосной.

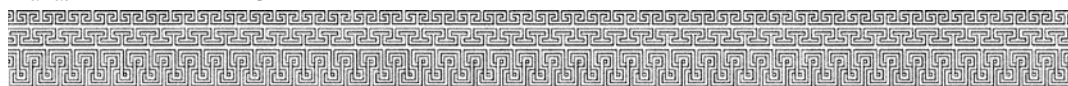
Но только здесь, в таком творческом состоянии отступает от ахмадулинской героини вечное чувство сиротства, душа наполняется радостью, свободой и бесстрашием перед судьбой:

Давайте, давайте кружиться всегда,
и все, что случится, — еще не беда,
ах, господи боже мой, вот вечеринка,
проносится около уха звезда,
под веко летит золотая соринка...
Проносимся! И посреди тишины
целуется красное с желтым и синим,
и все одиночества душ сплочены
в созвездье одно притяжением сильным.

Невольно вспоминается Окуджава:

Давайте восклицать, друг другом восхищаться.
Высокопарных слов не стоит опасаться.
Давайте говорить друг другу комплименты —
Ведь это все любви счастливые моменты...





Давайте понимать друг друга с полуслова,
Чтоб, ошибившись раз, не ошибиться снова.
Давайте жить, во всем друг другу потакая,
Тем более что жизнь короткая такая.

У Окуджавы в стихах тоже культ дружбы. Он, человек в общем довольно жесткий, холодный, сдержанный, в обращении к друзьям находит удивительно теплые и нежные слова, каких мы не встретим в его довольно редкой любовной лирике.

Виноградную косточку в теплую землю зарюю,
И лозу поцелую, и спелые гроздья сорву,
И друзей созову, на любовь свое сердце настрою.
А иначе, зачем на земле этой вечной живу.
Собирайтесь-ка, гости мои, на мое угощенье,
Говорите мне прямо в лицо, кем пред вами слыву.
Царь небесный пошлет мне прощение за прегрешенья.
А иначе, зачем на земле этой вечной живу.

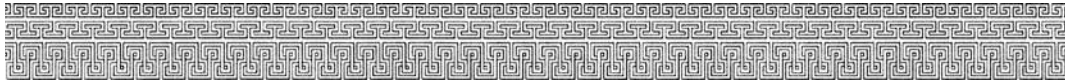
Бросается в глаза строка: «говорите мне прямо в лицо, кем пред вами слыву», несколько противоречащая прежнему призыву говорить друзьям комплименты. Здесь — о другой прерогативе дружбы: говорить в глаза правду, быть с друзьями бесстрашно искренним и беспощадно откровенным, (как писал Высоцкий, «дружба — когда можно сказать человеку все, даже самое отвратительное, о себе»).

Белла относилась к Булату с дружеской нежностью, у нее немало посвященных ему строчек:

А вчера колокольчик в полях дребезжал.
Это старый товарищ ко мне приезжал.
Зря боялась — а вдруг он дороги не сыщет?
Говорила: когда тебя вижу, Булат,
два зрачка от чрезмерности зренья болят,
беспорядок любви в моем разуме свищет.

(«Зимняя замкнутость»)





Стихов о любви, которых было немало в первом ахмадулинском сборнике «Струна» (1962), в более поздних книгах просто нет: там Белла окончательно обретает и закрепляет за собой статус «божественного кореша», как назвал ее Вознесенский. И делает это не только с помощью прямых деклараций, но и характерных деталей, изображая свою героиню смешной или неуклюжей, чтобы нейтрализовать пол: дабы не мешал, не вмешивался в отношения с миром.

В час осени крайний — огонь погасить
и вдруг, засыпая, воспрянуть догадкой,
что некогда звали тебя погостить
в доме у художника, там, за Таганкой.
И вот, аспирином задобрив недуг,
напялив калоши, — скорее, скорее
туда, где, румяные щеки надув,
художник умеет играть на свирели...

И если Ахматова разработала «поэтику несчастной любви», то Ахмадулина — поэтику дружбы, разработала поэтику ее клятв и заповедей, ее вещей снов, ее встреч и разлук.

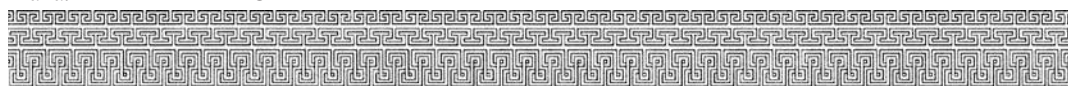
По улице моей который год
звучат шаги: мои друзья уходят...

В 2000 году у Беллы Ахмадулиной вышел поэтический сборник «Друзей моих прекрасные черты», состоящий из длинного ряда посвящений друзьям, ушедшим и живущим, и из стихов памяти великих, от Пушкина и Лермонтова до Мандельштама, Цветаевой, Пастернака. В любви для нее нет преград во времени и пространстве. «Что мальчик мой, великий человек?..». «А я его кормлю // огромной сладостью и плачу...»

Ахмадулина широко раздвигает горизонты понятия «любовь», вмещая в него по своей системе координат и добро, и бескорыстие, и дар понимания, чистоту помыслов, совесть...

Я вас люблю без меры и стыда!
Как небеса, круглы мои объятия.





Мы из одной купели. Все мы братья.
Мой мальчик Дождь! Скорей иди сюда!

«Дружество в особом смысле слова указано, завещано нам Пушкиным, — говорит Белла. — ... Я по мере жизни не утратила ощущения моей кровной соотнесенности с теми, кого я могу называть своими друзьями, своими товарищами. Но это совершенно не значит, что мы каждую минуту видимся, в обнимку сидим на завалинке или там на диване... Моя верность в дружбе была испытана в некоторых суровых обстоятельствах...»

Когда Ахмадулина наотрез отказалась подписывать письмо, осуждающее присуждение Борису Пастернаку Нобелевской премии, ее лишили студенческого билета, мотивировав исключение из Литинститута «скверной неуспеваемостью по общественным дисциплинам» («у нашей преподавательницы по диамату, — говорила она, — был диабет, и я постоянно путала одно с другим...»).

Преподнося в подарок Высоцкому свой стихотворный сборник «Уроки музыки», Белла написала: «Володе Высоцкому с просьбой располагать моей дружбой и приязнью. 1969 год».

Дружба для нее, как и для Высоцкого, была наиглавнейшей ценностью.

«Я имела счастье числиться в его товарищах», — с гордостью не раз повторяла она.

Я БЫЛА ВАМ ХОРОШИМ ТОВАРИЦЕМ...

Как-то Татьяну Бек спросили:

— Как выглядит Ваша Муза?

Она ответила:

— Моя Муза — это сильная женщина в мужском пальто.

И — позже — в стихах:

То ли сполох огня, то ли радуга,
то ли муза в мужском пальто.
Я не вашего поля ягода.
Я не ягода. Я не то...



Да, она тоже, как и Цветаева, и Ахмадулина была далека от традиционного образа женщины, и «мужское пальто» в данном случае символизирует силу и мощь ее поэтического дара, не укладывающегося в рамки пресловутой женской лирики.

Главных дел — неисполненный список.
И сутулится жизнь, как швея.
Хоровод напмаженных кисок,
Не приманивай, я не твоя!

Мне ходить в одиночку по краю,
Разрезая фонариком ночь.
А когда я в работу ныряю
С головою — спасателей прочь.

Да, согласна: тяжелые глуби
Не для ласково скроенных глаз.
Но, стихию толкущая в ступе,
Я порою счастливее вас.

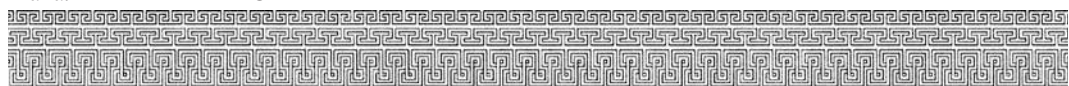
Подобно Цветаевой, Татьяна Бек была свободна от желания нравиться, внешностью или поэзией.

О неприкаянности срам!
Ходить в невероятной шляпке,
И шляться по чужим дворам,
И примерять чужие тапки...

Вам, безусловно, невдомек,
Что за нелепая фигура —
В руке цветок, в другой кулек —
Стоит на лестнице понуро?

А это — я. Я вас люблю!
Но, чтобы не казаться лишней,
Лишь сообщу, что — по рублю
На улице торгуют вишней...





...Нахлобучу верблюжий капор,
Опрокину хмельной стакан.
— До свидания, Божий табор.
Я была из твоих цыган.

«Нахлобучу верблюжий капор», «что за нелепая фигура»... Как это похоже на ахмадулинское «напялив калоши, скорее, скорее...», на цветаевское «другие с очами и личиком светлым, а я-то ночами беседую с ветром... Небось не растаешь, одна мол семья! Как будто и вправду не женщина я!» Опять этот пол, как он им мешает в диалоге с ветром, в отношениях с миром! Это невольное желание нейтрализовать его, вынести за скобки своей музы говорит отнюдь не о мужеподобии этих прекрасных женщин-поэтов, а об их человеческом и поэтическом масштабе, о том, что в них выше и больше «женскости». Поэтому и здесь вместо ожидаемых любовных определений и эпитетов в лирике мы чаще встречаем прекрасное изначально и скомпрометированное эпохой слово «товарищ»:

Вы, кого я любила без памяти,
Исподлобья зрачками касаясь,
О любви моей даже не знаете,
Ибо я ее прятала. Каюсь.

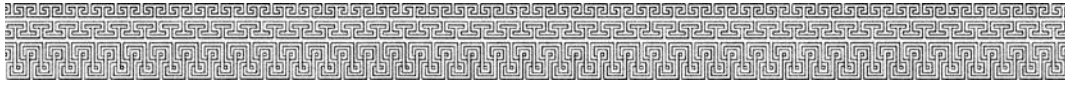
В этом мире — морозном и тающем,
И цветущем под ливнями лета,
Я была вам хорошим товарищем.
Вы, надеюсь, заметили это?

Вспоминайте с улыбкой, не с мукою,
Возражавшую вам горячо,
И повсюду ходившую с сумкою,
Перекинутой через плечо.

Татьяна Бек не пережила предательства друзей. Это разочарование стало для нее смертельным.

— Скажи, когда меня не станет, им станет стыдно? — допытывалась она у близкой подруги.





— Им нет, но нам, твоим друзьям станет плохо...

Стольких поэтов убила неразделенная любовь, «лодка, разбитая о быт»... Татьяна Бек стала первой, которую убило разочарование в друзьях, предательство тех, кому она была верным и хорошим товарищем, посмевающим сказать им в глаза правду о их неправоте.

ИСТОРИЯ О ДРУЖБЕ, КОТОРАЯ СИЛЬНЕЕ И КРЕПЧЕ ЛЮБВИ

«Маленькая жизнь» Ханьи Янагихары — во многом типичная американская книга.

Хотя многие считают ее гей-манифестом, сама писательница таковой ее не считала. Это просто рассказ о жизни, где нетрадиционные сексуальные отношения существуют как данность и кажутся вполне даже обычными и традиционными.

Такова позиция писательницы, с ней можно не соглашаться, не принимать, но роман этот, несомненно, необычайно сильное произведение, которое никого равнодушным не оставляет.

История четырех друзей – художника Джей-Би, юриста Джуда, архитектора Малкольма и актера Виллема – начинается здесь как классическая история про юношескую дружбу на всю жизнь, эдакий современный парафраз вечного сюжета о мушкетерах, таких разных, но при этом таких неразлучных. Однако после сотой страницы роман внезапно ускорится и начнет тугой петлей затягиваться вокруг двух по-настоящему главных героев – Виллема и Джуда. И тут, сходясь в том, что роман мучителен и прекрасен, дальше почти все люди, пишущие и говорящие о «Маленькой жизни», расходятся. Для кого-то – это книга о том, что всей любви мира не хватит на то, чтобы залечить травму, нанесенную в детстве. Для кого-то – brutalный мужской гей-роман с жестью и кровью. Для кого-то – история преодоления и возможности счастья при любых обстоятельствах, для кого-то – рассказ про художника и парадоксы творчества, про математику и ее связь с реальностью... Каждый видит в этой книге свое, для каждого это роман о чем-то ему близком.

Для меня эта книга — прежде всего история про любовь и дружбу, а еще про то, что граница между ними зыбка и неопределенна. Мне очень дорога эта линия — любви Виллема к Джуду, это какая-то святая любовь, как у матери к ребенку. История их взаимоотношений захватывает, зачаровывает,



потрясает. Это настоящий учебник жизни, какой должна быть эта дружба-любовь в идеале. Не важно, бывает так или не бывает. Это книга о безмерном страдании и сострадании. О том, как надо ценить, беречь и лелеять близкого человека, как помогать ему, спасать, жить им, помнить.

Янагихара — одиночка по жизни. Она заявляет, что не хочет заводить семью, детей. Но у нее есть друзья. Роман «Маленькая жизнь» она с любовью посвятила своему лучшему другу Джареду Холту: «Он не только самый благородный, страдающий, прощающий и упрямо моральный человек, которого я знаю, он еще и подарил мне великий дар переосмысления дружбы и ее границ. Его дружба и наши обсуждения того, что такое дружба, так повлияли на эту книгу, что с философской точки зрения я считаю его соавтором». Ханья уверяет, что писала книгу лишь для двоих — для себя и Холта.

Читатели спорят, является ли «Маленькая жизнь» романом о любви или о дружбе. Истина, судя по всему, где-то посередине:

«Теперь они придумывают свой собственный тип отношений, который официально не признан историей, о котором не сложили стихов и песен, но который не стреноживает их, позволяет быть честными».

Из эпилога о романе:

«И в самом деле, может быть, со времен “Трех мушкетеров” не было романа, где любовь так бесцеремонно оттеснялась бы на задний план, где бы не было ничего важнее товарищества четырех очень разных мужчин, их неколебимой преданности друг другу — Атос, Портос, Арамис, Д’Артаньян. Виллем, Джей-Би, Малкольм, Джуд».

Цитата из книги:

«... Мне кажется, единственная хитрость дружбы – это найти людей, которые лучше тебя – не умнее, не круче, а добрее, благороднее, снисходительнее, – и ценить их за то, чему они тебя учат, и прислушиваться к ним, когда они говорят что-то о тебе, какими бы ужасными – или прекрасными – ни были их слова, и доверять им, а это труднее всего. Но и прекраснее всего тоже».



Нина Краснова — известный поэт «потерянного поколения». Родилась в Рязани. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького (семинар Евгения Долматовского). Печаталась в журналах «Юность», «Москва», «Новый мир», «Октябрь», «Дружба народов», «Время и мы», «Наша улица», «Дети Ра», «Зинзивер», «Крещатик» и др., в альманахах «Поэзия», «День поэзии», «Истоки», «Кольцо А», «Муза», «Золотое руно», в коллективных сборниках и антологиях, включая «Русская поэзия. XX век», «Русская поэзия. XXI век», «Жанры и строфы современной русской

поэзии», и во всех европейских странах бывшего соцлагеря, а также в США, Израиле, Франции, Италии, Норвегии, Индии, Китае, Эфиопии и многих других. Автор семнадцати книг стихов и эссеистической прозы.

Член СП Москвы, СП XXI века и Русского ПЕН-Клуба. Принцесса поэзии «МК» и королева эротической поэзии России. Член Приемной комиссии СП Москвы, редсовета журнала «Юность». Основатель и главный редактор альманаха «Эолова арфа». Лауреат Артиады народов России, премии им. Николая Рубцова «Звезда полей», премии им. Анны Ахматовой и спецприза Фонда им. Андрея Вознесенского «За талант», а также премии Де Ришелье «Изумрудный Дюк». С 1992 года живет в Москве.

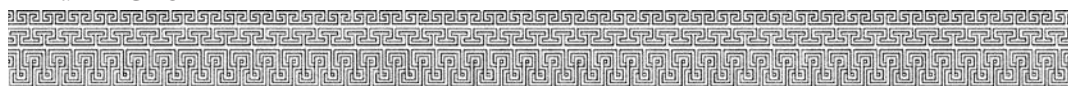
В издательстве «Вест-Консалтинг», в новой серии — «СВЛ» — «Судьбы выдающихся людей» готовится к выходу в свет книга Нины Красновой «Золотой самородок из Хасаута-Греческого» — о драматической жизни уникального певца и композитора Анатолия Шамардина, инязовца, филолога, полиглота, солиста оркестра Леонида Утесова и Росконцерта. Книга состоит из историй от Анатолия Шамардина, великолепного рассказчика, и из историй о нем и посвящена 80-летию со дня его рождения и 4-летию со дня ухода в мир иной. Предлагаем читателям некоторые страницы этой книги.

«ДА СКОЛЬКО ЖЕ ВАМ ЛЕТ?!»

Нина Краснова: Толя, когда ты говоришь, что работал в оркестре Леонида Утесова, многие удивляются и спрашивают: «Да сколько же вам лет?»

Анатолий Шамардин: Да, все думают, что я работал там с самого его основания, с 30-х годов, и что, значит мне, по меньшей мере, лет 95. Удивляются





и говорят, что я хорошо сохранился... Одна радиокорреспондентка делала со мной передачу по радио и, когда я сказал, что работал в оркестре Утесова, она прямо в прямом эфире воскликнула: «Да сколько же вам лет, Анатолий Викторович?!» — Тоже подумала, что я работал там в 30-е годы и очень удивилась этому. Но я работал в оркестре Утесова не в 30-е, а в 70-е годы.

ПЯТЬ НЕЗАКОННЫХ КВАРТИР

Анатолий Шамардин:

Много лет я жил в Москве, не имея своего жилья, и сильно бедствовал. И вот однажды сотрудник высокой инстанции вызвал меня к себе в кабинет, и как-то так подозрительно и разоблачительно глядя на меня, сказал:

— Анатолий Викторович, к нам поступили сведения о том, что вы имеете — Неужели?! — искренне удивился я, аж подпрыгнув на стуле. — А почему же я ничего не знаю об этом — о том, что у меня, оказывается, столько недвижимости?

— Вы хотите сказать, что наши сведения не верны? Но мы точно знаем, что у вас в Москве пять квартир, — морально загоняя меня в угол и прижимая к стенке, продолжал он.

— Тогда знаете что? — предложил я ему, как бы заключая с ним компромисс. — Давайте сделаем так. Одну из этих пяти квартир вы оставляете мне, только назовите мне адрес, где она находится, а четыре других забирайте у меня, я с радостью подарю их нашему государству...

)))

(Чувство юмора никогда не изменяло Толе Шамардину... — Н. К.)

P. P. S.

Анатолий Шамардин: «Верные» сведения о пяти моих незаконных квартирах, естественно, не подтвердились. И я до сих пор не знаю, откуда они взялись, кто предоставил их в высокую инстанцию, какой юморист».

P. S.

Свою квартиру в Москве, а точнее в Химках Московской области, Анатолий Шамардин получил от государства через много лет после этого, в 80-х годах, по болезни, когда попал в автоаварию... Но это уже другая история. — Н. К.



**«ДА У НАС ДАЖЕ ПУГАЧЕВА НЕ ИМЕЕТ ТАКОЙ В
ЫСОКОЙ СТАВКИ — 18 РУБЛЕЙ ЗА КОНЦЕРТ!»**

1.

У Анатолия Шамардина всегда были самые прекрасные отношения со своей публикой, а с худсоветами и чиновниками от искусства — мягко говоря, не очень. Публика обожала его и принимала на «ура», а они — наоборот — недолюбливали его, и всегда старались вставить ему палки в колеса, задвинуть его куда-то в тень. Не все, но некоторые самые заофициальные из них, от которых зависела его судьба артиста. Они ограничивали число его сольных концертов, чтобы он не мог заработать много денег. И очень долго держали его на низкой ставке, которая составляла 8 рублей.

И вот Толя решил пройти аттестацию, чтобы получить самую высокую ставку, которую он заслуживал по праву, 18 рублей за сольный концерт.

Эту аттестацию он проходил в Гнесинке. Там собрался полный зал зрителей, и присутствовали все члены худсовета Московской филармонии, во главе с певицей Геленой Великановой. Он выступил с большим успехом! И покорила всех зрителей и даже большую часть худсовета, но долго не мог получить от филармонии документы о том, что он прошел аттестацию. Тогда в это дело вмешался председатель партгосконтроля, он позвонил Великановой и поинтересовался у нее:

— Гелена Марцелиевна, такой-то артист проходил у вас аттестацию? Анатолий Шамардин?

— Да, — сухо ответила она. — Но он не спел ни одной песни гражданского звучания. Представляете? Ни одной песни гражданского звучания он не спел!

— Простите, Гелена Марцелиевна, я спрашиваю Вас не об этом, а о том, прослушивался ли у Вас артист Анатолий Шамардин?

— Да! Но он не спел ни одной песни гражданского звучания! И я была категорически против того, чтобы ему повысили ставку!

— Я понимаю, вы были против. А как остальные члены худсовета?

— Остальные, к сожалению, были «за»! Это возмутительно! Он же не спел ни одной песни на гражданскую тему, даже о войне не спел! Понимаете? Ни одной песни гражданского звучания он не спел!

— Вы заколебали меня своим «гражданским звучанием», Гелена Марцелиевна! — начиная терять терпение и выходить из себя, сказал председатель парт-



госконтроля. — Я спрашиваю — прослушивался ли у вас артист Анатолий Шамардин? И проголосовал ли худсовет за то, чтобы повесить ему ставку?

— Да, но...

— Вот это мне и требовалось услышать от Вас. Спасибо! — и председатель госпартконтроля повесил трубку.

КОММЕНТАРИЙ Анатолия Шамардина:

«— Этот председатель госпартконтроля, большой чиновник, оказался нормальным и адекватным человеком и на удивление оперативным, не стал откладывать мое дело в долгий ящик, — сказал мне Толя Шамардин, когда рассказывал историю о своем прохождении аттестации. — А Великанова оказалась полной дурой со своим «гражданским звучанием», и она этим своим «гражданским звучанием» вывела из себя даже председателя госпартконтроля...

— Толь, да у нее у самой-то не было песен с «гражданским звучанием», или их было не так уж много... «Над курганом ураганом, все сметая, война пронеслась»...

— Лучше всего ей с ее тонким, кокетливым голосом удавались как раз не эти песни, а лирические, «Да, Мари всегда мила, всех она с ума свела...».

— И «Рулатэ, рула...» («Если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло»)... И «Ландыши»...».

(Но именно за песни гражданского звучания она получила звание заслуженной артистки Бурятской АССР, а потом РСФСР, почему, наверное, и требовала такого репертуара и от других, чтобы не зря носить свои звания. А в 1992 году она добилась и звания народной артистки РСФСР, правда, когда уже сорвала и потеряла свой тонкий голос, не из-за этих ли самых песен «гражданского звучания», которые были ей не по голосу?)

2.

Второй раз Толя Шамардин проходил аттестацию, прослушивался уже не в Гнесинке, а в телевизионном центре на «Семеновской», в великолепном Доме культуры. Там присутствовал заместитель министра культуры Александр Васильевич Кочетков.

Толя поделился со мной своими воспоминаниями об этом через много лет, причем рассказывал он мне все это со смехом и юмором, хотя тогда, много лет назад, ему было не до смеха и не до юмора:



— Когда Кочетков узнал, что я хочу получить ставку артиста 18 рублей за концерт, то возмущенно заорал на меня: «Да вы что? У нас даже Пугачева не позволяет себе такой наглости — просить ставку в 18 рублей! Да кто вы такой? Вы что — поете лучше Пугачевой и лучше артистов Большого театра? У нас даже они не имеют такой высокой ставки!».

...В конце концов Толя все же получил эту ставку. Потому что и мир чиновников — не без добрых людей, и среди них есть люди, которые разбираются в искусстве и умеют ценить все по-настоящему хорошее, по-настоящему ценное¹.

АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН И ЗАРА ДОЛУХАНОВА

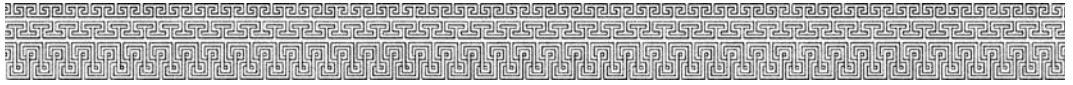
Очень хорошую роль в жизни Анатолия Шамардина сыграла Зара Долуханова² — советская, российская, армянская певица, лауреат Сталинской и Ленинской премий, народная артистка СССР. Когда худсовет решал судьбу Анатолия Шамардина и кое-кто из авторитетных тогда членов этой строгой комиссии был против того, чтобы Анатолию повысили ставку артиста с 8-ми рублей до 18-ти, Зара Долуханова вступилась за Толю, защитила и поддержала его, поднялась со своего места и сказала при всех:

— Да неужели вы, музыкальные специалисты, не слышите, как поет этот молодой певец? Неужели не слышите, какой изумительно прекрасный, чудесный, легкий, воздушный у него голос, с какими нежными вибрациями, с какими обертонами? Неужели вам всем слон на ухо наступил? Петть так, как он поет, не научит ни одна консерватория... Он певец милостью Божьей. Ни с кем не сравнимый. У нас в нашей эстраде и нет таких вторых, как он. Таких надо поддерживать в первую очередь. Он заслуживает самой высокой ставки артиста! И много чего еще, а не только этой ставки. А вы сидите и думаете, давать ему ее или нет.

¹ Недавно одна совершенно безголосая певица, возомнившая себя «звездой», получила за свое выступление в каком-то ресторане 250 тысяч рублей и собирается подавать в суд на хозяина этого ресторана, потому что считает, что он должен был заплатить ей 600 тысяч... Такие «гонорары» нашему русско-греческому певцу мирового уровня Анатолию Шамардину даже во сне не снились. — Н. К. 17 марта 2017 г.

² **Зара Долуханова** (Заруй Агасьевна Макарьян/Макарьян, в замужестве — Долуханьян) родилась в Москве, в 1918 году, умерла там же, в 2007-м, в 89 лет. Похоронена на Армянском кладбище в Москве. Царствие ей Небесное! — Н. К.





Горячая речь Зары Долухановой сняла с повестки дня вопрос: давать или не давать Толе Шамардину его ставку. Он получил ее.

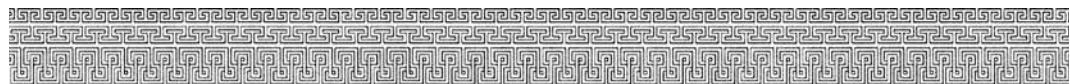
ВЗЯТКИ

Нина Краснова: — Толя, а правда, что в советское время некоторые певцы давали взятки высокопоставленным чиновникам, чтобы получить сольное отделение в концерте или работу в хорошем месте или, так сказать, продвижение по службе?

Анатолий Шамардин: — Правда, но я тогда был такой наивный, что не догадывался об этом. Один такой чиновник даже намекал мне, что он может помочь мне с работой (а следовательно и с пропиской) в Москве, если я дам ему определенную сумму. Но я только теперь, спустя почти двадцать пять лет, понял, что он намекал мне на это... Я тогда хотел зацепиться за Москву, обосноваться здесь, болтался без квартиры, без постоянной прописки и без работы. Сильно бедствовал. И решил устроиться в ресторан «Москва», петь. Думаю: поработаю там пока, временно, работать-то где-то надо, жить-то на что-то надо, пока я найду что-то другое, получше. Прихожу я в так называемый МОМА — в Московский отдел музыкальных ансамблей. К директору... Фамилия у него была такая — Гераус, царство ему небесное. Прихожу я к нему и говорю так смиренно: «Меня согласны взять на работу в замечательном ресторане, петь...». Он спрашивает: «В каком ресторане?» — «В ресторане «Москва», — отвечаю. — Музыканты меня там любят... Они согласны работать со мной. Разрешите мне работать там, назначьте мне какой-нибудь оклад, минимальный... чтобы мне было на что жить. Ребята не возражают». Он посмотрел на меня и сказал: «Ну-у... вы знаете... я бы с удовольствием. Пожалуйста. Вы можете там работать. Но, понимаете... Вы вот сейчас выйдете из моего кабинета, а все скажут: «Он Гераусу шестьсот рублей дал, чтобы Гераус разрешил ему работать в ресторане «Москва». Я: «Да нет! Почему? Никто так не подумает...». А он: «Ну как же? Все обязательно скажут, якобы ты мне шестьсот рублей дал...». Это он, значит, культурно намекал мне, сколько я должен ему дать. Он несколько раз это повторил. А я, дурак, ничего не понял. Знай твердил: «Да что вы! Да никто ничего не подумает... Да я никакую взятку вам давать не собираюсь. У меня и денег-то нет». Я такой стеснительный был — боялся, что сам Гераус¹ и подумает, будто

¹ Прошлым летом я брала интервью у народной артистки Татьяны Рубиной у нее





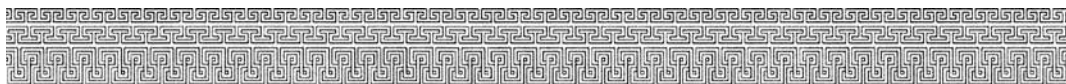
я хочу ему взятку дать. А он, оказывается, только этого и ждал. А я этого не понял тогда. До меня это только теперь дошло, как до жирафа на трети сутки... Теперь-то у нас никакая взятка за взятку не считается, а считается чем-то другим, компенсацией за труд, благодарением. А тогда это считалось взяткой. И, оказывается, многие советские певцы, которые чего-то добились и сумели сделать себе карьеру, они, оказывается давно, тогда еще смекнули: а почему бы не заплатить человеку за то, что он поможет тебе, талантливому певцу, обойти кое-какие препятствия на твоём пути, подводные рифы и выйти к своим слушателям и сделает тебя состоятельным артистом? И давали взятки, кому надо. А я глуповат был.

...А один очень известный и очень талантливый певец и композитор, который уже умер (Евгений Мартынов. — *Н. К. 21.09.2017*), сказал мне когда-то в редакции Всесоюзного радио про персонал этого радио: «Голя, здесь всех надо прикармливать. Тогда они будут часто приглашать тебя на радио и крутить и популяризировать с утра до ночи. Всех надо прикармливать». Таким образом, он открыл мне секрет успеха многих певцов, которые прикармливали всех на радио и поэтому часто звучали в эфире. Но чтобы прикармливать кого-то, надо иметь деньги. А у меня их в то время не было. Я вечно жил в бедности, с самого детства. И я не привык давать кому-то какие-то взятки. Я был воспитан по-советски в этом смысле. Не понимал, что моральный кодекс строителей коммунизма существует только для масс, он лжив, а для «избранных» существует совсем другой кодекс.

Писатель-сатирик Варлен Стронгин сказал мне про одну очень известную и в свое время очень любимую всеми народную певицу, обладающую красивейшим голосом (про Ольшу Воронеж. — *Н. К. 21.09.2017*): «Она в течение нескольких лет тратила все свои зарплаты на свою собственную раскрутку, чтобы регулярно звучать по радио... А иначе она была бы такой же неизвестной, «как сто тысяч других в России», даже и со своим незаурядным талантом».

на даче, и мы разговорились с Татьяной о судьбе артистов и о судьбе Анатолия Шамардина и в связи с ним о Гераусе. И Татьяна сказала мне, что Герауса в период рыночных отношений убили. За что? Может быть, за то, что он повысил тариф своих взяток? Советские взятки по сравнению со взятками нового времени — это жалкие гроши, копейки. А в наше время артисту чтобы раскрутиться, требуются астрономические суммы, не сотни рублей, а сотни тысяч долларов, а то и миллион долларов. Об этом мы и с Толей Шамардиным говорили в наших новых — устных — интервью с ним. — *Н. К. 29 мая 2017 г.*





ЖИВОТНОВОДЧЕСКИЙ КОНЦЕРТ АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА И КО

Нина Краснова: — Толя, у тебя в жизни было много веселых историй, связанных с твоей работой в филармониях. Припомни и расскажи читателям какую-нибудь одну из них.

Анатолий Шамардин: — В семидесятые годы мне приходилось ездить выступать от Владимирской филармонии по заводам и фабрикам, по колхозам и совхозам Владимирской области, с сольными концертами или сольными отделениями. Иногда приходилось участвовать в так называемых «гарантийных» концертах, вместе с лекторием, с какой-нибудь группой. И вот я приехал с лекторием в город Вязники и пошел в местное управление культуры, чтобы сказать там, кому надо, что мы приехали, и чтобы узнать, куда нас всех пошлют выступать. А нас должны были послать на животноводческую ферму. Ну, прихожу я в управление, говорю сотрудницам: «Вот мы приехали выступать». — Они говорят мне: «А вы кто такой будете?» — Я говорю им: «Я вокалист, певец, моя фамилия Шамардин». — «А что за группа приехала с вами?» — «Ну, это самое, — я говорю, — артисты... они у вас уже были...». — «Ну давайте перечислите их фамилии, мы запишем...». — Я говорю: «Запишите, — и диктую фамилии. — Гитарист... Запишите, — говорю, — фамилия Жеребилов, он на гитаре играет... Певица, — говорю, — Коровина... — Они так несколько удивились чему-то, я не понял, чему, и поясняю: — Коровина поет песню «Над полями да над чистыми»... — И продолжаю перечислять фамилии: — Жеребилов, Коровина... Потом, значит, запишите... Копытов — тенор... Ну и я, Шамардин...». Они говорят: «Скажите, а у вас там что — все, что ли, с такими вот... животноводческими фамилиями, с животноводческим уклоном?» — Я говорю: «Да нет, это просто случайное совпадение... Подбор такой вышел...» — «А может, это псевдонимы?» — «Ну какой же артист возьмет себе псевдоним — Копытов или Жеребилов?»

Нина Краснова: — А работницы фермы как все это восприняли? Как юмор? Или никак?

Анатолий Шамардин: — Когда им объявляли фамилии артистов, они улыбались и говорили: «Все свои к нам приехали, все свои».





ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ВОЛНЫ АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА

У Анатолия Шамардина была очень сильная энергетика, как и у его мамы, понтийской гречанки. Эта энергетика была у него положительная. Он излучал ее на всех, кто находился рядом с ним. И все чувствовали это и заряжались ею от него, как гелиоприборы заряжаются от солнца.

Но когда Толю кто-то обижал, она вся, причем помимо Толиной воли, направлялась против тех, кто его обижал, и становилась для них отрицательной.

Толя рассказывал мне совершенно мистические истории, которые подтверждают все это. Причем есть и живые свидетели этих историй.

1. История с посудой

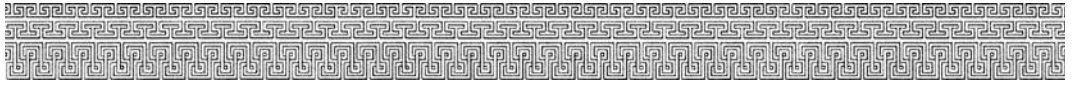
Толя Шамардин пришел к директору одной из филармоний, в которой работал от Росконцерта, договариваться о своем сольном концерте: «Вот бы мне выступить в городском Доме культуры, в большом зале...». Но директор не дал Толе разрешение на сольный концерт, хотя знал, каким успехом Толя пользуется у публики. А потому и не дал, что знал это, но плохо относился к Толе. А может быть, ждал от него взятку.

Ничего не сказал ему на это Толя, а только сказал: «Всего вам хорошего!» — и пошел к двери. И когда проходил мимо стеллажей, на которых стояли разные керамические кувшины, фарфоровые сервизы, хрустальная посуда, — все это вдруг грохнулось оттуда на пол и разбилось на осколки, хотя Толя даже не прикоснулся к стеллажам ни рукой, ни плечом, и пол под ним не дрожал, не шатался. Их снесло воздушной энергетической волной Толи Шамардина, как вихрем, ах, ах! И директор только рот разинул от изумления. И даже не смог обвинить Толю во всем, что случилось, и найти какое-то объяснение всему этому.

2. История с пуговицами

И была еще такая история. В одном Доме культуры Толя Шамардин должен был выступать с номером, то есть спеть всего одну песню. Толя считал, что одной песни мало, тем более что публика всегда принимала его «на ура», и он попросил у конференсье разрешения спеть не одну, а хотя бы две песни. Но тот в ответ резко сказал: «Нет. И одной для тебя много. Ты совсем не по-





ешь песен гражданского звучания. Скажи спасибо, что мы вообще включили тебя в концерт». Толя только и сказал: «Спасибо! Всего вам хорошего!» — И пошел вон. И когда проходил мимо этого конференсье, у того от воздушной энергетической волны Толи Шамардина вдруг все пуговицы с пиджака полетели и посыпались на пол... Конференсье схватился за свои лацканы: ах, ах! а где мои пуговицы?.. Ни одной пуговицы на пиджаке не осталось, вместо них торчали одни нитки. А ему надо было через минуту выходить на сцену...

Я думаю, что это сам Господь Бог заступался за Толю — святого, наивного, чистого человека, и через его энергетические волны наказывал чинуш, всех этих куликов, которые были на своих болотах велики и которые обижали его, разыгрывал с ними вот такие вот мистические шуточки.

ДВЕ КУРЯЩИЕ ДЕВУШКИ

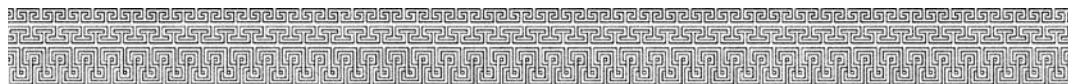
Как-то раз Толя Шамардин ехал в своем автомобиле со своим приятелем Ваграмом Кеворковым, ведущим его концертов в гостиницу после очередного концерта в городе Ефремове Тульской области, и подвозил двух девушек, которым надо было ехать в ту же сторону, что и Толе с Ваграмом. Девушки были симпатичные, в коротких мини-юбочках, и оказались очень контактными и, когда узнали, что Толя и Ваграм артисты, захотели познакомиться с ними поближе и были не против провести с ними вечер (или даже ночь), и Толя и Ваграм, свободные ребята, были не против этого.

И вдруг одна из них, которая сидела на переднем сиденье рядом с Толей и уже начинала строить глазки, чтобы понравиться ему, достала из своей сумочки пачку сигарет и закурила прямо в автомобиле, и вторая, которая сидела на заднем сиденье рядом с Ваграмом и уже начинала строить глазки Ваграму, чтобы понравиться ему, тоже закурила... А Толя не выносил курящих женщин, какими бы внешне симпатичными они не были, и не выносил табачного дыма¹. И тут же остановил свой автомобиль и культурно сказал девушкам:

¹ Сигаретный дым был Толе как тенору вреден для голоса и для легких, которые были у него слабыми после страшной аварии, в которую он попал в 1980 году. — *Прим. Н. К.*

Я не знаю, объяснил или не объяснил Толя девушкам, почему он высадил их из своей машины. Теперь у него это не спросишь. Вообще-то он любил читать всем лекции о том, что курение вредно и для тех, кто курит, и еще больше для тех, кто находится рядом с курящими. — *Прим. Н. К.*





- Девушки, выходите...
- Как? Мы же еще не приехали!..
- Выходите, выходите, девушки...
- Почему? — оскорбились они.

И вылезли из автомобиля. И одна из них, та, которая сидела рядом с Толей и хотела понравиться ему и думала, что уже понравилась, а теперь поняла, что чем-то не понравилась, сильно хлопнула дверцей, закрывая ее, скривила губы, хмыкнула и сказала:

- Тоже мне, Марчелло Матрострени нашелся!..

ФОМИН, АЛЯБЬЕВ И ШАМАРДИН

Однажды Анатолия Шамардина пригласили выступить в каком-то московском Доме культуры на вечере, посвященном композитору Борису Фомину, автору известных романсов «Только раз бывает в жизни встреча», «Дорогой длиною» и других, которые довольно часто звучат по радио и по телевидению, но которого мало кто помнит.

Анатолий надел свой лучший концертный пиджак из черного бархата, атласную бабочку и явился в Дом культуры, держа в руке чехол с гитарой.

— Здравствуйте! Вы Фомин? — бросилась навстречу артисту молодая администраторша, глядя на него восторженными глазами.

— Нет, я Алябьев... Друг Фомина... — ответил Анатолий с присущим ему чувством юмора и улыбнулся своей широкой лучезарной улыбкой. — Вы знаете песню «Соловей мой, соловей»?

— Конечно! Кто же ее не знает? Чудесная песня!

— Это я ее написал!

— Ах! Ах!

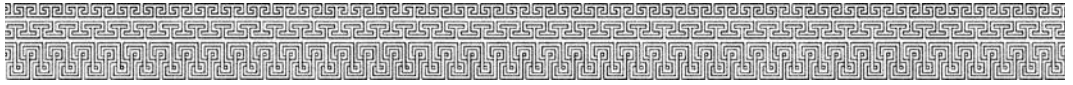
Девушка повела Анатолия в кабинет директора и за сцену, представила почетного гостя сотрудникам Дома культуры:

— Знакомьтесь! Сам Алябьев к нам пришел! Какая радость! Он будет участвовать в программе нашего вечера!..

— Я вообще-то — не Алябьев, я — Анатолий Шамардин, — в конце концов признался Анатолий, но никого не разочаровал этим. Особенно когда вышел на сцену и спел три романса Бориса Фомина «Только раз бывает в жизни встреча», «Дорогой длиною» и «Вечерний звон» из своего репертуара, и свою собственную песню на стихи Виктора Бокова «Золотая иволга». Он пел как золо-



Нина КРАСНОВА



тая иволга и как соловей, покоряя всех своим волшебным- красивым, полетным тенором... И зал аплодировал ему, как никому из всех участников вечера.

P. S.

Дополнительная справка.

Борис Фомин родился в Петербурге в 1900 году, умер в 1948 году (в полном забвении). Похоронен на Введенском кладбище.

Александр Алябьев родился в Тобольске в 1787 году, умер в Москве в 1851 году. Похоронен в Симоновом монастыре, в усыпальнице Алябьевых.

Анатолий Шамардин родился в селе Ольгино Степновского района Ставропольского края в 1938 году, умер в городе Химки Московской области в 2014 году. Похоронен на Новосходненском кладбище городского округа Химки.

Нина Краснова

СОЛОВЕЙ

Анатолию Шамардину

Соловей мой, соловей...

А. Апухтин

Сладкозвучный мой соловей,
Ты поешь на сцене своей,

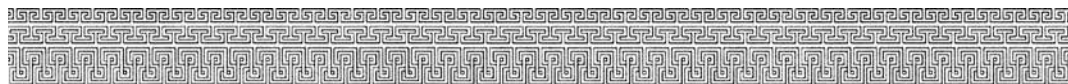
Нет, не в зале «Россия», не в зале,
Петь туда соловья не звали,

У Всевышнего в райских кущах,
В райских зарослях вот такущих.

Ты на разных поешь языках,
Ах!

Ты о чем поешь, соловей?
О любви свободной своей.





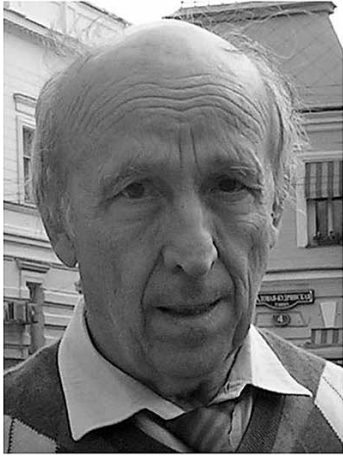
Ты наград никаких не имеешь,
Петь зато, как никто, умеешь!

Ты чудесен — за то и мил!
Всех эстрадных певцов затмил.

Я лечу к моему соловью
Со словами любви, с «айлавью».

*28 ноября 2016 г.,
Быково Московской области*





СКВОРЦОВ Эдуард Суневич, родился 30 сентября 1940 г. в Туле (Российская Федерация). Член Московской городской организации Союза писателей России. Всю сознательную жизнь прожил в Москве (в районе Арбата и Теплого Стана), учился в школе № 58, окончил МГУ им. М.В. Ломоносова. Защищал кандидатскую диссертацию в ИПУ РАН им. В.А. Трапезникова. На поприще научной деятельности работал в головных московских организациях НАТИ и НАМИ. Длительное время занимается литературным трудом. Напечатал трилогию «Гуща жизни». Новую книгу «Омут будней» (2017) составили остросюжетные новеллы, рассказы, повести, афо-

ризмы и пьеса «Тропой любви». Книга «Сердце под рукой» (2016) также содержит новеллы, рассказы, повести, афоризмы и пьесу «Драма Андрея Боголюбского». Предыдущие книги художественной прозы «Двойная локада» (2014), «Сундук прозы» (2015) содержат множество басен, притч, повести и подборки афоризмов. Авторские книги «Белая лента» (2013) и «В круге жизни» (2015) удостоены Диплома, а книги «Гримасы любви» и «Перепутье времен» — Грамоты по итогам конкурса «Лучшая книга года» 2011–2015 гг., проводимого МГО СП России. Участник альманахов «Литературная Республика», «Муза», «Золотое руно».

ПРИТЧА О ХЛЕБЕ

— Скажи, праведник, это верно, что хлеб — всему голова?

— Правда! Но есть и другая поговорка: не хлебом единым жив человек.

— Неужто нельзя обойтись одним хлебом: жить скромно, неприязнательно, ограничивая себя во всем, в чем только можно? Ни тебе разносолов, ни вин игристых, ни тортов пушистых.

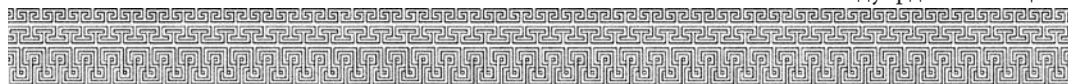
— Эх, куда понесло парня несмышленного. Что сказано-то было? Всему!!! А всего-то у сильного человека много должно быть. Всего и не перечислишь: мясо, рыба, овощи, фрукты, соленья, варенья, выпечка разная, торты да конфеты.

— Откуда же, праведник, денег столько взять, чтобы питаться так богато?

— Так если богат, то и радуйся жизни. Да не только один-одинешенек, а с родителями своими, женой да детками малыми.

— Ух, ты! Учитель хреновый, деньжищи-то какие потребны для такой жизни богатой.





— Богатой, сынок, зато праведной, сытной и здоровой.

А с деньгами известные проблемы... Сытый здоровый человек и заработки хорошие имеет: работает, руки да ум вкладывая, доброе пропитание предвкушая, силы ежечасно восстанавливая, душу свою радуя мыслями о близких своих.

— Так что, господин ты мой любезный, хлеб не только голова, но и всему начало.

ВОЛЧЬИ ЗАКОНЫ (БАСНЯ)

С раннего утра на лесную поляну в глубине леса потянулось множество зайцев, чтобы отметить день рождения соплеменника. Виножник торжества сидел около широкого пня, на котором было выставлено угощение и множество подарков-подношений.

Вдруг из чащи появились два волка — ревизор и контролер — в униформе с кокардой на фуражке и латунной бляхой на груди.

— По какому поводу сборище? — грозно обращается контролер к собравшимся.

— Отвечать будете перед волчьим законом по одному, — поясняет волк-ревизор.

— Знать мы вас не знаем! — нестройным хором возмущаются зайцы.

— Незнание законов не освобождает от ответственности, — сказал волк-ревизор.

— Отправляйтесь откуда пришли! — не унимаются зайцы.

— Мы пришли за вами, — хором парируют два волка.

— Это наша поляна. Мы здесь собрались, чтобы отметить день рождения, — возражают зайцы.

— Несанкционированные сборища запрещены, — засмеялся волк-контролер, — а разрешение собираться вместе вы никогда не получите.

— Произвол! — шумят зайцы.

— Ваша неправда! Заяц может один отметить свой день рождения, — уточнил волк-ревизор. Больше двух собираться зайцам волчьи законы запрещают. Никаких митингов и собраний.

Один волк спрашивает другого:

— Как будем вязать, поодиночке или скопом?

— Вязать не придется! Я их шугану, — нагло заявляет волк-контролер.

И как гаркнет во всю мощь своей глотки: «Суки! Сюда!»



Зайцы, естественно, не стали дожидаться, когда на поляне появится вся волчья шайка, и бросились врассыпную.

Первый же примчавшийся на зов сучонок спрашивает:

— Что случилось?

— Да вот, зайцы приготовили нам праздничный стол, — небрежно поясняет волк-ревизор, — но в последний момент решили все угощение оставить волкам.

— А как насчет зайчатинки? — уточняет сучий потрох.

— Зайчатины на этом столе не предусмотрено, — сокрушенно замечает волк-контролер. — Кому из стаи не хватит закуски, можно отловить несколько зайцев: они не очень далеко убежали.

Резюме: Где бесчинствуют волчьи шайки, там господствуют сучьи законы.

АФОРИЗМЫ

Где господствует разум, там бесы спят.

Бульдогу без своры не на пользу свары.

Когда в стране кризис, клади на стол катехизис.

Вандалам все равно: что церкви крушить, что людей душиить.

Власти на лжи долго не прожить.

Власть от Бога? А если эта власть убогая?

Война — не сестра, даже если ты ей брат. Не пощадит обоих.

Вопрос: в раю есть Первый канал телевидения или там пропаганда запрещена?

Гибридную войну сопровождает гибридная ложь.

Глупость раздражает, хамство подавляет.

Для мудреца конец жизни не в страхе перед смертью.

Живопись может быть «наивной», но художник не должен быть примитивным.

Жизнь негодная, когда власть подлая.

Жить приятно, когда в сердце опрятно.

Зверь не думает, это человек может надумать звериное.

Идти, думая, легче, чем бездумно стоять.

История ничему не учит безумцев.

Кнут и пряник — удел голоштанника.

Когда недостатком не пахнет, привыкают пить без закуски.

Когда людям не удастся что-то наладить, они начинают исподтишка гадить.

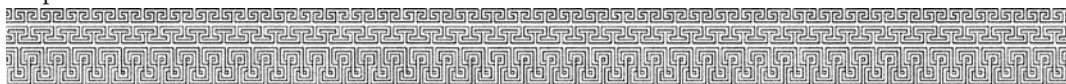
От жены-стервы береги нервы.





**САТИРА
И ЮМОР**

Марина САЛЬТИНА



САЛЬТИНА Марина Генриховна родилась в Казани.

Окончила историко-филологический факультет Казанского государственного университета и режиссерский факультет ГИТИСа (курс профессора М.О. Кнебель).

Режиссер, актриса, педагог, писатель. Член Союза театральных деятелей и Союза писателей России.

Автор книг «Опаловый флакон Пенелопы» и другие рассказы», «Поезда на Монтеррей», «Слеза Европы», «Бедный Юрик», «Компот из детства», «Покер с шулерами».

Рассказы ее публикуются в журналах «Наша улица», «Казань», «Меценат и мир», «Грани», «Московский Парнас», «Аргатак — Татарстан», «Лесной орех», «Российская литература».

РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

Александру Федоровичу Чеботареву

Саньч сидел на скамейке, грелся на солнышке и, как всегда, кормил голубей.

Володька издали присмотрелся, нет ли поблизости кошки. Не было.

Саньч — известный на весь бульвар гуманист: каждый день кормил голубей. Но если появлялась кошка, он хотел накормить и ее, поэтому бросал хлебные крошки как можно ближе к ней. Дураки голуби доверчиво шли прямо в когтистые лапы.

Володька упрекал Саньча за живодерство, но тот категорически стоял на своем: кормить надо всех.

Гуманист хренов!

Поэтому если кошка сидела в засаде, Володька к Саньчу не подходил, а только здоровался издали.

Володька подсел к Саньчу.

Поговорили о погоде, здоровье, растущих ценах, политике. О том, кто убил сына Ивана Грозного, и что важнее: патриотизм или образование. А также



попытались сформулировать русскую национальную идею, которую тщетно искало руководство страны

Около Саныча на скамейке стояла его сумка, плотно набитая. Сверху выпирали батоны.

— Саныч, — удивился Володька, — ты зачем столько хлеба купил? Небось, всю пенсию истратил?

— А я и не покупал.

— Неужто украл?

— И не украл.

— Подарили?

— Взял, — засмеялся старик, — в «Пятерочке», с черного входа.

Володька почесал в затылке:

— Не понял.

— А что тут понимать? У них возле черного входа стоит бак такой зеленый. Туда кладут просроченный товар. А люди его оттуда забирают.

— Саныч, какие люди? Бомжи что ли?

— Зачем бомжи? — слегка обиделся собеседник. — Обычные люди: пенсионеры, многодетные, малообеспеченные. Ну, да, и бомжи тоже бывают. А в бак кладут не только хлеб, но и разные другие продукты.

И он похвастался своим богатством:

— Смотри, какой хлеб. Мягкий еще. И белый, и черный, и даже с изюмом. Ватрушки. А пирожки какие!

Он достал два пирожка, упакованные в полиэтилен:

— Глянь, какой срок годности.

Володька глянул:

— Вчера.

— Ну, только вчера! — обрадовался Саныч. — С чем?

Володька опять глянул:

— Вот этот с капустой, а этот — с ветчиной и сыром.

— Какой будешь? — предложил Саныч.

Володька пожал плечами. Пирожок-то он пирожок, да как-никак с помойки.

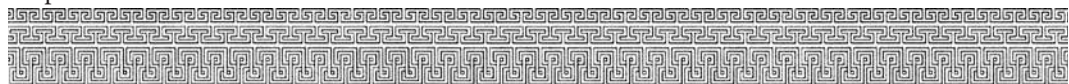
— Не брезгуй. Они же запакованные.

Обижать старика не хотелось, и Володька взял пирожок с ветчиной и сыром.

— Правильно, — одобрил Саныч. — Правда, не кошерно. Да тебе не все равно? А я с капустой съем.

Володьке было все равно.





Пирожки на удивление оказались мягкими и вкусными.

Саньч вручил Володьке еще два:

— Бери-бери! Соседей угостишь.

Володька поблагодарил, рассовал пирожки по карманам и отправился к себе в коммуналку.

На кухне наблюдалась только соседка баба Клава.

— Клава, это тебе, — Володька выложил пирожки на стол. — С капустой.

— Игде взял?

— Саньч угостил.

— Эх, ай-яй! — соседка покачала головой. — Небось, с помойки?

— Клава, эвдиалит ты мой пироповый, — укоризненно сказал Володька. — Во-первых, дареному пирожку в зубы не смотрят. Во-вторых, не из помойки, а из бака с просроченными продуктами.

— И когда оне *просрачились*? — подозрительно спросила баба Клава.

— Да вчера. Мы с Саньчем ели. Как видишь, живы.

— Благодарствую. Сам ешь.

— Съем, — и Володька занялся пирожками.

— И чо вы там — обратно мировы *проблемы* решали?

Володька кивнул:

— Да пытались найти русскую национальную идею — в качестве гуманитарной помощи начальникам нашей страны. Ну, никак они, бедные, не могут ее придумать.

— Дак зачем она им?

Володька почесал в затылке:

— Наверное, без нее дальнейшая жизнь в стране невозможна.

— Дак она и таперя невозможная.

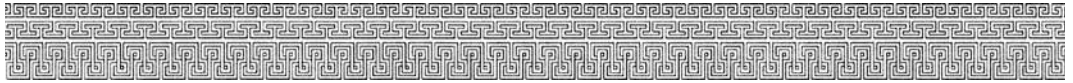
Володька доел пирожки и насмешливо пропел:

*«Ах, какие вкусные
Пирожки с капустою
Нам, пижонам, не да-ю-ут!
Говорят, что нужно
Всем работать дружно —
Вот тогда пирог да-дут!».*

Соседка покачала головой:

— Дак работали. Все. Дружно. Всю *жизень*. И к чему пришли? Чо дали? Старикам — пирожок с помойки?





— Понял! — Володька стукнул кулаком по столу.

— Чо ты понял?

— Понял, в чем русская национальная идея: старики не должны питаться из помойки! Я прав?

Баба Клава только вздохнула.

...Через несколько дней Володька мрачно сказал соседке:

— Клава, помнишь советский анекдот, что можно построить коммунизм в отдельно взятой квартире?

— Ну.

— Так вот. Мою русскую национальную идею, что старики не должны питаться из помойки, уже осуществили в отдельно взятом магазине.

— Как это?

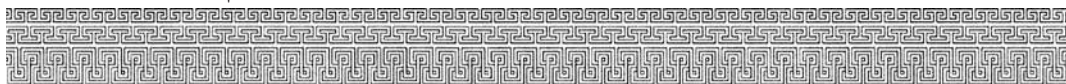
— А на ящик с просроченными продуктами у «Пятерочки» замок повесили. Так что старики питаться там больше не будут. Вот такая вот «забота» государства.

— А игде будут?

— Да где хотят! Или пусть помирают с голоду.

— Восподи, Восподи! — пробормотала баба Клава.

«Светлое будущее» бывших советских людей в результате «заботы» государства было темно и безрадостно.



Валентина МАЛЬЦЕВА родилась в 1954 г. Закончила Московский политехнический университет. С 2012 по 2013 года являлась редактором детского журнала «Читайка» и вела постоянную рубрику «Тайны растений». Автор книг «Чудесные сюрпризы леса» и «Свадьба в Бубенцах», награжденных премией Союза Писателей России «Лучшая книга года» и книги «В царстве русской природы».

А ЖЕНИХ-ТО — ВОДОЛАЗ!

Митя ценой огромных усилий сделал несколько решительных движений, пытаясь подняться со скамейки, но быстро понял, что самостоятельно домой не дойдет.

— Мультик, помоги мне! Не оставляй меня, дружище!

— Что же мне делать? Если я вовремя не вернусь на проходную, то окажусь за воротами. И, возможно, навсегда, — ответил пес, потупив голову, и грустил.

На протяжении всей недели он честно выполнял свои обязанности, охраняя лесопилку, а сегодня охранники отпустили его немного побродить по улице, но сказали, чтобы он вернулся до наступления темноты.

«Я понимаю, — подумал Мультик, — что Митя не в состоянии сам дойти домой, но если его здесь оставить, то может произойти беда. Бороться со своей совестью глупо, да я и не собираюсь, поэтому приложу максимум усилий, чтобы помочь ему, а дальше — будь, что будет!

Преодолевая сложности, они вышли на широкую пешеходную дорогу. Митю заносило из стороны в сторону, поэтому пес, следуя за ним, часто отскакивал в сторону, чтобы перебравший спиртного не отдал ему лапы.

В лицо пахло весенней прохладой. Под воздействием нежных солнечных лучей, снег растаял, оставив небольшие лужи, которые Мите удавалось обходить с большим трудом. Чтобы немного взбодрить попутчика и приподнять ему настроение, Мультик начал расхваливать окружающую природу.

— Митя, посмотри вокруг, и ты увидишь, что деревья после зимней спячки начинают просыпаться.

— А кто их разбудил-и-л?

— Разбудили теплые лучи весеннего солнца! В скверах и вдоль дорог рождается молоденькая травка, а первые цветы — мать-и-мачеха, раскрывают желтенькие бутоны. Под воздействием задиристого ветерка, они ласково покачивают нежными головками, словно здороваются с нами. Красота, да и только!

— Мультик, — удивился Митя, — если бы ты мне сейчас не показал изумрудную травку и эти первые цветы, я бы их никогда и не заметил!

— Очень жаль! Это происходит потому, что у тебя напрочь отсутствует чувство меры к принятию спиртного! — с огорчением заявил пес.

Услышав подобные откровения, Митя неожиданно остановился.

— Вот уж не думал, что собаки могут так правильно мыслить. Я действительно люблю красоту природы, но только когда трезвый. Дружище, а как ты думаешь, что мне нужно сделать, чтобы бросить пить?

— В первую очередь, должно быть твое желание!!!

После произнесенных слов бледное слегка вытянутое лицо Мити сильно исказилось.

— Мультик, предлагаю негатив отбросить в сторону, а думать только о позитиве! — поправил бейсболку и загадочно усмехнулся. — Расскажи-ка мне, пожалуйста, а невеста у тебя есть?

— Конечно, — с гордостью ответил пес, и его глаза засияли от счастья.

— Как ее зовут?

— Шаричка.

— Шаричка? — громко рассмеялся Митя. — Что за глупец дал ей такое имя?

— Жительница нашего поселка подобрала на улице маленького голодного щенка. Приютила, обогрела и назвала Шариком, потому что это создание было похоже на маленький пушистый шарик. Спустя некоторое время, собачка подросла, и только тогда хозяйка разобралась, что это вовсе не Шарик, но менять имени не захотела и назвала нежное маленькое создание Шаричкой.

— Да, интересная история! А как зовут хозяйку твоей подруги?

— Я не знаю ее имени. По характеру она человек конфликтный, поэтому все ее называют по фамилии — Брусничкина.

— О-о-ой, кто же ее не знает! Все соседи от нее, шара-а-хают! Выдерживает только твоя подруга Шаричка! — рассмеялся Митя, едва удерживаясь на ногах.



Чтобы поторопить собеседника, пес попытался ускорить шаг, но быстро понял, что его затея не дает положительных результатов.

— Митя, — заметил он, — я обратил внимание, что в движениях твоего тела стала заметно увеличиваться амплитуда колебания, да и под ноги ты совсем не смотришь!

— Чего мне смотреть? Ты же видишь, что я ни разу даже не споткнулся! Почему? Да потому, что я... очень старательный! — сказал Митя, довольный последним подобранным словом, и широко улыбнулся.

Но, пройдя еще несколько шагов по петляющей дорожке, он поскользнулся и упал....

— Мультик, скорее спаса-а-ай меня! Я тону!

По телу пса пробежала неприятная дрожь, когда он увидел своего попутчика, лежащего в центре огромной лужи. Обойдя ее со всех сторон, пес начал пытаться помочь другу.

— Давай скорее руку, я постараюсь тебя вытащить!

Приподняв повыше голову, карабкаясь, Митя вытащил из воды грязную дрожащую руку и протянул ее псу. От увиденного Мультика едва не стошнило, но ценой огромных усилий, он сумел преодолеть брезгливость.

«Такого ужаса я еще не видел! Как же это гадко! — подумал он. — А что делать? Надо спасти человека! Кроме меня, ему никто не поможет!»

Войдя в воду, Мультик ухватился зубами за мокрый рукав куртки и потащил изо всех сил, но первая попытка выбраться из лужи не увенчалась успехом. Приподняв голову, молодой человек продолжал полусидеть-полулежать неподвижно. Мультик вытер лапой пот, а через мгновение понял, что нужно действовать по-другому.

— Митя, ты умеешь плавать?

— Да, я кандидат в мастера спорта!

— Тогда вперед, плыви! — скомандовал пес.

Собеседник изумленно посмотрел на собачку и, спустя мгновение, зашлепал руками по грязной воде, проталкивая вперед свое тело.

— Молодец, вижу, что стараешься! Греби быстрее!

Краем глаза пес увидел двух девушек, которые остановились возле лужи и с любопытством наблюдали за происходящим.

— Посмотри, а жених-то — водолаз! А как гребет, загляденье, да и только! — рассмеялась одна, а другая, с нескрываемым чувством брезгливости, зажала пальцами нос.



— Фу, смотреть тошно! Пойдем скорее отсюда, чтобы не видеть весь этот ужас!

За считанные секунды они скрылись из виду, а пес, не отходя от лужи, громко произнес:

— Митя, не расслабляйся, гребь быстрее!

Сделав несколько отталкиваний ногами, прилагая массу усилий, молодой человек все же кое-как выполз, затем медленно встал на колени и, преодолевая усилия, поднялся во весь рост. Показалось, что от холодной воды, он слегка протрезвел.

— Мультик, я сейчас похож на водяного?

— Не совсем. Он выглядит... скажем так... более опрятно!

И действительно, Митя был грязный и мокрый. С его одежды, которая еще полчаса назад производила вполне приятное впечатление, непрерывно стекали грязные струйки воды.

— Пока не замерз, быстро беги домой!

Холодная вода положительно подействовала на молодого человека — его движения стали более решительными. Покачиваясь из стороны в сторону, он прибавил шаг. На протяжении всего пути было слышно, как хлупала вода в его ботинках. Примерно метров через двести, оказавшись около своего дома, он легким движением руки толкнул калитку, и она незамедлительно отворилась.

— Лихо открыл!

— Мультик, ты что, не видел, что калитка держится на одной гнилой петле?

— Тогда вопросов нет!

Подойдя к входной двери, хозяин долго рылся в мокрых карманах, чтобы найти ключи. Со стороны было видно, как уткнувшись головой в дверь, он с трудом удерживает равновесие.

— Ура, я ключ нашел!

Дрожащими руками ввел его в замочную скважину, провернул несколько раз и дверь резко распахнулась. Не удержав равновесия, хозяин дома рухнул на пол. Растерянный пес подошел к нему.

— Сильно ударился головой?

— Голова — это кость! — слегка приподнявшись, Митя постучал по голове костяшками пальцев. — Слышишь звук? Значит, все в порядке!

Прилагая массу усилий, хозяин медленно встал с пола, оставив после себя большую грязную лужу.



— Ура! Я до дома дошел самостоятельно!

— Конечно же, конечно! Спору нет! — произнес пес, и его глаза засияли от счастья, но, взглянув на настенные часы, он вдруг понял, что время уже очень позднее, и ему нужно торопиться. — Митя, здесь ты один справишься, а мне пора бежать. Возможно, меня еще ждут на проходной!

— Пока, дружище! Спасибо, что помог! А здесь я справлюсь сам.

- Заведи будильник, чтобы завтра не опоздать на работу!

Мультик выбежал на улицу. Он понимал, что проходная уже давно закрыта, но в глубине души надеялся, что его все же ждут, поэтому некоторое время бежал закоулками, затем свернул на центральную дорогу. Запыхавшись, домчался до проходной и понял, что она закрыта. Такое с ним произошло впервые.

«Конечно же, я должен был прийти сюда намного раньше, но разве я мог оставить Митю в беде? Кто знает, как бы он выбрался из глубокой лужи, а я справлюсь, за воротами переночую». Он прилег, свернувшись клубочком. «Стыдно. Впервые в жизни я вовремя не явился на проходную, а я — охранник, и моя основная работа — ночью! На лесопилке ко мне хорошо относятся, кормят меня. Это мой дом! А если выгонят, что я буду делать? Кому я, дворняга, нужен?»

От мыслей, которые посетили пса, и от чувства голода, по его телу пробежала дрожь. Но она не была похожа на ту, что бывает от холода — это было нечто более неприятное.

«Такого состояния я не испытывал никогда!»

Понимая, что с ним происходит что-то неладное, Мультик быстро сконцентрировал свое внимание на мысли, что дворняги — очень сильная порода!

«Природа одарила нас уникальной способностью: переносить холод, голод и суровые испытания. Когда-то давно мне мама говорила, что жалость на себя нагоняют только слабые создания...» Пес встал, встряхнулся и почувствовал в себе уверенность. «Если призадуматься, то сегодняшний день у меня прожит не напрасно. Я помог Мите добраться домой. По натуре он добрый, но безвольный человек. К сожалению, в употреблении спиртного не знает меры. Очень хочу, чтобы он избавился от вредных привычек и поскорее обзавелся семьей. Это даст ему стимул более серьезно относиться к жизни».

После таких добрых мыслей у Мультика исчезла неприятная дрожь, и потеплело на душе. Он снова свернулся клубочком и задремал, дожидаясь утра.





**К 30-ЛЕТНЕМУ
ЮБИЛЕЮ ХОРА
ВETERАНОВ
ВОЙНЫ И ТРУДА
ЦЕНТРА
КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВА
«МЕРИДИАН»**



Инна ДЕМИНА родилась в селе Любавичи Смоленской области. Окончила

Московский государственный институт культуры им. Н.К. Крупской. Работала

преподавателем музыки и пения, кандидат педагогических наук, в течение 5 лет была депутатом Черемушкинского района Москвы. В 1997 году И.Деминой присвоено звание «Ветеран труда». Автор более пятидесяти научных статей и пяти художественных книг.

ВОТ ТАК КОНЦЕРТ

Московский городской творческий коллектив «Хор ветеранов войны и труда» КЦИ «Меридиан», насчитывающий сегодня в своем составе 110 пенсионеров 60-92 лет и управляемый заслуженным работником культуры РФ Елены Ульяновой, готовился к своему 30-летию юбилею. Москва, Московская область, некоторые ближние города европейской части России знают этот коллектив не понаслышке. Не однажды они имели и имеют возможность принимать его у себя, присутствовать на его многочисленных концертах, проходящих на различных концертных площадках Москвы и Московской области.

Совсем, казалось бы, недавно, перед 25-летним юбилеем, в коллективе родилась идея — написать летопись хора. Именно тогда все участники хора узнали историю создания, становления и расцвета этого удивительного коллектива, лауреата, призера и дипломанта многих и многих на сегодня хороших фестивалей и конкурсов. У истоков хора, который за 30 лет работы Елена Юрьевна Ульянова отшлифовала до виртуозного певческого блеска, подняла до ранга первого, главного хора ветеранов войны и труда Москвы, стояла ветеран ВОВ Марина Григорьевна Яранцева-Язькова, яркая, сильной воли и духа женщина, действительно «Ее Величество Женщина», как точно когда-то назвал ее автор статьи в газете «За Калужской заставой». По воле судьбы этот коллектив сразу попал в руки молоденькой выпускницы-отличницы дирижерско-хорового отделения Московской консерватории Елены Ульяновой, которая быстро (она заслуженный работник культуры РФ) продвигалась в профессиональном отношении, став сегодня специалистом высочайшего класса.

Каков секрет столь ярких достижений коллектива? Живой «материал», с которым работает художественный руководитель хора, пенсионеры женского и мужского пола. Это люди с богатым жизненным опытом, с чутким сердцем, с развитым интеллектуальным, чувственным и эмоциональным миром. Потому быстрее и адекватнее реагируют на музыкальные требования своего руководителя. Они глубже понимают текстовый материал в сравнении с молодежью, потому и поют проникновеннее, будоражат душу, заставляют слушателей сопереживать тому, о чем поет хор. Половая принадлежность хористов подчеркнута не случайно. В смешанных, разнополых коллективах, в соответствии с выводами психологических исследований, результативность совместной деятельности выше, эмоциональное воздействие на слушателей сильнее в сравнении с однополыми хорами. Мужские голоса, басы, тенора, в руках мастера-дирижера раскрашивают хоровое звучание новыми яркими красками, создают «оркестровую» музыку, инструменты которого — голоса живых людей. С каждым годом музыкальная подготовленность хористов растет. Знаешь ты нотную грамоту или нет, каждый получает партитуру разучиваемого произведения и, хочешь не хочешь, но вынужден отслеживать ноты, что способствует быстрому выучиванию нотной грамоты и развивает способность сольфеджировать. А эти два момента обеспечивают правильность, точность интонирования, воспроизведения мелодии, написанной композитором. Так, в процессе работы многие, кто не умел раньше петь по нотам, начинали это делать, и успех не заставлял себя долго ждать. В 1987 году, когда хор только родился, из 15 членов хора ни один не владел нотной грамотой. Сегодня из 110 человек 70-75 поют по нотам. А что такое петь по нотам? Пение по нотам облегчает работу не только хористов. Профессиональное пение хористов расширяет возможности руководителя в выборе произведений для работы с хором. Дает возможность обращаться ко все более сложным и интересным произведениям, усложнять хоровой репертуар. Пение по нотам стимулирует, активизирует развитие и совершенствование творческих способностей художественного руководителя при разучивании непростых произведений. Елена Юрьевна, творческий потенциал которой безмерен и безграничен, смело работает с классическими хоровыми произведениями из опер. Почти все хоровые произведения репертуара она творчески обрабатывает, расписывает на 5-6 голосов. После ее тщательной аранжировки даже простая народная песня становится шедевром! Елена Юрьевна — аранжировщик



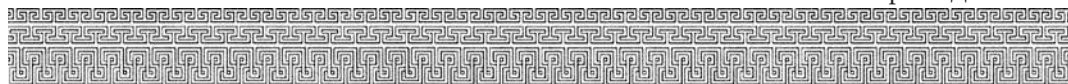
высокого уровня! Казалось бы, «Славное море, священный Байкал», (песня из программы юбилейного концерта) — обычная русская народная песня. Но Елена Юрьевна внесла в нее несколько нюансов, распела на 4 голоса в соответствии со своим видением идеи песни, и слушатели напряженно и сопереживательно прошли вместе с каторжником его трудный и опасный путь к свободе, о чем свидетельствовали жаркие аплодисменты слушателей. Быстро разучить шестиголосное произведение можно при двух условиях: при наличии профессиональных хористов и когда художественный руководитель — виртуоз! За два часа работы с многоголосными произведениями Елена Юрьевна дает более 60 вступительных тонов без рояля для всех партий; после пропевания всеми одной или нескольких строк запоминает все неточности и тут же исправляет их. Она почти всегда конкретно знает, кто допустил ошибку, а поют 110 человек, но фамилий не называет, щадит, бережет поющих.

Но добиться чистоты интонирования — это только полдела и даже меньше. Львиная доля времени приходится на работу с художественными особенностями произведений. Эта часть работы очень сложна для художественного руководителя, речь идет не только о Елене Юрьевне, требует тонкости и филигранности понимания и анализа музыкального произведения, для чего нужен богатый, широкий, большой духовный мир (глубина духовного мира и музыкальная образованность позволяют Елене Юрьевне легко справляться с данной задачей), но и способности руководителя доходчиво объяснить хористам их задачу, добиться желаемого в исполняемом ими произведении. Наблюдая работу Елены Юрьевны в течение 18 лет, с удовлетворением отмечу, что в методической части работы с хором она достигла творческой вершины, покорила «Геликон», взошла на музыкальный Олимп! Что и зафиксировал концерт, посвященный 30-летию юбилею хора!

Хор неплохо оснащен необходимой для работы техникой. Елена Юрьевна — электронный мастер высшей категории. Во всякой технике разбирается, все знает и все умеет сделать практически, своими руками. Нужны партитуры, пожалуйста. Нужно оркестровое сопровождение, пожалуйста. Нужно прослушать новое произведение перед началом разучивания в исполнении лучших оркестров, пожалуйста, что-то из арий, тоже.

Программа юбилейного концерта говорит о многом, говорит сама за себя:





Первая часть

1. Антонио Вивальди «Глория» («Слава») исполняется на латинском языке. Солисты: А.Донской — скрипка, С.Чернышов — труба.
2. Джузеппе Верди «Хор и триумфальный марш» из оперы «Аида».
3. Джузеппе Верди «Хор цыган» из оперы «Трубадур».
4. Антонин Дворжак «Ноктюрн», переложение для хора Самарина.
5. Петр Чайковский «Вот так сюрприз», хор из оперы «Евгений Онегин».
6. Сергей Рахманинов, стихи Ф.Тютчева «Весенние воды».
7. Русская народная песня «Славное море — священный Байкал».
8. Сергей Прокофьев «Вставайте люди русские», хор из кантаты «Александр Невский».
9. Феликс Мендельсон «Блестящее аллегро», исполняют лауреаты международных конкурсов А.Шернякова (концертмейстер хора) и Е.Березань.

Вторая часть

Попурри «Музыкальный калейдоскоп» исполняется на шести языках:

1. «Испанское болеро», итальянский язык,
2. «Два сольди», итальянский язык,
3. «Джамайка», итальянский язык, из репертуара Робертино Лоретти,
4. «Така-така», французский язык, из репертуара Джо Досена,
5. «Гудбай, май лав, гудбай», английский язык, из репертуара греческого певца Демис Руссов,
6. «Рулла», финский язык,
7. «Тиритомба», итальянский язык,
8. «Каникулы любви», японский язык, из репертуара сестер Пинац,
9. «Карнавал», португальский язык,
10. «Воларе», итальянский язык.

Третья часть

1. А. Лученок на стихи М. Ясеня «Майский вальс»,
2. В. Мурадели на слова П.Градова «Легендарный Севастополь»,
3. М.Дунаевский на слова М.Левашко «Бессмертный полк», аранжировка — хор «Пересвет», редакция Е.Ульяновой. Солисты — участники вокального ансамбля «Меридиан»,
4. А.Пахмутова, слова Н.Добронравова «Горькая моя Родина»,
5. Ю.Саульский, слова Л. Завальнюка «Счастья тебе, земля моя»,

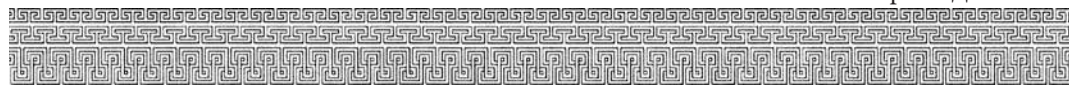


7. И. Дунаевский, слова Д Актиля «Марш энтузиастов», солистка Элла Хомутова.

В юбилейном концерте перед хористами была поставлена задача — исполнять произведения только наизусть, без партитур. Для этого Елена Юрьевна в сопрано и альтях поручила хористам с идеальным музыкальным слухом поработать в течение некоторого времени с остальными членами сопрано-1, сопрано-2 и альтами их партии. С тенорами и басами руководитель хора работала сама. Эта «процедура» после второй-третьей встречи повергла в трепет хористок. Все с нескрываемой дрожью шли на эти дополнительные занятия, шли как на сдачу школьного экзамена. Было очень стыдно фальшивить, четверть тона иногда долго не выдавалась. Кто-то подсказал: учить сольфеджио вместе со всеми, кто пришел на дополнительное занятие, а «сдавать экзамен» друг за дружкой в некотором отдалении от всех остальных. Это почти снимало психологический стресс. Но все равно было очень нервно и напряженно. Постепенно и сами «камертоны» устали от, действительно тяжелой работы. Дополнительные занятия прекратились. Но и хор с каждой новой репетицией начинал звучать все ярче и мощнее. Так что спасибо «камертонам» Молодовой Л.А. и Кумсиашвили С.В. за их подвижничество!

Продолжительное время хористы не имели представления о том, как будет выглядеть наш юбилейный концерт. Знали, что большая часть произведений будет из классики. Не сразу и не очень легко давался нам хор и триумфальный марш из оперы «Трубадур». Хоть я и представляла себе триумфальный въезд на колеснице Радамеса (Пласидо Доминго), разбившего эфиопское войско, на запруженную народом площадь, тем не менее долго для меня партитура оставалась неясной, далекой, чужой. Летом 2017 года я, улетаая на отдых в Карловы Вары, везла с собой большую стопку партитур произведений юбилейного концерта. Но, не имея под рукой инструмента, я фактически никуда не продвинулась. Только тексты подучила. Когда нам стало ясно, что у нас будет еще и музыкальный калейдоскоп, попури, состоящий из 10 зарубежных хитов, которые мы должны будем исполнять на языках оригиналов, я готова была упасть в обморок, «если бы только знала как это сделать», чтобы освободить себя от груза, готового меня раздавить! Как трудно давалось мне освоить простое чтение текстов на шести языках! Не говоря уже о том, чтобы произносить их наизусть и, главное, в быстром темпе. Мне целый год потребовался, чтобы выучить французский шансон «Падам». Казалось, что



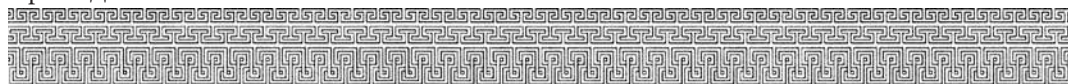


я его уже «приручила». Но на танцевальном празднике спеть без шпаргалки не смогла. Мое первое знакомство с песней Саульского «Счастье тебе, земля моя» об островах Курильской гряды я восприняла с неким скепсисом. Только позже, осознавая, что это удивительный патриотический «жест» Елены Юрьевны! Когда начали учить «Бессмертный полк», мне стало не по себе, защемило сердце, я устыдилась того, что «Полк» прошел по миру уже два раза, а я ничего не сделала, чтобы воскресить и воздать должное одиннадцати погибшим мужчинам из большого рода моего дедушки Ивана Давидовича Гронского. Моему папе в том числе! Не приняла в них участие. В мои годы сделать это в Москве уже не просто. Нужно очень рано утром быть в центре на месте встречи и потом только в 15-16 часов пройти маршем. Все это время — на ногах!

Очень приятным моментом в подготовке к юбилею оказался вопрос костюмов. К трем частям концертной программы мы на основе нашего обычного концертного костюма разработали, сфантазировали три новые модификации. Вторую часть концертной программы исполняли в наших синих платьях, украшенных легкими шарфами ярких и нежных цветовых оттенков. На сцене господствовала гармония изысканности физической красоты, (хористки, действительно, были красивы в своем наряде и в любимом деле) и веселого, шуточного, легкого музыкального звучания! Эффект превзошел все наши ожидания, публика была в восторге!

Не скрою, выходя на первое отделение концерта, я очень волновалась. Мы все понимали, что концерт наш должен стать особенным, отличным от всех прежних выступлений. И что это отличие мы должны сейчас продемонстрировать присутствующим в зале. И что я, лично я, должна буду взять высоту той творческой планки, которую задала художественный руководитель! Поскольку хор очень много концертирует, для нас выход на публику стал нормой нашей жизни. А потому напряжение присутствовало только до тех пор, пока каждый занимал свое место на сцене. Затем вся моя суть, весь мой дух слились с руками дирижера и с музыкой.

Я попросила Елену Юрьевну поделиться со мною, да и с будущими читателями ее личным самочувствием в момент подготовки юбилейного концерта и во время концерта. Как она подбирала репертуар, как соотносила его с нашими певческими, эмоциональными, физическими возможностями? Напомню, возраст хористов 60-92 года. Как работала над композиционным построением материала? Были ли сомнения, волновалась ли она сама? Как она «кол-



довала» над 26 номерами программы, создавая и придавая каждому номеру неожиданные для нас новые нюансы, ритмы, темпы, повороты, краски, вокализы, подголоски, творя на глазах у нас волшебную музыку. Мы наполнялись этим волшебством, чтобы бережно донести и передать слушателям. И нам это удалось! Приведу некоторые суждения присутствующих на концерте.

«Потрясающее впечатление от мощности звучания хора, которая, как «Девятый вал», накрыла собою присутствующих. Патриотизм и радость господствовали в зале и на сцене. Как говорят, шел положительный энергообмен, взаимодействие между исполнителями и слушателями».

Репина М.Х., в прошлом эксперт-химик, в настоящее время пенсионерка.

«Концерт хора произвел на меня огромное впечатление. Настолько профессиональным было исполнение песен. Отличный репертуар. Исполнение песни «Славное море, священный Байкал» меня просто потрясло. А песня «Горькая моя Родина» в заключительной части концерта тронула до слез. Потрясающий коллектив, спасибо вам, что вы есть».

*Немцова Н.П., инженер-конструктор,
ныне пенсионерка.*

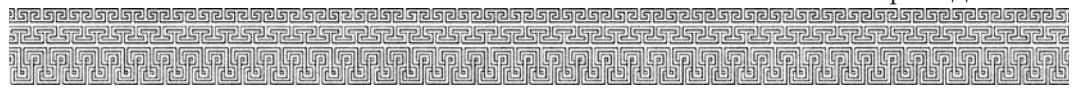
«Восхитительный концерт! Люди старшего поколения владеют таким вокалом, да еще на иностранных языках поют! Они творцы, они вызывают к себе уважение. Особенного уважения заслуживает руководитель хора Е.Ю.Ульянова. Выступление хора показало, что жизнь может быть прекрасной в любом возрасте».

*Кондратьева Н.С., пенсионерка Юго-Западного АО,
участница танцевальной студии.*

Мне было интересно узнать, как чувствовали себя хористы, готовясь к своему, теперь уже ясно, блистательному, триумфальному юбилейному концерту.

«Началась подготовка к юбилею. Сложный и ответственный период в жизни хора. Мы должны были сдать экзамен за тридцать лет работы. Было волнительно, какой вклад я привнесу в слаженность звучания хора. Чтобы не подвести коллектив, не пропускала ни одной репетиции. Наступил волну-





ющий день концерта. Огромный зал переполнен, нет свободных мест. Как хотелось оправдать надежды зрителей, слушателей! Мы выходим на сцену, волнение охватывает дух. Но взмах руки, звучат первые аккорды, и волнения как не бывало. Шквал аплодисментов, благодарность за каждое исполнение придавало силы. Очень быстро установился полный контакт со зрительным залом. От него исходили дружелюбие, поддержка и радость. Моя душа ликовала. Песня «Бессмертный полк» звучала как гимн миру! Как протест против войны! Это было триумфальное шествие самого хора!

Такой триумф стал возможным благодаря усилиям нашего прекрасного руководителя и дирижера. Это ее заслуга и ее триумф! За это мы с большой любовью и уважением относимся к Елене Юрьевне.

М. Михайлова, сопрано-2.

«С программой нашего юбилейного концерта Елена Юрьевна познакомила нас за полгода до юбилея. Я была ошеломлена! Программа совершенно новая, интересная и очень трудная: классика, искрометный калейдоскоп из зарубежных ретро-песен, которые мы должны будем петь на иностранных языках, песни о Родине. Мне не повезло, вскоре после начала занятий я заболела и пропустила половину репетиций. Я была в отчаянии, поскольку безнадежно отстала от хора. Мелькнула даже мысль отказаться от участия в концерте. Но мне так хотелось петь! Спасибо моим подругам, они поддержали меня морально и даже оставались после занятий в классе, чтобы попеть со мной.

И вот концерт позади. Он имел ошеломляющий успех! Зрители встречали каждый номер бурными аплодисментами, настоящими овациями, криками «Браво»! Я пела (с партитурой) и радовалась. Сердце ликовало: «Я справилась!» Хотя, если честно, у меня были погрешности. Думаю, Елена Юрьевна слышала все, а зрители — нет. Я испытывала необыкновенный душевный подъем, восторг от мощного и проникновенного звучания хора, от того, что я имею честь петь в Ульяновском хоре, что в целом я справилась!

Все в этом выступлении хора было на высоте: оформление сцены, великолепный аккомпанемент нашего талантливого концертмейстера Алины, лауреата международных конкурсов, наши костюмы, наши лица. Елена Юрьевна просто блистала. Она была необыкновенно красива и артистична. Ее лицо, глаза, руки вели за собой хор. Талантливая режиссура выступления хора — это дело ее рук, творчества, вкуса.



Спасибо судьбе за ее щедрый подарок — за встречу с Еленой Юрьевой, нашим добрым Учителем, Гуру, с ее замечательным хором, спасибо за счастье петь в нем!»

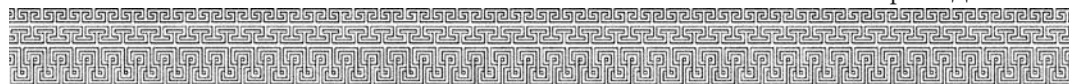
И.Н. Белорукова, альт-1.

«Когда я познакомилась с юбилейной программой концерта, даже немножко засомневалась. Репертуар прекрасный, но много нового и сложного материала, пять классических вещей, три новых песни и музыкальный калейдоскоп –попурри из 10 зарубежных песен 60-х годов XX века на шести иностранных языках! Концерт состоял из трех отделений: классика, ретро-калейдоскоп, советские и современные песни. И началась подготовка. Занятия увеличились по времени, нагрузка Елены Юрьевны возросла. Но она оставалась энергичной, доброжелательной, целеустремленной и постепенно побеждала своим терпением и настойчивостью каждую неправильно спетую ноту.

Поскольку у меня хороший слух и еще сохранился голос сопрано-1, я почувствовала себя вдруг ответственной за всех сопрано-1, я должна во что бы то ни стало выучить наизусть все тексты, особенно иностранные. Ведь я пою в первом ряду и постоянно заглядывать в партитуру как-то неловко. Учила все лето и все-таки победила эти непонятные слова и звуки. Не пропуская занятий, я самостоятельно работала дома с теми произведениями, которые мне казались особенно трудными: «Глория» Вивальди, «Вставайте, люди русские» Прокофьева, «Ноктюрн» Дворжака. Напряжение начало спадать, потому что с каждой репетицией хор звучал все более уверенно и слаженно. И тревога, что мы не справимся с программой, начала понемногу отступать. Было невероятно приятно петь наизусть иностранные песни, которые еще совсем недавно невозможно было прочесть в нужном темпе. И произносились с ошибками, и не укладывались в нужный темп. Радостно было слушать, как сливаются друг с другом сопрано и альты, как вступают басы в эту гармонию, как взвиваются ввысь тенора!

И вот настал долгожданный день 19 октября. Огромный хор выстроился на сцене и замер. Нас ожидал сюрприз: были приглашены скрипач с трубочком, которые вместе с нашим концертмейстером Алиной будут аккомпанировать хору во время исполнения «Глории» и «Триумфального марша». Открылся занавес, вышел дирижер — прекрасная Елена Юрьевна в черном сверкающем платье, взмахнула руками, и хор грянул «Глорию». Я добросо-





вестно выводила все рулады, но своего голоса не слышала, потому что вся погрузилась в общий поток и только смотрела на руки дирижера. Чуть позже, справившись с волнением, я пела уже более осознанно и далее наслаждалась изумительной музыкой и слаженностью звучания всех партий. Наше пение захватывало зрителей, и наше вдохновение передавалось им. А когда исполняли сцену бала из оперы Чайковского «Евгений Онегин», у Елены Юрьевны в руках вдруг появился большой белый веер, и она грациозно прошлась вальсом по сцене. Для меня, и для нас всех, это было неожиданно и так красиво, что мы невольно стали аплодировать. Когда пели «Вставайте, люди русские» Прокофьева, это прозвучало как набат! И зрители патриотично откликнулись на наш призыв.

Второе отделение промелькнуло очень быстро, мы пели зарубежные песни без перерыва и в хорошем темпе. «Горькая моя Родина» А.Пахмутовой из третьей части концерта наполнена такой силой, гордостью и в то же время болью, любовью, переживанием за будущее моей Родины, что невольно подкатывался комок к горлу. То же чувствовалось и в зале, солидарность зрителей выливалась в бурных аплодисментах. Мощно и призывно прозвучал «Бессмертный полк» М.Дунаевского. Я очень рада, концерт получился на славу! Спасибо судьбе, что я в этом хоре!

Т.А.Чернобровкина, сопрано-1.

Слово Елене Юрьевне Ульяновой, художественному руководителю и дирижеру хора.

«Ура! Мы отметили ЮБИЛЕЙ! Мы — это большая дружная семья хористов, большой хор ветеранов, 90 женщин и 20 мужчин, влюбленных в музыку, пение, творчество.

30 лет я руковожу этим хором — дирижирую, играю на рояле, разыскиваю интересный репертуар, придумываю концерты, пишу сценарии и стихи, пою и даже танцую. Ну и много чего еще. Ведь это моя жизнь, всецело и полностью посвященная любимому делу и любимым певцам.

Безусловно, были и предыдущие юбилейные концерты — по-своему интересные и разноплановые, с разными режиссерскими идеями, но именно эту дату хотелось отметить чем-то особенным.

Размышления начались более чем за год до события. И надо было прежде всего выстроить программу концерта. Чем удивить зрителя, как продемон-



стрировать лучшие стороны и достижения нашего коллектива? 90 процентов успеха зависит от репертуара. Произведения на таком концерте должны быть яркими, запоминающимися, часть из них — популярными, хорошо известными, но с нашей исполнительской «изюминкой». Другие — новые, необычные. В целом — на любой вкус, но без «вкусовщины»!

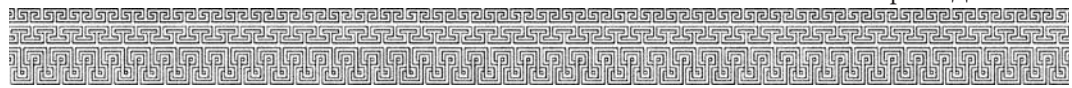
Решила первое отделение посвятить классике, дать в самом начале концерта возвышенный, торжественный настрой. Что может быть лучше для таких целей, чем музыка Вивальди и Верди?!

Что касается Финала 2-го действия оперы Дж. Верди «Аида», то это произведение давно не давало мне «покоя». Я хорошо представляла себе, как оно может прозвучать в нашем хоре. Ноты были подготовлены еще года два назад и ждали своего часа. Планировалось, что именно эта торжественная, великолепная музыка откроет наш юбилейный концерт.

В период подготовки репертуара я слушала много хоровой музыки и дома и в машине. И вот однажды по радио зазвучала «Gloria» А. Вивальди. Я, конечно же, знала это произведение, но в этот раз была особенно поражена, насколько ярко и быстро эта музыка своей энергией и красотой возбуждает в душе радость и восторг. Были сомнения, справимся ли мы со сложной партитурой, с латинским текстом, стилистикой этого жанра. Я сделала специальную редактуру, которая помогла нашим хористам справиться с рядом трудностей. И вот великолепная в своей красоте и классичности «Gloria» открыла наш праздник. Справедливости ради надо отметить, что в своей работе мне приходится адаптировать достаточно много сложных произведений именно для нашего коллектива. В консерватории нас учили делать хоровые аранжировки и редакции хоровых произведений, которые бы не меняли композиторского замысла и звучания музыки в целом. Мои отличные знания по этому предмету позволяют нашему самодеятельному коллективу работать над многими хоровыми партитурами, которые, я уверена, доставляют эстетическое наслаждение хористам. Среди них хоры из опер Дж. Верди, П. И. Чайковского и М. И. Глинки, музыка Брукнера, Оффенбаха, Даргомыжского, Серова. В юбилейном концерте мы впервые исполнили произведения Дворжака, Рахманинова и известный хор «Вставайте, люди русские» из кантаты С.Прокофьева «Александр Невский».

Уверена, что кропотливая, длительная работа над сложными классическими произведениями, которые вошли в программу юбилейного концерта, даст нашему хору новый импульс, новые знания, новые возможности. Глав-



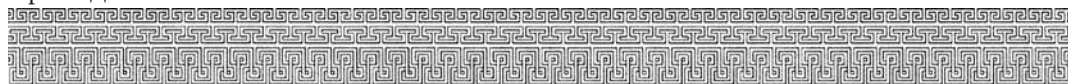


ное, что всех хористов объединяло большое желание, старание и ответственность. Ну и, конечно, сама музыка вела за собой к новым открытиям и эмоциям.

«Как же мы теперь без «Аидушки»?!»- спрашивают меня хористы, привыкшие в течение года на каждой репетиции погружаться в музыку Верди. «Скоро вернемся»- отвечаю я любителям классики. Найдется над чем еще поработать!

Думая о предстоящем концерте, я представляла его чередой ярких страниц, контрастных музыкальных впечатлений, таких необычных и неожиданных для зрителя. И пришло решение вторую часть концерта преподнести в зажигательных танцевальных ритмах, увлечь зрителя эстрадными хитами прошлого века. Размышляя над этим попури, я сразу представляла хор разноцветным, веселым. И музыку подобрала такую же. В нашем «Музыкальном калейдоскопе» переплелись разные страны, жанры, стили и направления музыки, но исполнение оставалось академическим. Знакомые мелодии я разложила на несколько голосов, чередовала мужские и женские партии, быстрые и медленные темпы, юмористические и лирические настроения. За моей веселой задумкой скрывалась серьезная задача, о которой не сразу узнали хористы. А когда узнали, мне кажется, долго «приходили в себя». Дело в том, что большая часть этих песен должна была исполняться на языке оригинала- итальянском, французском, английском, финском и даже японском! Незадолго до концерта я добавила еще и две фразы на бразильском наречии. Помню, когда мы подошли к изучению текстов, все охали и вздыхали, не представляя себе, что такое можно осилить. Но главная черта руководителя — терпение и вера в своих певцов. Как говорится: «Терпение и труд все перетрут!» Мы «перетерли» все языки и наш «Музыкальный калейдоскоп» получился действительно блестящим и зажигательным!

Наконец наш юбилейный концерт нельзя было себе представить без нашей самой главной темы. Песни о Родине, о войне и мире, о памяти и благодарности героям — вот то важное и ценное, что наш хор всегда ставит на первое место. И они прозвучали в третьей части концерта — на самой высокой кульминационной ноте нашего выступления. Здесь центральное положение заняли две новые песни — «Бессмертный полк» и «Горькая моя Родина», несущие в себе очень сильные эмоциональные переживания и глубокое содержание. Работа над ними была непростой и шла в сжатые сроки. Если классическую программу мы начали готовить за год, иностран-



ные песни — примерно за полгода до концерта, то эти два произведения пришли как бы «вдогонку» к основной программе. Услышав их однажды, а это произошло летом, когда коллектив был «на каникулах», и репетиции не проводились, я не могла отойти от сильного впечатления и от решения, что они должны быть обязательно нами спеты, а следовательно — быстро выучены. Надо сказать, что наш коллектив умеет мобилизоваться, и я знаю за артистами это качество. Поэтому когда я объявляю на репетиции : «Нам надо быстро выучить новое произведение», все вздыхают, но делают работу действительно быстро и ответственно. Тем более, я уверена, эти замечательные песни вызывают искренний отклик в душе ветеранов и войдут в наш основной репертуар.

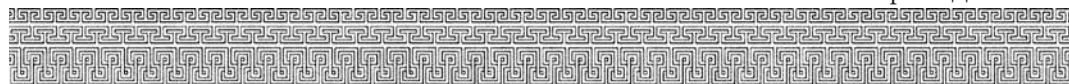
Ну что же? Эти небольшие рассуждения я посвятила лишь одной теме — рассказала о репертуарной подготовке нашего юбилея. И то, не вдаваясь в подробности и детали, которые сопровождали эту работу. Помимо этого, конечно же, было много задач — техническое обеспечение, монтаж фильма и фонограмм, сценарий со стихами, костюмы, афиши и многое другое. В целом, мне кажется, по ходу работы, концерт вырос до объемного музыкального спектакля, в котором были расставлены и яркие смысловые акценты, и мощные кульминации, а сюжетная линия была построена на контрастах эмоций, музыкальных жанров и стилей. Но в каждом спектакле есть главное действующее лицо. И здесь на пьедестале героев на протяжении всех трех отделений, на протяжении нескольких часов, при полном аншлаге и зрительском восторге находился наш прекрасный дружный коллектив — ХОР ВЕТЕРАНОВ!

Спасибо артистам за их творческий энтузиазм, самоотдачу, ответственность и великую преданность МУЗЫКЕ и своему дирижеру».

Окончилось хоровое священнодействие. На сцену с цветами поднимались люди, желавшие лично поздравить Е.Ю.Ульянову, отдельных хористов с триумфальным завершением 30-летнего этапа нашего творческого пути. Вдруг объявляют: «Поздравить с яркой победой своей дочери приехали родители Е.Ю.Ульяновой». Представляю, как приятно было отцу и матери разделить счастье своей поистине талантливой дочери. Для них, действительно, старость стала счастливой! Главное дело их супружеской жизни — родить и достойно воспитать ребенка — они выполнили на отлично!

В который раз уже я говорю — я счастлива тем, что встретила с Е.Ю.Ульяновой и 18 лет пою в этом удивительном хоре! Три встречи с по-





разительными людьми сыграли в моей жизни огромную, решающую роль в становлении меня как личности и моего счастья:

Липкина Галина Моисеевна, учитель химии, формировала мою душу в течение 8 школьных лет.

Богданович Лидия Анатольевна, зав. лабораторией НИИ общих проблем воспитания АПН СССР шлифовала меня как ученого и как человека в течение 20 рабочих лет.

Ульянова Елена Юрьевна, художественный руководитель и дирижер «Хора ветеранов войны и труда», пением в хоре обеспечила мне 18 счастливых лет! За что ей мой низкий земной поклон!

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Литературный альманах

ЗОЛОТОЕ РУНО

№ 5, 2018

Редактор *Г.В. Журавлева*
Корректор *Г.В. Журавлева*
Художественное оформление и макет
Е. Меркина

Сдано в набор 15.08.2018 г.
Подписано в печать 19.09.2018. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 28,5. Тираж 500 экз.
Заказ №

В оформлении обложки использован фрагмент картины
греческого художника Константиноса Воланакиса «Арго»

Телефоны и электронный адрес для справок:
8 (916) 306-82-63
Leonidas26@mail.ru
Издательство «Золотое руно»